

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
МАРТ 2019

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемещкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курюкин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Л. Смышляев**
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, проректор РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University,
History Department
- Anton A. Gorskiy
Doctor of Historical Sciences, Professor at Moscow State University, Historical Faculty,
Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
Doctor of Historical Sciences, Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head
of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian
and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
Doctor of Historical Sciences. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of
Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Taras Y. Kobischanov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern
History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
Doctor of Historical Sciences, Professor at Russian State University for the Humanities Institute for
History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher
of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions
Department
- Stepan V. Orlov
Candidate of Economic Sciences, Docent, Head of the Department of the History of Social
Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
Doctor in History, Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State
University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexander L. Smishliaev
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History
Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture
- Alexey E. Titkov
Candidate of Historical Sciences, Vice-Rector of Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History
Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной выпуск «Исторического вестника» выходит в несколько непривычном формате — в нем нет авторских материалов и он полностью состоит из материалов мемуарного характера. Выпуск подобного рода номера редакция планировала уже давно, что обусловлено огромным количеством неопубликованных исторических источников подобного рода, представляющих несомненный интерес для исторической науки. При этом, номер продолжает тематику, истории русской революции и гражданской войны, которой мы посвящали, как отдельные материалы, так и целые тематические номера. Тема эта до сих пор неисчерпаема, и мы рассчитываем продолжить подобного рода публикации и в дальнейшем.

Большой интерес представляют мемуары видного деятеля Белого движения генерала Б.А. Штейфона. Они посвящены антибольшевистскому подполью на Украине, в деятельности которого сам автор принимал активное участие. Мемуары были написаны в эмиграции, задолго до того, как их автор принял участие во Второй мировой войне на стороне Германии. Принимая решение опубликовать эти мемуары, мы исходили, прежде всего, из их несомненной исторической ценности, так как они содержат большое количество ранее неизвестных фактов, которые внесут значительный вклад в изучение истории гражданской войны. Безусловно, сама личность генерала Штейфона навсегда дискредитирована его деятельностью во время Второй мировой войны, как бы не пытались некоторые авторы оправдать его мотивы. Любые попытки реабилитации пособников нацистов всех мастей неприемлемы, какие бы заслуги они не имели в прошлом.

Не меньший интерес представляют и никогда не публиковавшиеся на русском языке выдержки из воспоминаний княгини О.П. Путятиной, свидетельницы трагического перелома в российской истории. Они касаются периода Февральской революции и событий последовавших вслед за отречением от престола императора Николая II. Посвящены они «ситуации», связанной с «отречением» великого князя Михаила Александровича, которого последний русский император назначил своим преемником. Основная ценность этого документа заключается в том, что описываемые в нем события происходили буквально на глазах автора.

В портфеле редакции имеются и другие материалы по периоду революции и гражданской войны, однако большой объем публикуемых в этом номере материалов заставил нас «попридержать» их для следующих номеров. Это касается в первую очередь знаменитой «Азбуки», донесений контрразведки Добровольческой армии, к публикации которых мы уже приступили в одном из предыдущих номеров. Надеемся, что этим номером нам удастся избавить нашу историю от еще нескольких «белых пятен».

В разделе «Историческая мысль» представлена рецензия Л.Ф. Кациса на вышедшую в 2018 г. книгу М.А. Колерова «Археология русского политического идеализма. 1900–1927. Очерки и документы»

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

The current issue of the Historical Reporter adopted a rather uncommon format: it does not contain any research articles. Instead, it is almost entirely made up of memoirs. This format was long in the making, being driven by our desire to bring to light essential original texts and memoirs, which are invaluable as historical sources, yet still remain unpublished. This issue continues to cover the history of the Russian Revolution and Civil War, subjects highlighted in one-off publications and as well in entire thematic issues. This theme still appears to be boundless and bottomless, therefore materials like this will be published further on.

Of particularly great interest are the memoirs of the renowned White Movement General Boris A. Shteifon. They are dedicated to the anti-Bolshevik underground organisations in Ukraine in whose activities the author played a prominent part. The memoirs were written in the emigration, long before the author entered World War II, choosing to fight on the German side. The decision to publish these memoirs was largely prompted by their unquestionable historic value, since they contain plenty of previously undisclosed facts that will surely contribute to the studies of the Civil War. Undoubtedly, General Shteifon has been forever discredited by his actions in World War II, no matter how earnestly certain authors try to justify the reasons of such choices and actions. Any attempts to whitewash Nazi collaborators of any kind are unacceptable, regardless of their prior records.

Equally interesting are excerpts from the memoirs of Princess Olga P. Putyatina, a witness to the tragic turning-point in Russian history. They cover the times of the February Revolution and the events following Emperor Nicholas II abdication. They concern the situation around the «abdication» of Grand Duke Michael Alexandrovich whom the last Russian Emperor named heir to the throne. This document's principal value is the fact that it is an eyewitness account and testimony.

Our editorial archives contain other records of the Revolution and the Civil War. However, the sheer number of documents published in this volume leads us to save those for further issues. Above all, these records include the famous ABC (Azbuka), a collection of the Volunteer Army counterintelligence data, part of which we have already published in one of the previous issues. We hope that this issue will be instrumental in addressing a few more gaps in our history.

The final section of the journal features a review by Leonid Katsis on a book published in 2018 by M.A. Kolerov «The archeology of Russian political idealism. 1904–1927. Essays and documents».

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКИ

- Г.Н. Ланской.** Воспоминания Б.А. Штейфона как источник по истории Гражданской войны на Украине..... 10
- Б.А. Штейфон.** Харьковский Главный Центр Добровольческой армии. 1918 г..... 16
- В.В. Хутарев-Гарнишевский. И.Е. Путьгин.** Отречение и последние дни Великого князя Михаила Александровича в воспоминаниях княгини Ольги Путьгиной..... 230

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- Л.Ф. Кацис.** На краю идеального раскопа. М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма. 1900–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. 352 с..... 277

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

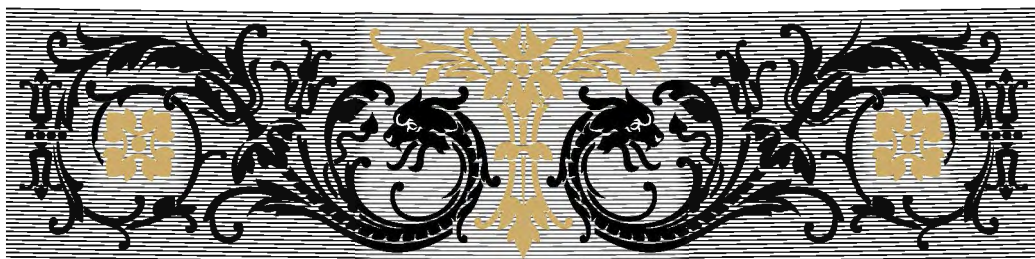
SOURCES

- Grigory N. Lanskoj.** Memory lanes of B.A. Shteifon as a source
on history of Civil war in Ukraine.....10
- Boris A. Shteifon.** Headquarters of the Volunteer Army
in Kharkov. 1918.....16
- Wladimir V. Hutarev-Garnishevsky. Ilya E. Putyatin.** The abdication
and final days of Grand Duke Michael Alexandrovich
in the memoirs of princess Olga Putyatina..... 230

HISTORICAL THOUGHT

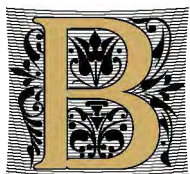
- Leonid Katsis.** On the edge of a perfect dig site. Review of a book:
Kolerov Modest. Archeology of Russian political idealism: 1900–1927.
Essays and documents. M.: Common place, 2018. 352 p..... 277

Г.Н. Ланской

ВОСПОМИНАНИЯ Б.А. ШТЕЙФОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

Воспоминания представителей Белого движения стали объектом активного и при этом объективного изучения на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Расширение информационной базы изучения событий Гражданской войны и в более широких рамках истории российской военной эмиграции стало одним из признаков существенных изменений, произошедших в рамках отечественной историографии не только вооруженного противостояния белогвардейских армий и подразделений Рабоче-крестьянской Красной армии, но и в целом процесса перехода политической власти в стране от монархических структур и затем от Временного правительства к административным структурам Советского государства. Благодаря выявлению и активному привлечению мемуарных источников и иных документов личного происхождения, создававшихся представителями командного состава белогвардейских армий и публиковавшихся в выпускавшихся за рубежом периодических изданиях (например, в журнале «Военный архив»), российские и зарубежные ученые получили возможность пересмотреть многие схематически выстроенные социологические концепции и раскрыть для себя повседневную реальность многих событий Гражданской войны. Кроме этого, изучение такого рода

воспоминаний позволило несколько изменить методологический ракурс исторических исследований, обратив их жизни, деятельности, убеждениям и роли конкретных людей в не теряющих свою актуальность исторических событиях.

Обращение к мемуарным источникам позволило также выявить значительные ресурсы для использования архивных документов по истории Гражданской войны, а также окруживших ее революционных событий 1917 г. и вынужденного исхода многих представителей военной и гражданской элиты в эмиграцию, поскольку эти документы находились в составе фондов российских и зарубежных архивов, но оставались неизвестными или малоизвестными исследователям. В частности, многие документы по истории белогвардейских правительств, Белого движения в годы Гражданской войны и российской эмиграции оказались в составе ныне существующего Государственного архива Российской Федерации будучи объединенными в фонды и коллекции. Особенностью хранения, учета и использования документов, объединенных по видовому и тематическому признакам в коллекции, являлось то, что они не относились по своему происхождению к конкретным фондообразователям и, следовательно, с несколько большим трудом могли быть выявлены исследователями в составе описей в том случае, если эти описи оказывались доступными исследователям. В определенной мере степень доступности и, соответственно, используемости источников личного происхождения, представленных в архивах, зависела от служебных достижений, убеждений и биографии их автора. Поэтому многие представители военной и гражданской элиты, действовавшие в условиях Гражданской войны и последовавших за ней событий, оказывались в тени таких признававшихся типичными исторических деятелей, как П.Н. Врангель, А.И. Гучков, А.И. Деникин, А.В. Колчак, П.Н. Милюков и некоторые другие люди, часто упоминавшиеся, как правило, в негативном ключе в работах советских историков.

В представленном историографическом и источниковедческом контексте воспоминания Бориса Александровича Штейфона, который на высшем этапе своей карьеры был возведен в звание генерал-майора, являются достаточно типичными для категории документов личного происхождения, остававшихся практически неизвестными широкому кругу исследователей. С одной стороны, их данное свойство объясняется тем, что они оказались в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС) в период, последовавший за событиями Второй мировой войны, и без отнесения к конкретному фондообразователю были объединены в «коллекцию отдельных документов и

мемуаров эмигрантов»¹. В составе этого фонда данные о различных видах документов от статей и мемуарных очерков до обнаруженных в личных коллекциях деятелей Белого движения и их потомков вырезок из периодических изданий были распределены по трем описям, из которых наиболее расширенный по содержанию заголовок — «коллекция отдельных документов эмигрантов (1883–1939)» — был присвоен второй описи. Именно в ней в деле № 754 на 218 листах оказались представлены воспоминания Б.А. Штейфона «Харьковский Главный центр Добровольческой армии»². Таким образом, даже с точки зрения профессионально подготовленного поиска выявление данного документа представляло существенные трудности даже для профессионально подготовленных исследователей.

С другой стороны, малая известность воспоминаний Б.А. Штейфона обусловлена его непосредственной причастностью к такому крайне мало освещавшемуся в советской историографии явлению, как коллаборационизм. Придерживаясь устойчивых антисоветских и антикоммунистических взглядов и не желая их изменять даже в ситуации консолидированной поддержки многими известными представителями российской эмиграции советского народа и руководившего им государства в период противостояния СССР войскам нацистской Германии и ее союзников, Б.А. Штейфон в годы Второй мировой войны командовал Русским охранным корпусом из числа русских эмигрантов и советских граждан. Этот корпус, созданный для борьбы с представителями партизанского движения Югославии во главе с И. Броз Тито, был подчинен германскому хозяйственному управлению в Сербии и с осени 1943 г. Сербскому армейскому корпусу, которым командовал германский генерал Г. Фельбер. Зимой 1944/45 г. Б.А. Штейфон, придерживаясь изначально выбранной идеологической линии, вел переговоры с генералом А.А. Власовым о включении Русского охранного корпуса в состав Русской освободительной армии, которые были прерваны его произошедшей при не выясненных до конца обстоятельствах смертью 30 апреля 1945 г. Таким образом, в силу особенностей биографии и убеждений личность данного деятеля не могла пользоваться популярностью ни среди советских ученых, стремившихся замалчивать многие факты и схематизировать интерпретацию событий Гражданской войны; ни среди многих зарубежных авторов, которые стремились демонстрировать прогрессивные идеологические черты оказавшихся в эмиграции деятелей российского Бе-

¹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов).

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 754. 218 л.

лого движения и, следовательно, не афишировать их связь с нацистским и с фашистским движениями.

Личность Б.А. Штейфона и созданные им произведения, часть которых³ была опубликована в период его пребывания в эмиграции, не могут стать популярными и в рамках работ многих исследователей, формирующих либеральную историографическую традицию и в ряде стран постсоветского пространства национально-патриотическую историческую мысль. Одной из главных идей, прослеживающихся на всем протяжении текста его воспоминаний о возглавлявшемся им в 1918 и 1919 гг. Харьковском Главном центре Добровольческой армии, является утверждение о том, что националистическое движение на Украине, поочередно возглавлявшееся Г.Г. Скоропадским, П.И. Болбочаном, В.К. Винниченко, С.В. Петлюрой, имело крайне неорганизованный, малоэффективный и по этой причине не самостоятельный от поддержки иностранных государств характер. По причине наличия у него указанных черт, обосновываемого в воспоминаниях Б.А. Штейфона многочисленными примерами, наличие этого движения только затрудняло процесс консолидации на территории Харьковской губернии и других территорий Украины антисоветских сил и наносило непоправимый урон антибольшевистскому движению. В рассматриваемом источнике показано, что даже созданная в период деятельности Временного правительства Центральная рада, депутаты которой отстаивали идею национально-государственной независимости Украины от Российского государства, приносила меньший ущерб по сравнению с такими, появлявшимися впоследствии политико-правовыми институтами, как существовавшее в 1918 г. гетманство Г.Г. Скоропадского и Директория Украинской Народной Республики 1919–1920 гг., вокруг принадлежности власти в которой столкнулись интересы В.К. Винниченко и С.В. Петлюры.

В отличие от многих и, главным образом, от советских историков Б.А. Штейфон отстаивал точку зрения о том, что представители Белого движения имели шанс завоевать популярность среди представителей широких слоев населения в России, относившихся как к интеллигенции, так и, с другой стороны, к крестьянству. В своих воспоминаниях, посвященных периоду пребывания Харьковского Главного центра Добровольческой армии в подполье, он подчеркивает, с одной стороны, неспособность действовавшего в Харькове с января по июнь 1919 г. большевистского руководства во главе с председате-

³ Штейфон Б.А. Бредовский поход // Белое Дело. Под ред. А.А. фон Лампе. Т. III. Берлин: Медный всадник, 1927. С. 91–139; Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1931. 131 с.

лем ЦИК УССР Г.И. Петровским и председателем СНК УССР Х.Г. Раковским решить социально-экономические проблемы местного населения. С другой стороны, он указывает на то, что и в рассматриваемый период 1919 г., и в короткий период существования на территории Восточной Украины власти советского руководства до заключения Брестского мирного договора с Германией деятели большевистской партии либо сами делали ставку на ведение террора против местного населения, либо сами, как это было в 1919 г., не могли поставить под контроль репрессивную активность Всеукраинской чрезвычайной комиссии. В тексте воспоминаний неоднократно подчеркивается, что среди местного населения были в достаточно широкой степени распространены идеи единства с российскими национально-патриотическими силами, о чем, в частности, свидетельствовали впервые опубликованные в 2018 г. материалы разведывательного, осведомительного отделения, созданного и действовавшего с конца 1917-го до начала 1920 г. при Ставке Верховного главнокомандования Вооруженных сил на Юге России («Азбуки»)⁴.

В качестве основного препятствия успешному противодействию наступлению большевистских сил и власти советского руководства Б.А. Штейфон на основании многочисленных примеров указывал отсутствие необходимого уровня координации совместных действий как между представителями командования Добровольческой армии и ее центрами, созданными, в частности, на территории Украины, так и среди представителей Верховного главнокомандования Белой армии, которые не могли и, вероятно, не хотели выдвинуть из своих рядов общенационального лидера, способного возглавить антибольшевистское движение. Из-за наличия данного недостатка, который, по наблюдениям мемуариста, был изначально заложен уже с момента создания региональных центров Добровольческой армии, основная задача функционирования этих центров, связанная с выявлением сторонников Белого движения и с их мобилизацией для сопротивления властным структурам советского государства, не могла быть решена достаточно продуктивно. Кроме этого в воспоминаниях указывается на то, что в связи с предельной сосре-

⁴ Украина в документах разведки Добровольческой армии («Азбука») // Исторический вестник. Т. 23. М., 2018. С. 312–327.

Ключевые слова:

воспоминания, Б.А. Штейфон, Гражданская война, Украина, патриотическое движение, национализм.

доточенностью всех сил и средств, имевшихся в распоряжении Верховного главнокомандования Вооруженных сил на Юге России, на решении оперативных задач по планированию и ведению боевых действий система гражданского управления социальными и экономическими процессами со стороны его структур была слабо развитой и мало координированной. Данный вывод, делавшийся, таким образом, современниками событий Гражданской войны на Украине и на юге Европейской части территории России, находит свое широкое подтверждение и в рамках современной историографии, о чем свидетельствуют ее новейшие по времени создания обзоры⁵.

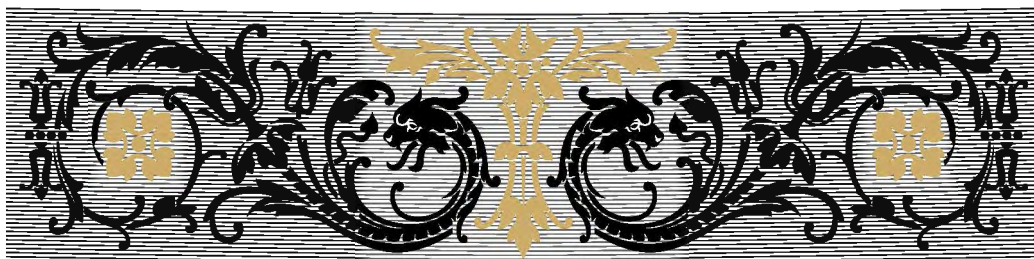
Представленный в воспоминаниях Б.А. Штейфона анализ как деятельности основанного и возглавлявшегося им Харьковского Главного центра Добровольческой армии, так и истории национального движения на Украине и особенностей управления событиями Гражданской войны со стороны различных политических сил отличается разносторонностью и объективностью. Их автор, несмотря на глубокие, отстаивавшиеся им до конца жизни убеждения, сумел в определенной степени абстрагироваться от них для достижения максимально объективного описания исторических событий. Поэтому публикация представляемого текста на страницах журнала может стать значимым шагом в области формирования представлений как о событиях Гражданской войны на Украине, так и о доступном для комплексного восприятия данных событий исторических источников.

⁵ Ланской Г.Н. Вопросы экономической истории России на страницах «Экономического журнала» // Вестник РГГУ. 2017. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». Научный журнал. 2017. № 1 (22). С. 124–131.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института РГГУ.

Б.А. Штейфон

ХАРЬКОВСКИЙ ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ. 1918 г.¹

От составителя

Даже спустя 100 лет по окончании Гражданской войны в России в ее истории все еще остаются белые пятна — практически неизвестные или мало исследованные события и процессы. Пролить свет на одно из таких пятен — деятельность белого подполья на Украине в 1918 г. — позволяют публикуемые в этом номере журнала мемуары генерала Б.А. Штейфона.

Как следует из названия, описанные в воспоминаниях события происходили в Харькове — на родине Бориса Александровича и в месте его довоенной армейской службы. Хронологически они охватывают весь 1918 г., с момента приезда полковника Штейфона с фронта в Харьков в январе — и до его эвакуации на Дон в декабре, а также несколько месяцев 1919 г. — до возвращения в освобожденный Добровольческой армией от красных Харьков. Главное внимание в мемуарах отведено деятельности белого офицерского подполья, зародившегося как движение сопротивления враждебным антироссийским властям — большевистской, а затем

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754.

Генерал-майор Б.А. Штейфон.

Фотоальбом «Белая армия. Фотопортреты русских офицеров 1917–1922 гг.

Сост. В. Жуменко. УМСА-Press, 2007

украинско-немецкой, и оформившегося позднее в структурное подразделение Добровольческой армии. Возглавленный полковником Штейфоном Харьковский Главный Центр Добровольческой армии был одним из целой сети аналогичных Центров, созданных на неподконтрольной белым территории, в крупнейших городах Юга России для вербовки и переброски добровольцев, а также для мобилизации материально-технических ресурсов в Добровольческую армию, пребывавшую в боях и походах и не имевшую собственной мобилизационной базы. Работа Центров проходила в условиях враждебного окружения и постоянной опасности, поэтому была строго конспиративной. Этим и объясняется скудность источников по истории Центров, доступных современным исследователям. Как правило, это отрывочные воспоминания или документы косвенного характера, не позволяющие раскрыть повседневную работу подполья во всех подробностях. Поэтому публикуемый документ представляет собой огромную и несомненную ценность, как исторический источник.

Рукопись мемуаров хранится в Государственном архиве Российской Федерации, куда была передана в составе фондов бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) в начале 1946 г. Физически она представляет собой книгу в фабричном переплете, с обложкой красного цвета, формата примерно А4. В рукописи 217 листов, исписанных чернилами с одной стороны. В тексте нет зачеркиваний и исправлений, за

Воззвание начальника Главного Центра Добровольческой армии о мобилизации офицеров в Харькове. Газета «Русская жизнь», 8 декабря 1918 г.

исключением одного аккуратно зачеркнутого абзаца². В нескольких местах В.А. Штейфон поместил поясняющие сноски-примечания.

Дата написания воспоминаний в рукописи не указана, однако можно утверждать, что они были написаны не позднее октября 1932 г., поскольку отзыв на рукопись, написанный экспертом РЗИА, участником Белого движения на Юге России, историком Русского Зарубежья С.Г. Пушкаревым и зафиксированный в протоколе Ученой комиссии архива, датирован 21 октября 1932 г.³

Воспоминания генерала Штейфона были переписаны мной в архиве от руки, затем переведены в печатный формат, снабжены комментариями и иллюстрациями. В комментариях даны справки о упоминаемых в тексте персоналиях (кроме общеизвестных — генералов Алексева, Деникина

² Зачеркнутый абзац сохранен в публикуемом тексте с примечанием.

³ Русский заграничный исторический архив в Праге — документация (Каталог собранный документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации). [Электронный ресурс]. Режим доступа (4.11.2018): http://history.org.ua/LiberUA/RusIstArkhPr_2011/RusIstArkhPr_2011.pdf

и др.), дополнения к некоторым фактам, а также иллюстрирующие и дополняющие повествование тексты публикаций из харьковских газет «Возрождение», «Земля и воля», «Новая Россия», «Русская жизнь» и «Южный край» за 1918 г., хранящихся в фондах Государственной научной архивной библиотеки (г. Киев) и Харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко. К сожалению, идентифицировать личности нескольких упомянутых в мемуарах лиц не удалось.

Иллюстративный ряд представлен портретами генерала Штейфона, его соратников по Харьковскому Центру, офицеров украинской армии, харьковских общественных деятелей и других упоминаемых в тексте лиц, видовыми и событийными снимками Харькова 1918 и 1919 гг., фотокопиями газетных публикаций.

А.В. Левченко

В обильной исторической и мемуарной литературе, посвященной южной добровольческой эпопее, почти не имеется указаний о деятельности «Главных Центров Добровольческой Армии». Между тем работа Центров чрезвычайно ярко отражала психологическое и формальное содержание бурного 1918 г. В Добровольческих Центрах того периода собиралась, как в фокусе, вся пестрота политических и социальных взаимоотношений, создавшихся на Юге России, как в причудливом калейдоскопе менявшихся быстро настроений и событий. Проходили добровольцы и большевики, гетманцы и петлюровцы, германские войска и банды грабителей, цинизм анархии и жертвенное служение Родине.

Работа Центров была строго конспиративной. Этим условием и объясняется то обстоятельство, что о деятельности Центров ныне мало осведомлены даже те лица, кои специально изучали историю русской смуты. Более того: даже лица, принимавшие близкое участие в работе Центров, бывали обычно знакомы лишь с тою областью, в которой они непосредственно действовали. Конспирация имеет свои законы, и опыт убедил, как опасно нарушать эти законы. И только начальник Главного Центра являлся лицом в полной мере осведомленным, лицом, в руках которого сосредотачивались все нити сложного управления. В дальнейшем изложении будет указано, например, как многие даже ответственные работники Центра, чуть ли не единственно встречаясь со мною по делам Центра, не подозревали, что они состоят в непосредственном общении с начальником Харьковского Главного Центра... И только ограниченный круг наиболее мне близких и доверенных людей знали мое истинное служебное положение.

Приказ начальника Главного Центра Добровольческой армии о мобилизации офицеров в Харькове. Газета «Русская жизнь», 8 декабря 1918 г.

Идея Центров была надумана и осуществлена ген. М.В. Алексеевым — основателем Добровольческой Армии. Ничтожные средства, коими располагал ген. Алексеев в первый период жизнедеятельности Добровольческой Армии, побуждали его создать такую организацию, которая могла бы обеспечить армии приход всех нужных ей средств. Затем представлялось необходимым широко популяризировать среди населения Юга России как факт существования, так и идеи Добровольческой Армии. Представлялось необходимым потому, что Юг России намечался объектом ближайших действий Добровольческой Армии. Опыт революции убедил генерала Алексеева в том, как важны и необходимы органы пропаганды. По мысли генерала Алексеева, Юг России был разделен на ряд Главных Центров — Киевский, Харьковский, Одесский, Крымский и Тифлисский. Каждый Главный Центр являлся совершенно самостоятельным в своей деятельности и выполнял военно-административные, политические и финансовые задания. Был подчинен непосредственно сперва генералу Алексееву, а после его смерти — главному командованию.

Создав организацию Центров, генерал Алексеев связал тем Добровольческую Армию с обширным богатым Югом России и в значительной мере парализовал первоначальное зло Добровольческой Армии — отсутствие

у нее тыла. Подобная реформа не только улучшила моральные и материальные условия армии, но и укоренила авторитет главного командования в глазах иностранцев. Последние принуждены были считаться с тем, что добровольческое движение не ограничивается только районом Кубани, но органически связано и с южнорусскими областями.

Создавая Главные Центры, генерал Алексеев полагал, что в дальнейшем, по мере продвижения Добровольческой Армии на север, Главные Центры будут превращаться в соответствующие административные органы — губернаторства или генерал-губернаторства. Он считал подобное превращение желательным потому, что подобные организации передавали будущее гражданское управление «местным» людям, то есть элементам, хорошо знакомым с нуждами, чаяниями и настроениями данного края.

Как известно, политическая жизнь Юга России в 1918 г. развивалась причудливо и пестро. Связь Центров с Добровольческой Армией часто нарушалась. Поэтому начальник Главного Центра руководствовался в своей деятельности директивами генерала Алексеева, фактически обладая диктаторскими полномочиями, которыми пользовался в соответствии как с местной обстановкой, так и с особенностями своего характера, своего темперамента.

Выбор начальников Главных Центров был произведен лично генералом Алексеевым из числа старших генералов, проживающих в данном районе. Были назначены: в Киеве — генерал-лейтенант Ломновский⁴, в Одессе — вице-адмирал Ненюков⁵, в Крыму — генерал-лейтенант

⁴ **ЛОМНОВСКИЙ Петр Николаевич** (1871–1956) — генерал-лейтенант Генштаба. В 1914–1916 — начальник штаба 8-й армии генерала Брусилова. Георгиевский кавалер — за успешное наступление 8-й армии в Карпатах. В 1916 — генерал-лейтенант и командир 8-го корпуса на Румынском фронте. В 1917 — командующий 10-й армией на Юго-Западном фронте. В начале формирования Добровольческой Армии генерал Ломновский был назначен генералом Алексеевым ее представителем в Киеве, где и оставался до занятия Киева ВСЮР в 1919. После эвакуации Крыма в эмиграции проживал сначала в Софии, в Болгарии, а затем переехал с семьей во Францию и поселился в Ницце, где и скончался 2 марта 1956. Похоронен на русском кладбище Кокад.

⁵ **НЕНЮКОВ Дмитрий Всеволодович** (1869–1929) — вице-адмирал. Участник Русско-японской войны 1904–1905 и обороны Порт-Артура. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С началом Первой мировой войны назначен начальником Военно-морского управления Верховного главнокомандующего. Одновременно в начале 1915 командовал отрядом судов в устье Дуная; а в 1916 руководил экспедицией особого назначения. В 1917–1918 был начальником Одесского Центра Добровольческой Армии. При занятии французами Одессы был начальником управления военно-морской базы. 20.8.1919 назначен командующим Черноморским флотом ВСЮР. 8.2.1920 уволен генералом А.И. Деникиным от службы за поддержку генерала П.Н. Врангеля. В марте 1920 вернулся в Севастополь, участвовал в восстановлении флота. С 28.4.1920 вновь командующий Черноморским флотом. В составе Русской Армии покинул Россию, позже эмигрировал в Югославию.

Бодё⁶, на Кавказе — генерал-лейтенант Шатилов⁷. На должность начальника Харьковского Главного Центра, несмотря на наличие в районе многих генералов, был назначен я, тогда молодой полковник Генерального Штаба. Между тем Харьковский район являлся одним из важнейших, ибо намечался ближайшим объектом действий и большевиков и добровольцев. Этот район был центром управления Донецким бассейном и служил ареною многочисленных политических экспериментов украинцев всех толков.

В те дни ужаса, горя и страданий Харьков явился единственным крупным центром Юга России, в котором не имел места террор, потрясавший в 1918 г. Киев, Одессу, Севастополь... В особенности не было террора, направленного против офицеров. Не было потому, что на попытки террора со стороны большевиков и лево-украинцев неизменно и быстро проявлялся контр-террор, око за око!

Теперь, на фоне исторической перспективы, можно констатировать с полным беспристрастием, что руководителям Харьковского Главного Центра удалось сохранить тысячи человеческих жизней и не допустить в Харькове ни массовых севастопольских избиений⁸, ни трагедии легендарного одесского «Алмаза»⁹, ни грустных и кровавых событий киевского музея...¹⁰

⁶ **Барон БОДЕ Николай Андреевич** — генерал-лейтенант. Участник Русско-японской войны 1904–1905. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. С 30.05.1912 командир лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка. В Первую мировую войну — командир 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, командующий 57-й пехотной дивизией. Эмигрант. Член Высшего Совета Союза русских военных инвалидов. Умер в Осиеке (Югославия).

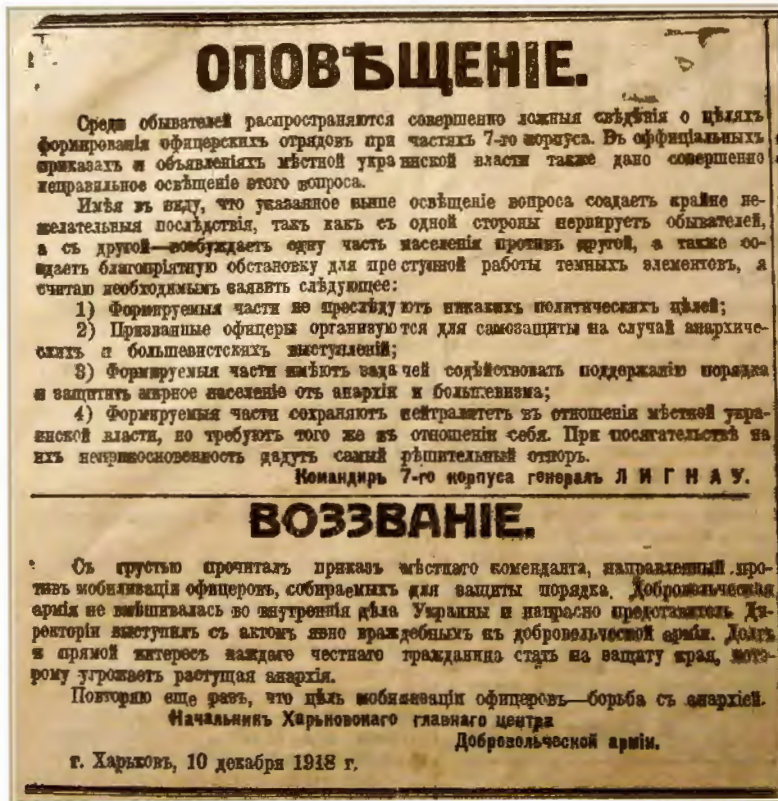
⁷ **ШАТИЛОВ Владимир Павлович** — генерал от инфантерии, дядя генерала от кавалерии П.Н. Шатилова. Участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. Начальник Кавказской гренадерской дивизии, командир 34-го армейского корпуса. 15.04.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции уехал на Кавказ, где примкнул к Белому движению. Состоял представителем главного командования Добровольческой Армии в Грузии, был арестован грузинскими властями. С 10.10.1918 возглавлял полуофициальный Тифлисский Центр Добровольческой Армии. В составе ВСЮР — комендант Екатеринослава (1919), с 03.11.1919 в резерве чинов Добровольческой Армии. После поражения белых армий эмигрировал в Югославию. Умер в Белграде.

⁸ Имеется в виду массовая резня матросами офицеров и их семей, политических заключенных и заложников 22–24 февраля 1918 в Севастополе.

⁹ Крейсер Черноморского флота «Алмаз» в январе 1918 принял участие в восстании против украинской власти и установлении в Одессе советской власти, после чего на нем разместился «Морской военный трибунал», где зверски пытали и убивали задержанных офицеров.

¹⁰ Имеется в виду антиофицерский террор после занятия петлюровцами Киева в декабре 1917, когда Педагогический музей использовался в качестве тюрьмы для пленных офицеров.

Оповещеніе командира 7-го корпуса генерала Лигнау и воззваніе начальника Главнаго Центра Добровольческой Арміи по поводу мобилизаціи офицеровъ в Харьковѣ.
Газета «Новая Россія», 12 декабря 1918 г.

Свою долю страданій Харьков, правда, пережил, но уже в 1919 г., когда деятельность Центра была свернута, а руководитель Центра находился в Добровольческой Арміи. Однако и тогда террора противъ офицеровъ как таковыхъ не было. В 1919 г. большевики направляли свою жестокость главнымъ образомъ противъ неорганизованной, а потому и беззащитной харьковской интеллигенціи.

ГЛАВА I

*Бегство с фронта. Переход в Харьков. «Товарищи» — попутчики.
Обыск в Белгородѣ. Первые дни в Харьковѣ. Офицерскія настроенія.
Мои ближайшіе сотрудники.*

Ко времени большевистскаго переворота в октябрѣ 1917 г. я занимал должность начальника штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизіи. Среди общаго

развала части дивизии еще сохраняли дисциплину, а потому и боеспособность. Сохраняли настолько, что в дни октябрьского переворота были спешно сняты с фронта и двинуты на Петроград, ставя задачей подавить там большевистское восстание. Настроение офицеров и солдат было явно противобольшевистское и данная дивизии задача могла быть выполнена с успехом. Однако и начальник дивизии, и я, и вообще старший командный состав переживали глубокую моральную драму. Большевики представлялись нам злом абсолютным, и борьба с ними отвечала всем нашим желаниям. В то же время в случае успеха мы укрепляли положение Керенского, чья деятельность во главе правительства воспринималась нами как бесконечно вредная интересам национальной России и армии. В доверительных беседах с моим начальником дивизии, блестящим и высокоблагородным генералом Габаевым¹¹, было решено, что в случае успешного подавления большевистского восстания в Петербурге мы арестуем Керенского и его безвольное бездарное правительство. Лично нам, генералу Габаеву и мне, не приходило в голову претендовать на какую-либо политическую роль. Мы были только солдаты и всей душой стремились закончить войну победой. Керенский же убедил армию, что с ним победы не будет. Так думали все, кто жаждали победы, так думали и мы!

По прибытии в Псков дивизия была задержана главнокомандующим армиями Северного фронта генералом Черемисовым¹². Его приказы и в особенности его выступления в комитетах вскоре убедили нас, что Черемисов ведет недостойную игру. Около двух недель оставалась дивизия в районе Пскова и совместными усилиями главнокомандующего и большевистских комиссаров совершенно развалилась.

Соображения хозяйственного характера побудили отправить нас к Петербургу и расквартировать в Павловске, Красном Селе и Петергофе. Для большевиков уже не являлась страшным такая близость дивизии к Петербургу. Еще недавно подтянутые, дисциплинированные части превратились

¹¹ **ГАБАЕВ Прангистан Андреевич** (1853–1928) — генерал-майор; участник кампании 1876 на Кавказе и Русско-турецкой войны. С 1907 в отставке, в Первую мировую войну возвращен на службу: помощник командира 37-го пехотного полка, командир 301-го пехотного полка, командующий 4-й Особой пехотной дивизией, командир 3-й Финляндской стрелковой дивизии. После Октябрьской революции служил в украинской гетманской армии, затем в рядах ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Умер в Панчево (Сербия).

¹² **ЧЕРЕМИСОВ Владимир Андреевич** (1871 — после 1937) — русский военачальник, генерал от инфантерии. Участник мировой войны. За боевые отличия в Восточной Пруссии и под Варшавой награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. С 09.09.1917 — главнокомандующий армиями Северного фронта. После Октябрьской революции отстранен от командования и по приказу Н.В. Крыленко арестован. Вскоре был освобожден и эмигрировал. Жил в Дании. С 1930-х — во Франции.

Харьков, казачки. Фото из журнала «Око». 1918 г.

в банду, лишь мечтавшую разойтись по домам, а потому и послушную велениям Смольного.

Штаб дивизии и штабные команды разместились в Павловске, на нарядных, прекрасно обставленных дачах-особняках. Через несколько дней все было загажено. В кокетливых стильных гостиных резали птицу и свиней на коврах, в портретах выкалывали штыками глаза, рояль шел на растопку печей. Все дикое, первобытное проснулось в людях. Зверь торжествовал над человеком!..

Скоро из Смольного был привезен приказ произвести выборы командного состава. Начальником дивизии стал малограмотный обозный унтер-офицер. Сознавая свою полную беспомощность, он потребовал, чтобы меня временно оставили в роли начальника штаба: «покуда не найдем другого»...

Узнав об этом, я сейчас же отправил в Петербург приданного мне денщика с вещами и выехал туда сам. Не задерживаясь, сел на первый отходящий поезд и на второй день был уже в Москве. Пробыв там около недели, отправился в Харьков.

Еле втиснулся в набитый до предела грязный вагон. В купе, в котором я оказался, были уже две дамы и около десятка солдат ультра-«товарищеского» вида. Меня они впустили довольно спокойно, но затем каждого нового пассажира встречали криками, руганью, а более настойчивых и пинками. Со мной они были довольно сдержаны и даже вежливы. Их любезность и внимание ко мне я воспринимал холодно. В душе клокотала звериная ненависть...

Ночью, когда все уснули, я случайно уловил разговор одного из «товарищей» с дамой. Он шепотом говорил о каких-то семейных делах, называл

ее по имени и на «ты». Доверчиво и так же тихо дама ему отвечала. Я понял, что это ехала компания переодетых офицеров с женами. Компания, заранее сговорившаяся и игравшая роль солдат, возвращавшихся с фронта. Роль, в те времена наиболее выигрышная и гарантировавшая полную свободу действий. Я не подал виду, что угадал истину, но в душе был рад таким соседям.

При первой же проверке документов они узнали, что я полковник, начальник штаба, и всячески старались мне услужить: дали удобное место, принесли хлеб, кипяток. Помню, как один из моих спутников, по виду подпоручик, был особенно услужлив, но, когда называл меня «товарищ полковник», в его глазах мелькали лукавые огоньки. Чувствовалось, что он еле сдерживается, чтобы не рассмеяться.

Путь от Москвы до Харькова утомительный, долгий, но благополучный. Только в Белгороде, на границе Украины, вошли в купе железнодорожные чекисты и потребовали сдать оружие, у кого оно имеется, выразительно добавив: «Кто не сдаст добровольно, будет предан революционному суду!» Мои спутники немедленно стали браниться, кричать, что оружие им надоело и на фронте, и их оставили в покое. Лично у меня был карманный револьвер. Я имел его много лет и не хотел отдавать свое оружие большевикам. Еще когда чекисты обыскивали соседние купе, я, не скрываясь от своих соседей, вынул револьвер из кармана и сунул его на спину, за пояс. Затем откинулся на спинку сиденья. Чекисты просматривали мои документы и спросили, есть ли у меня оружие. Ага, даже большевикам, не позволяло чувство собственного достоинства. Я ответил неопределенным жестом. Они похлопали по моим карманам и ушли. Револьвер был спасен. Этот незначительный эпизод запал мне в душу и несомненно явился своего рода психологическим возбудителем. Я убедился, что хладнокровие и дерзание — лучший способ обращения с большевиками.

1 января, на Новый Год приехал я в Харьков. В душе горело незамирающее чувство национальной обиды. Чувства и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой Армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении. Почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек разрозненно. Следовательно, необходимо было, прежде всего, или создать какую-то организацию, или, если таковая уже имелась в Харькове, вступить в ее состав.

Харьков, Благовещенская церковь. 1918 г.

В Харькове я учился, провел свои первые офицерские годы, однако это было давно. В дальнейшем я лишь наезжал туда, поэтому круг моих знакомых был ограниченным.

На второй день по приезде я вышел в город на разведку. Главными улицами были Московская и Сумская. Я не сомневался, что не сегодня, так завтра встречу знакомых или заведу нужные мне знакомства. Как потом выяснилось, мой план был правильным. На Московскую и Сумскую улицы выходили сотни офицеров, прибывших с фронта и желавших, как и я, действий.

Все мы ходили в военной форме, но без погон на шинели. На кителе или на гимнастерке погоны обычно бывали, и это был своего рода «масонский знак». Кто носил погоны, тот, значит, верил и жаждал действий. Кто их совершенно снимал, тот или мирился с создавшимся положением, или умышленно уклонялся от каких-либо действий. Правило, почти не имевшее исключений!

Лик революций всегда отвратителен. Российская революция, выдвинувшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или бироновщины насилие и произвол не владели нашей несчастной родиной так, как в эпоху революции. Ужас Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях — все это обостряло мою гордость и упрочивало сознание, что невозможно,

недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и непротивлением своей участи, когда явятся люди-звери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, способную доказать морально приниженному, напуганному офицерству, что мы можем быть силою, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все действие подлинной культуры не производило никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором, единственным убедительным для них.

Таким образом, намеченная мною программа действий была проста и ясна, но вместе с тем крайне сложна и трудна. Офицерство вернулось с фронта с явно поколебленной, приниженной психикой.

Воспитанный в духе нравственных традиций и дисциплины, русский офицер, вопреки тем аттестациям, какие выдал ему радикальный лагерь, был прежде всего законопослушным. Любые действия захватным правом были не свойственны офицерскому мировоззрению 1918 г. Затем, общественное начало как таковое совершенно не имело места в офицерской среде, ибо в корне противоречило задачам и целям нормальной военной службы.

Старания Гучкова, Керенского, Верховского и подобных им военных реформаторов привить в русской армии новую «революционную дисциплину» окончились, как известно, неудачей, привели лишь к развалу русских вооруженных сил и засвидетельствовали полное невежество революционных реформаторов. Теоретически, конечно, можно осмыслить любой тип дисциплины. Такую надуманную дисциплину можно навязать армии, но это не значит, что армия ее духовно усвоит. Душа армии всегда отражает душу нации, поэтому дисциплина всякой армии является сложным комплексом понятий, отражающих исторические, бытовые и социальные понятия данного народа, его характер, совесть, культуру. Все это необходимо было учесть, продумать, чтобы понять психологию русского офицера того периода, чтобы толково к нему подойти.

Воспитанное в духе исторически сложившейся самобытной дисциплины, наше офицерство всегда предпочитало, чтобы ему «приказывали». Короче говоря, предпочитало быть поставленным в привычные взаимоотношения начальника и подчиненного. В таких условиях офицерство в массе проявляло и высокий героизм, и неугасимую жертвенность, и яркое горение духа...

В первые же дни по приезде в Харьков я встретил на улице своих старинных друзей, а в дальнейшем безотказных помощников — полковника Н.А. Ткачева¹³ и полковника С.М. Смельницкого¹⁴. Оба они закончили войну в должностях командира полка, имели Георгиевские отличия, были доблестными офицерами и людьми высокого благородства. Прибыв в Харьков раньше меня, они, как и я, жаждали деятельности, но были склонны оставаться показными рабами создавшегося положения. К тому же наши политические идеалы были тождественны: мы были монархистами.

Оба полковника провели в Харькове всю свою службу, командовали на войне полками Харьковского гарнизона, а потому имели обширные связи среди многочисленного офицерства, наполнявшего тогда Харьков. От них, как затем и от других знакомых, я узнал, что офицерская масса не организована и мечтает найти возглавителя, что были попытки обращения к проживавшим в городе старшим чинам стать во главе офицерства. Но такие обращения успеха не имели. Одни не верили в успех каких-либо активных начинаний, другие робели, третьи не обладали дельными волевыми качествами и т.д. Ходили, впрочем, слухи, что зачатки какой-то офицерской организации уже существуют, что члены этой организации имеют оружие, будучи устроенными в охрану местных банков и других общественных учреждений.

Мои повторные встречи с друзьями и знакомыми и разговоры на тему необходимости создать организацию неизменно заканчивались уговорами

---

¹³ **ТКАЧЕВ Николай Александрович** — кадровый офицер 124-го пехотного Воронежского полка 31-й пехотной дивизии, однополчанин и сослуживец Б.А. Штейфона. Участник Первой мировой войны, офицер 276-й пехотного Купянского полка, развернутого при мобилизации 18 июля 1914 и сформированного на базе 124-го пехотного Воронежского полка. Георгиевский кавалер (Георгиевское оружие — ВП от 09.03.1915). Участник Гражданской войны. 1918 — в Харьковском Главном Центре Добровольческой Армии. В октябре 1919 полковник Н.А. Ткачев собрал в Дроздовской дивизии кадр 124-го пехотного Воронежского полка и создал отдельную часть — 2-й сводный полк 31-й пехотной дивизии, командиром которого и был назначен. Эмигрант. Проживал в Любляне (Словения), возглавлял местную эмигрантскую организацию. В годы Второй мировой войны поддерживал отношения с командованием расквартированного в Любляне Русского Добровольческого полка «Варяг».

¹⁴ **СМЕЛЬНИЦКИЙ Сергей Михайлович** — кадровый офицер 122-го пехотного Тамбовского полка 31-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны, офицер 276-й пехотного Изюмского полка, развернутого при мобилизации 18 июля 1914 и сформированного на базе 122-го пехотного Тамбовского полка. Георгиевский кавалер (Георгиевское оружие — ВП от 10.11.1915). Участник Гражданской войны. 1918 — в Харьковском Главном Центре Добровольческой Армии, затем в Сводном полку 31-й пехотной дивизии, с 10 (21) октября 1919 командир 1-го Сводного полка 31-й пехотной дивизии. Эмигрант. Переправлен 21 июля 1920 с о. Лемнос на Кипр на корабле «Панама». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в прикомандировании к 6-му арtdивизиону в Болгарии.

меня стать во главе харьковского офицерства. Я не давал своего согласия, желая более основательно ознакомиться с настроениями и вообще с обстановкой. Однако на подобные предложения отвечал, что если бы и взялся за такое дело, то, во всяком случае, не потерпел бы в организации и тени «керенщины», потребовал бы полного послушания на основах прежней дисциплины. Оказалось, что именно такого руководителя и желали все те, кто уговаривал меня взяться за дело.

«Керенщина» погубила армию, — развивал свою мысль полковник Ткачев. — Надо вернуться к старым привычным формам военного уклада. Приказывайте — и с вами пойдут все морально сохранившиеся и крепкие духом. Невозможно допустить, чтобы нас перестреляли как куропаток! А так и случится, если мы будем жить разрозненно. Но прежде всего к черту великую политику»...

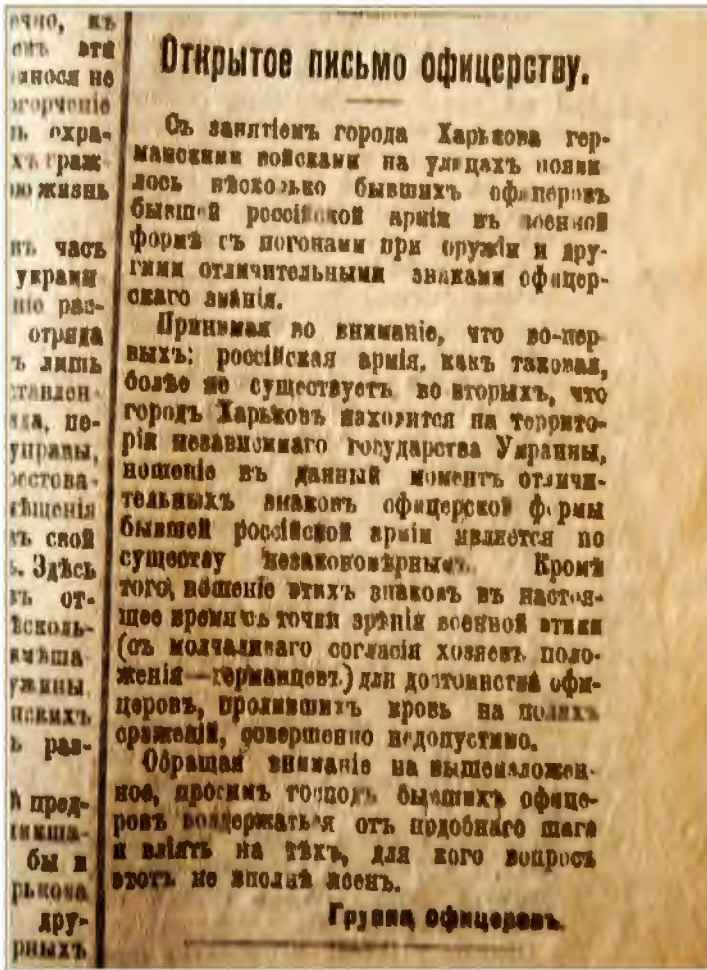
Русское офицерство столетиями воспитывалось в сознании, что армия не должна интересоваться политикой. Эта традиция являлась одной из сильнейших основ нашей армии, ибо по своей сущности, по своему заданию вооруженная сила государства должна быть надпартийной. Однако что было уместно и хорошо в нормальных условиях, то оказалось неприемлемо в такие исключительные эпохи, как революционная.

Несмотря на развал, а затем и уничтожение армии, мы продолжали считать себя офицерами. Однако раньше всего мы были русскими людьми и в силу многих причин переживали российское унижение, быть может, более остро и глубоко, чем другие социальные группы. Мы наблюдали на фронте все последствия вмешательства политики в жизнь армии. И когда полковник Ткачев послал к черту всякую политику, то он совершенно точно отражал массовое настроение кадрового офицерства, или, вернее — офицерства по духу, а не только по роду занятий.

Послать политику «к черту» было, между тем, легче на словах, чем на деле. Политика или политиканство, что, к сожалению, всегда смешивалось, выпирали, грубо выдавались из всех щелей тогдашней российской жизни.

Мы переживали одну из величайших мировых революций, а главное содержание всякой революции — политика. Поэтому и офицерская среда, как и вся Россия, была насыщена политикой, а в худшем случае — ее рефлексам. При этом, конечно, проявлялась офицерская неопытность в подобных областях. Никогда не интересуясь политическими лабиринтами, мы были застигнуты врасплох грозными событиями и стали плавать кто как умел. Незначительный процент офицерского состава окунулся с головой в политическое море, ибо втайне и давно мечтал о революции. Это были

Открытое письмо офицерству с просьбой воздержаться от ношения погон.

Газета «Возрождение», 11 апреля 1918 г.

люди типа Верховского¹⁵, Рябцева¹⁶ и им подобные. Другие, по существу беспринципные, как Брусилов, Черемисов, Бонч-Бруевич — делали карьеру на революции. Третьи, и это была главная масса офицерства, мечтали лишь о том, чтобы довести войну до победного конца, и с величайшим героизмом и с покорностью долгу несли свой тяжкий крест, поднимаясь со ступеньки на ступеньку на кровавую офицерскую Голгофу. Эта последняя категория в силу инстинкта самосохранения была вынуждена обязательно прикрываться революционными институтами. Ибо революция, провозглашая на словах свободу слова, свободу совести, в действительности грубо и нагло лезла в человеческую душу. Кто веровал не так, как разрешал революционный

¹⁵ Военный министр Временного правительства. (Прим. Б. Штейфона)

¹⁶ Командующий войсками Московского округа в 1917. (Прим. Б. Штейфона)

катехизис, тот был «подлец», пария, существо вне закона, которого любой хулиган, любой сбежавший каторжник мог оскорбить, ограбить, убить... И сделать это во имя революции, под аплодисменты озверевшей, бесчувственной, жаждавшей крови толпы.

Выбранные этикетки отнюдь не соответствовали подлинным верованиям. Они были не более как «защитной одеждой», дома или среди своих они снимались. А впрочем, революция изменила многих. Кого звал раньше правым, тот вдруг оказывался «убежденным республиканцем». И часто подобные «убеждения» проявлялись действительно. Такие перебежчики с усердием иезуитов охотно доносили, обличали, шпионили. Приходилось по щедринскому рецепту жить «применительно к подлости».

Встречаясь в первые после революции дни со старинными приятелями, люди немедленно одевали «этикетки». Помню, я как-то встретил на улице своего приятеля. Мы вместе были в училище, вместе начали службу в одном и том же полку¹⁷. Он был тихим, благожелательным человеком всегда правых убеждений и всегда почитал начальство. Встретившись, обрадовались, расцеловались, поговорили о личных делах, кто, как и когда вернулся с фронта, как живет и т.п. Затем я задал приятелю традиционный вопрос:

— Ну а ты, Гена, как нынче веруешь?

Гена поправил пенсне, что служило признаком волнения, и пространно ответил:

— Видишь ли, я, собственно говоря, среднее между левым кадетом и правым эсером.

Я искренне рассмеялся.

— Прости, Гена, но ты средний остряк.

Гена остолбенел и стоял в недоумении. Узнав затем о моих монархических настроениях, он признался, что он тоже монархист.

— Но понимаешь ли ты, — шептал Гена, — о таких вещах надо говорить очень осторожно, да еще на улице!

Приведенная сцена являлась типичной для характеристики настроений того сумбурного времени. Все боялись быть откровенными даже с близкими людьми и только в глубине души хранили свои истинные политические симпатии.

Сравнительно скоро я ознакомился и достаточно верно и с идеологическими настроениями харьковского офицерства. В этих настроениях явно

¹⁷ Личность этого сослуживца Б.А. Штейфона установить пока не удалось. Полный список выпускных юнкеров Чугуевского юнкерского пехотного училища отсутствует, а в первом известном списке офицеров 124-го пехотного Воронежского полка, датированном 1909, нет офицера по имени Геннадий.

преобладали монархические начала, с тем разъяснением, что меньшинство готово было действительно отстаивать свои исповедования, а большинство оставалось пассивным.

Проектируемая нами офицерская организация ставила своей основной задачей — самозащиту. Несмотря на столь узкую заботу, мы, выполняя ее, начинали тем борьбу с большевиками, а это уже область политики. Да и кто из русских людей мог тогда от нее отмахнуться? Любая организация того времени, созданная по признакам профессиональным или гуманитарным, неминуемо пронизывалась теми или иными политическими предпосылками. Поэтому естественно, что и намечаемую нами офицерскую организацию я пожелал одухотворить политическими лозунгами. Таковыми, в соответствии с моими убеждениями, могли быть только монархические принципы. Я твердо знал, что если я обойду этот вопрос по тактическим соображениям, то он все равно будет выдвинут напором жизни. И тогда нашей организации могли быть навязаны лозунги, чуждые офицерству. Предпочитая иметь дело не с количеством, а с качеством, я естественно желал иметь такое «качество», какое представлялось мне истинным.

Таким образом, был решен вопрос, что организация должна быть военно-монархической. Этим понятием определялся и состав будущих членов. Однако надумать необходимость создания организации еще не означало в то время приступить к осуществлению. Невозможно было объявить об этом в газетах или трубить об организации на всех перекрестках. Всякая несогласованность могла погубить не только наше начинание, но и наши головы. Поэтому приходилось действовать осторожно, обдуманно и конспиративно.

Наша тройка — Ткачев, Смелницкий и я продолжали встречаться ежедневно, но только на улицах, не посещая друг друга на дому. Без излишних обсуждений я был ими признан возглавителем начинания. В основу организации была положена система «троек» и «пятерок». Необычностью системы парализовалось зло болезни и предательства, буди такое проявилось бы в организации.

Памятуя, что в военном деле, а наше дело ставилось на военную ногу, прежде всего, необходимы связь, разведка и охранение, я постепенно, но довольно скоро создал аппарат, выполнявший эти функции. В разговорах со своим родственником корнетом Толей Михайловым¹⁸ я выяснил, что в

¹⁸ **МИХАЙЛОВ Анатолий Дмитриевич** — родился в 1898. Участник Гражданской войны. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 в штабе 1-й пехотной дивизии в Галлиполи. В эмиграции. Ротмистр. Служил в Русском Корпусе (лейтенант), в батальоне «Белград». В сентябре 1942 командир взвода 1-го батальона 4-го полка (обер-лейтенант). Умер в Манчестере (Англия) 17 июля (22 августа) 1965.

Харькове имеется значительное число молодых кавалерийских офицеров, юношей мужественных, энергичных и монархически настроенных. Со свойственной молодости общительностью они, имея обширные знакомства, могли служить прекрасными разведчиками. Толя переговорил со своими приятелями, объяснив, какие обязанности от них будут потребованы. И через несколько дней была образована группа идейной, верной молодежи. Эта группа на протяжении всей моей деятельности в Харькове оказала нашей организации много услуг и была безотказной и лихой исполнительницей самых сложных моих приказаний. Хотя корнету Михайлову я и доверял, безусловно, все же по принятому мной правилу я не объяснил ему своей роли в организации.

Постепенно улучшая знакомства и связи среди харьковского офицерства, я изрядно захотел познакомиться с проживающими в городе офицерами Генерального Штаба. Моя разведка сообщила, что в городе имеются четыре офицера Генерального Штаба — генерал Агапеев¹⁹, генерал Пан-

¹⁹ **АГАПЕЕВ Владимир Петрович** (1876–1956) — генерал-лейтенант Генерального Штаба. Участник Китайского похода 1900, Русско-японской войны 1904–1905. Состоял военным агентом в Сербии (27.11.1907–14.10.1909), Бельгии и Нидерландах (14.10.1909–09.02.1914). К началу Первой мировой войны — начальник штаба 10-й кав. дивизии (начальник дивизии генерал граф Келлер). За отличия награжден Георгиевским оружием (ВП 09.03.1915). В годы войны занимал должности начальника штаба 2-й казачьей сводной дивизии, командира 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка, начальника штаба 6-го кавалерийского корпуса, начальника штаба 35-го армейского корпуса, начальника штаба Польского стрелкового корпуса, сформированного при Русской Армии. Весной 1918 прибыл в Харьков, где поступил в распоряжение Харьковского Главного Ценра Добровольческой Армии, возглавляемого полковником Штейфоном. На 21.11.1918 числился в гетманской армии Генеральным Хорунжим. В конце 1918 пробрался через Одессу и Крым в Екатеринодар и прибыл в штаб Добровольческой Армии. Начальник штаба 2-го армейского корпуса (с 05.02.1919). В апреле 1919, когда командир корпуса генерал Май-Маевский возглавил Добровольческую Армию, Агапеев не был утвержден генералом Деникиным на посту начальника штаба армии. Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерала Кутепова (переименован из 2-го армейского корпуса). С 08.1919 назначен военным представителем ВСЮР при Союзном командовании в Константинополе. В конце марта 1920 уволен с должности приказом ген. Врангеля «за непринятие достаточных мер по охране ген. Деникина и прибывших с ним лиц... следствием чего явилось убийство ген. Романовского и ввод в Русское посольство английских войск». В эмиграции проживал в Югославии в одном из предместий Белграда, служил в Топографическом военном институте, активно участвуя в деятельности 4-го отдела РОВС. В 1941 будучи 65 лет записался рядовым в Русский охранный корпус. Убедившись, что корпус не будет отправлен на Восточный фронт, осенью 1942 переехал в Австрию. В 1946 представитель Красного Креста в Германии. В 1948 выехал в Чили. С 1950 начальник отдела Союза Российского зарубежного воинства в Аргентине. Умер в Буэнос-Айресе.

ченко-Криворотенко²⁰, полковник фон Лампе²¹ и полковник Кривоуцкий²². Ни с кем из них я не был знаком. На мои приглашения пожаловать ко мне на квартиру, чтобы познакомиться, пришли В.П. Агапеев, А.А. фон Лампе и Кривоуцкий.

²⁰ **ПАНЧЕНКО-КРИВОРОТЕНКО Павел Васильевич** (1874 — после 1922) — генерал-майор Генерального Штаба. Участник Первой мировой войны. И.д. начальника штаба 31-й пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием (ВП 13.10.1916). В 1918 — в армии Украинской Державы, и.о. начальника штаба 4-го Киевского корпуса; начальник штаба 4-го корпуса, начальник штаба 7-го Харьковского корпуса. Во ВСЮР; 08.01.1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего; с 22.01.1919 в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой Армии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на судне «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции. Умер после 1922.

²¹ **ЛАМПЕ фон Алексей Александрович** (1885—1967) — генерал-майор Генштаба. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1913). С 1908 служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 — подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. Был награжден Георгиевским оружием, получил три Высочайших благоволения. В 1917 — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. С 1917 в Харькове редактировал газету «Возрождение», затем газету «Россия», позже — газету «Великая Россия». Весной-осенью 1918 — в Харьковском Главном Центре Добровольческой Армии. В Добровольческой Армии — начальник оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, а затем на той же должности в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой Армии. В 1920 выполнял различные поручения генерала Врангеля в Константинополе и за границей. В начале эмиграции занимал должность военного представителя Русской Армии за рубежом: в Дании, Венгрии и Германии. После ликвидации этих должностей возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. В Германии фон Лампе начал сниматься в кино в качестве статиста, чтобы прокормить семью и содержать 2-й отдел РОВСа. Позже его стали приглашать в качестве консультанта в фильмы, посвященные жизни в России, Первой мировой и Гражданской войнам. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо. В конце 1944 вошел в состав Комитета освобождения народов России. В 1945 занимался спасением советских граждан и русских эмигрантов от насильственной репатриации в СССР. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем начальника РОВСа генерала Архангельского. С февраля 1957 — его преемник. Возглавлял РОВС до конца жизни. Скончался 28 мая 1967 в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. В эмиграции издал семь томов сборника «Белое Дело», где в 4-м и 5-м томах впервые опубликованы «Записки» генерала Врангеля. Автор книги (сборник статей) «Пути верных» (Париж, 1960).

²² **КРИВОУЦКИЙ Григорий Иванович** (1883—1967) — полковник Генерального Штаба. Кадровый офицер 122-го пехотного Тамбовского полка. Участник мировой войны, и.д. ст. адъютанта штаба 45-й пехотной дивизии. В Добровольческой Армии и ВСЮР. Начальник штаба 4-й Терской пластунской отдельной бригады, с 11.11.1919 — штаб-офицер для поручений при штабе Южной группы войск Северного Кавказа, в начале 1920 — начальник штаба Святокрестовского отряда войск Северного Кавказа. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на судне «Константин». В эмиграции в Германии. Умер в Берлине.

Генерал В.П. Агапеев

П.В. Панченко-Криворотенко

В эту первую встречу я не раскрывал своих карт. Все мы были достаточно сдержаны, и чувствовалось, что каждый «нашупывает» другого. В процессе же дальнейшей работы А.А. Лампе, а затем и В.П. Агапеев явились моими вернейшими сотрудниками. Это были офицеры мужественные, тактичные, с широким кругозором и с большой инициативой. Благородством души и идейностью они вполне соответствовали В.А. Ткачеву и С.М. Смелницкому.

ГЛАВА II

*Большевистский террор. «Седьмая линия». Бандитизм. Самооборона.
 Большевистское предложение. Профессор генерал Юнаков.
 Убийство большевистского комиссара. Дальнейшее действие офицерской
 организации на большевиков. Граф и графиня Келлер.*

В начале 1918 г. Харьков воспринимал первые практические уроки большевизма. Новая власть еще чувствовала себя прочной и удовлетворяла главным образом свои грабительские инстинкты. Банки продолжали работать, но их операции сокращались с каждым днем. Доступ к сейфам был воспрещен, и скоро сейфы были опорожнены распоряжением местного комиссара финансов. Магазины закрывались и жили базаром. С наступлением сумерек все спешили домой. Улицы становились пустынными, часто отказывало электричество, и город погружался во мрак, увеличивая жуть надвигавшейся ночи.

Полковник
А.А. фон Лампе.
*Фотоальбом «Белая
армия. Фотопортреты
русских офицеров
1917–1922 гг.»*
Сост. В. Жуменко.
УМСА-Press, 2007

ЧК постепенно входила во вкус своего ремесла. Арестованных отправляли на главный вокзал и там расстреливали на седьмой линии. О «седьмой линии» передавали шепотом кошмарные подробности²³. Аресты производились преимущественно по ночам, а так как автомобили находились только у большевиков, то запуганные жители с гнетущей тоской прислушивались по ночам к грохоту проезжавших автомобилей: «Проедет мимо или остановится у нас?» Постоянно и в различных частях города возникала стрельба. И не всегда можно было угадать: хулиганские ли это забавы, или очередной грабеж, или бессудный расстрел?

Истинным бедствием являлись ночные налеты бандитов. Грабежи, нередко сопровождаемые убийствами, не носили характера какой-либо системы. Налеты совершались и на богатые особняки, и на лачуги. Одной и той же ночью в центре города забирали бриллианты, меха, а на окраине снимали пальто с кондуктора.

Сущим бедствием была прислуга — горничные, кухарки, дворники. Они зачастую бескорыстно доносили в ЧК на своих господ или наводили бандитов в дома, где служили. Уберечься от этих домашних шпионов было

²³ 21 января 1918 харьковская газета «Земля и воля» писала: «Письмо в редакцию. “Во имя человечества, через посредство издающихся газет, прошу опубликовать о вызове родственников к трупу бывшего вице-губернатора г. Харькова Кошуро-Масальского, валявшемуся по линии жел. дороги, а ныне убранному и отвезенному на станцию Основа Северо-Донецкой ж. д. Лоб Масальского прострелен пятью пулями. Кроме Масальского, на станции Основа находится еще четыре трупа каких-то “буржуев”, также расстрелянных. О правдивости сего прошу навести справки на Основе. Очевидец”».

невозможно, и большинство семей предпочитали обходиться без прислуги. Даже верные люди, то есть няни или кухарки, жившие десять-пятнадцать лет и считавшиеся своими, вспоминали какие-то старинные обиды и сводили счеты. *Nomo homini lupus est!*

Большое впечатление в городе произвело ограбление богатой харьковской помещицы г-жи фон дер Лауниц²⁴. Опасаясь налетов, графиня Лауниц, при содействии старушки-няни, жившей в доме более двадцати лет, спрятала в тайное место фамильные бриллианты и иные драгоценности. Няня считалась верным человеком и от нее в доме секретов не было. Через несколько дней после того, как вещи были спрятаны, ворвалась шайка и направилась прямо к тому месту, где находились драгоценности. А где они находились, знали только госпожа Лауниц да няня. Бандиты действовали уверенно и унесли богатую добычу. Няня была безутешна и повинулась, что без всякого умысла похвасталась в соседней лавчонке «как хорошо мы с барыней спрятали бриллианты». Воодушевленная самоудоволнением, няня увлеклась и поведала приятельнице-лавчоннице, где именно спрятаны вещи. Дальнейший ход событий становится ясным...

Такие налеты, как грабеж фон дер Лауниц, не вызывали, конечно, беспокойства властей. «Грабь награбленное!» был лозунгом дня. Однако по тактическим соображениям большевики не считали возможным поощрять нападения на бедноту. Поэтому бандитизм официально осуждался и был объявлен декрет, разъясняющий, что обыски допускаются только с предъявлением соответствующих мандатов. Впрочем, осведомленные люди передавали, что ЧК не одобряет и «партизанских» налетов на особняки, ибо подобные акты лишали чекистов их доли. Возникла своеобразная грабительская ревность!

Несмотря на декрет, грабежи, конечно, продолжались. В то время большевики еще заискивали у населения и власть, стремясь быть популярной, разрешила жителям организовывать районные самообороны. Скоро каждая улица имела свой отряд самообороны, каковой дежурил с наступлением сумерек до утра. Недостатка в оружии не было, ибо и приехавшие с фронта солдаты и солдаты местного гарнизона охотно продавали оружие — ружья, патроны, револьверы, ручные гранаты и даже пулеметы. Когда я узнал, что на вокзале находится проезжающий куда-то артиллерийский эшелон, любопытства ради я послал спросить артиллеристов: не про-

²⁴ Графиня фон дер ЛАУНИЦ Мария Александровна (1863—1922), в девичестве княжна Трубецкая, вдова видного русского военного и государственного деятеля, генерал-майора графа В.Ф. фон дер Лауница (1855—1906). Погибла в Харьковском центре в 1922.

Харьков, вокзал, очередь на трамвай. 1918 г.

дадут ли они орудие? Оказалось, что подобный вопрос никого не удивил и эшелонная солдатня лишь деловито осведомилась:

— А вам как требуется — с упряжкой (т.е. с лошадьми) или само орудие?

И за «само орудие» запросили по тысяче рублей, обещая в придачу и снаряды...

Таким образом, оружие можно было легко и дешево приобрести в любом количестве. Зимой 1918 г. возник даже своеобразный промысел: группа предприимчивых людей образовывала вооруженный отряд и за хорошее вознаграждение предлагала свои услуги по охране. Подобные «ландскнехты» по существу являлись жульем, но принятые на себя обязательства выполняли добросовестно: «свой» район не трогали, а грабили другие.

Самооборона возникла, конечно, и на той улице, где жил я. Мужское население моего участка постановило на общем собрании организовать обязательные ночные дежурства. Собрали необходимые денежные средства и выбрали депутацию, которая обратилась ко мне, как к полковнику Генерального Штаба с просьбой взять в свои руки руководство самообороной. Я ничего не имел против и согласился. Благодаря благоприятным обстоятельствам, а главным образом тому, то на нашей улице проживало несколько человек молодых офицеров и вольноопределяющихся, наша самооборона была хорошо организована: дежурства неслись добросовестно, сигнализация действовала безотказно, а в случае тревоги все мужчины быстро выбегали на улицу. Особенно старательным был сосед — старичок профессор. Обращаться с оружием он не умел, но считая тревогу своей «граж-

данской повинностью», выбежал на улицу с тросточкой, а за ним неизменно выбегала жена и громким шепотом уговаривала его:

— Иван Федорович, вернись домой! Ты и так простужен!

Иван Федорович послушно уходил, но при новой тревоге опять был на улице.

В общем, самооборона была своего рода спортом, занимавшим всех, особенно в первое время! В дальнейшем, когда острота впечатлений притупилась, стали наблюдаться случаи уклонений от дежурств, особенно в последней, самой неприятной смене — от 3 часов ночи до 6 часов утра. Моральные меры воздействия на нерадивых или трусливых обывателей впечатления не производили. Все знали, что налеты совершаются обычно перед рассветом, а потому естественно, что последняя смена считалась преимущественно самой опасной. Чтобы выправить положение, я использовал прием простой, но достигающий цели: на последнюю смену выходил сам вместе с кем-либо из надежной молодежи.

Скоро соседние улицы стали настойчиво просить меня включить и их в нашу самооборону. Подобные обращения служили верным показателем того, как высоко расценивала молва серьезность постановки нашей охраны. Эта же молва разнесла и по городу добрую о нас славу. Мои соседи трубили по городу о том, какая у них прекрасная охрана, и горделиво подчеркивали, что во главе охраны стоит полковник Генерального Штаба. Такая реклама имела свои хорошие и дурные стороны. Хорошие потому, что мое имя становилось известным широким кругам офицерства. Дурно же было потому, что я привлекал внимание большевиков, и это обстоятельство скоро проявилось.

Однажды днем на нашей довольно тихой улице послышался шум приближавшегося автомобиля. Я стал прислушиваться. Автомобиль явно приближался и через минуту — две запыхтел под окнами моей квартиры. Незаметно посмотрев в окно, я увидел, что машина остановилась у моего подъезда. «Дело дрянь!» — мелькнула мысль, ибо в автомобиле разъезжали тогда только чекисты и комиссары. На случай подобного визита у меня заранее был выработан план исчезновения, что я и намеревался выполнить. Однако я задержался, так как в автомобиле были только шофер и некто пожилой в офицерской форме без погон. В таком составе обыск или арест обычно не производились. Скрываться не было смысла и, заслышав звонок, я пошел открыть дверь. Пожилой военный вежливо раскланялся со мною и спросил:

— Имею честь говорить с Генерального Штаба полковником Штейфоновом?

— Да! Что Вам угодно?

Полковник представился:

— Военный инженер полковник Щавинский²⁵. Хотел бы поговорить с Вами.

— Пожалуйста!

Я пригласил приехавшего в гостиную. Раздеваясь в передней, Щавинский предупредил меня, что пришел «как офицер к офицеру».

— Вас, вероятно, удивил мой визит, — начал незваный гость. — А может быть и беспокоил благодаря автомобилю. Но я приехал к Вам с предложением. Я старый кадровый офицер и по своим убеждениям — правый. Теперь же, как специалист, работаю у большевиков. Они хорошо платят и дают мне спокойную и обеспеченную жизнь. Военный комиссар, имея о Вас сведения как о способном и энергичном офицере Генерального Штаба, просил меня побывать у Вас и предложить Вам должность начальника штаба обороны Харькова.

— Благодарю Вас, но я так устал на фронте, что мне необходимо отдохнуть и заняться своим здоровьем.

— Уверяю Вас, господин полковник, что Вы не будете перегружены работой и в то же время будете прекрасно обставлены. К Вашим услугам будет любая городская санатория. Большевикам выгодно, чтобы у них были настоящие, знающие офицеры Генерального Штаба. Между нами сказано, у них в штабе народ малограмотный.

— Я это знаю, но никак не могу принять предлагаемую Вами службу. Повторяю, что я устал и нуждаюсь в отдыхе.

— Очень сожалею, — вздохнул Щавинский и, как бы в припадке откровенности, продолжил: — Вы отказываетесь, конечно, потому, что не хотите иметь дела с большевиками. Откровенно говоря, я сам их презираю, но что поделаешь, надо считаться с создавшимися условиями. К тому же они скоро падут.

— Если Вы их презираете и пожаловали ко мне как офицер к офицеру, то скажу прямо, что не желаю ни слышать, ни иметь дела с этой сволочью.

Щавинского передернуло. Он встал, раскланялся и ушел. Как только его автомобиль отъехал, ко мне немедленно прибежали соседи с тревожными вопросами — в чем дело? Кто это был у Вас? Шум автомобиля привлек внимание улицы. Десятки глаз следили, что будет дальше.

Вообще, по натуре сдержанный и умеющий владеть собою, я после отъезда Щавинского осуждал себя за то, что в разговоре с этим несомненным

²⁵ Точно установить личность полковника Щавинского не удалось. Возможно, имеется в виду Щавинский Анатолий Анатольевич — на 1 января 1909 капитан, производитель работ военно-топографического отдела управления Приамурского военного округа.

авантюристом допустил резкие выражения. Было ясно, что если Щавинский передаст даже без преувеличения мои слова комиссару, то «та сволочь» со мной соответственно рассчитается. Или отправит на «седьмую линию», или предложит выбрать между службой и той же «седьмой линией»...

На всякий случай я немедленно отправился к жившему недалеко от меня Генерального Штаба полковнику Кривоуцкому, дабы предупредить его на случай, если и к нему придет Щавинский с однородным предложением. Вместе с тем я принял некоторые меры предосторожности, так как отнюдь не хотел покорно отдаваться в руки большевиков.

В силу, по-видимому, тех причин, о каких будет сказано в дальнейшем, визит Щавинского не имел для меня никаких неприятных последствий.

Через несколько дней я узнал, что Щавинского направил ко мне проживавший в Харькове профессор Академии Генерального Штаба генерал Н.А. Юнаков²⁶. Личность этого генерала представляется любопытной, ибо ярко выявляет те психологические вывихи, какие совершила революция. Юнаков был моим профессором в Академии. Однажды во время экзаменов, а экзамены в Академии всегда бывали строгими и даже придирчивыми, он оказал мне помощь и моральную поддержку, глубоко меня тронувшие. Четыре года спустя я был переведен в Генеральный Штаб. Прочитав Высочайший приказ о переводе, я в тот же день написал Н.А. Юнакову письмо,

²⁶ **ЮНАКОВ Николай Леонтьевич** — русский военный историк, генерал-лейтенант Генерального Штаба. Генерал-полковник армии Украинской народной республики. Родился 6 декабря 1871 в Чугуеве Харьковской губернии. Выходец из дворян Рязанской губернии, сын генерала от инфантерии Леонтия Авксентьевича Юнакова (1838—1905). Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, Офицерской стрелковой школе. В 1907—1910 — штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами. С 1910 — экстраординарный профессор (диссертация о походе Карла XII на Украину), с 1911 — ординарный профессор (диссертация о Русско-японской войне) Николаевской военной академии по военной истории. В 1914 командовал 1-й бригадой 37-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны, с ноября 1914 был начальником штаба 25-го армейского корпуса, с марта 1915 — начальник штаба 4-й армии. В апреле-августе 1917 — командир 7-го армейского корпуса, в октябре-декабре 1917 — командующий 8-й армией. В 1918 служил в украинской армии гетмана П.П. Скоропадского, был начальником Главного военно-учебного управления при гетмане и председателем комиссии по созданию военных школ, начальником Военной академии. В конце 1918 вступил в армию УНР, в которой был помощником главного инспектора, помощником начальника Главного геодезического управления Генерального Штаба, с 7 августа 1919 — начальником штаба главного атамана Симона Петлюры. В 1920 — военный советник дипломатической миссии УНР в Польше. В июле-сентябре 1920 — военный министр УНР. В 1921—1923 был главой Высшей войсковой рады УНР. Председатель Украинского военно-исторического общества. В 1927 отошел от активной деятельности по состоянию здоровья. Умер 1 августа 1931 в Тарнове, Польша.

Генерал Н.А. Юнаков.
Фото 1919 г.

в котором благодарил его за то, что он сделал для меня в Академии. Тогда мне, молодому капитану, впервые одевшему форму Генерального Штаба, и в голову не приходила дерзостная мысль, что когда-нибудь и чем-нибудь смогу отплатить Н.А. Слишком несоразмерные величины были я и профессор-генерал. Однако под влиянием лучших побуждений я написал, что «никто не знает будущего», но если мне представится случай быть полезным Н.А. и его семье, то я буду искренне рад служить ему.

Мои слова о будущем оказались пророческими, и пять лет спустя я неожиданно для себя встретил генерала Юнакова в Харькове. Его лицо и скромный штатский костюм свидетельствовали как о прошлых испытаниях, так и о тяжелой жизни в настоящем. Оказалось, что он бежал с семьей из Петрограда, и беженская волна занесла его в Харьков. Хотя Н.А. явно и не говорил, но я понял, что ему приходится тяжело. Я же имел обширные материальные и иные возможности помочь ему, соблюдая при этом величайшую деликатность. И он, и его семья были очень рады столь неожиданной помощи.

Какие побуждения заставили генерала Юнакова направить ко мне Щавинского, я не могу понять и теперь. Человек, несомненно, умный, он не мог не понимать, что в лице Щавинского имеет дело с провокатором. В то же время генерал был отлично осведомлен, что материальное содержание не играло для меня никакой роли. Я был тогда прекрасно обеспечен личными средствами. С моими политическими убеждениями и с моим офицерским мировоззрением он был тоже знаком достаточно полно. Не мог он, конечно, не знать и того, что направляя внимание большевиков в мою сторону, он оказывает мне плохую услугу.

Проживая в Харькове, профессор-генерал, понятно, стал известным большевикам. Как было понятно и их желание использовать такую научную величину для службы у себя. Оказалось, что перед тем, как побывать у меня, Щавинский посетил генерала Юнакова. Не желая служить у большевиков, Юнаков указал на меня, как на более «молодого и энергичного» и тем отвлек от себя внимание военного комиссара. Маневр быть может и ловкий, но циничный...²⁷

Потом, когда Юнаков уже открыто вступил на путь сделок со своей совестью и, постепенно катясь, вниз дошел до левого крыла петлюровцев, отдавая все силы своего ума идее «самостийной Украины», я понял, что тогда в Харькове, в поступке со мною стали уже проявляться мрачные изгибы его души.

Сепаратистские тенденции Юнакова явились тем более непонятными, что как по рождению (дворянин Петербургской губернии), так и по воспитанию (офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка) профессор Юнаков ничего общего с украинцами не имел и, восприняв украинскую идею исключительно по соображениям выгоды, он воистину продал свое первородство за чечевичную похлебку.

В 1920 г., находясь после Бредовского исхода в Варшаве, я случайно встретился с Юнаковым. Я был «белым» и в военной форме, он — ярый петлюровец в штатском. Враги! Мы узнали друг друга, но разошлись, даже не поклонившись. Это была одна из самых тяжелых встреч в моей жизни. Впрочем, Н.А. Юнаков уже скончался и пусть Господь судит его темные дела...

Как было сказано выше, большевики не тронули меня за отказ служить у них. Подобная мягкость не была случайностью. К тому времени в городе

²⁷ О визите и предложении Щавинского по наводке генерала Юнакова вспоминал и А.А. Лампе:

«После революции и разложения русского фронта 1-й Мировой войны часть русских офицеров оказалась в Харькове. Я лично попал туда по родственным связям моей жены, Борис Александрович — по прежней своей службе еще до академии. Общие трудности, которые в такой массе стали перед русским офицером, пережившим революцию, стали и перед нами в богоспасаемом Харькове. Россия кипела в котле революции. Всюду формировались новые фронты и создавались новые очаги борьбы... дошло это и до Харькова, и в один непрекрасный день, провокация бывшего командующего одной из армий внешнего фронта генерала Ю., перешедшего на украинскую службу — все мы, старшие офицеры (полковники), жившие в городе, оказались перед вербовщиком советской армии Сиверса, старавшимся найти для своего командующего пополнение в среде офицеров генерального штаба. Побывал он и у меня, и в разговоре с ним (это был также старый офицер и при том военный инженер полковник Щ.) я, всеми мерами отбиваясь от “лестного” предложения возглавить штаб советского формирования, не желая принимать которого генерал Ю. назвал ему наши фамилии и адреса — узнал о существовании в Харькове других офицеров, в том числе и Б.А. Штейфона». (Фон Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. С. 196–197.)

хотя и под сурдинку, но усиленно циркулировали слухи о том, что имеется многочисленная офицерская организация, хорошо устроенная и хорошо вооруженная²⁸. Фактически подобные слухи не соответствовали действительности. Офицерская масса отнюдь не была организована и полезная работа против большевиков проявлялась только лишь инициативой отдельных лиц и групп. Однако так как и враждебная сторона была тоже явно слабой, тоже плохо организованной и тоже играла главным образом на психологии запуганности обывателя, то слухи об офицерских силах оказывали свое воздействие на наших врагов. Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что большевики «боялись» нас. Если боязнь и существовала, то это было инстинктивное опасение офицеров, как профессионалов военного дела, людей искушенных в борьбе, людей, для коих риск и мужество являлись привычными навыками их специальности.

Вся русская революция протекала в непрерывном опасении офицерства вообще, а организованного офицерства в особенности. И вовсе не пото-

---

²⁸ О существовании в Харькове весной 1918 вооруженной офицерской организации вспоминал генерал **А.С. Лукомский**: «Приехав в Харьков в марте 1918, я, через бывшего члена Государственного совета Н.Ф. Дитмара, связался с группой углепромышленников, которая там субсидировала тайную офицерскую организацию. На квартире одного из членов этой группы я познакомился с полковником, стоявшим во главе харьковской военной организации, и с командиром офицерского батальона.

В распоряжении харьковской военной организации имелись три тысячи винтовок с достаточным количеством патронов и около двадцати пулеметов. Была надежда в случае восстания получить четырехорудийную батарею; личный состав для батареи был подготовлен.

В батальоне, который, по словам полковника, стоявшего во главе организации, можно было бы собрать в любой момент, числилось около тысячи человек. Кроме того, в списке офицеров, живших в Харькове, числилось около двух тысяч человек. Эти последние офицеры не были посвящены в существующую организацию. Каждый из офицеров батальона должен был в случае необходимости привести 2—3 офицеров, значившихся в списке и лично ему известных.

Такие же организации, но в меньших размерах, существовали в других городах Харьковской и Полтавской губерний.

Познакомившись с организацией дела в Харькове, я преподавал некоторые организационные советы руководителям ее и затем указал, что никакие выступления не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможным иметь связь с генералами Корниловым и Алексеевым и свои действия строго согласовать с указаниями, которые будут получены. При этом сказал, как свое личное мнение, что считаю наиболее правильным, чтобы все офицеры, которые это могут сделать, направлялись на усиление Добровольческой Армии. На местах же могут оставаться лишь те, кои, вследствие семейных и других причин, в армию ехать не в состоянии. Эта группа офицеров может взяться за оружие лишь при подходе Добровольческой Армии, дабы преждевременными выступлениями не губить дела и не подвергать напрасно террору тех, которые сидят на местах» (Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 462—463).

му, что русское офицерство представлялось реакционным. Офицеры были опасны главным образом потому, что по своей природе являлись оплотом порядка и законности, потому, что за немногим исключением были настроены патриотически. Причем это последнее чувство пронизывалось национальным эгоизмом, ибо без подобного чувства не может быть подлинного патриотизма.

Унаследовав права на революцию, большевики унаследовали и инстинктивную боязнь офицеров. Было бы неразумно не использовать столь слабое место врага. И в данном случае пригодилось ужасное русское качество — страсть к болтовне, качество, принявшее в революционное время характер массовой эпидемии. Люди сознавали, что своей болтовней губят дело, себя, и все же болтали. Поэтому болтали и об офицерской организации, преувеличивая ее фактические достижения.

Подобные разговоры становились, конечно, известны большевикам и заставляли их настораживаться. В свое время необходимость побудила революционное подполье изучать психологию масс и использовать таковые знания. И когда «мы» стали подпольем, а «они» господами положения, мы стали бить их тем же оружием. В дальнейшем, когда Харьковский Главный Центр развернул свою работу полностью, методы психологического воздействия применялись неизменно и в широком размере.

Конечно, как всякое оружие психологическое воздействие требовало умения и имело лишь нацеленный радиус своего полезного действия. Внутреннее чутье руководителей подсказывало им, когда и какие приемы воздействия окажут максимальный эффект.

До поры до времени разговоры об офицерской организации были достаточны, чтобы удерживать большевиков от террора против офицеров. Однако, наблюдая общую покорность и даже запуганность населения, новая власть опьянялась сознанием своего всемогущества и своей неуязвимости. Стало известно, что разновременно несколько офицеров были арестованы, причем один или два погибли на «седьмой линии». И арестованные, и погибшие не входили в состав организации. По существу они были мирными обывателями, ставшими офицерами только в военное время, с которыми кто-то за что-то свел личные счеты. На городских окраинах — Москалевке, Журавлевке, Холодной Горе и других, где взаимоотношения жителей всегда были более патриархальными, более примитивными, где все друг друга знали, где культивировалась своя своеобразная этика, там для личных счетов всегда имелись свои бытовые обоснования.

Так или иначе, но произведенные аресты, а тем более расстрелы показали, что большевики перешли ту демаркационную линию, какая была

молчаливо установлена нами и ими. Создавался прецедент, крайне опасный по своим последствиям.

В ответ на аресты организованная группа офицеров²⁹ подготовила и осуществила террористический акт, избрав объектом комиссара Свита³⁰, игравшего одну из главных ролей в коммунистической головке Харькова. Свит имел обыкновение совершать по вечерам прогулки к своим знакомым, проживавшим в Мордвиновском переулке. Это был небольшой, кривой и глухой переулочек, соединявший улицы Клочковскую и Рымарскую, в вечернюю пору обычно малолюдные. За Клочковской улицей начиналась обширная базарная площадь в сети улочек, а за Рымарской — главная городская артерия, Сумская улица.

Когда поздним вечером Свит приехал в Мордвиновский переулочек, он был там застрелен. Выстрелы в то время были столь нормальным явлением, что не привлекли внимания и вместе привлекли внимание, но в благоприятном смысле. Редкие прохожие если их и слышали, то шарахнулись в сторону, а жители переулочка еще крепче прикрыли окна и ворота. Благоприятная топография района позволила исполнителям скрыться беспрепятственно и не быть обнаруженными.

²⁹ Начальником команды террористов харьковской офицерской организации был полковник Алексей Михайлович Двигубский, впоследствии (апрель—июнь 1919) — начальник харьковского центра разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, разведчик, сумевший внедриться в штаб большевиков (см.: *Двигубский А.М.* Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Составлен полковником Двигубским, начальником харьковского центра разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в июне 1919 года. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2007).

³⁰ По сообщениям харьковских газет, фамилия убитого большевика — **Свет**. В частности, об убийстве Света сообщила газета «Возрождение» от 20 (7) марта 1918 в заметке «Убийство помощника коменданта»:

«Вчера на исходе 9-го час. вечера убит выстрелом из револьвера ехавший по Скрипницкой улице на автомобиле адъютант Харьковского Коменданта т. Свет. Нападавших было двое. Когда автомобиль поравнялся с домом № 8 по Скрипницкой ул., из ворот дома раздался выстрел. Пуля попала в мотор, который остановился. Свет и его шоффер выскочили из автомобиля и бросились вверх по улице. Раздался второй выстрел, которым Свет был смертельно ранен и вскоре скончался. Вся местность была тотчас же оцеплена, но задержать вчера убийцу не удалось. Свидетельница убийства какая-то женщина показала, что автомобиль, в котором ехал Свет, остановился до первого выстрела. В виду этого арестован шоффер автомобиля.

Вчера в городе распространился упорный слух об убийстве начальника боевого отряда т. Сановича. Подтверждения этого слуха редакцией пока не получено.

Вчера же убит солдат из отряда Сановича Пирогин. Револьверная пуля попала в висевшую на груди у Пирогина бомбу, которая разорвалась, превратив Пирогина в бесформенную массу. Убийца скрылся.

В.Н.К.».

Заметка об убийстве помощника коменданта Харькова А.Г. Света.
Газета «Возрождение», 22 марта 1918 г.

У тела Свита была оставлена записка, что он казнен по приговору офицерской организации.

Казнь Свита потрясла весь большевистский муравейник и сильно перепугала всех главарей, до тех пор уверенных в своей личной безопасности.

В день похорон руководители ЧК и другие комиссары получили по почте письма, в которых сообщалось от имени офицерской организации, что в случае возобновления террора против офицеров будут казнены ответственные коммунисты.

В большевистских листовках было сообщено, что ЧК во что бы то ни стало найдет виновных. Потом сообщалось, что виновные арестованы. В действительности перепуганные главари никаких розысков не производили, никого не арестовывали, но полученные предупреждения запомнили и в дальнейшем офицеров уже не трогали.

Похороны Свита были пышными, с массой венков, обвитых красными лентами, с истерическими речами и проч. Он был похоронен на городском кладбище вблизи церкви. Обильные красные ленты покрывали могилу так, чтобы каждый проходящий мог почитать демагогические надписи на лентах. Дабы лишний раз показать большевикам, что офицеры их не боятся, в одну из ночей все красные ленты на могиле Свита были сняты и сожжены, о чем была оставлена записка соответствующего содержания.

Для дальнейшей острастки матроса Васильева, являвшегося одним из заправил, был произведен выстрел, когда однажды вечером он проезжал в автомобиле. Убивать Васильева не предполагалось, ибо угроза расправы

действовала, быть может, сильнее, чем повторная расправа. К тому же существовали опасения, что Москва может обратить внимание на слабость харьковских комиссаров и прислать «гастролеров» с соответствующими силами, которые произведут уже основательную экзекуцию. Необходимо было учитывать собственную слабость.

В итоге, после гибели Свита в Харькове до конца первого большевистского периода, то есть до прихода немцев, не было не только террора против офицеров, но даже отдельных актов насилия. Среди остальных крупных южных центров Харьков являлся в этом отношении единственным и счастливым исключением.

Постепенно улучшая свои знакомства и связи в военных кругах, я счел необходимым представиться пожаловавшему в город генералу графу Ф.А. Келлеру³¹. В своей предшествующей службе мне не приходилось встречаться с этим доблестным генералом, имя которого было хорошо известно

³¹ **Граф КЕЛЛЕР Федор Артурович** (1857–1918) — русский военачальник, генерал от кавалерии. Из дворян Смоленской губернии. Образование получил в Приготовительном пансионе Николаевского кавалерийского училища. В 1877 поступил нижним чином на правах вольноопределяющегося в 1-й лейб-драгунский Московский полк. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. За боевые отличия награжден знаками отличия ордена Св. Георгия 3-й и 4-й ст. Выдержал офицерский экзамен при Тверском кав. юнкерском училище (1878). Служил в 6-м гусарском (18-м драгунском) Клястинском (1880–1894), 24-м драгунском Лубенском (1894–1901) и 23-м драгунском Вознесенском полках (1901). Окончил Офицерскую кав. школу на «отлично». Адъютант командующего войсками Киевского ВО (1882–1883). Командир Крымского дивизиона (1901–1903). Служил в 11-м драгунском Харьковском полку (1903–1904). Командир 15-го драгунского Александрийского (с 16.02.1904) и лейб-гвардии Драгунского (06.11.1906–15.05.1910) полков. Во время волнений 1905–1907 исполнял обязанности временного Кашишского генерал-губернатора, был ранен и контужен взрывом брошенной в него террористами бомбы. Командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии (14.06.1910–25.02.1912). Командующий (позже начальник) 10-й кавалерийской дивизии (25.02.1912–03.04.1915). Участник мировой войны. Командир 3-го кавалерийского корпуса (03.04.1915–07.04.1917). Выделялся среди других кавалерийских начальников своей личной храбростью и пользовался большой популярностью в войсках. За боевые отличия награжден орденами Св. Георгия 4-й (ВП 27.09.1914) и 3-й (ВП 23.05.1915) ст. Во время Февральской революции предлагал императору Николаю II помощь для подавления беспорядков. Отказался присягать Временному правительству. С 07.04.1917 в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. Жил в Харькове. Летом 1918 отклонил предложение генерала Казановича выехать на Дон и примкнуть к Добровольческой Армии. 05.11.1918 назначен гетманом Скоропадским Главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему и гражданских властей. 13.11.1918 перемещен на пост помощника генерала Долгорукова. В конце ноября принял предложение возглавить формирующуюся в Витебской и Полтавской губерниях Северную бедую армию, но не успел отбыть к месту ее формирования. Накануне занятия Киева войсками украинской директории взял на себя руководство обороной города. Ввиду невозможности сопротивления распустил вооруженные отряды. После занятия Киева расстрелян петлюровцами на Софийской площади.

Граф Ф.А. Келлер

всей армии. Блестящий кавалерийский начальник, человек неукротимой энергии, военный по призванию, он олицетворял собою тип воина-рыцаря: благородного, не знающего компромиссов, решительного и мужественного.

Графу сопутствовала его супруга, графиня Мария Александровна³², женщина удивительной воли, самообладания и большого углубленного ума. Серьезно начитанная, с философским мировоззрением, графиня являлась подлинно культурной женщиной с удивительно богатым и разнообразным внутренним содержанием. Следующий эпизод дает яркое представление о личности Марии Александровны: после японской войны граф командовал полком в Калише. Время было тревожное, полное отголосков революции 1905 г. Когда граф и графиня проезжали в экипаже по улице Калиша, неожиданно из переулка выскочил какой-то человек, подбежал к экипажу и бросил туда сверток. Сильно подброшенный предмет взлетел сперва вверх, а затем стал падать вниз. Все это, конечно, разыгралось в несколько мгновений.

Революционеры давно уже охотились на графа Келлера. Графиня молниеносно сообразила, что это метнули в них разрывной снаряд. Она инстинктивно подняла руки и поймала падающий «сверток», который затем и опустила осторожно к себе на колени. Граф остановил экипаж, быстро

³² **Графиня КЕЛЛЕР Мария Александровна**, урожденная княжна Мурузи (1872–?) — вторая жена графа Ф.А. Келлера. В 1919 — председательница Харьковского отдела Белого Креста на Юге России — благотворительной организации, оказывающей помощь семьям солдат и офицеров Добровольческой Армии.

выскочил и бросился за убежавшим террористом, которого и настиг. Графиня, сохраняя полное самообладание, продолжала сидеть и держать бомбу, как потом оказалось, громадной разрушительной силы...

Граф занимал небольшую скромную квартиру на Технологической улице. Ни одна мелочь, ни один портрет из прежней обстановки не был им убран в угоду революции. Кабинет Ф.А. полностью сохранял свой «контрреволюционный» вид: многочисленные портреты Государя и особ Императорской фамилии, фотографические группы сослуживцев, стяг, под сенью коего воевал генерал, библиотека преимущественно военного содержания (граф был известным военным писателем) и много вещей и безделушек — сувениров прежних дней. В углу иконы, полученные графом благословения... А за письменным столом, занимавшим половину небольшой комнаты, всегда сидел и работал Ф.А., всегда в генеральской форме с погонами и с Георгиевскими крестами. Огромного роста, сухоощавый, породистый, с властным энергичным лицом, с блестящими молодыми глазами. Глядя на него, я часто представлял его в шлеме, в латах и с громадным мечом, в уборе средневекового рыцаря.

По улицам он единственный военный в Харькове ходил всегда в полной форме: с погонами и с генеральскими отворотами... В высокой волчьей папаше, с палкой и в сопровождении большого любимого пса. Невольно все оборачивались на эту величественную фигуру...

Однажды к нему на квартиру пришли три «товарища». Вошли шумно, нагло:

— Желаем видеть бывшего графа Келлера!

Граф стал в дверях кабинета и ничего не сказал. Но в его осанке было столько врожденного величия, а глаза метали такие молнии, что вошедшие хулиганы невольным рабским, а может быть и солдатским жестом сорвали свои шапки и попятились к дверям, невнятно промычав:

— Да мы ничего... Мы только так... Думали...

В течение более полугода я встречался с графом Келлером каждый день. Если я почему-либо не приходил, занятый массой обязанностей, то на следующий день утром обязательно звонил ко мне Борис, сын графа, и спрашивался «по поручению папы», все ли у меня благополучно.

Со своей стороны я посвящал графа во все свои дела и планы, всегда и с полным вниманием прислушиваясь к его мнению, к его советам. Граф много говорил о прошлом, рассказывал о своей интересной жизни. И в моей памяти навсегда запечатлелся его облик — могучий и цельный.

Монархист и правых убеждений, только солдат, но не политик, граф мудро рисовал дальнейшее течение русской революции. Мудро потому, что все его предсказания исполнились в точности.

ГЛАВА III

Настроения харьковской интеллигенции. Роль духовенства. «Русская жизнь» профессора Погодина. Комиссары Васильев и Войцеховский. Горнопромышленники Юга России. Торгово-промышленный союз. Н.М. Игнатищев. В.С. Соколов. Помощь харьковской общественности. Болтуны и провокаторы и борьба с ними. Занятие немцами Украины и Харькова. Расправа с большевиками. Расстрелы бандитов.

С приходом к власти большевиков общественная и политическая жизнь Харькова постепенно замирала. Ко времени моего приезда в Харьков от недавнего революционного энтузиазма не осталось и следа. «Керенщина» как политическая программа и организационное творчество осуждалась страшно и неумолимо. Рабочие и городское мещанство шарахнулись влево, к большевикам. Единицы — идейно, масса — в чаянии приобретения. Буржуазно-либеральные группировки, хотя и продолжали верить в якобы спасительную силу Учредительного собрания и в прочие шаблоны своего демократического катехизиса, быстро отходили вправо. Сперва побуждаемые соображениями целесообразности, а затем и идеологически. Подлинный облик и подлинное содержание революции оказались совсем не такими, какими представлялась их интеллигентская мечта. Назревал и выкристаллизовывался некоторый психологический перелом. Недавние господа положения эсеры прежней роли уже не играли, ибо встречали яростную оппозицию большевиков. Было очевидно, что большевики относились более снисходительно к правым течениям, чем к эсерству.

Среди всех социальных группировок наиболее организованной, общественно активной и влиятельной силой было духовенство. Оно не только успешно оборонялось, но часто переходило и в наступление благодаря своему высокому моральному авторитету.

Приходская жизнь была сильно развита, хотя и без лишнего афиширования. Большевистские попытки оказать давление на церковную совесть встречали неизменный и решительный протест как духовенства, так и мирян. Большинство настоятелей городских храмов состояли в приходах 30—40, а некоторые и 50 лет. Это были люди почтенные, хорошо знавшие своих прихожан и пользовавшиеся общим уважением. В дни смуты и всероссийского горя они оказались пастырями добрыми и твердыми. Церкви были всегда полны, а церковные службы умирительны и торжественны.

Духовенство субсидировало из епархиальных сумм и газету «Русская жизнь» — единственный орган, отстаивавший национальные начала и незыблемость моральных ценностей. Во главе газеты стоял профессор А.А. По-

годин³³. Издавать при большевиках национально мыслящую газету было делом не только чрезвычайно сложным, но и определенно опасным.

Человек большого гражданского мужества и таковой же личной храбрости, Александр Львович искусно обходил все подводные и надводные камни буйного большевистского моря. Верной, мужественной и идейной помощницей его была его жена, одна из тех русских женщин, чей моральный облик проявился во время революции с такой возвышенной красотой.

Сохранять долго свое направление «Русская жизнь», конечно, не могла. Когда большевики прикрыли «Русскую жизнь», вместо нее сперва стала выходить «Жизнь России», а затем «Жизнь». Когда оказалось, что профессору Погдину невозможно оставаться редактором, он организовал издательский и редакционный коллектив в составе своих сотрудников и фотографических рабочих и тем сохранил газету. Рабочие, заинтересованные заработком, несмотря на свою левизну, стали союзниками националиста Погодина.

Сумбурная жизнь того периода была полна самыми неожиданными гримасами. Газета, идеологически и органически враждебная большевикам, вдруг нашла поддержку в лице комиссаров коммунистов Войцеховского³⁴ и матроса Васильева³⁵!

³³ **ПОГОДИН Александр Львович** (1872–1947) — русский историк и филолог-славист. Окончил Петербургский университет (1894). С 1901 магистр, с 1904 доктор славянской филологии. С 1902 экстраординарный профессор Варшавского университета (с 1906 — ординарный). С 1908 профессор Высших женских курсов в СПб. В 1910–1919 ординарный профессор кафедры славянской филологии Харьковского университета. Член Собора по избранию как мирянин от Харьковской епархии. Выбыл из состава Собора. В 1919 эмигрировал, жил в Югославии, был лектором русского языка и литературы в Белградском университете, читал публичные лекции. В 1921 член Карловацкого Всеаграничного церковного Собора, но в заседаниях не участвовал. В 1938 член Второго Всезарубежного Собора Русской православной церкви за границей. С 1939 профессор Белградского университета. После оккупации Югославии фашистскими войсками был уволен в отставку. Автор ряда работ по славянской филологии и истории славянских народов. Работы Погодина написаны с позитивистских позиций. Резко критиковал взгляды славянофилов. Умер в Белграде.

³⁴ **ВОЙЦЕХОВСКИЙ Михаил (Мариан) Антонович** (1882–1948) — революционер. Участник Первой мировой войны, работал машинистом на железных дорогах Украины, рабочий Путиловского завода, в 1917 принял активное участие в революционных событиях, вступил в большевистскую партию, был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов Нарвско-Петергофского района, стал членом заводского комитета. Один из организаторов и руководителей Красной гвардии Путиловского завода, командир первого советского бронепоезда, сформированного путиловцами. Возглавлял штаб Нарвско-Петергофского района по борьбе с контрреволюцией. В конце 1917 выехал на Украину, был военным комиссаром г. Харькова и уезда, затем Таганрога и Ростова-на-Дону. Во время немецкой оккупации Украины вел подпольную работу на Николаевщине. Был уполномоченным по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом в тылах 14-й Красной армии. После окончания Гражданской войны — в Петрограде, на советско-хозяйственной работе.

³⁵ Личность матроса Васильева идентифицировать не удалось.

Васильев, личность с несомненным уголовным прошлым, совмещал в своем лице и грабителя, и чеховского унтера Пришибеева. Он любил «наводить порядок». Это последнее качество побуждало его при случае быть даже справедливым, то есть расстреливать бандитов, ежели они попадались с поличным, разбирать без «классового подхода» обывательские жалобы и вообще проявлять своеобразную каторжную этику. Происходило это потому, что Васильев по природе, по убеждениям был осторожным человеком и стал коммунистом ради личной выгоды. Он и пользовался революцией как мог и умел. В конце концов большевики его расстреляли.

Как-то Васильев в момент административного усердия прибыл в редакцию «Русской жизни», чтобы «навести порядок». А.Л. Погодин встретил его корректно и, по-видимому, «пленил» интеллигентным разговором. Васильев был польщен знакомством с профессором и, уезжая, пообещал свое покровительство «товаришу господину профессору», как забавно называл он А.Л., и свое обещание сдержал.

Войцеховский, игравший видную роль в коммунистических кругах Харькова, был иной, чем Васильев, окраски. Идейный коммунист, он являлся сторонником сильной власти и явно стремился создать себе популярность среди горожан.

Однажды в богатый особняк Коренева ворвалась какая-то вооруженная банда, называя себя «анархистами зелеными», и заявила перепуганным владельцам, что отныне право пользования особняком принадлежит им — «эстетам». Эта банда пьянствовала, безобразничала и похвалялась, что принципиально «не принимает никакой власти». Войцеховский вскипел и, нагрянув с отрядом чековцев, выгнал «эстетов» из особняка.

Такой поступок Войцеховского вызвал полное сочувствие широких городских кругов, давно уже привыкших к революционному бесправию. Все с воодушевлением передавали подробности выселения хулиганов — «эстетов». Часть последних была Войцеховским ликвидирована, а остальные поспешили убраться из города. После этого случая грабежи и налеты хотя и временно, но затихли.

«Русская жизнь» отметила заслуги Войцеховского. Войцеховский был польщен буржуазным отзывом, и газета, не ожидая того, получила в лице Войцеховского деятельного защитника.

Когда не стало Васильева и Войцеховского, нажим на национальную газету возрос, и профессор Погодин вынужден был отойти от газеты. Газета перестала существовать.

Взамен ее бывшими сотрудниками «Русской жизни» была создана новая газета — «Возрождение». С приходом немцев «Русская жизнь» снова возродилась.

помощные
шны немед-
пробывав-
да, куда и
перевезено
должны въ
готовлять и
радамъ на-
бъженцевъ.
1., по полу-
изавія о по-
женцевъ, по-
градой дол-
обезпеченію
поѣзда.
твствіи съ
ми бѣжен-
нни по от-
сообщать
о отправить
наказант.
ученіи раз-
сроку, вру-
ствующимъ
ихъ посад-
іяхъ. При-
ій въ дви-
по указа-
экстрен-
ту усмотрѣ-
твеннымъ
омоч. бѣж-
сократить
нть отпра-
ениаго на-
въ свое
къ то же

Письма въ редакцію.

I.

Нашъ проситъ помѣстить слѣдующее об-
ращеніе:

Изъ офицерамъ г. Харькова.

Приказъ Украинскаго Военнаго Ми-
нистра о властанненіи чиновъ и погонъ,
редактированный недостаточно ясно, давъ
основаніе некоторымъ русскимъ офице-
рамъ надѣть погонь. На дняхъ, оди-
нъ изъ такихъ офицеровъ, проходя мимо
управленія губернскаго коменданта, былъ
приглашенъ въ комендатуру. Войдя въ
помѣщеніе, русский офицеръ былъ встрѣ-
ченъ представителемъ Украинскаго ко-
менданта, назвавшимъ себя старшиною
Майковскимъ, который въ грубой и рѣз-
кой формѣ потребовалъ снятія погонъ,
вызвавъ, при этомъ, для усиленія своихъ
угрозъ, нѣсколько вооруженныхъ солдатъ.
Случай совершенно безосновательнаго
натравливанія вооруженныхъ солдатъ на
русскаго боеаго офицера не является
для насъ изъ обычныхъ подобныя примѣ-
ры неоднократно видѣть, русскій офи-
церъ при большевикахъ—комендантахъ.
Не входи въ обсужденіе, почему въ у-
правленіи губернскаго коменданта Миро-
ненко-Васюткинскаго примѣнялись приемы
"товарищей" Вейцеховскихъ, мнѣ настоя-
тельно проситъ д.р. русскихъ офицеровъ,
(это не относима конечно, къ офицерамъ
добровольческой арміи) воздерживаться отъ
ношенія погонъ и въ вопросахъ формы
руководствоваться правилами, объявлен-
ными официальными представителями Ук-
раинской власти.
Харьковская офицерская монархиче-
ская группа.
P. S. Проситъ къ этому поводу пере-
печатать.

II.

СКИХЪ СТАВОВЪ
СТЬ, ВВЕНИТЬ, Ж

Об

Акуше
рож. Бятеж
театр. Сарм

Акушерк
Карповская

Акуш
пр. секр. бер

Ботин
шаго качества
(въ магазинѣ
лужкивская,
а отъ 4 до 8

На сѣв. I
а пор. Подгор

Похощ. удос
А.Н. Павлов

Д
знамо сол.
Д. Кромешка.

Продае
20 дѣль. вѣск
фабр. "Лавина"

Свѣщи

Зелень

Письмо харьковской офицерской монархической группы с просьбой воздержаться от ношения погон. Газета «Возрождение», 29 июня 1918 г.

Период от прихода большевиков к власти и до занятия города немцами можно охарактеризовать как период партизанских действий. Появлялись энергичные люди, собирали круг единомышленников и на свой риск и страх вели национальную работу, воодушевленные единым заданием: сохранять моральные ценности в этом хаосе надвигающегося материализма.

Среди национальных организаций наиболее видную роль играли горнопромышленники Юга России и Торгово-промышленный союз. Деловой успех этих двух организаций объяснялся не только наличием у них значительных материальных средств, но и подбором энергичных, способных, мужественных людей. Последнее качество играло особо важную роль, ибо если большевики, как уже было сказано, избегали трогать военных, то гражданский элемент подвергался любому воздействию.

Наиболее активно действующими лицами являлись: у торговопромышленников — инженер М.И. Игнатищев³⁶, а у горнопромышленников — В.С. Соколов³⁷. Внешне оба были глубоко штатскими людьми, а по характеру и склонностям — чрезвычайно темпераментные бойцы. Умные, решительные, быстро схватывающие обстановку, люди большой инициативы и

³⁶ **ИГНАТИЩЕВ Михаил Иванович** — представитель известной купеческой семьи Игнатищевых, сын купца 2-й гильдии Ивана Егоровича Игнатищева, потомственного почетного гражданина г. Харькова, владельца крупного пивоваренного завода «Россия» на Ивановке. Родился 8 ноября 1880 в с. Васищево Харьковского уезда. Образование получил в Харьковском реальном училище (1907) и Харьковском технологическом институте, по окончании которого получил звание инженера-технолога. Заведовал технической частью семейных заводов. С 1906 по доверенности управлял всеми предприятиями семьи. С начала 1910-х полный товарищ Белгородского горного товарищества Ямпольских и Игнатищевых и заведующий технической частью принадлежавшего этому торговому дому мелового и известкового завода. Еще при жизни отца — самостоятельный член Харьковского биржевого общества. Старшина (1913–1917), товарищ (заместитель) председателя (1917) Харьковского биржевого комитета. В 1913–1914 как представитель биржевой организации участвовал в заседаниях смешанной комиссии по нормированию рабочего дня на предприятиях Харькова. В 1914 делегировался на съезд горнопромышленников Юга России. В том же году в качестве наблюдателя присутствовал на выборах в Харьковскую городскую думу. С 1914 гласный Харьковской городской думы. В 1-ю мировую войну 1914–1918 председатель отдела военно-технической помощи Харьковского комитета Союза городов. В 1916 избран купеческим старостой на следующий год. Член Попечительского совета Харьковского коммерческого института. С 1.3.1917 член Харьковского городского (затем губернского) общественного комитета, к которому перешла верховная власть в регионе. В июле 1917 баллотировался в Харьковскую городскую думу по списку кадетской партии, но в гласные не прошел. В том же месяце председательствовал на соединенном собрании Харьковского биржевого общества, купцов и торговопромышленников города, избран главой делегации на 2-й Всероссийский торгово-промышленный съезд. В начале 1919, после занятия Харькова большевиками, эвакуировался в Екатеринодар. С 7.2.1919 член Всероссийского национального Центра; регулярно присутствовал на общих собраниях Центра, участвовал в разработке аграрного вопроса. По возвращении в Харьков член городской управы, председатель комитета общей биржи, купеческий староста; участвовал в работе местного отдела Всероссийского национального Центра. Председательствовал на общих «собраниях биржевого и купеческого обществ, членов Торгового союза и харьковских торговцев и промышленников». 2.6.1919 участвовал в совещании о торговле и промышленности в Харькове. Неоднократно выезжал за пределы города для представительства интересов его предпринимательских кругов. Так, в октябре 1919 в качестве товарища председателя участвовал в работе Торгово-промышленного съезда в Ростове-на-Дону, присутствовал на собрании Центрального отдела Всероссийского национального Центра. В ноябре 1919 на выборах, организованных правительством генерала А.И. Деникина, вновь избран гласным Харьковской городской думы; на первом заседании думы 19.11.1919 избран заместителем председателя. По некоторым данным, после занятия Харькова частями Красной армии (28.11.1919) выехал в Германию.

³⁷ Идентифицировать личность В.С. Соколова не удалось. Возможно, он был родственником Бориса Николаевича Соколова (1873–1944) — горного инженера, промышленника, активного участника Белого движения, члена правления Союза горнопромышленников Юга России, общественного деятеля русской эмиграции.

большого кругозора, подлинно общественные работники, они не любили ни многословия, ни громких фраз.

С тем и другим мне пришлось долго и много работать, переживать тяжелые дни и я навсегда сохранил о них чувство глубочайшего почитания. Где ныне М. И. Игнатищев, я не знаю, а В.С. Соколов погиб от большевиков. Да упокоит Господь его светлую душу!

Игнатищева я помнил еще реалистом и студентом, но не был с ним знаком. Впервые столкнулся в феврале 1918 г., когда большевики наложили контрибуцию на домовладельцев Харькова. Большевики объявили, что всякий, кто не внесет причитающейся с него доли, будет арестован. В виде меры устрашения взяли заложниками видных в городе лиц. Быть арестованным и рисковать попасть на «седьмую линию» никому не хотелось...

По моему имущественному положению с меня причиталась довольно крупная сумма. К описываемому времени у большевиков уже имелись некоторые счета со мною и я, конечно, не имел никакого желания быть арестованным.

Сбором контрибуции ведала особая комиссия, составленная из представителей буржуазных классов, под председательством М.И. Игнатищева. Узнав об этом и будучи вызванным в эту комиссию повесткой за подписью М.И., я подумал о нем: «Примазался к большевикам!» До сих пор стыжусь столь недостойного подозрения о таком достойнейшем человеке. Скоро я понял, какую неблагодарную обязанность возложил он себе и как умно справился с этой обязанностью.

Во всяком случае, моя первая встреча с М.И. дала мне возможность запомнить, что я имел дело с сильным, волевым человеком. Ум и воля расцениваются, конечно, как высокие качества, только их наличие было еще недостаточным для участия в конспиративной работе, к каковой, как мне казалось, необходимо привлечь Игнатищева. Надо было обладать и умением молчать. Не зная еще М.И. с этой стороны, я до поры до времени не считал возможным входить в более близкие отношения с Игнатищевым. Жизнь научила быть осторожным.

И действительно, обстановка складывалась такой, что требовалась величайшая осмотрительность, чтобы не погибнуть, чтобы не погубить и хорошего начатого дела, и людей, мне доверенных, и самого себя. Большевики постепенно входили во вкус власти и насилия. Хотя они и продолжали быть слабыми, все же общая обстановка не оставляла сомнений в неравенстве наших и их сил.

Меня окружали люди втроене идейные и мужественные, однако по мере развития системы троек и пятерок не исключалось, что в каком-нибудь звене окажется вредный болтун, а может быть и провокатор.

Два раза мне становилось известным о вредной болтовне членов организации. Оба раза виновные получили предупреждение, что в случае подозрения им будет вынесен смертный приговор. Угроза оказалась действенной!

Однажды мне доложили, что один из членов звена замечен в общении с большевиками. Я приказал наблюдать за ним, дабы выяснить истинный характер такого общения. Ведь не исключалась возможность, что офицер обращался к представителям официальной власти по делам личного, бытового характера. Когда было установлено с полной уверенностью, что в лице этого офицера мы имеем дело с тайным большевистским агентом, было отдано распоряжение казнить провокатора. Виновный был вызван в вечерний час на окраину города. Подобный вызов не мог возбудить его подозрений, ибо являлся традиционным способом сношений. Сперва он отрицал свою вину, а будучи уличенный фактами, цинично заявил, что «никому не намерен отдавать отчет в своих поступках»...

Официальная версия отнесла совершившуюся казнь на счет бандитов, но молва угадала правду. Большевикам же было отправлено сообщение, что такой-то за сношение с ними казнен постановлением офицерской организации.

И я, и мои друзья продолжали считать, что единственно правильной в нашем положении тактикой являлась тактика партизанских выступлений и психологического воздействия. Конечно, подобная тактика требовала громадной выдержки и хороших нервов. Не так-то было легко постоянно лавировать среди вполне реальных смертельных опасностей...

Сидя в Харькове, мы являлись крохотным островком среди огромного большевистского моря. Связь с другими городами была очень затруднительна, а сведения, оттуда поступающие, ничего утешительного не давали. Всюду офицер был синонимом бесправия и незащитности. В Киеве, Севастополе, Одессе офицеры гибли сотнями, и мы благодарили Бога, что хранит нас! О Добровольческой Армии или о каком-то вооруженном сопротивлении большевикам мы тогда ничего не знали. Приезжие из Ростова передавали, что генерал Алексеев собрал небольшой отряд и ушел в степь. Затем по одним сведениям «Алексеевский отряд» погиб, а по другим — усилился, присоединил массы казаков, и «здорово бьют большевиков». В общем, толком никто ничего не знал, но хотелось верить, что где-нибудь действительно имеется отряд, уже ведущий открытую борьбу с теми, кого мы ненавидели всей душой. Во всяком случае, эти слухи поднимали настроение и вселяли хотя и смутную надежду.

А надежды были насущно необходимы, ибо время было и подлое, и тяжелое. Ни днем, ни ночью не было спокойствия. Натянутые нервы реагируют

вали на все: на шум проезжавшего автомобиля, на выстрелы среди ночи, на сыпавшиеся большевистские декреты, всегда что-то запрещающие, всегда угрожающие. Город угрюмо затих, не зная откуда и когда ожидать избавления от новой, все ухудшающейся власти.

Коммунистическое хозяйствование, ведомое невежественными людьми, постоянно давало перебои. То не было электричества, то не было воды, хлеб выдавался по карточкам, и его было недостаточно. Продукты первой необходимости исчезли. Неимущая часть населения, то есть именно та, каковая и являлась сторонниками советской власти, терпела много лишений. Массовое недовольство большевиками становилось фактом неоспоримым. Поэтому, когда поползли слухи, сперва неясные, а затем все более и более определенные, что германские войска оккупируют Юг России, Харьков стал мечтать о скорейшем приходе немцев. Немцы были врагами, но по сути они сметали еще большего врага — большевиков. И понятно, что запуганный террором, измученный лишениями обыватель мечтал о немцах, как о спасителях.

Когда Киев был занят германскими войсками, большевики уже не могли скрыть этого факта и в выпускаемых бюллетенях стали появляться сведения о продвижении немцев. Правда, советские репортажи были неизменно победными, но им никто не верил. К тому же на основании этих репортажей можно было заключить, как неудержимо продвигается германский фронт от Киева к Харькову.

В коммунистических кругах царил паника. Оборонять подступы к городу не было возможности, ибо не было ни средств, ни умения. И большевики, и не большевики были убеждены, что надвигается неотвратимая сила.

Последние дни перед приходом немцев были крайне деятельны. Нервное напряжение достигло крайнего предела. Не исключалась возможность, что перед уходом из города большевики учинят погромы и жестокости. Поэтому офицерам был дан приказ избегать появления на улицах, быть начеку и в случае тревоги собираться с оружием на сборных местах.

Особенно памятной и жуткой была ночь накануне вступления немцев. Большевистская эвакуация шла полным ходом. ЧК и другие учреждения грузились в поезда и положительно не казались уже страшными. Опасность могла угрожать со стороны запуганных красногвардейских частей и бандитских шайк. Впрочем, призрак «чеки» еще чувствовался и довольно осязаемо. По городу носились автомобили, люди в кожаных куртках с револьверами в руках... Всю ночь не смыкали глаз все самообороны. Да и едва ли кто в городе спал в эту ночь. Повсюду раздавались выстрелы. Со стороны немецкого наступления разгоралось пламя далекого пожара. Как всегда

в таких случаях нервные люди галлюцинировали и утверждали, что ясно слышат отдаленную канонаду. Кто-то прибегал и сообщал «последние новости», явно сочиненные.

Большинство верило, что немцы возьмут город «завтра». Так, завтра было Благовещеньем... Наступило «завтра», то есть 25 марта ст. ст. Я предложил своей самообороне не расходиться. Несмотря на бессонную нервную ночь, они покорно слушались меня. Чувствовалось, что в тот час я был для них непререкаемый авторитет. Часть охраны осталась на улице, выставив на перекрестке пулемет, часть отдыхала в «караульном помещении».

Группы красногвардейцев торопливо проходили по главным улицам, утирая потные лица и пугливо озираясь по сторонам. Когда одна из таких групп повернула в нашу сторону, пулеметчики открыли огонь. Солдатня шарахнулась назад... Наблюдая отход красных войск, было ясно, что никто ими не руководит и они путаются в незнакомом большом городе, даже не зная толком, куда следует отходить. Одна партия бежала вверх по Московской, а через полчаса другая, а может быть и эта самая мчалась в обратном направлении. Все они имели жалкий вид грязных загнанных людей, однако жалости к ним не чувствовала моя душа. Слишком много зла принесла вот такая же солдатня и Родине и лично мне. И ничего, кроме холодной ненависти, я не испытывал...

После полудня со стороны Холодной Горы, то есть со стороны ожидаемого подхода немцев слышалась ружейная и пулеметная стрельба, краткая, но энергичная. Затем опять тишина, а через ¼ часа все уже знали, что немцы вступили в город.

Около 4 часов дня мне сообщили, что германские войска двигаются по Московской улице. Я пошел посмотреть. В касках, в полном походном снаряжении немецкие войска шли стройно, четко отбивая такт. Ни малейшего признака распушенности или расхлябанности. Достаточно было посмотреть на германский отряд, чтобы понять, как еще сильна духом эта армия к концу четвертого года войны. Каждый обозный был действительно солдат, подтянутый, одетый по форме, с винтовкой через плечо. Несмотря на свой воинственный вид, немцы посматривали по сторонам без всякого задора и производили впечатление миролюбиво настроенных людей.

С сложным чувством смотрел я на прибывшие войска. Они, несомненно, являлись нашими избавителями от красного ига. Они возвращали нам безопасную спокойную жизнь и порядок. Невозможно было не чувствовать к ним за это благодарность. Однако в то же время они были и наши враги.

Как офицеру, мне было непереносимо смотреть на эти отличные с военной точки зрения войска и сознавать, что моей армии больше нет, а я —

Вступление немецких войск в Харьков

я только обломок кораблекрушения... Что нет уже России, моей прекрасной Родины, ибо если была бы Россия, то Харьков не мог впустить немцев... В душе горела горечь национальной обиды, вспоминался весь позор, пережитый с первого дня революции... Я не мог оставаться на улице и вернулся домой, взял «Войну и мир» и, перечитывая историю прошлого, искал забвения настоящему...

Вечером пришел ко мне за инструкциями полковник Смельницкий. Его первыми словами были:

— Ну что, Борис Александрович, видели?

— Видел!

Смельницкий был подавлен, как и я. Мы молча курили, переживая одни и те же чувства. Всякие слова были лишними и неуместными.

В эту ночь впервые после многих месяцев Харьков заснул спокойно. Каждый переживал то особое чувство, которое появляется, когда благополучно минует смертельная опасность. Впервые за много-много времени, ложась спать, я не положил около себя револьвер.

Под утро меня разбудили близкие выстрелы. Еще вчера, заслышав такую стрельбу, я через минуту был бы уже на улице. «Сегодня» выстрелы меня и не всколыхнули. Я догадывался, в чем дело. Утром узнал подробности: ночью были обнаружены оставшиеся в городе большевики из числа особо наглых, подручных, тех шакалов революции, кои готовы на любую гнусность. Их загнали в реку и там перестреляли.

Занятие немцами Харькова совершилось и быстро и сноровисто, без того топтания на месте, какое свойственно войскам вообще, когда они размещаются в неизвестном им да еще большом городе. Видно было, что роты

и батальоны хорошо знали, куда им направляться. Германские офицеры имели, по-видимому, тоже соответствующие указания, на какой улице и у кого им отведены квартиры. Если бы не сознание, что город заняли вражеские войска, то можно было подумать, что это вернулись домой в свои казармы части харьковского гарнизона.

Германская комендатура сразу обосновалась в доме дворянского собрания на Николаевской площади. На балконе был выставлен пулемет, а у входа часовые. К вечеру кроме этого пулемета да часового ничто не напоминало, что Баварский корпус занял Харьков.

Спустя несколько часов по занятии города произошел случай, произведший на жителей очень сильное впечатление. По Николаевской площади, а это в центре города, проезжала на лихаче пара «товарищей» хулиганистого вида, пьяная, развалившаяся на подушках пролетки, с подчеркиванием в поведении, что им на всех и на все наплевать. Подобное поведение показалось подозрительным немецкому часовому. Лихач был остановлен, а седоков отправили в комендатуру. Там их обыскали и нашли у них часы, кольца и иные вещи, явно им не принадлежавшие. Допросили и быстро установили, что это убийцы семьи Ребиндер.

Ребиндер³⁸ был уездным предводителем дворянства и проживал с семьей в своем имении. Во время большевиков эта семья была зверски убита и ограблена.

Через несколько часов по задержании убийцы были расстреляны во дворе дворянского собрания. Поимка бандитов была не более как случайность, но молва, не разбираясь в подробностях, приписала этот случай осведомленности немцев. Столь быстрая и решительная расправа оказала потрясающее впечатление на весь преступный мир. Не только убийства и налеты, но и хулиганства немедленно исчезли.

На следующий день по занятии Харькова германская комендатура опубликовала приказ на русском языке с требованием сдать все имеющееся у жителей оружие.

Офицерская организация не имела, конечно, никакого желания отдавать оружие, каковым она владела. Запрятав в потайное место винтовки,

³⁸ **РЕБИНДЕР Николай Александрович** (1863–1918) — действительный статский советник, совладелец промышленного хозяйства в Шебекино Белгородского уезда. Был земским начальником, предводителем дворянства Волчанского уезда. В 1906–1917 харьковский губернский предводитель дворянства. В 1908 член Государственного совета. В период Первой мировой войны выполнял обязанности Уполномоченного Российского Общества Красного Креста по Харьковской губернии. Жена — графиня Елизавета Павловна Кутайсова, попечительница Верхне-Писаревского и Волчанского приютов. Похоронен в Шебекино.

Немецкая комендатура в Харькове. 1918 г.

пулеметы, ручные гранаты и прочее, мы явились в дворянское собрание, дабы предъявить свои револьверы и узнать, как отнесется к русским офицерам новая власть. Комендатура отнеслась к нам со всей корректностью. Кадровым офицерам выдавались незамедлительно свидетельства на право ношения револьвера. У молодежи револьверы отбирали, но не у всех. Насколько я мог судить, оружие оставялось всем строевым офицерам.

При немцах мы продолжали ходить без погон, но, несмотря на отсутствие отличий, определявших наши чины, германские офицеры приветствовали русских офицеров отданием чести, особенно тех, в ком они угадывали старших чинов.

Вообще, при всяком подходящем случае и германское командование, и германское офицерство стремились подчеркнуть не только свою лояльность, но и сочувствие русским офицерам. Наши офицеры отвечали полной корректностью, но попыток к сближению не проявляли.

Со стороны гражданского населения наблюдалось однородное же отношение. Так, например, за все время пребывания германцев в Харькове я не видел, чтобы русские дамы появлялись где-либо в обществе немецких офицеров.

Офицерская организация ни в какие сношения с германским командованием не входила.

Узнав, что в Харькове проживает генерал гр. Келлер, германский командир корпуса командировал к нему кого-то из старших чинов штаба с поручением узнать, чем может служить командир корпуса «храброму рус-

скому генералу». Граф поблагодарил довольно сухо и заявил, что он ни в чем не нуждается.

С приходом немцев заведование городскими делами перешло к украинским социалистам. На ответственных должностях появились неведомые никому Перебийхвисты, Рябошапки и т.п. ультра-украинские имена. На улицах стали встречаться опереточные костюмы и шапки с оселедцями — смесь малороссийского с измышлением.

Впрочем, вся эта новая декорация не производила сколько-нибудь серьезного впечатления и самостийничество как таковое совершенно утонуло в общерусских настроениях.

К тому же лево-украинские тенденции и не имели времени для своего проявления, так как Рада была скоро свергнута и провозглашено гетманство.

ГЛАВА IV

Первые сведения о Добровольческой Армии. Ее лозунги. Приезд в Харьков начальника политической канцелярии ген. Алексева.

Предложение занять должность начальника Харьковского Главного Центра. Мое назначение. Сформирование штаба Центра.

Полковник Смелъницкий, Ткачев и ф. Лампе. Вербовочное бюро.

Полковник Тарасевич. Приемы работы Центра. «Генерал».

Союз Георгиевских кавалеров. Моя встреча с германским комендантом.

С падением большевиков связь между собою южных областей быстро наладилась и в Харьков стали проникать уже более точные сведения о Добровольческой Армии. Правда, первоначальные сведения были по-прежнему скудными, но факт существования Добровольческой Армии получил полное подтверждение.

Первые подробные сведения об армии привез в Харьков мой двоюродный брат капитан Скабичевский³⁹. Он проделал первый поход, участвовал

³⁹ **СКАБИЧЕВСКИЙ Павел Яковлевич** — офицер 18-го стрелкового полка. Участник Первой мировой войны, награжден орденами за отличия в делах против неприятеля. Участник 1-го Кубанского похода в команде конных разведчиков Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 — в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Осенью 1925 — в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. В эмиграции там же. Умер в 1940 во Франции. П.Я. Скабичевский приходился Б.А. Штейфону двоюродным братом по отцу, сыном Евдокии Константиновны Скабичевской, урожденной Штейфон (1854 — после

во всех боях добровольцев с большевиками и мог рассказать мне много подробностей.

Скабичевский, которого я знал всегда как подтянутого, франтоватого офицера, появился измученный, обтрепанный, но духом бодрый. И рассказы Скабичевского и его внешний вид убедили меня, в каком тяжелом положении находится армия. С глубоким волнением слушал я историю героической эпопеи первых добровольцев.

Вместе с сим мы в Харькове узнали, что официальным лозунгом Добровольческой Армии является «Учредительное собрание». Как строевой офицер, Скабичевский довольно ярко отражал настроение строевых добровольцев: мало политики и высокий пафос борьбы.

Для военного ремесла политика не требовалась. Для военного искусства политика является уже необходимой, ибо стратегия выполняет задания политики. Для Добровольческой Армии, как для аппарата, выполнявшего явно политические задания, политические лозунги и были особенно важны. Поэтому понятно, почему и мои друзья, и я живо интересовались политическими симпатиями Добровольческой Армии. Лозунг «Учредительное собрание» представлялся нам ошибочным во всех отношениях, ибо народные массы его просто не понимали, а офицерство (тоже в массе!) было ему враждебно. Враждебно потому, что отождествляло его с «завоеваниями революции», а революция воспринималась как национальное бедствие, погубившее и Россию, и Армию.

Харьковская военная организация исповедовала, как указывалось ранее, монархические начала и к идее Учредительного собрания относилась резко отрицательно. В дальнейшем, когда я вошел в ряды Добровольческой Армии, когда командовал полком и более крупными соединениями, т.е. когда я стал вплотную к строевому офицерству, я убедился, что и оно нескрывая враждебно к лозунгу «Учредительное собрание».

Несмотря на подобное отношение к политической идеологии Добровольческой Армии, мы, как офицеры, не могли, конечно, оставаться равнодушными к ее героической борьбе, к судьбам этой борьбы. Лично мне представлялось, что официальные лозунги могут и не выдавать действительных симпатий Добровольческих вождей. Я прекрасно понимал, что в то время, когда страсти горят, когда необходимо объединение усилий, «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Подобный взгляд и был внушен членам

1917), которая вышла замуж за полковника Якова Яковлевича Скабичевского. Также П.Я. Скабичевский и Б.А. Штейфон были однокашниками по Чугуевскому юнкерскому училищу.

организации. После Пасхи представился случай познакомиться более подробно с этим вопросом.

В Харьков прибыл Генер. Штаба полковник Я.М. Лисовой⁴⁰, начальник политической канцелярии генерала Алексева. Через несколько дней по приезде полковник Лисовой навестил меня. О том, что он в Харькове, я уже знал, но не был осведомлен о том, что он начальник политической канцелярии. В свой первый визит Лисовой не открыл мне своей должности и посещение меня объяснил как традиционный визит офицера Генерального Штаба. Говорили мы мало, так как я спешил. Лисовой просил меня назначить время, когда он мог бы более продолжительно поговорить со мною, и я пригласил его на следующий день на обед.

В назначенный час Я.М. был у меня и рассказал мне много интересного о Добровольческой Армии⁴¹. Естественно, что я затронул вопрос и о лозун-

⁴⁰ **ЛИСОВОЙ Яков Маркович** (1882–1965) — полковник Генерального Штаба, историк, собиратель архивных материалов по истории Русской Армии и др. Окончил Одесское пехотное училище, Императорскую Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Награжден Георгиевским оружием (ВП 12.11.1915). В Добровольческой Армии. В январе 1918 представитель армии при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского похода. В 1919 начальник Политического отдела штаба армии, начальник политического штаба Донского атамана. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска на Антигону и в Константинополь, где организовал выставку «Борьба против большевизма в России», демонстрировал ее в странах Европы. С 1925 проживал в США. В 1926–1928 редактор журнала «Белый архив». Автор работ по истории Белого движения. Свою коллекцию книг, газет, журналов, документов в 1945 передал в Государственную публичную историческую библиотеку в Москве. Умер в Чикаго (США).

⁴¹ Беседа Я.М. Лисового с Б.А. Штейфоном нашла отражение в газете «Русская жизнь» 30 (17) июля 1918 года:

«Добровольческая Армия. Беседа с начальником политического отдела

В Харьков прибыл начальник политического отдела Добровольческой Армии ген. М.В. Алексева. В беседе с нашим сотрудником полковник поделился сведениями о задачах и обстановке Добровольческой Армии.

По словам полковника, настроение армии в связи с блестящими военными успехами на Кубани великолепно, замечается громадный подъем духа.

По выполнении военных задач в области Войска Донского и на Кубани, армия приступит к выполнению задач общегосударственного значения, по воссозданию Великой России, во имя которых и соорганизовалась армия и вела отчаянную борьбу в течение более 8 месяцев.

Добровольческая Армия чисто национальная, избегает всякого влияния внешней силы.

Материальный источник, на который содержится Добровольческая Армия — самый разнообразный, но в подавляющем большинстве — это национальные средства, особенно в последнее время.

Добровольческая Армия вся монархическая. Идея учредительного собрания давно похоронена и монархическая платформа единственная, на которой стоит армия в целом.

Харьков, Николаевская церковь. 1918 г.

ге «Учредительное собрание», отнесясь к нему критически. Полк. Лисовой заверил меня, что таковой лозунг отнюдь не соответствует действительным симпатиям генерала Алексеева и «навязан» последнему генералом Корниловым, а затем преемственно воспринят и генералом Деникиным. Из рассказов Лисового, хотя они говорились и очень осторожно, я понял, что между ген. Алексеевым и ген. Деникиным не существует полезных для дела сердечных отношений. Создавалось впечатление, что генерал Алексеев и генерал Деникин это два если и не явно враждебных, то, во всяком случае, отдельных лагеря.

Осведомленность моего гостя, человека интересного и наблюдательного, меня несколько не удивила. Я знал хорошо, что офицеры Генерального Штаба благодаря условиям своей службы всегда были лицами хорошо осведомленными. Во время обеда Я.М. высказал, что нигде в других городах он не встречал столь крупной офицерской организации, как в Харькове, и что хотя в Харькове он всего лишь несколько дней, но и за это время от многих мог слышать лестные отзывы обо мне. Не зная Лисового, познакомившись

Проезд из армии и в армию вполне свободен. В приказе об осадном положении на Дону для чинов Добровольческой Армии сделано исключение в смысле беспрепятственного проезда.

Здоровье вождей в цветущем состоянии и они преисполнены веры в светлое возрождение единой и могучей России, на что отдают все свои силы.

Армия значительно пополнилась, окрепла и насчитывает все роды оружия.

С Войском Донским и кубанским правительством армия в дружеских отношениях».

с ним только теперь, я молчаливо принимал его комплименты. Однако он несколько раз возвращался к вопросу об офицерской организации, интересуясь подробностями. Понятно, что подобное любопытство я удовлетворял только лишь общими фразами, заявляя, что не в курсе дела. Да и вообще, старался больше слушать и меньше говорить. Все же мне показалось, что Лисовой чего-то не договаривает и что его визит не только акт вежливости.

После обеда мы перешли в кабинет, где наш разговор принял более откровенный характер. Полк. Лисовой открыл мне доверительно, что он начальник политической канцелярии и объезжает Украину по поручению генерала Алексева. После этого, дабы у меня не было сомнений и, по-видимому, для того, чтобы и меня вызвать на откровенность, он показал документы, подтверждавшие его слова. Предосторожность далеко не лишняя в смутное время!

Карты были раскрыты, и разговор принял деловой характер. Повел его Лисовой:

— Еще в Добровольческой Армии и генерал Алексеев, и я имели сведения, что в Харькове образовалась довольно сильная офицерская организация. Мы только не могли выяснить, кто ее возглавляет, и признаюсь, что это обстоятельство лишь убедило нас в серьезной постановке дела. Генерал Алексеев приказал мне выйти на связь с начальником организации.

От офицеров, просачивавшихся из Харькова на Кубань, мы слышали прекрасные отзывы о Вас. Но Вы ли возглавляете организацию, или кто-либо другой, они не сумели объяснить. Здесь, в Харькове у меня имеются связи, и я нашел полное подтверждение отзывам об организации, какие мы имели на Кубани. Могу ли я узнать, это Вы возглавляете здешнюю военную организацию?

— Я действительно работаю по объединению офицеров. В этой работе в равной степени участвуют бывшие командиры полков местного гарнизона полковники Смельницкий и Ткачев и Генерального Штаба полковник фон Лампе. В подобной работе необходим возглавляющий начальник и мои друзья и единомышленники добровольно признали меня таковым.

— Прекрасно! Значит, Вы начальник организации?

— Да, но только той, какую мы создали, так как в Харькове существуют или существовали и другие организации.

— Я знаю, но генерала Алексева интересует преимущественно Ваша организация. Он считает ее наиболее сильной и хорошо поставленной.

Вот что, Борис Александрович, завтра или послезавтра я еду дальше по Украине, а затем вернусь в армию, чтобы доложить генералу Алексеву результаты своего объезда. Недели через 2–3 буду снова в Харькове. Теперь же разрешите мне познакомить Вас с намерениями главного руководи-

ля Добровольческой Армии: по мысли генерала Алексеева, на Украине и вообще на Юге России образуются Центры Добровольческой Армии. Их несколько, и в том числе Харьковский, которому мы придаем особо важное значение. Генерал Алексеев высказал пожелание, что если я удостоверюсь на месте, что уже существующая Харьковская организация действительно поставлена так солидно, как были о ней информированы, то предложить должность начальника Харьковского центра тому лицу, каковое уже возглавляет Харьковскую организацию.

То, что я узнал здесь о Вас и Вашей организации, убеждает меня, что наша информация была верной. Лично я особенно ценю то обстоятельство, что, проделав уже большую работу, Вы не пожелали рекламировать себя и продолжаете оставаться в тени. Сочту своим долгом подчеркнуть это в своем докладе генералу Алексееву.

Так как же прикажете мне доложить — согласны Вы принять должность начальника Центра?

— Прошу доложить генералу Алексееву мою признательность за лестную оценку нашей работы. Прежде чем дать тот или иной ответ на Ваше предложение, я хотел бы знать, какие обязанности будут возложены на меня?

— Для распространения идей Добровольческой Армии и для снабжения армии пополнением и материальными средствами — оружием, деньгами, имуществом и проч. Генерал Алексеев решил поделить Юг России на районы, назвав их Главными Центрами Добровольческой Армии. Положение о Центрах разрабатывается.

Начальники Главных Центров будут ведать вопросами политическими, административными, снабжения и т.д. Главные Центры образуются в Киве, Харькове, Одессе, Севастополе. В состав Главных Центров будут включены просто Центры. Так, например, начальнику Харьковского Главного Центра будет подчинен начальник Полтавского Центра.

А Вы должны будете отправлять в армию добровольцев, оружие, патроны, снаряжение, медикаменты... У нас всего мало.

Какими путями Вы будете находить и отправлять в армию людей и имущество, это предоставляется Вашему усмотрению.

Вы будете подчинены непосредственно генералу Алексееву. Доклады ему и вся переписка по делам Центра будет скрытной. Вообще, работа Центра должна быть строго конспиративной и о том, что Вы начальник Центра, могут знать только Ваши ближайшие помощники.

При начальнике Главного Центра образуется штаб Центра, согласно штатам. Вне штатных должностей работа распределяется Вашим едино-

личным усмотрением. Вообще, должен предупредить, что определенных, точно установленных инструкций о своей работе Вы не получите. Весь успех работы Центров генерал Алексеев основывает на энергии и инициативе начальников Центров. Вы местные люди и Вам виднее, чем нам. Тем более что условия работы Центров будут, вероятно, различными. Да и обстоятельства могут тоже изменяться.

Вот в кратких словах, кажется, всё. А теперь снова спрашиваю, как прикажете доложить генералу Алексееву — согласны ли Вы принять должность?

Я задумался, так как предложение было неожиданным.

— Я не могу дать Вам ответ ни сейчас, ни даже сегодня. Мне необходимо предварительно переговорить со своими единомышленниками. Дело сложное и трудное. К тому же меня смущает то обстоятельство, что в Харькове проживают офицеры старше меня чинами и службою. Здесь немало генералов. Лучше было бы, чтобы Вы обратились к генералам, дабы не создавать вредных для дела обид.

— Об этом не может быть и речи. Я уверен, что после моего доклада ген. Алексеев не захочет никого, кроме Вас. Теперь не время считаться старшинством.

— Затем, в случае моего назначения прошу дать мне право пригласить на штабные должности тех, кого я пожелаю, то есть кого я посчитаю должным.

— Ну конечно, иначе и быть не может! Вообще, Вы будете иметь полную свободу действий, получая от нас только директивы. Да, забыл еще объяснить, что все, кто будут работать с Вами, будут числиться на службе в Добровольческой Армии.

Покончив с Центрами, Лисовой вернулся к обрисовке положения Добровольческой Армии, дабы я был возможно полно ориентирован в этом вопросе: во время первого похода армия понесла тяжелые потери, а пополнения поступают слабо. С казаками, особенно с Доном, отношения неровные. Между Алексеевым и Деникиным скрытая вражда, на манер местничества...

В общем, ясно и определенно было одно: необходимо всячески помогать Добровольческой Армии, чтобы не потерять воодушевления борьбы с большевиками.

На следующий день я подробно передал Смельницкому, Ткачеву и Лампе мой разговор с Лисовым. Они без колебаний признали свой долг всемерно помогать Добровольческой Армии и настаивали, чтобы я принял должность начальника Центра.

Заручившись их согласием помогать мне и в дальнейшем, я сообщил полковнику Лисовому о своем согласии.

Через три недели Лисовой снова прибыл в Харьков и вручил мне приказ генерала Алексеева о назначении меня начальником Харьковского Главного Центра Добровольческой Армии, с подчинением мне Полтавского Центра. Вместе с предписанием мне были переданы 10 тысяч рублей для начала дела. Это была первая и последняя получка какой-либо суммы от Добровольческой Армии. В дальнейшем все многочисленное имущество, отправленное в Добровольческую Армию, было приобретено на средства Центра.

Штабные должности были мною распределены так: полковник Ткачев — начальник штаба; полковник Смелъницкий — казначей; Генерального Штаба полковник фон Лампе ведал отделом пропаганды и печати. Подобное распределение ролей оставалось неизменным на все время деятельности Центра. В лице своих помощников я имел верных друзей и прекрасных работников. Энергичные, волевые люди, они были очень тактичны и благожелательны в сношениях между собою и, что особенно облегчало мою работу, они вполне искренне признавали мое водительство, оставаясь равноправными братьями. Они были исполнительными, дисциплинированными подчиненными — качества, свидетельствующие как о возвышенном уме, так и о благородном характере моих друзей⁴².

⁴² Из воспоминаний А.А. фон Лампе:

«Скрываясь от советского вербовщика и дождавшись занятия Харькова частями германской армии — я стал разыскивать тех, кого по отношению к сотрудникам Сиверса я мог считать моими единомышленниками.

Это были полковник Штейфон, полковник Ткачев и полковник Х. (фамилию последнего не называю, так как не знаю его судьбы) — старшим и притом офицером генерального штаба был Борис Александрович. С присущей ему решимостью он нас объединил и начал работу, которую он вел, надо признаться, с большой осторожностью, что было, конечно, правильно, потому что надо было “конспирировать” не только по отношению к большевикам, но и к оккупантам. У Бориса Александровича были исключительные организаторские способности (что он потом так блестяще показал в Галлиполи), и под его руководством мы начали работу по пополнению Добровольческой Армии, как личным составом, так и переброской туда добывавшимися нами всякими правдами и неправдами вооружения и снарядов.

Работа под руководством Б.А. Штейфона велась в обстановке сложной и опасной. Почва под нами постепенно начала к буквальному смыслу гореть и надо было смываться... Борис Александрович, начиная с меня, отправлял всех нас постепенно в Добровольческую Армию, и только впоследствии, когда дольше оставаться в Харькове стало уже невозможным, преследуемый агентами Петлюры, с немалыми трудностями добрался до Екатеринодара. Отмечу, что работа нашей четырехчленной группы, названной “Добровольческим Центром в Харькове”, была признана генералом Алексеевым, и потому все мы, попадая в Екатеринодар, в штаб армии — приходили “к себе”, так как уже числились в составе армии, на которую работал “Центр полковника Штейфона”! (Фон Лампе А. А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. С. 196–197.)

[В дальнейшем, уже осенью я пригласил генерала В.П. Агапеева для сношения с харьковской общественностью. Внешне мягкий, он обладал твердым, настойчивым характером. По прежней своей службе военного агента, В.П. имел обширную практику в сношениях дипломатического характера и оказал немало услуг Харьковскому Центру. На то обстоятельство, что он генерал, а я полковник, он не обращал внимания и наши как деловые, так и личные отношения сложились весьма приятными.]⁴³

Штаты моего штаба предусматривали еще должность начальника вербовочного бюро. Должность, требовавшую знания людей, самостоятельности, неутомимости и, в то же время, хлопотливую и опасную. Перебирая мысленно известных мне офицеров, я затруднялся, кому я мог поручить столь необычную задачу. Однако мне повезло, и сама жизнь указала мне идеального начальника бюро.

Еще до моего вступления в должность начальника Главного Центра я знал — среди создавшихся частной инициативой офицерских групп, стремившихся посылить помогать Добровольческой Армии, имелась группа полковника Д.Д. Тарасевича⁴⁴. Эта группа помогала желающим офицерам отправиться в Добровольческую Армию, снабжала едущих железнодорожными билетами, обмундированием, а в случае нужды — и небольшими деньгами. Ограниченность средств не давала возможности полковнику Тарасевичу развить свою работу, но в пределах своих средств он проявлял много энергии, организационного таланта и бескорыстной преданности делу. Мы не были знакомы, но он, как и многие харьковские офицеры, считал, что я

⁴³ В тексте рукописи данный абзац зачеркнут Б.А. Штейфоном.

⁴⁴ **ТАРАСЕВИЧ Дмитрий Дмитриевич** (1889–1967) — полковник. Окончил Ярославский кадетский корпус и Александровское военное училище, из которого вышел в 1911 в 17-й Архангелогородский пехотный полк. С этим полком выступил на войну. За бой 23 июня 1915 при отходе из Галиции был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в капитаны — за отличия. В 1917 — подполковник в Георгиевском батальоне в Могилеве при Ставке Верховного главнокомандующего. В 1918 помогал отправлять офицеров в Добровольческую Армию из Ясс, а затем из Одессы. В конце 1918 сформировал из добровольцев сводный полк в 5-й дивизии генерала Оссовского, в состав которого вошло подразделение из добровольцев Архангелогородского полка. В 1919 после ранения на Украине находился в составе пулеметной команды при офицерской артиллерийской школе в городе Армавире. В составе этой артиллерийской школы оставался в Крыму при генерале Врангеле, а затем в Галлиполи. До 1929 проживал в Болгарии, где работал на железной дороге. В 1929 переехал во Францию по контракту с Вагоностроительным заводом в Канн-ла-Вокка. Был председателем местного Отделения Общества Галлиполийцев во Франции, возглавляя местный Союз Георгиевских кавалеров. После Второй мировой войны был избран председателем местного отдела Союза русских военных инвалидов и сумел организовать русское отделение во французском доме для престарелых в городе Грасс, где и скончался 18 февраля 1967. Похоронен на старом кладбище в Каннах.

Статья «Харьковские офицеры на Дону». Газета «Южный край», 7 июня 1918 г.

играю какую-то роль в какой-то тайной организации. Ему стало известно посещение меня полковником Лисовым и этот визит еще больше укрепил его веру в мои полномочия. Я знал в лицо Тарасевича и однажды, завидев его издали на улице, у меня мелькнула мысль пригласить его на должность начальника вербовочного бюро, то есть представить ему возможность вести начатое им дело в гораздо большем размере.

Тарасевич, всегда не ходивший, а летавший, быстро промчался мимо меня. Я решил его остановить и узнать, как развивается его работа. Однако я понимал, что Тарасевич не пожелает быть откровенным со мною, человеком ему незнакомым. Надо было взять ДД, неожиданным для него наскоком. Когда он промчался, я крикнул ему вслед:

— Господин полковник, пожалуйста ко мне!

Тарасевич не замедлил подойти.

— Что прикажете?

— Здравствуйте!

— Здравия желаю!

— Как идет отправление офицеров в армию? Сколько отправили вы в последний месяц?

Я задавал вопросы быстро, начальническим тоном и, по-видимому, в моем голосе было столько уверенности в праве задавать такие вопросы, что Тарасевич добросовестно отвечал мне.

Вести конспиративные разговоры на улице не являлось удобным, и я просил Д,Д, зайти ко мне на следующий день.

Встретившись с полковником вторично, я прежде всего пожурил его, как это он рассказал мне, незнакомому человеку, секретные подробности своей работы? Д,Д, переконфузился и оправдывался тем, что если я спрашивал его так важно, то, значит, имел на это право. Посоветовав ему быть более осторожным, я, обязав его честным словом, назвал ему свою новую должность и предложил быть начальником бюро. Тарасевич согласился с явным удовольствием. Я знал, что он мечтал о большой работе на Добровольческую Армию.

Тут я разъяснил ему основные правила нашего совместного сотрудничества: сохранение полной конспирации, никому не сообщать, что я начальник Центра, на улицах и вообще при посторонних лицах меня «не узнавать» и подробно докладывать мне обо всех своих действиях.

В течение всей дальнейшей деятельности полковник Тарасевич с полной добросовестностью выполнял эти требования. В его лице я имел незаменимого помощника. Храбрый, о чем свидетельствовал его орден Св. Георгия, решительный и чрезвычайно подвижный, он умел работать в самой сложной и опасной обстановке. Человек общительный, он в то же время умел хранить тайну и был создан для конспиративной работы. Всегда вспоминаю его с чувством глубокого уважения!

Вопросы конспирации меня крайне озадачивали. Опыт революции давал много примеров того, как шли прахом прекрасные начинания исключительно благодаря забвению правил конспирации. Хотя в этих делах я и не имел навыка, но чувствовал, что в деле конспирации существует какая-то граница, перейдя которую, тайна уже не помогает, а лишь вредит делу. Я отнюдь не желал во имя конспирации отсиживаться дома и довольствоваться только докладами. Мне хотелось иметь собственное восприятие жизни, хотелось все видеть, все знать и, в то же время, так сказать, не быть узнанным.

Долго я ломал голову и надумал чрезвычайно простой прием, оказавшийся удивительно полезным. Решил снова сыграть на психологии.

Было бы бесполезно и просто глупо пытаться убедить офицеров и общественное мнение, что в Харькове якобы не имеется представителей Добровольческой Армии. Иметь же вместо себя подставного начальника Центра представлялось невозможным во всех отношениях, и моральных, и деловых. Мне пришла идея создать мифического начальника Центра.

При содействии моих помощников был пущен слух, что представителем Добровольческой Армии в Харькове является генерал, имя которого по понятным соображениям держится в тайне. Никто не усомнился в правдивости такого слуха. Я был полковником и таким образом никак не мог считаться начальником Центра, ибо «всем было известно», что во главе стоит генерал.

Версия о «генерале» продержалась до конца существования Центра и дала мне полную свободу действий. Я везде появлялся открыто, принимал весьма деятельное участие в военной и общественной жизни, и никто не догадывался, кем я был в действительности — так сильно гипнотизировал воображение миф о генерале!

Некоторые высказывали догадки, что я начальник штаба «генерала», другие считали меня «просто причастным» к добровольческой работе. Всегда находились желающие лично переговорить с генералом. Если разговор представлял интерес и я желал его вести лично, то заявлялось, что «генерал» в отъезде, но «уполномочил меня» выслушать и передать ему. Если ожидалась только «принципиальная болтовня», то тогда «генерал убывал» на неопределенный срок.

Если требовалось выиграть время, прежде чем дать ответ, генерал «отправлялся в Киев», «в армию» — в зависимости от того, какое время надо было оттянуть. Когда бывали случаи, вызывавшие немедленное решение, я, не смущаясь, говорил, что «уполномочен генералом» поступить так-то...

Примечательно, что столь примитивная хитрость действовала безотказно и никогда не была расшифрована. Конечно, подобные комбинации применялись к лицам случайным.

Что касается деятельности кадров Центра, то ближайшие доверенные лица, конечно, знали о моей роли, а остальные имели дело непосредственно с моими помощниками и тоже верили в существование генерала. Несомненно, что среди этой второй категории моих сотрудников встречались и такие, каковые по человеческой слабости хвалились, что якобы «говорил сегодня с генералом», что «генерал сегодня передавал то-то и то-то», и тем еще больше укрепляли веру в него.

Во всяком случае, действуя в роли начальника Центра тайно, я всегда был в курсе всей работы и смею думать, что крепко держал в своих руках все управление Главным Центром.

Так как работа Центра являлась во многом продолжением нашей первой работы, только значительно уширенной и систематизированной, то задания, данные мне генералом Алексеевым, стали выполняться без промедления. Это и понятно, ибо организационный период, обычно и сложный, и

длительный при конспиративных начинаниях, был нами изжит еще раньше. Ко времени назначения меня начальником Центра наша офицерская организация была достаточно налажена. Мы имели хорошо подобранный, проверенный, а потому и надежный состав руководителей и исполнителей, обладали уже опытом и имели обширные связи. Короче говоря, наш аппарат был аппаратом «на ходу».

Отделом печати и пропаганды ведал Генерального Штаба полковник Лампе. Еще при большевиках он сотрудничал в погодинской «Русской жизни», а затем во вновь возникшем «Возрождении». Благодаря своей работе в газетах, он имел солидные связи в кругах, группировавшихся вокруг редакций таких газет, и талантливо справлялся со своей трудной задачей. Один из блестящих офицеров Генерального Штаба, человек ясного ума, тактичный и культурный, он обладал способностью быстро разобраться в любой сложной обстановке и, что было нам очень полезно, имел вкус к публицистике, сохраняя при этом неизменным свое офицерское мировоззрение.

По приходе немцев профессор Погодин вновь вернулся к газетной деятельности, и в его лице Добровольческая Армия имела верного друга и энергичного проповедника своих идей.

Имея связи в кругах горнопромышленников, полковник Смельницкий принял на себя обязанность казначея Центра, и я знал, что денежные дела будут в безукоризненном порядке.

Полковник Ткачев, бывший полковой адъютант, отлично знал канцелярское дело и являлся таким начальником штаба, какой соответствовал моему характеру.

Распределение обязанностей согласно штатам Центра не ограничивало деятельность этих трех моих ближайших и доверенных помощников. Постоянно они имели особые поручения из числа тех, кои являлись или особо сложными, или важными. Мы встречались ежедневно и ориентировали друг друга обо всем.

В свою очередь каждый из этих людей имел своих помощников, какими и ведал по своему усмотрению. Среди последних колоритной фигурой был Архангелогородского драгунского полка подполковник С.И. Бухаров⁴⁵.

---

⁴⁵ **БУХАРОВ Семен Иванович** — полковник 19-го драгунского Архангелогородского полка. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер, в чине поручика награжден Георгиевским оружием (ВП от 11.11.1914). С 12 мая 1918 в Харьковском Главном Центре Добровольческой Армии (утвержден 2 февраля 1919 в резерв армии). В Вооруженных Силах Юга России в Харьковском главотделе. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 из Новороссийска на корабле «Херсон».

С.И. Бухаров

Уроженец Харькова, человек чрезвычайно общительный, он знал, наверно, всех в городе и прекрасно выполнял эпизодические поручения.

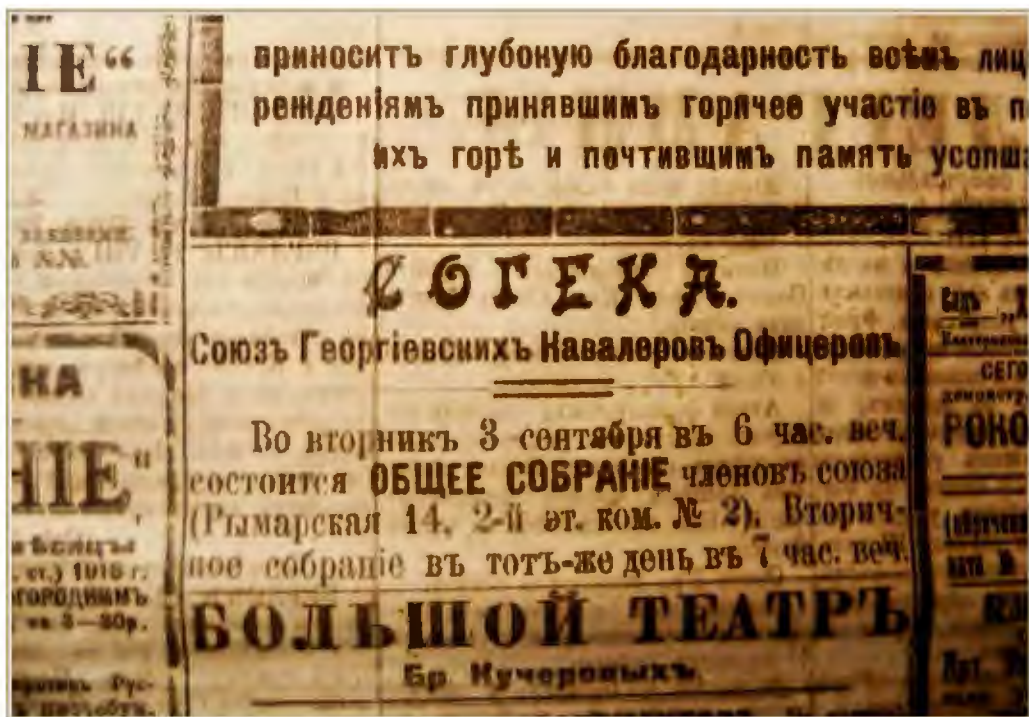
Мои встречи с помощниками происходили обычно в местах, не привлекавших внимания. Посещать друг друга на квартирах мы избегали. Часто собирались в редакции у А.А. Лампе в часы, когда в редакции никого не было. Это было тем удобнее, что редакция помещалась в центре города, в огромном доме присутственных мест, где постоянно толпился народ.

Я же для конспиративных встреч все чаще пользовался городским кладбищем. Оно занимало обширную площадь с двумя выходами на различные улицы, что являлось чрезвычайно удобным.

Тенистое, с массами памятников, оно имело много укромных дорожек и уголков. Особенно часто я пользовался им для встреч в осенний период, когда работа Центра стала явно опасной. Темнело тогда рано и в 6–7 часов вечера на кладбище не было, конечно, ни души.

Случайные и меняющиеся места для встреч нашей группы (Смельницкий, Ткачев, Лампе и я) имели много неудобств. Чувствовалась потребность измыслить что-либо более постоянное, но в то же время не вызывающее любопытства и подозрений. Обсудив этот вопрос, мы остановились на проекте образования Союза Георгиевских кавалеров харьковского гарнизона.

Это было тем удобно, что все мы четверо имели Георгиевские отличия. Георгиевскими же кавалерами были Тарасевич, Бухаров и другие нужные нам лица.

Объявление о собрании Союза Георгиевских кавалеров.
 Газета «Возрождение», 3 сентября 1918 г.

Мы не сомневались, что как немцы, так и гетманцы разрешат создание такого Союза и он не вызовет ни в ком никаких подозрений.

Наличие Союза давало нам возможность иметь постоянное помещение, где мы могли встречаться когда угодно. К тому же жизнь показала необходимость иметь определенный постоянный адрес, куда могли бы являться по делам Центра. Наиболее подходящим для наших целей помещением было гарнизонное собрание.

Объявив себя «инициативной группой», мы выработали устав, определявший задачи Союза: объединение Георгиевских кавалеров и взаимопомощь.

Союз мог функционировать только с разрешения германского командования и было решено, что я отправлюсь к германскому коменданту. Бухаров, по живости характера имевший знакомства в немецкой комендатуре, устроил так, что комендант назначил мне точное время приема. И действительно меня, как представителя кавалеров ордена, высокое значение которого немцы хорошо знали, принял немедленно и подчеркнуто любезно.

Комендант, бравый баварский генерал, встретил меня словами, что он очень рад видеть представителя ордена Св. Георгия и что заранее он обещает всяческое содействие Георгиевским кавалерам.

Быстро покончив с формальностями, я собирался уйти, но комендант явно желал поговорить со мною. Он высказался душевным тоном, что понимает, какую тяжелую драму переживают русские офицеры, и в завязавшемся разговоре не скрыл своего непонимания, каким образом русские офицеры не сумели организовать во время революции и дать отпор всем тем силам, кои погубили и Россию, и армию. Чувствовалось, что этот вопрос занимает немецкое офицерство, и оно не могло уяснить характера революции.

Германский генерал с глубочайшим убеждением высказывал свое мнение, что германский офицерский корпус никогда не допустил бы такого развала, какой пережила русская армия... Что они сумели бы дать организованный отпор анархическим элементам... Что никогда не допустили бы у себя крушение монархии...

Что я мог возразить коменданту? Он задавал мне вопросы, какие постоянно мучили русских офицеров и на какие мы не находили ответа. Мне было бесконечно тяжело поддерживать этот разговор.

Я ответил, что русская революция была стихией, в которой тонули не только организационные усилия офицеров, но и тех социальных групп, какие мнили себя руководителями революции... Что, по-видимому, не в человеческих силах вести внешнюю войну и одновременно бороться с революцией внутри страны... И, наконец, что если в Германии произойдет что-либо подобное, что только тогда он, комендант, поймет драму русского офицера и, быть может, вспомнит наш нынешний разговор... Что большевизм — это сильно заразная болезнь, опасная не только русским, но и всем, кто с ним соприкасается.

Генерал горячо возражал, повторяя, что в германской армии ничего подобного быть не может.

Через полгода германская армия разложилась еще с более непостижимой быстротой, чем русская! И наблюдая развал немцев, я не раз вспоминал своего собеседника — баварского генерала...

Заметив, как мучителен для меня наш разговор, комендант прекратил его и вернулся к Союзу Георгиевских кавалеров:

— Какие задачи преследует ваш Союз, господин полковник?

— Наша цель — поддерживать морально и материально членов Союза, которые будут нуждаться в такой помощи.

— И только?

— И только.

Комендант пристально посмотрел на меня и, вероятно, не поверил мне.

— Конечно, ваш долг — помогать своим боевым товарищам, попавшим в беду. Я вас понимаю. А политическое положение своей страны вас не интересует?

— Как может не интересовать офицера, патриота судьба его Родины? Конечно, интересуется. Мы ненавидим большевиков и готовы бороться с ними всюду и всегда.

— Я уверен, что Союз Георгиевских кавалеров станет руководить общественным мнением остальных офицеров. Прошу верить мне как офицеру и дворянину, что я понимаю те мотивы, какие побуждают вас и ваших товарищей так сильно ненавидеть большевиков. Я готов оказать русским офицерам всякое содействие.

И комендант подчеркнул слово «всякое»!

— Благодарю вас!

— Господин полковник имеет разрешение носить оружие?

— Имею.

— Очень хорошо. Я хотел бы, чтобы господин полковник знал, что наше командование понимает благородные чувства русских офицеров-патриотов.

Затем генерал позвонил и заявил вошедшему майору:

— Я разрешил кавалерам Георгиевского Креста иметь оружие, какое им будет необходимо...

Мне не надо было пояснять, что предыдущими словами и этим приказанием своему подчиненному германский комендант давал мне понять, что Союз может иметь какое угодно оружие и вести политическую работу против большевиков.

На прощание генерал вновь высказал свои чувства:

— Я выполняю директивы своего начальства, но как офицер я глубоко сочувствую русским офицерам и готов это всегда доказать.

Благожелательное отношение коменданта к Союзу имело важное практическое значение, ибо тем самым Союз гарантировал себя от возможных неприятностей со стороны украинцев.

«Инициативная группа» быстро зарегистрировала устав Союза в надлежащем учреждении, и Союз стал лицом юридическим.

Оставалось выполнить как будто незначительную формальность — избрать правление. В действительности этот вопрос был для нас главнейшим. Было необходимо, чтобы главную роль в правлении играла наша четверка. Только в таком случае работа Центра могла продолжаться под фирмой Союза. Надо было устроить так, чтобы мы четверо были избраны в правление собранием.

А.Н. Кардашенко.
Рисунок П. Шитова.
1915 г.

В прошлом я никогда никакой общественной, а тем более политической деятельностью не занимался и не имел опыта техники выборов, голосования и т.п. В период революции питал органическое отвращение к комитетам и никакого участия в их работе не принимал. Однако опыт революции не прошел для меня бесследно. Когда-то я наивно воображал, что всякие выборы — это действительно выражение желания большинства. Опыт российской революции убедил меня, что организованное меньшинство всегда побеждает неорганизованное большинство. Все искусство выборов сводится к должному психологическому воздействию.

Я надумал план действий, предложил его всем, а затем мы осуществили этот план с полным успехом. В это время гостил у меня проездом в Добровольческую Армию мой близкий приятель, Генерального Штаба полковник Кардашенко⁴⁶, тоже Георгиевский кавалер. Объяснив ему свою затею, я заручился его содействием.

В назначенный день и час для общего собрания явилось много Георгиевских кавалеров. Выделялось несколько человек, любителей играть роль,

⁴⁶ **КАРДАШЕНКО Александр Николаевич** (1880— ?) — полковник Генерального Штаба. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1902), учился одновременно с Б.А. Штейфоном. Из училища выпущен подпоручиком в 123-й пех. Козловский полк. Участник Русско-японской войны. В 1913 окончил Офицерскую воздухоплавательную школу, летчик-наблюдатель. Участник мировой войны. Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием (ВП от 09.03.1915) и орденом Св. Георгия 4 ст. (ВП от 30.12.1915). Активный участник Белого движения с 1918, корниловец. С 19 ноября 1918 — начальник штаба 1-й пехотной дивизии, затем начальник штаба Черноморского военного губернатора. С 24 июня 1919 командир Черноморского стрелкового полка.

Генерал-майор
А.И. Болховитинов

которые деятельно «агитировали». Кардашенко в качестве главного резерва был посажен в задний ряд и ничем не проявлял себя. Бухаров и еще несколько человек были рассажены в разных местах комнаты.

«Инициативная группа» заняла место за столом президиума. Согласно плана, каждый из нас выступил с предварительным докладом, как о задачах Союза Георгиевских кавалеров, так и о тех подготовительных мерах, какие были нами предприняты для создания Союза. Присутствовавшие слушали нас сперва внимательно, а затем стали позевывать. Что и требовалось! В последнюю очередь выступил я. Рассказал о посещении германского коменданта, подчеркнул, по отношению к украинцам, о благожелательности немецкого командования к Союзу и заявил, что инициативная группа, слагая свои полномочия, просит общее собрание выбрать правление.

Наступило, как обычно бывает на неорганизованных собраниях, молчание. Каждый стеснялся выступить первым. Тогда поднялся Кардашенко и попросил «слова».

— Господа офицеры! Мы только что выслушали подробный доклад о том, как много усилий было затрачено инициативной группой, прежде чем создать наш Союз. Я не сомневаюсь, что выражу общее желание всех присутствующих предложить общему собранию избрать единогласно инициативную группу в состав правления.

Бухаров и К° энергичными возгласами поддержали это предложение:

— Просим! Просим! Конечно!

Я сейчас же ответил:

— Инициативная группа благодарит и принимает избрание. В то же время мы предлагаем дополнить состав правления еще двумя лицами — генерал-майором Болховитиновым⁴⁷ и подполковником Бухаровым.

Вновь избранное правление предлагает на должность председателя полковника Смельницкого, товарища председателя — генерал-майора Болховитинова, секретаря — подполковника Бухарова и т.д. Себе я назначил должность запасного члена.

Снова раздались голоса «Просим! Отлично!».

Имея основание ожидать, что украинцы тоже пожелают войти в состав правления, я взялся за колокольчик и объявил общее собрание закрытым⁴⁸.

⁴⁷ **БОЛХОВИТИНОВ Алексей Иосифович** (1867–1943) — генерал-майор. Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе. Окончил 1-е военное Павловское училище (1887), выпущен в 126-й пех. Рыльский полк. Участник Русско-японской войны 1904–1905, Первой мировой войны. Георгиевский кавалер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 09.09.1915). Командир 19-й арт. бригады (с 08.05.1916). Инспектор артиллерии 16-го арм. корпуса (с 27.02.1917). В Добровольческой Армии и Вооруженных Силах Юга России; с 02.01.1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22.01.1919 — в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой Армии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Югославии. Покончил жизнь самоубийством в Крагуеваце.

⁴⁸ В харьковской печати создание Союза Георгиевских кавалеров было представлено как возобновление деятельности этой организации, созданной еще осенью 1917. Так, газета «Возрождение» от 26 июля 1918 писала:

«К вопросу о союзе георгиевских кавалеров.

После вынужденного полугодичного перерыва в своей деятельности Харьковский отдел георгиевского союза ныне снова возвращается к прерванной работе.

В начале своего возникновения Харьковский отдел причислялся к Одесскому военному округу и 10-го сентября 1917 года на общем собрании членов им был принят устав георгиевского союза, утвержденный командующим одесским военным округом.

Ныне для правильного функционирования Харьковского отдела является настоятельно необходимым регистрация принятого устава в окружном суде и получение разрешения на право собраний от губерниального старосты.

По сему исполнительный комитет обращается с покорнейшей просьбою ко всем находящимся в Харькове георгиевским кавалерам пожаловать на общее собрание союза в воскресенье 28 июля в 12 час. дня (Рымарская 14), для выяснения вопроса о регистрации устава, для определения программы дальнейшей работы союза и для пополнения числа членов исполнительного комитета, часть которых принуждена была покинуть Харьков.

В Киеве “головна рада всеукраїнської громади георгиевських кавалерів” начинает издавать еженедельный орган союза под названием “Георгиевец” для обсуждения экономично правовых интересов георгиевских кавалеров Украины, и в особенности кавалеров, объединенных в союзы.

Таким образом георгиевский союз приобретает свой собственный печатный орган, объединяющий и освещающий деятельность всех местных отделов союза и значительно облегчающий возобновляемую ныне деятельность союза.

Ближайшие задачи и цель союза в свое время подробно освещались в прессе, а все интересующиеся этим вопросом могут ознакомиться с ними у казначея союза кавалера Зайцева ежедневно от 10 до 3 час. в помещении бывшего гарнизонного собрания

Генерал Болховитинов⁴⁹ был добродушнейшим человеком и до конца нашей деятельности в Харькове не догадывался, какая работа велась за кулисами Союза. В то же время он совместно с Бухаровым ведал делами Со-

(Рымарская 14), где принимается также запись в действительные члены и члены-соревнователи союза и подписка на журнал «Георгиевец».

Товарищу председателя исполнительного комитета кавалер, профессор В. Смирнов».

После проведения собрания Союза газета «Южный край» в номере от 29 июля 1918 напечатала заметку «Георгиевские кавалеры»:

«Возобновил свою деятельность харьковский союз георгиевских кавалеров. Союз в общих своих заданиях является филиальным отделением киевского всеукраинского союза георгиевских кавалеров. Цель союза — объединение всех харьковских георгиевских кавалеров в одну организацию для защиты правовых и экономических интересов. В задачи союза входит поддержка и укрепление мощи родины, армии и флота.

В воскресенье, после продолжительного перерыва, под председательством проф. Смирнова, состоялось общее собрание членов харьковского союза.

С докладом о будущих перспективах союза выступал проф. Смирнов.

По словам докладчика, союз, как аполитичная организация, будет стремиться вывести членов на широкое поле общественной работы и оказывать материальную поддержку членам, путем образования ряда предприятий, главным образом, кооперативного предприятия. Заслушанный устав союза был принят без возражений, и постановлено членам исполнительного комитета зарегистрировать устав в окружном суде.

Состав исполнительного комитета пополнен десятью новыми членами».

Также в прессе неоднократно публиковались объявления о деятельности Союза и приеме в него офицеров. Так, газета «Возрождение» от 28 (15) июля 1918 опубликовала сразу два таких объявления:

ГЕОРГИЕВСКИЕ СОЮЗЫ.

Союз георгиевских кавалеров-офицеров (Согека).

Цели союза — объединение георгиевских кавалеров-офицеров для защиты их правовых, служебных и материальных интересов, а также организации взаимопомощи в самых широких размерах.

Членами союза могут быть: действительными — офицеры, имеющие орден Св. Георгия и Георгиевское (золотое) оружие; соревнователями — офицеры, имеющие Георгиевский крест (знак отличия военного ордена) и Георгиевскую медаль.

Союз пополняется новыми членами лишь по предъявлении ими рекомендаций других членов союза.

Внутренняя жизнь союза регулируется судом чести.

Запись в члены и ознакомление с уставом, ежедневно от 11—2 час. д. в здании бывшего гарнизонного собрания (Рымарская 14, второй этаж комната № 2).

Союз Георгиевских кавалеров в Харькове.

Цель союза — объединение всех георгиевских кавалеров, имеющих ордена Св. Георгия, Георгиевский крест, Георгиевское оружие или медаль, а также священнослужителей, награжденных наперсными крестами на Георгиевской ленте.

В члены соревнователи принимаются лица, оказавшие материальную поддержку Союзу.

Ближайшей задачей Союза является устройство собственного кооператива, собственных мастерских и рекомендация членов на ответственные места служащих.

Прием по делам Союза ежедневно от 5 до 7 час. вечера в здании бывшего гарнизонного собрания (Рымарская 14, 1 этаж).

⁴⁹ Артиллерист, командир артиллерийской бригады, однофамилец начальника штаба Кавказского фронта. (Прим. Б. Штейфона)

юза и тем снимал с нас сложные обязанности. У нас и своих было по горло. Де-юре став правлением Союза, мы потребовали и получили нужное нам помещение в гарнизонном собрании. У нас было две меблированные комнаты, и мы могли теперь собираться когда угодно.

Таким образом, штаб Центра получил возможность иметь постоянное помещение, чрезвычайно удобное для конспиративных действий. Ключ от комнат был у председателя, то есть у С.М. Смелыницкого, и «для удобства» было условлено, что правление будет собираться только в определенные часы. Благодаря этому в остальное время нам никто не мешал.

Там, в гарнизонном собрании я принимал и доклады полковника Тарасевича, который как Георгиевский кавалер мог спокойно встречаться со мною: идет-де по своим Георгиевским делам.

Украинцы остались недовольны составом правления, куда вошли только «русские» офицеры. Однако, не имея возможности причинить нам крупные неприятности, довольствовались мелкими придирками.

Однажды распорядительный комитет собрания пригласил представителя Союза для каких-то очередных хозяйственных объяснений. Я был случайно в собрании и решил отправиться для объяснений с комитетом. Он состоял из кадровых офицеров. Все они ранее служили в частях харьковского гарнизона. С одним я был в училище, с другими служил в одном полку, с третьими много танцевал юным подпоручиком в этом же собрании.

Комитет встретил меня сугубо официально. Говорили по-русски, и за это я им простил в дальнейшем все их вольные и невольные прегрешения.

Вначале я был сдержан, но затем этот украинский маскарад стал меня раздражать: гетманская форма, подчеркивание, что такое «мы» и «они» и т.д. Закончилось наше объяснение тем, что я «обличил» новоявленных украинцев, сказав им на прощание «Стыдно, господа офицеры!», повернулся и ушел.

Распорядительный комитет нашел в моих словах оскорбление и украинской армии, и «величества» — гетмана. Особенно «негодовал» председатель комитета полковник А. Через полгода, когда все мы, вытесненные большевиками, оказались в Добровольческой Армии, бывшие члены распорядительного комитета чувствовали себя чрезвычайно сконфуженными, узнав, что они так непристлично и гордо обошлись ни с кем иным, как с начальником Харьковского Центра. Полковник А., большой дипломат, сокрушался особенно сильно и, памятуя, вероятно, что маслом кашу не испортишь, прислал мне к Новому Году телеграмму, поздравляя «доблестного и любимого начальника Центра»...

Конфуз и заигрывание со мною бывших украинцев объяснялось тем, что в Добровольческой Армии относились к украинцам недружелюбно, а

иногда и сурово. От меня, как от начальника Центра, зависело, дать ту или иную аттестацию.

За то, что все они говорили тогда по-русски и даже не пытались переходить на мову, я аттестовал их благожелательно. В дальнейшем все они в различное время и на различных должностях оказались моими подчиненными. Конечно, я никому из них и никогда не напоминал нашу встречу в гарнизонном собрании...

ГЛАВА V

*Гетманство. Его сущность и корни. Харьков, как украинская база.
Харьковский губерниальный староста (губернатор) генерал
П.И. Залесский. Его русско-офицерское мировоззрение. Встречи.
Снижение офицерской этики.*

Украинство гетманского периода в его харьковском аспекте не имело свойства характера. Какими затаенными конечными планами руководствовался генерал Скоропадский, свергая Раду, сказать, конечно, трудно. Едва ли и он сам тогда мог ответить на этот вопрос. Теперь, на фоне исторической перспективы, при наличии пережитого опыта, будет справедливым признать, что гетманство могло сыграть и полезную, и видную роль в деле борьбы национальной России с большевиками. Сыграть роль потому, что оно, во-первых, более чем на полгода задержало поступательное движение коммунизма, а во-вторых, сохранило на такой же срок, как возможный плацдарм для ведения вооруженной борьбы, богатый обширный край. При подробном анализе гетманства надо, конечно, понимать его не в его идейном теоретическом виде, а таким, каким оно было в действительности.

С такой точки зрения гетманство 1918 г. не имело серьезных данных претвориться в фактор, угрожающий национальным интересам России. Политические комбинации, надуманные в Берлине, несомненно, вдохновлялись надеждами на расчленение России. Однако теперь мы знаем это точно, немцы не обладали тогда ни силами, ни средствами, достаточными для осуществления столь сложной и трудной задачи. К тому же, при исследовании исторических событий значение имеют только факты, а не порывы фантазии. Ведь когда-то и Император Павел писал Платову: «Имейте идги в Индию и завоевать оную»...

Всякий политический план, как талантливо ни был бы он разработан, всегда требует поправок насчет исполнителей. Немецкий план гетманства

и вообще украинизации Юга России осуществлялся немецкими военными людьми. Если всякая армия по своей природе консервативна, то корпус офицеров германской армии в силу исторических традиций, сословных интересов, воспитания и проч. был ультраконсервативным и его психологии были чужды любые радикальные теории. Поэтому германское командование на Украине осуществляло украинизацию без всякого воодушевления, чисто формально.

В Киеве, где размещался штаб оккупационной армии, еще чувствовалась некоторая политическая работа. В Харькове же подобная работа ощущалась уже в гораздо меньшей степени. Так, например, командир баварского корпуса генерал Менгельбир⁵⁰ оказался очень суров к пришедшей к нему украинской делегации. Последняя явилась в украинских костюмах, с «оселедцами». Менгельбир заявил, что «не умеет говорить с людьми, у которых хвосты растут на голове». Подобные слова старшего начальника чрезвычайно правдиво выявили фактическое отношение немецкого офицерства к украинскому вопросу. Да и в Берлине, по-видимому, отнюдь не намеревались превратить гетмана из фикции в реальную величину, ибо явно отрицательно относились к созданию украинской армии.

В 1918 г. существовали украинские корпуса, дивизии, полки, но их состав ограничивался только скромными штатами «старшин», то есть офицеров, да небольшими командами, главным образом, хозяйственного назначения. Между тем, если бы план украинизации Юга России был бы действительно серьезен, то казалось бы, что по соображениям и политическим, и стратегическим Берлин должен был стремиться возможно скорее создать

---

⁵⁰ Генерал Менгельбир — командир расквартированного в Харьковской губернии I Баварского корпуса. По воспоминанию генерала П. И. Залесского — «типичный немецкий офицер: высокий, худой, спокойный, деловитый». Интересно, что генерал Менгельбир стал первым в Харьковском регионе «черным археологом». В августе 1918 он начал самочинные археологические раскопки Верхне-Салтовского могильника близ Харькова. В письме на имя харьковского губернского старосты он писал, что таким образом желает пополнить коллекцию Немецкого этнографического союза в Берлине, и потому просил узаконить раскопки. Губернский староста сообщил об этом в Министерство внутренних дел, откуда дело было передано в Главное управление искусств и национальной культуры, где по заключению Отдела охраны памятников и музеев действия Менгельбира были признаны неправомерными, а органы внутренних дел Харьковщины, по поручению Отдела, должны были установить уход за памятниками в Верхнем Салтове ради их сохранения и срочно сообщать о случаях несанкционированных раскопок. Менгельбир согласился с выводами Отдела охраны памятников и музеев и прекратил самочинные грабительские раскопки салтовских курганов. (Нестуля О.О. Охорона пам'яток культури на Харківщині в роки революції та громадянської війни // Древности 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1995. С. 92)

украинскую армию. Создать для того, чтобы охранять Украину от большевиков и освободить свои вооруженные силы. Не дети же сидели тогда в Берлине, чтобы не понимать, что государство не может существовать без своей армии. Ведь первое, что сделали наши бывшие союзники в лимитрофных новообразованиях, это создали местные войска...

Таким образом, со стороны немцев не наблюдалось серьезных стремлений украинизировать южные области. Или, суживая этот вопрос, можно утверждать, что в 1918 г. в Харькове не наблюдалось таких стремлений.

Не замечалось желаний стать украинцами и среди населения. Украинство в его специфическом понимании не имело в Харькове корней ни прочных, ни, тем более, глубоких. То, что после революции стало называться обобщенным именем «украинства», являлось не более, как сомнительно распространенной на Юге хохломанией. «Хохлы» встречались во всех социальных группировках и по своей природе не проявляли никаких серьезных сепаратистских тенденций. Хохломания проявлялась довольно невинными склонностями: питалась симпатия к рубашкам, вышитым крестиком, водка называлась горилкой, пелись малороссийские песни, а в некоторых случаях произносилось «це дило треба розжувати». И как крайнее проявление политического радикализма затягивалась «Як умру, то поховайте...»⁵¹.

Конечно, существовали в Харькове и «спилки», зараженные левоукраинскими тенденциями. Однако их влияние было ничтожным. Городские окраины — Москалевка, Панасовка, Журавлевка были заселены обывательской массой явно выраженного «хохлацкого» типа. Украинство, занесенное из провинции с языком малопонятным, а иногда и совсем непонятным, представлялось как интеллигентское измышление.

Поэтому, базируясь только на фактах, надо признать, что гетманство 1918 г. не представляло никакой угрозы национальным великодержавным интересам России. Наоборот, разумно использованное, оно могло быть полезным, как сила, явно антикоммунистическая.

Объявление гетманства не вызвало в Харькове никаких страстей. Его восприняли как очередную ротацию. О новой власти стали напоминать лишь внешние признаки: странно звучащие наименования преемственных должностей. Комендантом города был назначен Попсуй-шапка⁵², по

⁵¹ «Заповіт» Шевченко. (Прим. Б.Штейфона)

⁵² **ПОПСУЙ-ШАПКА Митрофан Антонович** (1877 — ?) — полковник Армии УНР. Родился в слоб. Новая Водолага Валковского уезда Харьковской губернии. С началом Первой мировой войны был мобилизован в 85-й пехотный запасной батальон. Закончил 3-ю Московскую школу прапорщиков (14.08.1915), служил в 664-й Полтавской дружине. Последнее звание в Русской Армии — поручик. В мае 1917 во главе от-

рассказам, человек культурный, но, по-видимому, тихий и ничем себя не проявивший. Скоро его сменил полковник Анисимов⁵³. Бывший командир полка, Георгиевский кавалер, Анисимов всюду проявлял себя противником украинизации. Он старательно помогал Добровольческой Армии: добывал имущество из украинских складов, снабжал документами бегущих в Добровольческую Армию офицеров и т.п. Не только по-украински, но и по-малороссийски он говорить не умел и в его управлении было совершенно русское направление. Лично на меня он производил впечатление человека хитрого, беспринципного.

Высшую гражданскую власть представлял губерниальный староста П.И. Залесский⁵⁴. Это была колоритная фигура, олицетворявшая новый режим.

ряда в 275 человек перешел из 664-й дружины в 1-й украинский Запорожский полк, формируемый из украинцев запасных частей Москвы. Принимал участие в I, II, и III Всеукраинских войсковых съездах. В 1917 возглавлял Украинскую войсковую Раду Московского военного округа. С ноября 1917 был начальником войсковых частей, сформированных из украинцев в Москве. С декабря 1917 — командир 1-й сотни 2-й Украинской юношеской школы, офицер Черного куреня Гайдамацкого Коша Слободской Украины. С 08.04.1918 — комендант Харькова. В гетманский период — председатель Харьковского филиала общества украинских офицеров «Батьківщина», член городского отделения Национального союза. В декабре 1918 — харьковский военный комендант. С 16.01.1919 — комендант штаба Правобережного фронта Действующей армии УНР. С марта 1919 был прикомандирован к Военному министерству УНР. С июня 1919 — в должности тылового коменданта. В декабре 1919 был интернирован польскими властями в Ровно. С 28.04.1920 — комендант Винницы, затем — Киева и снова Винницы. С 30.07.1920 — комендант штаба Армии УНР. С 01.11.1920 — офицер для поручений Отдельного корпуса пограничной стражи УНР. В 1920-х жил в эмиграции в Польше (на Волини).

⁵³ **АНИСИМОВ Иван Дмитриевич** (1886–1938) — полковник. Участник Первой мировой войны, офицер 24-го саперного батальона, кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. (ВП от 13.01.1915). Во время Гражданской войны — в гетманской армии, комендант Харькова, сотрудничал с Харьковским Центром Добровольческой Армии, затем — в Добровольческой Армии и ВСЮР, начальник Екатеринославского уезда и вице-губернатор. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в 1922 в Болгарии и Константинополе, возглавлял просоветскую организацию, содействовал репатриации в СССР.

⁵⁴ **ЗАЛЕССКИЙ Петр Иванович** (1867–1929) — Генерального Штаба генерал-майор. Православный. Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888), Николаевскую академию Генштаба (1895; по 1-му разряду). В Первую мировую войну участвовал в походе в Восточную Пруссию в августе 1914. Занимал должности начальника штаба 6-го армейского корпуса, начальника штаба 1-го кавалерийского корпуса, командира 1-й бригады 3-й кавалерийской дивизии, начальника штаба 28-го армейского корпуса, командира 6-й кавалерийской дивизии. В 1917 — участник украинизации частей 34-го корпуса. В гетманский период — Харьковский губерниальный староста. С 1919 в Добровольческой Армии, Вооруженных Силах Юга России, Русской Армии в Крыму. В 1920 редактор газеты «Военный голос». Эмигрировал в Турцию, затем в Югославию. Проживал в Германии. Умер в 1929.

Харьковский
губерниальный
староста, генерал
П.И. Залесский

Полномочный представитель гетмана Украины, П.И. всегда носил русскую военную форму с погонями генерала Генерального Штаба, в торжественных случаях украшал себя Анненской звездой, всегда говорил только по-русски и всю служебную переписку вел на русском языке. Принципиально не признавал никакой украинизации и проводил совершенно определенно русскую политику. Близко наблюдая административную деятельность генерала Залесского и часто с ним встречаясь, я был убежден, что П.И. признавал и самого гетмана «постолюку, поскольку»...

Человек энергичный и подвижный, П.И. с решительностью военного человека отстранил от себя политику и взял быка за рога: стремился дать порядок Харьковской губернии. Доставшееся ему административное наследство было не из приятных. Прежде всего, никто не знал, каким же законоположением надлежит руководствоваться? Сумбурное законодательство временного правительства, анархические декреты советской власти и неудачные потуги Рады, в связи с теми психологическими сдвигами, какие совершила революция, внесли полнейший хаос в вопросы гражданского управления в области, как правовых норм, так и народного хозяйства.

Ожидать решительных и быстрых реформ со стороны центральной власти не приходилось. Без средств, без положенного аппарата, без серьезной политической и хозяйственной программы гетманский режим переживал период органической слабости. Единственным выходом из положения являлось проявление самодеятельного творчества на местах с главной задачей — обуздать анархию. Генерал Залесский понял создав-

шееса положение и твердой диктаторской рукой взялся за управление губернией⁵⁵.

Лично я не знал генерала Залесского, но его губернаторское положение побудило меня, как начальника Центра, войти с ним в деловую связь.

Однако не мог же я прийти к губернияльному старосте и, не зная ни его лично, ни его политических симпатий, назвать себя или открыть свои карты. Надо было измыслить какую-то форму, гарантировавшую мне беспрепятственное общение с П.И. Залесским.

Узнав, что генерал Залесский кавалерийский офицер, я приказал своей кавалерийской молодежи выделить группу в 8-10 человек. Старшему такой группы было велено явиться к генералу Залесскому и доложить, что

---

⁵⁵ Деятельность генерала Залесского в должности Харьковского губернияльного старосты в 1918 нашла отражение в мемуарах генерала **С.Я. Гребенщикова**, занимавшего в то время должность Сумского уездного старосты:

«Вступив в должность Харьковского старосты, генерал Залесский заполнил местные газеты целым рядом приказов, в которых требовал от уездных старост самых решительных мер для водворения в губернии порядка. Этим он очень угодил известной группе хлеборобов, понимавшей под “водворением порядка”, главным образом, скорейшее возмещение понесенных ими в ходе революции убытков. Залесский помещал в газетах не только приказы, касающиеся населения, но и чисто руководящие приказы для старост. Но рекомендованные репрессивные меры часто теряли большую долю своей решительности по причине дополнительных к ним разъяснений, которые в печать не попадали, а возникали в результате запросов некоторых старост. Отсутствие этих разъяснений давало возможность обвинять местные власти в недостаточно решительных мерах (вопреки приказам губернского старосты) при выполнении, например, закона о возвращении награбленного и вознаграждении за уничтоженное имущество. Надо сказать, что при выполнении этого закона требовалось очень много такта и осторожности, так как законодатель не мог, конечно, предусмотреть всех обстоятельств, с которыми исполнительная власть могла встретиться, проводя закон в жизнь. Без этой тактичности выполнение закона могло легко вылиться в совершенно безобразные формы и вызвать реакцию, которая нисколько не способствовала бы установлению прочного порядка, а лишь готовила бы почву для нарушения его при малейшей возможности. К глубокому сожалению, не все старосты считали необходимым проводить в жизнь упомянутый закон законным образом.

В угоду известной общественной группе своеобразное применение закона часто порождало самый заурядный произвол и со стороны гетманских властей, и со стороны представителей общества. Причем в этом произволе по приглашению последних участвовали и агенты германской тайной полиции, которые террором заставляли крестьян возмещать необоснованные суммы денег.

Приказы губернского старосты в газетах, конечно, отнюдь не допускали никакого самоуправства. Но предоставленные приказами широкие полномочия давали некоторым старостам повод слишком злоупотреблять ими. Этим они приносили вред и делу, и самому губернскому старосте лично, который по своей честности все прегрешения подчиненных принимал на свою голову...» (Гребенщиков С.Я. «Всю жизнь служилъ Руси, как могъ...». Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь: Новая Орианда, 2009. С. 156).

кавалерийские офицеры предлагают ему безвозмездно свои услуги на роль адъютантов для поручений, дежурства и т.д.

Если П.И. примет такое предложение, то наглядно дать ему понять, что свою службу у губерниального старосты они, корнеты, могут принять при условии моего одобрения. На случай вполне естественного со стороны генерала вопроса, кто же такой «полковник Штейфон» и какую роль он имеет в городе, надлежит отвечать уклончиво. Впрочем, о том, что я начальник Центра, корнеты и сами не знали.

Все было разыграно как по нотам. П.И. охотно принял услуги молодежи, просил их исполнять обязанности дежурных при нем офицеров и заинтересовался мною. И когда принимал, вступив в должность, должностных лиц и представителей общественности, то на этот прием был приглашен и я, тоже как представитель общественности. После окончания приема П.И. в присутствии всех пригласил меня остаться, дабы поговорить более интимно. Как потом мне стало известно, присутствовавшие на приеме решили, что я являюсь в глазах нового губернатора лицом и авторитетным, и влиятельным. Таковым, по-видимому, считал меня и сам П.И. Залесский.

П.И. любил поговорить и в первой нашей беседе высказал мне много интересного. Я ушел от него, ничего не сказав ни о своей должности начальника Центра, ни о своих заданиях. И до конца пребывания генерала Залесского в должности он оставался в неведении о моих служебных полномочиях⁵⁶.

Офицерская молодежь, прикомандированная мною к П.И., выполняла обязанности дежурных офицеров — находилась в губернаторской приемной (конечно по очереди!), докладывала о посетителях, командировалась с доверенными поручениями. Все они были в своих полковых формах, в погонах, говорили, естественно, только по-русски и придавали совершенно российский стиль приемной губерниального старосты⁵⁷. Во главе этой группы

⁵⁶ П.И. Залесский уже в эмиграции вспоминал о знакомстве с Б.А. Штейфоном так: «В Харькове существовала небольшая офицерская организация полк. Б.А. Штейфона, который же в первые дни явился ко мне и предложил мне услуги этих офицеров. Я воспользовался ими для ординаторской службы, давал поручения и учредил дежурства в губернаторской приемной. Желая им помочь хоть чем-нибудь, я устроил им маленькое общежитие в губернаторском доме». (Воспоминания ген. П.И. Залесского о его пребывании в должности харьковского губернского старосты в период правления гетмана П.П. Скоропадского. [1926 г.] Мои воспоминания об «Украине» 1918 г. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 347. Цит. по: Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: РОССПЭН, 2014. С. 491–492.)

⁵⁷ Одним из офицеров, входивших в группу, описанную Б.А. Штейфоном, был офицер 10-го уланского Одесского полка **Владимир Соболев**. Уже на склоне лет, в эмиграции, в письме, хранящемся в настоящее время в частной коллекции, Соболев вспоминал о

был мною поставлен подполковник Ястремский⁵⁸ — человек тактичный, наблюдательный, дисциплинированный и преданный мне.

В силу неписаных, но непреложных законов общежития, и подполковник Ястремский, и корнеты оказались посвященными в курс многих дел губернаторского дома. Нередко я заходил лично к генералу Залесскому и, как правило, всегда бывал приглашаем на собрания общественных деятелей, когда таковые собрания устраивались губернатором.

Приемная старосты обычно была полна посетителями всяческого ранга и всяких служебных и общественных положений. При моем приходе корнеты вытягивались, дежурный немедленно подлетал с вопросом «прикажете доложить генералу?», словом происходило некоторое движение, обращавшее на меня общее внимание. По свойству характера мне было неприятно подобное подобострастие, но с ним необходимо было мириться, ибо все такие мелочи создавали в городе убеждение, что я пользуюсь (что не соответствовало действительности) у губернатора особым вниманием.

Подобная молва ушибляла (в интересах Добровольческой Армии!) мои связи, мою осведомленность и отмечала мою работу.

В дальнейшем, когда нетерпимость генерала Залесского ко всему украинскому стала явно компрометировать гетмана, П.И. пришлось оставить должность губерниального старосты⁵⁹. Его заместители, сперва С. Шидлов-

---

своей службе у губерниального старосты Залесского во время работы в Харьковском Главном Центре Добровольческой Армии:

«Харьковский Главный Центр Добровольческой Армии. Формировал его полк. Ген. Шт. Штейфон при участии полк. Г. Шт. фон-Лампе, который держался в тени. Это было весной 1918. В этом Центре, в котором состояли почти исключительно кавал. офицеры и главным образом офицеры Одесского и Ингерманла. полков. Из улан были: Логинов, Маслов, Соболевский, Айвазов, кн. Павленов и принятые к нам Шелекетанский и Гринев. Из гусар были: Ващенко, Кравцов, Кох. Штейфон поставил нам задачу: переправлять добровольцев на Дон и бороться с украинизацией (это было при гетмане). В то время губерниальным старостой (губернатором) в Харькове был ген. Залесский (кавалерист), которому Штейфон и вручил всю нашу группу. Таким образом, мы находились на службе у ген. Залесского, носили нашу форму и не церемонились с украинцами, среди которых было много большевиков, как напр. комендант Харькова полк. Анисимов. Этот тип (Георг. кавалер) посылал специально патрули, чтобы мы сняли форму. Ничего из этого не вышло. Местная газета «Южный Край» называла нас — 13 архангелов. Адьютантами у Залесского были Логинов и я, до тех пор, пока не был назначен вместо Залесского штатский Турчанинов. Наша группа существовала до восстания Петлюры, когда Харькову стала угрожать укр. дивизия атамана Болбочана».

⁵⁸ **ЯСТРЕМСКИЙ Григорий Михайлович** — полковник, кадровый офицер 124-го пехотного Воронежского полка (однополчанин Б.А. Штейфона). На 1.01.1909 — подпоручик.

⁵⁹ Об обстоятельствах отставки генерала Залесского вспоминал генерал **С.Я. Гребеншиков**:

ский⁶⁰, а затем Л. Турчанинов⁶¹ преемственно признавали и меня и корнетскую группу как неоспоримые аксессуары харьковского губернатора. И С. Шидловский, и Л. Турчанинов тоже не были осведомлены о моей роли начальника Центра.

Люди вполне русской ориентации, все три губерниальных старосты сочувствовали Добровольческой Армии и охотно помогали ей, как могли и умели.

В течение всего гетманского периода я только один раз слышал украинскую речь в приемной харьковского губерниального старосты. Однажды при мне вышел в приемную вновь назначенный начальник украинской ди-

«Генерал Залесский в своих недоразумениях с губернским комендантом действительно, что называется, пересолил. Украинский комендант держал себя крайне вызывающе, и все его действия общему порядку наносили вред. При этом он не принимал никаких мер к обузданию своих подчиненных, т. е. уездных комендантов. Однако в такое трудное время, когда врагами использовался каждый случай, чтобы подорвать престиж власти, губернскому старосте не следовало бы выступить против коменданта в печати. Генерал Залесский объявил в газете приказ, что лица, кои будут исполнять приказы губернского коменданта, подлежат аресту. Конечно, такие отношения были недопустимы. Залесский уверял, а оно действительно так и было, что он издал этот приказ после самых разнообразных мер воздействия на коменданта, но, к сожалению, как местные военные власти (командир несуществующего корпуса генерал Х.), так и центральные в Киеве своим попустительством вынудили его выступить с данным приказом...

...Генерал ...получил письмо от председателя Совета Министров господина Лизогуба, в котором выражалось недовольство его деятельностью и предлагалось подать в отставку. В числе различных обвинений (огульный разгон земства, смещение мировых судей и прочее) как одно из главных выставлялось недопустимое его отношение к украинскому коменданту и образ действий в борьбе с ним. Между прочим, среди прочих обвинений было одно чрезвычайно странное. Генералу Залесскому ставилось в вину его письмо на имя председателя Совета Министров, причем осуждалось не только его содержание, но и то, что оно было написано на русском языке. Это последнее обвинение было весьма неожиданным — сам министр писал не по-украински, а по-русски» (*Гребенщикова С.Я.* «Всю жизнь служилъ Руси, как могь...». Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь: Новая Орiанда, 2009. С. 161–162).

⁶⁰ **ШИДЛОВСКИЙ Сергей Александрович** (1864–1934) — российский и украинский государственный и политический деятель. Депутат 2-й Государственной думы 1907–1912; вице-губернатор Могилевской (1907–1912), Эстляндской (1914–1917), Воронежской (1912–1914) губерний, губернатор Лифляндии (1917). С июля 1918 работал в Министерстве внутренних дел Украины; с 23 октября до декабря 1918 года — харьковский губерниальный староста. В эмиграции в Сербии. Умер в Белграде.

⁶¹ **ТУРЧАНИНОВ Леонид Михайлович** (1877–1928) — окончил Харьковский Императорский университет. Служил земским начальником, активно проводил в жизнь закон 9 июля о землеустройстве. Непременный член Харьковского губернского присутствия по крестьянским делам. После февраля 1917 занял должность правителя канцелярии губернского комиссара Временного правительства П.П. Добросельского. В 1918 — заместитель (помощник по гражданской части) харьковского губерниального старосты, временно исполнял обязанности старосты после отставки П.И. Залесского в июле и до приезда С.А. Шидловского в октябре. В эмиграции во Франции. Умер в Париже.

А.Г. Лигнау

визии генерал Федяй⁶². Я знал его по своей службе в Туркестане, где Федяй был генерал-квартирмейстером штаба Туркестанского округа.

Федяй, услышав, что дежурный офицер назвал меня «господин полковник», обратился ко мне с вопросом на мове. Я вспыхнул, ответил, что не понимаю мовы, и высказал сожаление, что генерал русского Генерального Штаба так скоро «забыл» русский язык. Федяй покраснел, сконфузился и стал путано оправдываться уже на русском языке!

Когда офицеры поступали на украинскую службу ради куска хлеба, это имело известное оправдание. Но когда генералы делали на украинстве карьеру, то подобное явление представлялось и пошлым, и изменническим.

⁶² **ФЕДЯЙ Леонид Васильевич** (15.8.1859–?) — Генерального Штаба генерал-лейтенант. Родился на Полтавщине. Военное образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе, 2-м Константиновском военном училище (1879). Служил в Иркутском пехотном юнкерском училище. После окончания в 1888 Николаевской академии Генерального Штаба служил в Киевском военном округе, занимал должность штаб-офицера для поручений 9-го армейского корпуса, офицера по особым поручениям 11-го армейского корпуса. С 1904 — командир 107-го пехотного Грозненского полка, генерал-квартирмейстер штаба Туркестанского военного округа. В годы Первой мировой войны 1914–1918 на Юго-Западном фронте, начальник штаба 25-й пехотной дивизии, начальник 31-й пехотной дивизии. В апреле 1917 демобилизован вследствие контузии. Летом-осенью 1917 — председатель Комиссии по украинизации войск Юго-Западного фронта. В гетманский период — командир 14-й пехотной дивизии в Бахмуте, с сентября 1918 — 7-й пехотной дивизии 4-го Киевского армейского корпуса Армии Украинской Державы. В декабре 1918 выехал на Дон. Состоял в резерве Вооруженных Сил Юга России и Русской Армии генерала Врангеля. Белоэмигрант.

Среди вольных и невольных переметов чувство особо острого осуждения вызывали помощник военного министра генерал Лигнау⁶³ и помощник начальника Генерального Штаба полковник Какурин⁶⁴.

⁶³ **ЛИГНАУ Александр Георгиевич** (1875–1938) — Генерального Штаба генерал-майор. Лютеранин. Из дворян (по др. данным из потомственных почетных граждан Курляндской губ.). Уроженец Ялты. Сын управляющего имением вел. кн. Александра Михайловича в Ай-Теодоре (близ Ялты). Образование получил в Одесской Ришельевской гимназии. Окончил 3 курса физико-математического факультета Одесского университета. Окончил Алексеевское военное училище (1898), Николаевскую Академию Генерального Штаба (1905; по 1-му разряду). Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 30.12.1915) и Георгиевским оружием (ВП 07.02.1916). Командующий 21-й пех. дивизией (с 27.08.1917). В конце 1917 перешел на службу к украинской Центральной Раде и был назначен командиром 11-й украинизируемой пех. дивизии. В марте 1918 передал остатки дивизии в состав украинской армии, а сам стал 2-м помощником военного министра Центральной Рады полковника Жуковского. В армии Украинской Державы (с 27.04.1918). 1-й товарищ военного министра. 29.06.1918 переименован в чин Генерального Хорунжего. 18.10.1918 назначен (с 24.10.1918) командиром 7-го Харьковского корпуса с зачислением по Генеральному Штабу. После падения гетмана бежал в Одессу. Пытался вступить в Добровольческую Армию, но получил отказ из-за своей службы в украинской армии. Выехал в Константинополь (по некоторым данным был выслан по распоряжению ген. Деникина). В марте 1919 уехал во Владивосток. В 1919 состоял в резерве офицеров Генерального Штаба в управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем А.В. Колчаке. С 15.08.1919 начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 1-й армии войск А.В. Колчака. Позже начальник снабжения 3-й Сибирской армии. Пленен частями 5-й армии красных в январе 1920. Состоял в распоряжении штаба 5-й армии. В марте 1920 выслан в Москву. Начотделения штатно-тарифного отдела Управдел РВСР (26.05.1920). Помощник начальника штатной части и штатно-тарифного отдела Управдел РВСР (23.04.1921). В 1921 пытался выехать в Латвию, но отказался от своего намерения из-за отказа жены. С 01.01.1922 преподавал в Военной академии РККА (старший руководитель групповыми лекциями). На 01.03.1923 старший руководитель по тактике Военной академии РККА. Арестован в ночь с 01 на 02.01.1931 по делу «Весна». 15.02.1931 уволен со службы. Виновным себя признал. 18.07.1931 приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1933 освобожден с восстановлением по службе. Старший преподаватель (начальник кафедры) тактики на курсах усовершенствования комсостава «Выстрел». В 1936 получил воинское звание комбриг. Проживал в Москве на Малом Крестовоздвиженском переулке. Вновь арестован 21.12.1937 по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Виновным себя не признал. Осужден 24.01.1938 Комиссией НКВД СССР. Расстрелян на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1956.

⁶⁴ **КАКУРИН Николай Евгеньевич** (1883–1936) — русский и советский военачальник, военный публицист, историк и педагог. Родился в Орле в семье офицера. В 1904 окончил Михайловское артиллерийское училище, а в 1910 — Академию Генштаба. Служил в пехотных и кавалерийских частях, в 1910–1912 командовал ротой. В 1914 служил в Киевском военном округе, занимая должность офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. Впоследствии начальник штаба второочередной 71-й пехотной дивизии и 3-й Забайкальской казачьей бригады. В 1917 в звании полковника принял командование 7-м Кавказским пехотным полком. Добровольно перешел на службу в армию Украинской Народной Республики (занимался организацией армии). В июне 1918 был назначен помощником начальника Генерального Штаба Вооруженных сил

Обоих я знал хорошо, с обоими у меня были в прошлом хорошие отношения, оба они ничего общего с украинством не имели и являлись типичными переметами-карьеристами. Узнав, что они в Киеве служат не за страх, а за совесть и являются носителями украинской идеи, я написал обоим резкие письма, осуждая их измену общерусскому делу. Конечно, подобный мой поступок был не более, как донкихотством, но моя совесть всегда требовала активных протестов.

Материальное положение харьковского офицерства было в массе печальное. Небольшие сбережения, привезенные с фронта, иссякли. Иной специальности, кроме военной, большинство не знало. Пользуясь своими связями, я стремился устраивать офицеров на места. И подобные заботы вызывались не только соображениями корпоративного характера, но и расщудочной уверенностью, что материально обеспеченный офицер окажется более стойким против натиска всевозможных политических соблазнов.

Побуждаемый и моими доводами, и соображениями административной целесообразности, генерал Залесский оказывал полное содействие при устройстве офицеров на должности. Убежден, что сотни харьковских офицеров и поныне не подозревают, что это моими стараниями они были тогда приняты на службу.

Материальная необеспеченность и отсутствие иных, кроме военной, специальностей не позволяли заняться якобы «легкими промыслами»: лакеями в ресторанах, швейцарами в клубах и в игорных домах, продавцами газет и т.п. Было больно видеть офицеров, принимающих заказ в ресторане, однако подобное чувство сострадания быстро сменялось негодованием и брезгливостью, когда порцию котлет подавало лицо в офицерской форме и хотя без погон, но с Владимиром на груди.

Украинской Державы. Служил в Украинской Галицкой армии. В феврале 1920 вступил в ряды РККА. Во время советско-польской войны 1920 был начальником штаба Тамбовской стрелковой дивизии, исполняющим обязанности командующего 4-й армией, командующим 3-й армией и помощником командующего Западным фронтом. В 1921, будучи начштаба Тамбовской группы войск, одновременно командовал сводной кавалерийской группой, принимавшей участие в разгроме Антоновского восстания. Гражданскую войну завершил в Средней Азии. В марте—сентябре 1922 командующий войсками Бухарско-Ферганского района, участвовал в ликвидации басмаческого движения. В 1922—1924 на преподавательской работе в Военной академии РККА. Занимал должность начальника отдела истории Гражданской войны при Штабе РККА. Работал в Военно-научном отделе Управления по исследованию и использованию опыта войны Штаба РККА. В 1925—1930 — в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Автор порядка 30 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики Гражданской войны, обучению и воспитанию войск. Один из инициаторов создания и автор трехтомной истории Гражданской войны (издана в 1928—1930). С 1930 в отставке. Арестован органами НКВД. Умер в тюрьме в конце июля 1936 года.

Как указывалось ранее, Союз Георгиевских кавалеров был создан по особым соображениям, однако правление Союза добросовестно работало в духе официального устава этого общества. Поэтому правление полагало, что его моральной обязанностью является принятие мер к сохранению офицерской этики. И мы выступали с энергичными протестами против ношения знаков офицерского достоинства при исполнении лакейских, швейцарских и однородных им обязанностей.

Наши выступления в печати⁶⁵ всколыхнули офицерскую совесть, и большинство виновных быстро отказалось от афиширования своих чинов и отличий там, где подобное афиширование лишь унижало офицерское до-

⁶⁵ Офицеры организации полковника Штейфона неоднократно выступали в печати против ношения погон офицерами, указывая на несвоевременность этого. Так, в газете «Возрождение» от 11 апреля (29 марта) 1918 было помещено «Открытое письмо офицерству», подписанное «группой офицеров»:

«С занятием города Харькова германскими войсками на улицах появилось несколько бывших офицеров бывшей российской армии в военной форме с погонами при оружии и другими отличительными знаками офицерского звания.

Принимая во внимание, что во-первых: российская армия, как таковая, более не существует, во-вторых, что город Харьков находится на территории независимого государства Украины, ношение в данный момент отличительных знаков офицерской формы бывшей российской армии является по существу незаконным. Кроме того, ношение этих знаков в настоящее время с точки зрения военной этики (с молчаливого согласия хозяев положения — германцев) для достоинства офицеров, проливших кровь на полях сражений, совершенно недопустимо.

Обращая внимание на вышеизложенное, просим господ бывших офицеров воздержаться от подобного шага и влиять на тех, для кого вопрос этот не вполне ясен».

На следующий день в той же газете была опубликована заметка «Погоны», подписанная инициалами «А. Л.», за которыми, вероятнее всего, скрывался полковник Алексей фон Лампе:

«Все чаще и чаще в последние дни на улицах встречаются офицеры с погонами. Насколько раньше, в светлое время, понятие об офицере и погонах было нераздельно, насколько теперь это режет отвыкший глаз.

Погоны, как отличительный признак, просуществовали в русской армии свыше ста лет. За этот период люди, имевшие на своих плечах кусочки сукна или блестящего галуна, называемые погонами, а перед собой куски шелковой материи, расписанные красками и расшитые мишурой, называемые знаменами — далеко за пределы России разнесли боевую славу русской армии, побывали на всех концах света, ... заставили весь мир считаться с грозным именем России.

Шли годы. Бывшие друзья, обязанные России своим существованием, становились ее врагами, бывшие враги становились друзьями и по-прежнему над Россией реяли победные знамена, на плечах русского солдата и офицера были отличающие их погоны.

Насколько с точки зрения закона знамена были признанным священным символом, олицетворяющим Родину, настолько по неписаным законам погоны стали символом, олицетворяющим офицерство.

Оскорбление погон, по тому же неписаному, но строго соблюдаемому кодексу чести, каралось смертью; смерть же была единственным методом не сумевшему наказать обидчика — обиженному!

В дни систематического развала русской армии, когда с удивительной последовательностью рушились все сдерживавшие ее устои, вся разрушительная работа была направлена против офицерства, как опоры армии.

Долго терпело офицерство все направленные против него удары, долго молча страдало во имя существования армии, поддерживающей Родину, но мастерски задуманный удар уничтожил само офицерство, и армия распалась!

Символом последнего удара, разрушающего армию, было снятие погон офицерами!

Так смотрело и смотрит на это боевое офицерство, так же думает и все мыслящее русское общество, давно отрешившееся от своего взгляда на офицерство, как на замкнутую касту и переживающее все его мучение.

Армия перестала существовать, Россией завладела кучка насильников, державших ее в плену, раздиравших ее на части во имя своих партийных интересов.

Офицерство, отброшенное в сторону, ждет и с тоской смотрит на все, что делается, и жаждет момента, когда Родина, освобожденная от тисков, снова призовет его стать на свою защиту.

Вот тогда символ офицерства — погоны — вновь появится на плечах офицеров!

Время это близится, час этот недалек, еще немного осталось терпеть!

А в это же время за спиной недавнего врага малосознательная часть офицерства уже торопится надеть погоны, обращая их действительно в кусочки галуна и сукна, пачкая символ, сохраненный в чистоте погибшими товарищами.

Надо подождать, не время! Погоны нужны офицеру не для красования на улице или овладения сердцем непокорной кузины — погоны это символ, и играть им не приходится!

Мы сняли их под тяжелой рукой, душащей Россию — мы можем одеть их только тогда, когда Россия будет свободна.

А пока надо терпеть, господа офицеры, и не давать нашим противникам права укорять нас, в лучшем случае, в легкомыслии!

Храните погоны, добытые вами в бою, храните их свято, но не играйте с ними, не подрывайте их значения, помните, что защищая Родину против тех, кем вы пытаетесь сейчас прикрыться, вы.. имели честь носить погоны!»

В газете «Возрождение» от 29 июня (16 июня) 1918 в рубрике «Письма в редакцию» было размещено следующее обращение:

«Г.г. офицерам г. Харькова.

Приказ Украинского Военного Министра о восстановлении чинов и погон, редактированный недостаточно ясно, дал основание некоторым русским офицерам надеть погоны. На днях один из таких офицеров, проходя мимо управления губернского коменданта, был приглашен в комендатуру. Войдя в помещение, русский офицер был встречен представителем Украинского коменданта, назвавшим себя старшиною Майковским, который в грубой и резкой форме потребовал снятия погон, вызвав, при этом, для усиления своих угроз, несколько вооруженных солдат.

Случай совершенно безосновательного натравливания вооруженных солдат на русского боевого офицера не является для нас не обычным: подобные примеры неоднократно видел русский офицер при большевиках — комендантах.

Не входя в обсуждение, почему в управлении губернского коменданта Мироненко-Васютинского применяются приемы “товарищей” Войцеховских, мы настоятельно просим г.г. русских офицеров (это не относится конечно, к офицерам Добровольческой Армии) воздерживаться от ношения погон и в вопросах формы руководствоваться правилами, объявленными официальными представителями Украинской власти.

Харьковская офицерская монархическая группа.

P.S. Просим местные газеты перепечатать».

стоинство. Однако нашлось несколько тупых или аморальных людей, кои не пожелали следовать нашим советам. К таким упорствующим командировались члены Союза для увещания. Если и это не помогало, приходилось прибегать к иным мерам, среди которых наиболее действенной был бойкот таких самой публикой.

Одновременно со стремлением поддерживать офицерскую этику надо было принимать меры и к удовлетворению материальных потребностей впавших в нужду офицеров. Появлялись случаи, и они учащались, когда помощь требовалась немедленная.

В видах искания средств было решено устроить в саду Коммерческого клуба концерт со всеми атрибутами благотворительных вечеров. Опытная в подобных делах графиня Келлер оказала Союзу чрезвычайно ценную помощь своим руководством.

Концерт прошел удачно во всех отношениях, положив начало фонду помощи. Любой офицер не Георгиевский кавалер мог найти у нас поддержку.

ГЛАВА VI

Работа Харьковского Главного Центра. Добывание денежных средств и имущества. Приезд москвичей и объединенное заседание. Прибытие в Харьков представителей добровольческих частей и Астраханской армии. Сформирование Волчанского партизанского отряда. Работа военных летчиков. Полковник Шоманский. Организация воздушной почты Харьков-Новочеркасск. Промежуточная база Славянск. Помощь украинского интендантства.

Летний период работы Харьковского Центра был периодом сравнительно «безопасным» потому, что, например, Киевский Центр подвергся разгрому, и часть наиболее энергичных работников Центра была немцами арестована и посажена в тюрьму.

Киевская история показала, что германское командование зорко следит за офицерскими кругами и отнюдь не склонно предоставлять офицерам активное выражение своих симпатий. После киевских арестов мы убедились, как своевременно и предусмотрительно законспирировал себя Харьковский Центр созданием Союза Георгиевских кавалеров.

Когда агентура Центра сообщала мне, что какое-либо наше действие вызывает настороженное внимание германского командования, я исполь-

зовал тогда свои разнообразные связи, дабы внушить немцам, что Союз занят только борьбой с большевиками и что во всех иных вопросах Союз якобы аполитичен.

Главной задачей Центра являлось отправление в Добровольческую Армию людей, оружия, патронов, снаряжения, санитарного имущества и т.п. Добровольцы отправлялись под видом демобилизованных или донских казаков. Благодаря идейному содействию многих железнодорожников, отправка людей и имущества была налажена прекрасно⁶⁶.

В Харькове, как в крупном тыловом центре недавнего фронта, имелись немалые запасы разнообразного военного имущества. Техника получения такового была разнообразна: от покупки до воровства включительно.

---

⁶⁶ О переправке офицеров из Харькова на Дон и деятельности харьковской офицерской организации писала харьковская газета «Южный край» от 7 июня 1918 по информации газеты «Донской Край»:

«Харьковские офицеры на Дону.

На днях из Харькова в Новочеркасск выехала большая группа офицеров на пополнение отряда полк. Дроздовского. Эта группа благополучно достигла берегов Дона.

По словам “Донск. Края”, выясняется, что новоприбывшие являются частью весьма значительной конспиративной офицерской организации, зародившейся в Харькове в дни большевизма. Эта организация представляет из себя крупную, хорошо вооруженную боевую единицу, имеет офицерские роты, технические команды, пулеметные команды и т.д. Задачи организации — всемерная поддержка Корнилова и, в настоящее время, движение на Дону.

У Харьковской организации имелись связи и с другими подобными организациями в крупных городах России. Отмечается, между прочим, что бывали попытки в других городах формирования таких организаций с привлечением в их состав не только офицеров, но и солдат. Подобные попытки, однако, потерпели фиаско.

Во все время своего существования харьковская офицерская организация выдвигала боевые группы для военных операций в тылу большевиков при наступлении их на Дон в феврале и марте. Задания этих групп сводились к порче путей, взрыву эшелонов, перерыву связи и пр.

Все приказы такого рода приводились в исполнение точно и давали желательные результаты. Со стороны офицерских групп, оперировавших, главным образом, в направлении “Лозовая-Никитовка”, потерь не было.

Конспиративная организация со времени захвата большевиками Дона всячески стремилась к усилению своей боеспособности, полагая, что засилье большевиков, с одной стороны, и национальный позор, с другой, могут вызвать известный перелом в психике народа, а наличность готовой боевой единицы не даст погаснуть загоревшейся искре в народной душе, избрызганной грязью и кровью и отравленной ядом большевизма.

По словам “Д. Кр.”, харьковская организация, предвидя, что вскоре появится какой-нибудь центр, от которого пойдет антибольшевистское движение, укрепила в сознании необходимости служить для этого центра прямой активной помощью. В это время организация получила сведения о движении на Дон отряда полк. Дроздовского, решила оказать поддержку отряду и выделила из себя первую группу, которая и была отправлена в Новочеркасск на соединение с этим отрядом».

Как было указано раньше, украинские войсковые части являлись не более, как кадрами предполагаемой украинской вооруженной силы. Эти части имели свое имущество и охранялись собственным попечением. Карательная служба неслась небрежно. Впрочем, некоторые склады охранялись немецкими часовыми. Однако в 1918 г. немецкие честность и добросовестность уже значительно снизились. Сказалось моральное разложение, произведенное длительной войной. Находились немцы, заведующие складами, которые были не прочь отпустить нам имущество за любовное вознаграждение.

Затем, и это являлось источником главным и наиболее надежным — были украинские офицеры. В подавляющей массе они остались русскими людьми, горячо желавшими восстановления России и русской армии. Всей душой сочувствуя Добровольческой Армии, они всячески, нередко с риском для себя, помогали Центру, стаскивая с украинских складов военное имущество.

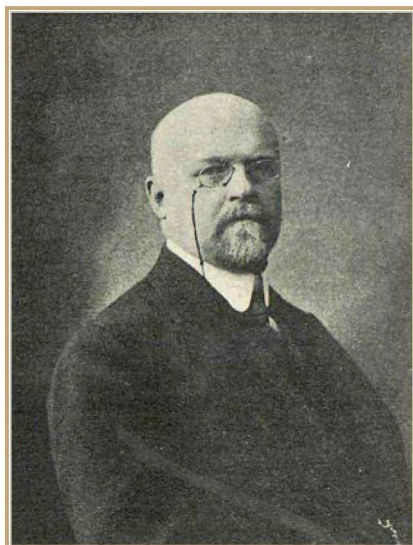
Мы были крепко убеждены, что получая из украинских складов оружие, патроны, снаряжение и проч., мы лишь только возвращали по принадлежности имущество, насильно отобранное у русских армий.

Зная, как бедна во всех отношениях Добровольческая Армия, Центр слал ей все, что удавалось достать. До сих пор мне памятна восторженная благодарность ген. Алексеева за несколько ящиков подковных гвоздей, а затем за вагон с санитарным имуществом — перевязочными материалами, медикаментами и прочим.

Уширение нашей работы требовало и соответствующего прихода денежных средств. В этом деле огромную и неоценимую помощь оказывал Союз горнопромышленников Юга России. В лице председателя Н.Ф. Дитмар⁶⁷ Добровольческая Армия имела верного друга. Друга, умелого оста-

⁶⁷ **ДИТМАР фон Николай Федорович** (1865–1919) — российский общественный и политический деятель. Из потомственных дворян. Закончил 1-й Московский кадетский корпус, Санкт-Петербургский горный институт (1889). Как вольный слушатель — физико-математический и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета. Ученик Д.И. Менделеева. В звании горного инженера работал на Путиловском заводе (Санкт-Петербург, 1889–1891), строительстве Рязанско-Казанской железной дороги (1891–1893). В 1890-е основал механическую мастерскую в Харькове, участвовал в строительстве Балашовско-Харьковской железной дороги. К 1914 предприятие Н.Ф. фон Дитмара включало два машиностроительных завода в Харькове, специализировавшихся на производстве оборудования для горнодобывающей и металлургической промышленности. Входил в правление Новосильцевского каменноугольного товарищества, Донецко-Грушевского товарищества каменноугольных и антрацитовых копей, занимал пост главы совета Петроградского торгового банка. Занимал административные и выборные должности в аппарате Совета съездов горнопромышленников Юга России (руководи-

Н.Ф. фон Дитмар

ваться в тени, никогда не рекламировавшего размеров своей помощи и не ставившего никаких целей.

Распорядителем приходно-расходных средств, отпускаемых горнопромышленниками, был В.С. Соколов, пользовавшийся полным доверием у Н.Ф. Дитмара и Союза. Таким же неограниченным моим доверием пользовался и полковник Смелъницкий. Эти благородные люди и вели все наши денежные дела. Процедура денежных отпусков была несложна: я сообщал Соколову о появившихся возможностях приобрести то или иное имуще-

---

тель Статистического бюро, секретарь совета, член Харьковского порайонного комитета по вывозу горнозаводских грузов, управляющий делами). С 1906 — председатель Совета. С 1902 постоянно избирался гласным Харьковской городской думы, будучи деятельным членом ее комиссий. 25 октября 1912 избран членом Государственного совета от промышленников. В 1912—1916 занимал должности Товарища председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли, члена Совета по железнодорожным делам Министерства путей сообщения, председателя Харьковского отделения Российско-итальянской торговой палаты, Харьковского отделения Императорского Русского технического общества и его Счетоводческого отдела, члена попечительных советов ряда учебных заведений. Входил в состав Особого совещания по обороне государства (1915), Экономического совета при Временном правительстве (1917), руководящих органов Центрального военно-промышленного комитета, Всероссийского союза земств и Всероссийского союза городов. В 1917 возглавлял борьбу горнопромышленников Донбасса против направляемого левыми партиями радикального рабочего движения. В 1918 был председателем на Съезде промышленников, банкиров и землевладельцев (Киев), был избран товарищем главы Протофиса князя Голицына. После падения Украинской Державы выступил одним из активных участников Белого движения, принимал участие в Ясском совещании в ноябре 1918. Умер 18 июля 1919 от тифа по дороге из г. Ростова-на-Дону в г. Харьков. Похоронен в Харькове, на кладбище по Пушкинской улице, которое было скрыто по решению городских властей в 1970-е. Точное место захоронения не установлено.

ство, указывая его стоимость. На другой день деньги уже вручались Смельницкому. Столь упрощенная система существовала все время, несмотря на то, что бюджет Центра достигал многомиллионной суммы.

Денежная помощь Центру оказывалась и другими организациями: торговопромышленниками, Союзом домовладельцев и другими. Дабы иметь средства кассы и гарантированный общественный контроль, я предложил сосредоточить все денежные поступления в руках комитета, составленного из трех лиц — В.С. Соколова (представителя горнопромышленников), М.И. Игнатищева (представителя торговопромышленников и домовладельцев) и С.М. Смельницкого (представителя Центра). Мое предложение было принято, оказалось вполне жизненным и надежно объединило работу военной и гражданской общественности.

Авторитет горнопромышленников был велик, поэтому и сочувствие Союза Добровольческой Армии являлось фактором и ценным, и полезным. Периодически в их огромном доме на Сумской улице устраивались собрания общественных деятелей, посвящаемые обсуждениям «текущего момента». Обычно на таких собраниях присутствовал и я, слушая, наблюдая и очень редко выступая. Я не любил говорить речи, да и не видел пользы в этих словопрениях. Только один раз я, вопреки своему обыкновению, выступил на многочисленном собрании по случаю приезда в Харьков из Москвы П. Рябушинского и некоторых других москвичей.

Долго и нудно велись принципиальные споры о политических гарантиях, программе и конституции будущей российской власти, об Учредительном собрании... Мне наскучили все эти давно набившие оскомину перепевы, столь далекие от истинного понимания действительности. Особенно нервировали речи москвичей. Они только что сбежали от большевиков и только что появились на Юге, совершенно не зная ни людских, ни добровольческих настроений, но это не мешало им крайне авторитетно развивать теории, давно уже поколебленные жизнью. И когда председательствующий Н.Ф. Дитмар незаметно для других спросил меня запиской, желаю ли я что-нибудь сказать, я ответил согласием.

Что мог сказать я, прежде всего и больше всего офицер?

— Мы уже проговорили Россию и договорились до того, что Юг заняли немцы, а остальное большевики. Среди потоков фраз и общего бездействия только одна Добровольческая Армия начала и ведет вооруженную борьбу за освобождение Родины. Малочисленная и голодная армия, испытывающая решительно во всем нужду, приносит себя в жертву. Она истекает кровью, а вы здесь требуете от нее каких-то гарантий... Торгуете русской кровью, словно вы не русские люди. Помогите Добровольческой Армии,

помогите ей осуществить святое дело освобождения России, а тогда и об-суждайте «конституцию будущей российской власти». Иначе, проговорив Россию, проговорите и Добровольческую Армию. Помните, что после нее будут только большевики...⁶⁸

Я говорил резко и даже грубо. Едва ли я переубедил тех, кто упорствовал в своих заблуждениях. Однако говорильное настроение было явно сбито и после моего выступления Н.Ф. Дитмар быстро закрыл собрание.

На следующий день В.С. Соколов встретил меня словами: «Союз ассиг-новал в Ваше распоряжение...» И В.С. назвал крупную сумму. Я понял, что это был ответ горнопромышленников на мое вчерашнее выступление. По-лученную сумму я целиком отправил в армию...

О своей работе я периодически доносил генералу Алексееву, получал взамен его приказания и пожелания. Одно время наша деловая перепис-ка приобрела несколько нервный характер. Это случилось тогда, когда я затронул вопросы о монархических основаниях Добровольческой Ар-мии. Генерал Алексеев находил их несвоевременными и вредными делу борьбы.

В общем, деятельность Центра проходила успешно. К сожалению, известные затруднения вносила неожиданно возникшая конкуренция. В Харькове начали появляться офицеры, командированные частной ини-циативой добровольческих начальников с намерением вербовать людей и добывать имущество для своих частей.

---

⁶⁸ Помимо средств от представителей торгово-промышленного капитала, в фонд помощи чинам Добровольческой Армии поступали пожертвования от частных лиц. Пример от-чета о таких пожертвованиях находим в газете «Русская жизнь» от 7 ноября 1918:

«Добровольческой Армии.

Вы идете на дело спасения России — не смущайтесь, что многие, потеряв рассудок в угаре наших дней, не понимают величия вашего решения!

Когда над спасенной Россией засияет заря, когда благовест торжества и ликования пройдет от далекого севера до юга, по разоренным городам и селам, как стыдно будет тому, кто стоял в эти дни в стороне и не пожелал вам помочь!

Кто оправдает его? И кто не будет презирать?

И.С.

Р.С. Прилагаю пять тысяч рублей.

3 ноября, 1918 г.

***

Фонд помощи чинам Добровольческой Армии.

За 5 ноября в фонд поступили след. пожертвования: от русской матери — 3 р. сере-бром, Ю.В. — 20 руб., В.М.М. — 50 р., Т.М.В. — 10 р., Б.Г.П. — 50 р. и М.Р. — 100 р.

Кроме того поступило через редакцию «Русской жизни» от Русского — 5000 р. в распоряжение Добровольческой Армии генералу П.П. Залесскому и от И.С. 5000 р. на нужды Добровольческой Армии.

Всего 10.000 руб., переданные по назначению».

Уже тогда, летом 1918 г. столь проявляется и укрепляется то зло, какое в дальнейшем принесло Добровольческой Армии неисчислимый вред. Лишенные правильного снабжения добровольческие части стали проявлять в этом важном деле частную инициативу, в результате чего окреп порядок самоснабжения, что в свою очередь породило ужасную «удельную систему». Импровизация, каковая в дальнейшем стала одной из главных причин развала Вооруженных Сил Юга России, стала проявляться уже летом 1918 г.

Однажды мне доложили, что в Харьков прибыл генерал-майор С.⁶⁹ с полномочиями от Главного командования по вопросам вербовки и снабжения. В это время в городе был «проездом» полковник Лисовой. Я обратился к нему за указаниями о генерале С. К моему удивлению, Лисовой вскипел и заявил, что С. не имеет никаких полномочий, что его необходимо «разоблачить» и т.д. Привыкший в Императорской армии к дисциплине и к чинопочитанию, я был озадачен словами Лисового. Никак не мог представить самозванцем генерала, прибывшего из Добровольческой Армии⁷⁰.

⁶⁹ Имеется в виду генерал **В.В. СЕМЕНОВ**, занимавшийся вербовкой офицеров в «Южную армию», которая формировалась под протекторатом германских оккупационных властей. По воспоминаниям генерал-майора П.И. Залесского, осенью 1918 занимавшего должность начальника штаба Южной армии, В.В. Семенов выдавал себя за представителя Верховного руководителя Добровольческой Армии генерала М.В. Алексева, уполномоченного для вербовки личного состава. «Впоследствии оказалось, что никто его не уполномочивал вербовать добровольцев, с генералом Алексеевым у него вышло какое-то недоразумение, но что письмом от начальника штаба Добровольческой Армии генерала Романовского он действительно заручился и благодаря этому довольно удачно собирал в Харькове материальные средства, применяя их главным образом для ведения широкой жизни», — отмечал П.И. Залесский. А.И. Деникин в своих воспоминаниях так характеризовал В.В. Семенова: «...удален из отряда Дроздовского ввиду полной неспособности в боевом отношении, потом — из Добровольческой Армии за то, что будучи начальником нашего вербовочного бюро в Харькове, вступил в связь с немцами и... отговаривал офицеров ехать в Добровольческую армию». По воспоминаниям генерала П.Н. Краснова, «генерал Семенов, гвардейский офицер, любитель покутить, человек недалекий, сделался центром, к которому стремились те офицеры и та молодежь, которая не хотела ехать к Деникину, опасаясь попасть в бой. Южная армия только формировалась, когда она попадет на фронт, было неизвестно, и к ней выгодно было приписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатике и на Подоле. Офицеры понадевали на себя погоны, нашли на рукава полоски бело-желто-черного цвета — «романовских» цветов и двуглавые орлы, распевали по кафе «Боже, царя храни» и очень мало думали о спасении Родины и о царе».

⁷⁰ В газете «Возрождение» от 9 августа (27 июля) 1918 Я.М. Лисовой выступил со следующим разъяснением:

«От Военно-Политического Отдела Добровольческой Армии.

В Военно-Политический Отдел поступил ряд запросов о характере деятельности как различных организаций, так и отдельных лиц, действующих в некоторых городах либо от имени Добровольческой Армии, либо усиленно подчеркивающих свою связь с Армией с ее руководителями. Связь эта особенно подчеркивается при добывании означенными организациями средств для их развития и существования.

Создавалось довольно нелепое положение. До разговора с полковником Лисовым я собирался явиться к генералу С., дабы представиться ему, как старшему и предложить свое посильное содействие. Однако после отзыва Лисового надо было отложить свой визит.

Через несколько дней ко мне на квартиру пожаловал генерал С. Он приехал на извозчике и покуда был у меня, извозчик его ожидал. Это была, конечно, мелочь, но она мне не понравилась. В тогдашних условиях казалось осудительным подобное мотовство.

Генерал С. рассказал мне о тяжелом положении армии, о необходимости ей помогать и как бы вскользь упомянул, что прибыл в Харьков по делам снабжения. Назвал блестящий гвардейский полк, в котором он раньше служил. Передал о своих встречах со старшими добровольческими начальниками и подчеркнул, что командирован «Штабом».

В первых числах июня во всех газетах было напечатано письмо Генерала Алексева с предостережением против лиц, производящих подобные поборы, тем не менее, деятельность по сбору средств для той или иной организации, составляющей якобы часть Добровольческой Армии, продолжается.

В целях широкого осведомления всех кругов населения, Военно-Политический Отдел Добровольческой Армии объявляет:

1) Добровольческая Армия ЕДИНА; нет ни особо именуемой Корниловской Армии, ни самостоятельного отряда Полковника Дроздовского, ни других с какими либо особыми наименованиями отдельных от нее частей. Все части ее составляют единую Добровольческую Армию, Верховным руководителем которой (глава организации) является генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев, а командующим всеми силами ее генерал-лейтенант Деникин.

2) Добровольческая Армия не выделяла из своей среды никаких организаций низших подразделений как то “добровольческого отряда особого назначения”, просто “добровольческих отрядов”, носящих фамилии их организаторов, различных партизанских отрядов и т.п., а равно не уполномочивала означенные организации действовать от ее имени.

Все подобного рода организации образовались по частной инициативе отдельных лиц и за действия их Добровольческая Армия отвечать не может.

3) Добровольческая Армия не уполномочивает на сбор каких бы то ни было средств, отдельных, никому неизвестных личностей. Для этой цели Добровольческая Армия имеет своих представителей, занимающих видное общественное положение и снабженных собственноручно писанными Генералом Алексеевым полномочиями, за его подписью и именной печатью. Никакие другие полномочия недействительны.

4) Точно также Добровольческая Армия формирование пополнений поручает особым представителям, снабженным полномочиями, подобными вышеизложенному.

Пополнения не могут направляться непосредственно в какую-либо отдельную часть Добровольческой Армии, а проходят через бюро записи, откуда и распределяются, согласно полученным от Штаба Армии указаниям.

Нач. Военно-Полит. Отд.

Генер. Штаба Полк. Лисовой

Секретарь хорунжий Кравченко».

Интервью с Харьковским губернским старостой П.И. Залеским.
Газета «Русская жизнь», 4 июля 1918 г.

В заключение генерал попросил меня познакомить его с генералом Залеским и рекомендовать лиц, кои могли быть ему полезными и пожертвовали на нужды армии.

Меня, прежде всего, интересовал вопрос, знает ли генерал С., что я начальник Центра, или нет? В зависимости от этого определялась и линия моего поведения.

На заданный ему в шуточной форме вопрос, почему он уверен, что я могу быть ему полезным, С. ответил, что в Харькове ему указали меня, как лицо, имеющее обширные связи и охотно помогающее всяким военным начинаниям. Далее С. выразил удивление, почему в таком большом городе, как Харьков, не имеется представителя Добровольческой Армии.

— Но теперь я здесь и дело пойдет иначе.

Поняв, что он не знает о моей секретной миссии, я оставил его в этом заблуждении и охотно согласился отправиться с ним к П.И. Залесскому.

Дабы выяснить полномочия С., я в очень деликатной форме спросил, имеется ли у него предписание или что-либо сопутствующее, иначе трудно будет рассчитывать на успех сборов.

— Как же, у меня есть предписание Штаба, но я не взял его с собою...

Мы расстались, условившись, что на следующий день я явлюсь к генералу, чтобы отправиться к губернатору. Явившись к С., я напомнил ему о предписании, и он с видимой неохотой показал мне предписание полковника Дроздовского. Этим предписанием генерал С. уполномачивался собирать средства для Дроздовских частей. Судя по дате, бумага была выдана более месяца назад. Побывав с генералом С. у губернатора, я донес генералу Алексееву о прибытии в Харьков С. с предписанием полковника Дроздовского и просил указаний.

В своем ответе генерал Алексеев сообщал мне, что полномочия генерала С. недействительны, что генерал С. в Добровольческой Армии более не числится и что мне подлежит «отобрать у генерала С. предписание, выданное полковником Дроздовским».

Создавалось неприятное положение не только для меня лично, но и для общего дела. Я, конечно, имел полную возможность возбудить административные и деловые круги Харькова против генерала С., однако считал, что подобные действия ничего кроме вреда не принесут. Скандал только лишь умалит авторитет Добровольческой Армии. Пойдут разговоры, сплетни. К тому же, как ни расценивать полномочия С., надо было считаться с тем, что он вел патриотическую работу и имел похвальные намерения помогать одной из частей Добровольческой Армии.

Однако, во исполнение приказа генерала Алексеева, я отправился к генералу С. и без всяких дипломатических подходов показал ему распоряжение генерала Алексеева.

— Хотел бы я знать, полковник, как это Вы посмели бы отобрать у меня предписание, — надменно обратился ко мне генерал.

— Я пришел доложить Вашему превосходительству распоряжение генерала Алексеева и обязан переслать Ваш ответ в армию. Прошу верить, что мне крайне неприятен весь этот инцидент.

С. стал нервно критиковать порядки Добровольческой Армии, говорить о каких-то интригах против него, упрекать генерала Алексеева и т.п. Излив свою желчь, С. заявил, что он действительно вышел из Добровольческой Армии, и значит, для него необязательны распоряжения Алексеева.

— Ни Ваш Алексеев, ни Вы ничего со мной поделать не сможете!

— Делать с Вами я ничего не намерен. Но Вы сами поймете, когда успокоитесь, что если в харьковских кругах, какими Вы интересуетесь, я объявляю предписание генерала Алексеева, то это будет неприятно, прежде всего, Вашему превосходительству.

Высказав затем уверенность, что генерал поймет мое положение и сможет мне выполнить возложенное на меня поручение, я откланялся, заявив, что буду ожидать ответа генерала.

На следующий день С. пришел ко мне и заявил, что, не желая «подводить меня», он сам разорвет свое предписание полковника Дроздовского. Инцидент был ликвидирован.

Генерал С. был, несомненно, энергичным человеком и способным организатором. Он имел свои слабости, однако, наблюдая его дальнейшую работу, я не мог по чувству справедливости не признать, что Добровольческая Армия лишилась в его лице деятельного сотрудника.

В деле генерала С. с предписанием я впервые столкнулся с проявлением ненужной нетерпимости добровольческого командования. Такая нетерпимость принесла немало вреда, тем более, что наряду с подобной строгостью постоянно продолжалось непонятное потворство распушенности, нарушениям дисциплины, «удельным» тенденциям и проч.

Отказавшись от первоначального намерения отправлять добровольцев и имущество в армию, генерал С. решил сформировать собственный партизанский отряд для борьбы с большевиками на украинском фронте. Он вошел в связь с германским командованием и получил от него разрешение формировать отряд в Волчанском уезде. Набрав несколько десятков партизан и вооружив их при содействии немцев, С. произвел разведку в сторону большевиков. Действия оказались удачными, и молва о Волчанском отряде быстро распространилась среди офицеров. Запись в отряд усилилась. Появились средства, возможности. Надо признать, что генерал С. вел формирование своего отряда толково. Понимая, что в Харькове ему не под силу равняться с авторитетом Добровольческой Армии, он направил все свое внимание на уезды.

Идея С. — борьба с большевиками на украинском фронте имела много данных на успех. Зажиточное население охотно отстаивало бы родные места. Союз хлеборобов, то есть союз мелких сельских собственников, располагая большими возможностями, мог бы снабжать подобные отряды и верными людьми, и средствами.

Однако если создание местных партизанских отрядов не осуществилось в крупном масштабе, то виною тому были и ошибки, допущенные генералом С. Чтобы возможно скорее создать ядро отряда, он принимал всех

желающих, оставаясь беспечным в вопросах морального отбора. Поэтому в отряд проникли буйные элементы, та вольница, какая была более опасна мирному населению, чем большевикам. В результате симпатии к подобным формированиям скоро снизились как среди крестьянства, так и среди идейного офицерства.

Не меньший вред своей идее наносил и сам генерал С. своим поведением. Проживая в Харькове, он вошел во вкус ресторанных и шантаных ужинов с дамами и прочими вечерними развлечениями. А так как он всегда носил форму с добровольческими отличиями, то по городу пошли слухи, задевающие доброе имя Добровольческой Армии. После какой-то истории в шантане генерал Залесский вызвал С. и порекомендовал ему отправиться в Волчанск к своему отряду.

После отъезда генерала С. в Харькове появилось вербовочное бюро Астраханской армии⁷¹. Монархическое исповедование этой армии, номинально возглавляемой генерал-адъютантом Ивановым (бывшим Главкомандующим Юго-Западного фронта), привлекало офицерские симпатии. Вскоре, однако, распространились слухи, что Астраханская армия субсидируется немцами, и недавние симпатии быстро снизились. Усилившаяся деятельность различных вербовочных бюро, работавших и в Харькове, и в уездах, привлекала, конечно, внимание германского командования. Естественно, что оно не оставалось равнодушным к ориентациям всех этих формирований.

Вообще, вопрос об ориентации вызывал большие страсти и в русской среде, и в частности среди офицеров. Неоднократно ко мне приходили знаемые мною люди. Обычно пришедшие заводили разговоры о предпочтительности немецкой ориентации. Среди таких посетителей вспоминаю князя К-р⁷². Он заходил ко мне несколько раз с явной целью воздействовать через меня на добровольческое командование с целью убедить последнее принять немецкую ориентацию. Его попытки были искушениями и несбы-

⁷¹ Астраханская армия — оперативно-стратегическое объединение белых войск прогерманской ориентации на Дону в июле—октябре 1918. Организация армии началась по инициативе ряда правых организаций в июле 1918 и велась на Дону в районе станицы Великокняжеской. Значительное участие в создании армии принимал гетман П.П. Скоропадский, внесший ощутимый вклад в финансирование армии из украинской казны. Формирование, преобразованное 30 сентября (13 октября) 1918 по приказу донского атамана П.Н. Краснова в Астраханский корпус Особой Южной армии, защищало от большевиков степи за Маньчем в конце 1918 — начале 1919. 12 (25) апреля 1919 было произведено расформирование корпуса и включение его частей в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии Вооруженных сил Юга России.

⁷² Идентифицировать личность князя К-р не удалось.

точными надеждами, ибо ни генерал Алексеев, ни генерал Деникин, ни генерал Романовский⁷³ не пожелали бы, без сомнения, и обсуждать со мной этот вопрос.

Я делал вид, что не понимаю подходов князя К-р., и его «переговоры» со мною окончились ничем.

Вообще, как ни стремился я держаться в тени, все же моя работа в каком-то своем проявлении становилась известной, и постоянно находились желающие встретиться со мною и «поговорить». Эти разговоры крайне меня утомляли. Я был перегружен работой и в полном смысле слова не имел ½ часа, чтобы пообедать. Причем всякий шел говорить со мною странно, и с глаза на глаз. В большинстве случаев все это была болтовня, и неинтересная, и несерьезная.

Однажды полковник Тарасевич доложил мне, что со мною хотел бы познакомиться военный летчик полковник Шоманский⁷⁴. В то время меня

⁷³ **РОМАНОВСКИЙ Иван Павлович** (1877–1920) — Генерального Штаба генерал-лейтенант. В 1917 — начальник штаба 8-й армии при командующем генерале Корнилове. Вскоре после назначения генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим 18 июля 1917 был назначен им генерал-квартирмейстером штаба. Активный участник выступления генерала Корнилова в августе 1917. Вместе с генералом Корниловым в начале сентября 1917 был арестован Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. Бежал на Дон в ноябре 1917 и принял непосредственное участие в формировании Добровольческой Армии, будучи с декабря 1917 начальником строевого отдела штаба армии. В связи с назначением генерала Лукомского представителем при Донском атамане 2 февраля 1918 был назначен на его место начальником штаба Добровольческой Армии. Участник 1-го Кубанского похода. После гибели генерала Корнилова оставлен начальником штаба при принявшем командование армией генерале Деникине. Состоял начальником штаба Добровольческой Армии, а с начала 1919 — начальником штаба ВСЮР. Генерал-лейтенант. Имел большое влияние на генерала Деникина. Накануне новороссийской эвакуации генерал Деникин решил сменить своего начальника штаба и поставить на эту должность генерала И.О. Махрова. 16 марта 1920 генерал Романовский сдал свою должность генералу Махрову. 22 марта 1920, после назначения генерала Врангеля Главнокомандующим, вместе с генералом Деникиным выехал из Феодосии в Константинополь на английском линейном корабле «Император Индии». Убит 5 апреля 1920 в здании русского посольства в Константинополе поручиком М.А. Харузиным, который считал Романовского масоном и главным виновником поражения ВСЮР.

⁷⁴ **ШОМАНСКИЙ Роман Карлович** (1887–?) — русский военный летчик. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1908), Офицерскую воздухоплавательную школу (1913), Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы (1914). Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием. К октябрю 1917 — командующий 6-м авиационным дивизионом. Состоял в армии Украинской Державы. Прибыл на службу в Добровольческую Армию (15.09.1918), прикомандирован к Авиационному парку (1.11.1918), приступил к формированию 2-го авиационного дивизиона (6.01.1919), «назначен в комиссию для производства испытаний по технической подготовке офицеров и добровольцев, прибывших из частей армии для назначения в авиационную школу и школу авиационных

Полковник
Р.К. Шоманский

озадачивала мысль о приобретении и отправлении в армию авиационного имущества, аппаратов, запасных частей, бензина и всего того, в чем так сильно нуждалась Добровольческая Армия. Я знал, что в армии имеется достаточное число опытных летчиков, но они были безработными по своей специальности.

В то же время мне было известно, что в Харькове хранится разнообразное авиационное имущество, оставшееся после войны. Ввиду этого я дал полковнику Тарасевичу приказ найти верного человека из числа военных летчиков.

Моя первая встреча с полковником Шоманским произошла на городском кладбище. Тарасевич подвел ко мне молодого, красивого и привлекательного офицера в форме летчика.

Имея уже о Шоманском благоприятные сведения, я без лишних предисловий спросил его, желает ли он помогать Добровольческой Армии и если желает, то какими возможностями располагает?

Полковник ответил на мой вопрос кратко и деловито: имущество есть, отправить его на Юг возможно. Представляется случай приобрести немецкий «Роланд» и два «Альбатроса».

— Сколько Вам требуется денег на покупку?

— Думаю, что 25 тысяч рублей.

— Хорошо. Через два дня Вы их получите. Выдержите этот первый экзамен — будем работать дальше.

мотористов» (13.01.1919), председатель комиссии для организации авиационных частей (15.01.1919), командир 2-го авиационного дивизиона ВСЮР (19.01.1919).

Полковник Р.К. Шоманский произвел на меня очень приятное впечатление. В его лице Харьковский Центр приобрел чрезвычайно ценного сотрудника, идейного, благородного и мужественного. Много серьезных испытаний пришлось ему пережить за время нашей совместной службы. Не раз приходилось ему заглядывать в лицо смерти, но ум, храбрость и выдержка спасали и положение, и самого Р.К.

Свой первый экзамен, как и все последующие, полковник Шоманский выдержал прекрасно. Получив от меня деньги, он приобрел у немцев аппараты, и мы отправили их в армию. Это был ценный подарок!

Являясь командиром украинского авиаотделения в Харькове, Шоманский не удовлетворяется отправкой на Кубань разнообразного имущества. В его голове зреет план подготовить массовый перелет в армию. Этот план он чрезвычайно удачно осуществляет организацией воздушной почты.

Конечной главной станцией авиапочты был избран Новочеркасск, как пункт, с точки зрения германского командования, нейтральный. К тому же, важно было доставить имущество на Дон, а дальнейшая его переправка затруднений уже не встречала.

Образование воздушной почты дало возможность отправить на конечную станцию 19 самолетов, моторы, запасные части, станки и прочее. То есть миллионное имущество, каковое под предлогом нужд авиапочты постоянно усиливалось. Устройством промежуточной базы в Славянске еще более благоприятно разрешился вопрос снабжения Добровольческой Армии авиационными средствами.

Полковнику Шоманскому все время надо было считаться, что в Харькове он на виду и что всякий его неосторожный или слишком смелый шаг обратит на себя внимание и немцев, и украинцев. Славянск был более удобный небольшой городок, заглохший курорт. Жизнь текла там спокойно и патриархально, никто не интересовался, да вероятно и не понимал, что делают летчики. А делали они много. В Славянск, как на промежуточную базу, непрерывно отправлялось из Харькова имущество и запасы горючего. Всего в Славянске было сосредоточено 6 «Ньюпоров», 2 «Моран-Бразоля», 1 «Вуазен» во главе с начальником отряда штабс-капитаном Бафталовским. Туда же был направлен и усиленный штат летчиков, моторщиков и других специалистов.

Все получаемое Славянск тихо и незаметно отправлял дальше на Юг. Таким образом было налажено и налажено очень удачно весьма крупное дело.

В вопросах накопления имущества Р.К. Шоманский проявлял много оригинальной фантазии. Так, например, под предлогом спекуляций, был устроен авиазаправщик, что дало возможность приобрести запасы бензина, а затем посылать их в армию.

И.К. Мумм

Вообще, надо признать, что работа летчиков была должной и доблестной. Люди энергичные, мужественные и хладнокровные, они самоотверженно служили общему делу. Умная, хорошо организованная работа полковника Шоманского охватывала не только область авиации. Под всякими предложениями он доставал пулеметы, патроны, ручные гранаты. Для лучшего объединения работы полковник Шоманский с моего согласия зачислил полковника Тарасевича, отлично знавшего пулеметное дело, на должность инструктора в авиадивизионе. При той массовой отправке в армию различного имущества, какая совершалась Харьковским Центром, немалое значение приобретало наличие перевозочных средств. Сплошь и рядом имущество можно было вывезти, а затем доставлять на вокзал. Только на чем? Естественно, что мы не могли пользоваться восьмиколесными подводами. На помощь снова приходил полковник Шоманский, предоставляя нам свои грузовики с надежным личным составом. Грузовики были особенно полезны, когда надо было перевозить оружие, патроны, подрывное имущество. Все эти вызывающее подозрение вещи официально отправляли в Славянск. Немецкая комендатура на вокзалах оставалась в неведении относительно истинного назначения отправляемого имущества, а преданные нам железнодорожники устраивали так, что грузы шли, не задерживаясь, до Ростова. В Ростове находился отдел снабжения Добровольческой Армии, который принимал имущество и отправлял дальше.

Большую помощь Центру оказывал и интендант украинского корпуса полковник И.К. Мумм⁷⁵. Его помощь была тем ценнее, что многие товары,

⁷⁵ МУММ Иван Карлович (1878–1963) — полковник. Православный. Образование получил в реальном училище. Окончил Киевское военное училище (по 1-му разряду).

кожа, мануфактура, белье уже отсутствовали на частном рынке и имелись только в интендантстве. В итоге мы получали бесплатно или по старым заготовительным ценам, то есть почти даром, весьма ценное имущество, и притом такое, в каком особенно нуждалась армия.

Когда наша работа развернулась полностью, я понял, каким мудрым был план генерала Алексева образовать на Юге России Центры Добровольческой Армии. Своей работой Центры не только снабжали армию имуществом, но втягивали в круг своей деятельности огромное число лиц и таким образом только популяризировали факт существования Добровольческой Армии и идею ее вооруженной борьбы с большевиками.

ГЛАВА VII

Встреча с генералом графом Келлером. Всенародная панихида по Государю и Августейшей Семье. Поездки графа Келлера на Дон и в Добровольческую Армию. Его впечатления. Предложение графу Келлеру возглавить Северо-Западную армию.

Быстро уშიрявшаяся деятельность Харьковского Центра с его разнообразными областями работы возлагала на меня решение таких сложных вопросов, опыта в которых я раньше не имел. Несмотря на неизменное поощрение инициативы, мои помощники всегда желали получать от меня указания, всегда желали, чтобы моя воля, моя энергия возбуждала их импульсы. Только свои силы я обязан был находить в себе. Подобное душевно-волевое одиночество переносилось тяжело.

Когда обстоятельства этого требовали, я правда не испытывал колебаний проявить волю и решимость, но когда надо было давать чисто практические указания по вопросам, ранее мне неизвестным или малознакомым, я не мог не сознавать своей неподготовленности и инстинктивно искал поддержки человека столь же твердой воли, но житейски более опытного.

Выпущен в 98-й пех. Юрьевский полк. Участник Русско-японской войны 1904–1905. Контужен. Участник мировой войны. Интендант 10-го арм. корпуса (1917). В армии Украинской Державы и УНР. Интендант 10-го корпуса (с 29.01.1919). Гл. интендант Запорожского корпуса (03.1919). С лета 1919 в составе Вооруженных сил Юга России. Состоял в интендантском управлении Севастопольской крепости. В эмиграции в Бельгии. Умер после тяжелой болезни в доме для престарелых в г. Элуж. Похоронен на местном кладбище.

Таковым лицом явился генерал граф Ф.А. Келлер, с которым я встречался каждый день и с которым советовался во всех случаях, когда чувствовал в этом потребность.

Отношение графа к Добровольческой Армии было двойственным. Он горячо поддерживал идею вооруженной борьбы с большевиками и всей своей солдатской душой стремился принять активное участие в борьбе. В то же время он прекрасно понимал, что в период гражданской междоусобицы необходимы четкие лозунги, ибо они вдохновляют и решают борьбу.

Идея учредительного собрания в ее тогдашнем понимании вызывала органический протест столь цельной натуры, как генерал Келлер. По его мнению, Добровольческая Армия обязана была вести борьбу под монархическим флагом, ибо большевистскому материализму могла быть победно противопоставлена лишь его одухотворенная антитеза — монархия. Ф.А. принадлежал к числу тех консервативных умов, кои отнюдь не были склонными перечеркнуть российскую революцию только потому, что ее не одобряли. Наоборот, все свои практические выводы они строили на основе бытия революции.

На эту тему мы много говорили и граф неизменно отождествлял всякую либеральную интеллигенцию с Иваном Карамазовым, а русских солдат и крестьян, стихию революции — со Смердяковым с вывихнутой душой. Однако так как русская народная душа хранит и святость Зосимы, и гнусность Смердякова, то надо стремиться, чтобы благородное воздействие светлых порывов заглушало бы смердяковщину. Поэтому, по мнению графа, необходимы были лозунги, пронизанные мистической одухотворенностью, понятные народным массам и имеющие историческое обоснование.

Генерал Келлер не верил в монархизм руководителей Добровольческой Армии и помнил, что лозунг «Учредительное собрание» принят не в силу объективной его якобы целесообразности, а главным образом по симпатиям к нему и генерала Алексеева, и генерала Деникина.

Граф настойчиво стремился стать в ряды Добровольческой Армии, но конечно не в смысле формального бутафорного зачисления, а как действенный и притом строевой участник. Однако что было легко выполнимо для любого офицера, то оказалось неприемлемым для генерала от кавалерии Келлера, одного из выдающихся кавалерийских начальников Великой войны. Нельзя же было графа Келлера поставить рядовым под команду корнета-первопоходника или дать ему должность командира эскадрона! Назначить же его во главе добровольческой конницы почему-то не решались. Впрочем, это «почему-то» было понятно тем, кто знал характер графа, его высокий авторитет среди офицеров и непреклонность его монархических убеждений...

Граф Келлер был, кажется, единственным лицом, непричастным к деятельности Харьковского Центра, которое знало, что я начальник Центра. Он всегда с полным беспристрастием давал мне советы, никогда их не навязывая. Обычно мы сходились во взглядах на решение тех или иных практических вопросов, но это было не столь важно. Важным для меня было то, что в разговорах с Ф.А. я мог свободно высказывать свои сомнения, колебания и выслушивать критику своих действий. Человек обширного и глубокого жизненного опыта, он, конечно, не мог не видеть тогда моего молодого задора и моей прямолинейности, не всегда полезной в том сложном деле, которое я вел. Впрочем, сам юный душою, он, по-видимому, и ценил во мне и мой задор, и мою прямолинейность.

С глубоким уважением относясь к графу Келлеру, я никогда не позволял себе прикрываться его авторитетом, а тем более — втягивать его в ту военно-политическую деятельность, какая увлекала тогда меня. Только один раз я счел необходимым предложить графу публичное выступление. Это было в те печальные дни, когда в Харьков дошла весть о мученической гибели Государя и его семьи. Совместно со своими друзьями мы решили отслужить всенародную панихиду в кафедральном соборе. Дабы оформить это намерение, я побывал у архиепископа Антония. Владыка отнесся с полным сочувствием к моей просьбе и не только благословил ее, но и заявил, что лично будет служить заупокойную литургию.

Панихида была назначена в ближайшее воскресенье, о чем и было объявлено в газетах. Одновременно было дано указание офицерам присутствовать в парадной форме. Утром в воскресенье я заехал в автомобиле за графом, и мы отправились в собор. Ф.А. был при орденах, я тоже. Наш проезд по Сумской улице и Николаевской площади, то есть по самым многолюдным местам, привлек общее внимание.

После литургии духовенство проследовало на Соборную площадь и в присутствии массы народа отслужило торжественную панихиду. В благоговейном молчании молились русские люди за своего царя-мученика. Редко у кого не было слез. Плакивали царя, плакивали и погибающую Родину!

Панихида на Соборной площади произвела сильное впечатление. Площадь эта являлась традиционным местом бывших парадов, торжеств. И невольно вспоминались иные дни, иные картины, с воспоминаниями о которых отождествлялось недавнее величие нашей Родины.

И живым воплощением близкого прошлого являлась фигура графа Келлера. Средь огромной толпы, в мундире и орденах Императорской Армии, престарелый и величественный, на голову выше других, он так ярко олицетворял величие и блеск Империи!

С тяжелой душевной болью сознавалось, что русские люди на русской земле могли свободно молиться о русском царе только потому, что город был занят вражескими войсками. Какая ужасная нелепость жизни!

По окончании панихиды граф Келлер мог лишь с трудом пробраться к автомобилю. Толпа обезумела: люди плакали, крестили графа, старались дотронуться до его мундира, шашки... Всенародно, но, увы, поздно, калялись в вольных или невольных прегрешениях перед покойным Государем, перед загубленной, поверженной в уныние, еще недавно великой Россией...⁷⁶

⁷⁶ О панихиде в Харькове впоследствии вспоминал святитель Иоанн Шанхайский, закончивший в тот год юридический факультет Императорского Харьковского университета:

«В начале июля 1918 года разнеслась весть, что убит большевиками находившийся в заключении в Екатеринбурге Император Николай II. То известие немедленно было опровергнуто советским правительством. Но через день-два от него же последовало сообщение, что Царь убит, а Семья “увезена в надежное место”.

Потрясающая весть не была осознана сразу. Надеялись, что вновь она будет опровергнута. Наряду с известием об убийстве пронеслись вести, что Царь и вся Семья спасены и освобождены из заключения верными людьми, сумевшими проникнуть к Царской Семье и вывезти Ее в безопасное место. Оба известия распространялись одновременно, и не знали чему верить.

В Харькове одна из газет печатала сведения о бывшем убийстве, а другая, в то же время, все большие подробности об увозе из заключения Царской Семьи. Наконец, в обеих газетах появилось объявление о панихиде по Государе после Литургии в соборе в воскресенье 15 июля в день св. Владимира. К началу Литургии в этот день к собору стал стекаться народ. На паперти собора обрапала на себя внимание стоявшая группа офицеров. Началась Литургия при уже большом стечении молящихся.

В начале Литургии в собор вошел, окруженный офицерами в форме и орденах, ген. Келлер, бывший командир 10 Кавалерийского корпуса. Около года он не выходил из своих комнат, прибыв с фронта после отречения, чтобы не снять с себя погон и не являться без формы Императорской Армии.

В течение Литургии народ все прибывал и переполнил храм. Молящиеся почти были прижаты друг к другу. Во время запричастного стиха на амвон вышел протоиерей Иоанн Дмитриевский и начал слово. “Царь убит”, — сказал он. Едва он произнес это, послышалось рыдание. “Я не буду говорить от себя, — продолжал он, — я прочту то, что говорил о Нем митрополит Антоний в день десятилетия Его Царствования”. Проповедник начал читать по книге характеристику юного тогда Государя, рыдания все усиливались. Вся церковь превратилась в море рыданий и воплей, проповедника уже не было слышно. Напряжение достигло чрезмерных пределов. Слышались несвязные слова почти обезумевших людей. “Выпустите белку”, — задыхаясь от духоты, кричала какая-то женщина.

Царские врата раскрылись и Литургия продолжалась, приближаясь к своему концу. К концу Литургии народу было столько, не только в самом соборе, но и вокруг собора, что панихиду в церкви нельзя было служить. Решили служить ее на площади перед собором. Из алтаря, по окончании Литургии, потянулось духовенство во главе с епископом Неофитом Старобельским, управлявшим тогда Харьковской епархией. На площади между собором и присутственными местами было устроено возвышение, на которое взшло духовенство. Народ заполнил всю площадь. В стороне от него, в конце площади, стояла группа немецких офицеров, т.к. Харьков в то время был оккупирован, как и вся Украина, германскими войсками.

Началась панихида. Поминали новопреставленного убиенного Государя Императора Николая Александровича, а также убиенного за полгода перед тем митрополита Владимира, бывшего в тот день именинником. Когда закончилась панихида, на возвышение взошел председатель Съезда мировых судей, член Московского Всероссийского Собора Иван Михайлович Бич-Лубенский. Он обратился к народу с краткой речью: «Государь убит, — сказал он, — но жива Царская Семья. Наш долг позаботиться об Ее спасении. Мы не имеем сейчас возможностей снести с нашими союзниками. Мы имеем сейчас других союзников — обратимся к Германскому Императору, чтобы он позаботился о спасении Царской Семьи. Все согласны?»

Гробовое молчание было ответом. «Все согласны?» — переспросил Бич-Лубенский. «Ваше Высокопревосходительство, вы согласны?» — обратился он к ген. Келлеру, стоявшему впереди. «Нет, не согласен, — на всю площадь ответил Келлер так, что голос его долетел до немецких офицеров, стоявших на краю площади. — Нет, не согласен! Русская Царская Семья должна быть спасена русскими руками.» Бич-Лубенский разрыдался и сказал: «Но я верю, что Царь не убит, что Царь жив!»

Медленно расходился народ после панихиды. Через год мы узнали, что не только Государь, но и вся Царская Семья были тогда уже убиты. Впоследствии на том самом месте, где Иван Михайлович Бич-Лубенский говорил речь, он был расстрелян вновь зажившими Харьков большевиками.

Рыдание, слышанное тогда под сводами харьковского собора, доселе звучит в ушах и никогда не изгладится в сердцах тех, кто его тогда слышал. То рыдание и донныне потрясает всю Русскую землю. И лишь когда вся Русь принесет покаяние перед Царственными Мучениками и прославит Их подвиг, сможет оно прекратиться...»

(Цит. по: *Фомин С.* Донныне потрясает... Екатеринбургскому злодеянию 89 лет // *Русский вестник.* 6 июля 2007)

Кроме того, описания панихиды сохранились в харьковских газетах. Так, газета «Возрождение» от 29 (16) июля 1918 в заметке «Молебен и панихида по Николае Романове» сообщала:

«Вчера с утра к Кафедральному собору стали стекаться отдельные группы граждан, привлеченные анонимными извещениями и слухами, что в этот день будет отслужена панихида по убиенном бывшем императоре всероссийском.

С 10 ч. утра началось служение молебна, прерванное, однако, извещением, что прибыла из Киева делегация церковно-приходских советов, ездившая туда с ходатайством за ген. П.И. Залесского, и сообщила, что Николай II действительно расстрелян, что в Киеве о нем отслужена была панихида митрополитом Антонием.

По требованию молящихся отслужена была затем панихида, прерываемая рыданиями наполнившего храм народа. (Один офицер даже упал, потеряв сознание.)

Присутствовало на панихиде 400–500 человек. Преобладали женщины. После панихиды молившиеся долго не расходились, обсуждая на площади перед собором то, что произошло с Россией после низвержения монарха. Не слышно было никаких надежд на будущее, никакой веры в возможность какой бы то ни было спасительной для нашей погибшей родины деятельности. Без страстности, которую привыкли мы встречать на таких собраниях за время революции, без ожесточенных споров, но с безнадежной скорбью признавались все, что погубили Россию.

Уныло искали виновных.

Многие просто жаловались на то, до чего довела Россию революция, никого в частности не обвиняя. И от унылой пестроты всего сказанного в этот печальный день теми, кто когда-то наивно радовался весне и революции на той же самой площади, осталось одно впечатление, одна мысль: гибель монархии — гибель России.

Всем было ясно, что по императоре — это панихида и по родине».

Воскресенье, 28-го (15) Июля 1918 года.

Панихида по мученически убиенному
Всероссийскомъ Императорѣ
НИКОЛАѢ II.
Имѣеть быть совершена въ Ка-
тедральномъ соборѣ архіерей-
скимъ служеніемъ въ воскре-
сенье 15—28 іюля, послѣ поздней
литургіи (около 12 ч. дня).

САДЪ ТИИ
Особо Выдающій
Учредитель Харьковскій про-
ристъ имп. суббани 1-я
Борео. лучшее импор-
тан. дуктисти бр.
Чан-Ли-И. Труан
Красовская, Раевская,
Тамарская, Потоцкая
Начало въ 8 ч. в.

Театръ
Выдающій артисты
Въ воскресенье 28 іюля
2 часа въ 8 и 10 ч. в.
Л. ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Тел. № 2 Л. Сабурова.

ПРИКАЗЪ

Объявления о панихиде по императору Николаю II. Газета «Возрождение», 28 июля 1918 г.

Потрясенные возвращались мы домой. Молчали. Да и что мы могли сказать друг другу в те минуты, когда так остро, так больно переживали национальное горе, национальный позор?

Чем больше налаживалась работа Центра, тем нервнее делался генерал Келлер. Его огневая душа не мирилась с бездеятельностью.

Ценность графа как начальника, как кавалерийского генерала была хорошо известна вождям Добровольческой Армии. Штаб армии знал по моим донесениям, что генерал проживает в Харькове, знал, что он жаждет боевой службы, однако никаких предложений из армии не получалось.

Несколько раз в душевных разговорах со мною Ф.А. говорил как бы отвлеченно, что интересно было бы побывать в армии и посмотреть, что там делается. Я понимал, что всегда правдивый, всем прямодушный граф на этот раз пытается сам себя обмануть. Конечно, не собственные ориентировки, не обывательское любопытство, а тайная надежда принять участие в борьбе тянула его на Юг.

Я отмалчивался, ибо имел основания полагать, что графа, в случае его поездки в армию, ожидают лишь неприятные разочарования. Однако, когда Ф.А. сильно заскучал, осунулся, я, переговорив предварительно с графиней, решил «посоветовать» ему съездить в армию. Генерал ожил и быстро собрался. На всякий случай я приставил к нему охрану, обеспечил возможное удобство поездки и он уехал преображенным. Вновь он стал прежним по-хожим! Дней через десять была получена телеграмма о его возвращении —

краткое сообщение о дне и часе приезда. И графине, и мне стало ясно, что затаенные надежды далеко не осуществились! Графу генералу Келлеру не нашлось места в Добровольческой Армии!

По приезде Ф.А. сейчас же послал своего сына за мною. Ему не терпелось излить свою душу. Впечатления были не радостные: между генералом Алексеевым и генералом Деникиным углублялись натянутые отношения. Столь же ненормальными были отношения между Добровольческой и Донской армиями. В организационных вопросах преобладала импровизация.

Штаб армии работал в атмосфере политических интриг, тайных и явных. Более светлые впечатления оставил генерал Краснов, но его травят и Добровольческая Армия, и казачья партийность, и союзники.

Особенно заботили графа политические настроения самого генерала Деникина, их неопределенность и явное желание надумать какую-то несуществующую российскую народность.

— Нет ярких лозунгов, какая-то несогласованность, недоговоренность, невидимое подыгрывание. Так вести гражданскую войну нельзя. Офицеры дерутся стойко, будут победы, успехи, но помяните мои слова — Деникин не добьется окончательного успеха. Самая скверная политика — это сидеть между двумя стульями. Уже теперь Деникин не удовлетворяет ни правых, ни левых. Типичная кадетская политика...

Я внимательно слушал рассказ графа. Тогда мне казалось, что многие его выводы излишне пессимистичны, продиктованы, быть может, бессознательно, личными выпадами. Теперь, когда тогдашняя действительность стала уже отстоявшейся историей, я могу только удивляться, какую прозорливость обнаружил Ф.А.

Как бывает с сильными волевыми натурами, неудачная поездка графа Келлера лишь всколыхнула его энергию. У него зародился план объединить борьбу против большевиков, ведущуюся Добровольческой Армией, Доном и Скоропадским. Три плацдарма, каждый в отдельности слабый, объединившись, дадут могучую силу. Гетман, правда, не имеет своей армии и вряд ли будет ее иметь. Не позволят немцы! Но он обладает богатыми средствами.

План увлек генерала. Он предвидел много затруднений на пути его осуществления, но верил, что силою патриотических побуждений можно преодолеть все препятствия. Он организует встречу трех антибольшевистских вождей — генерала Деникина, атамана Краснова, гетмана Скоропадского.

Встреча состоялась, но задуманного объединения не произошло. Генерал больно переживал неудачу. Переживал бы ее еще острее, но в это время получил из Пскова предложение — стать во главе формируемой Северо-Западной армии.

Граф отвечает условным согласием: желает предварительно знать условия своей будущей работы и отрицает в этой деятельности какое бы то ни было участие немцев.

Меня просит составить проект своего подробного ответа и предупреждает, что в случае принятия им должности главнокомандующего Северо-Западной армией желает, чтобы я был у него генерал-квартирмейстером.

При всем своем уважении к графу, при полном сочувствии новому начинанию, я решительно отказываюсь:

— Покуда Вы в Харькове, я готов всячески служить Вам. Но я не ландскнехт, чтобы во имя служебных выгод менять армии.

Ф.А. явно сердился и, чтобы его успокоить, убеждаю, что еще рано обсуждать подобные кандидатуры.

— Нет, не рано. Время дорого и надо заранее обсудить все, что возможно обсудить здесь. Уходя на охоту, поздно собак кормить!

Много вечеров провели мы, обсуждая по намеченной программе вопрос об организации Северо-Западной армии.

После ответа графа в Харьков прибыли представители тех общественных групп, инициативой которых осуществлялась идея новой армии. С их приездом работа графа приняла уже реальный характер.

Со всей накопившейся энергией отдался Ф.А. этому последнему большому делу своей жизни. Он буквально горел, не подозревая, что уже ступил на свой крестный путь, который скоро приведет его к трагическому концу.

В это время графу очень пригодились те наблюдения и те разочарования, какие он вывез из своей поездки на Дон и в Добровольческую Армию. Эта поездка дала ему полезное представление о тех условиях, в каких ведется гражданская война, столь отличная от всех иных видов войны.

ГЛАВА VIII

Связь Харьковского Центра с армией и с Киевом. Поездки полковника фон Лампе в Киев и в Полтаву. Моя поездка в Киев. Съезд офицеров Генерального Штаба. Киевские аресты. Герцог Лейхтенбергский. Обстановка на Украине к осени. Моя поездка в Екатеринодар. Впечатления. Вызов в Харьков. Инструкции.

Связь Харьковского Центра с Екатеринодаром, где сосредотачивалось управление армией, и с другими Главными Центрами была налажена

плохо. По соображениям конспирации генерал Алексеев не сообщил мне даже имени моего ближайшего соседа — начальника Киевского Главного Центра. Между тем, Киев являлся важным политическим центром, ибо там были гетман и Главная квартира германской оккупационной армии. Замыкаться же только в рамках харьковских интересов не представлялось возможным. Поэтому нужно было связываться с нужными лицами собственным попечением.

Свои доклады и отчеты генералу Алексееву я слал обычно с кем-либо из надежных офицеров, ехавших в армию. Взаимно мне присылали приказания со специальными курьерами или курьершами. Как дань демократизму того периода при особом отделе, ведавшем работами Центров, состояли женщины — прапорщицы. Их и использовали как курьеров.

Для связи с Киевом был дважды командирован полковник фон Лампе — в мае и в июле. Ему было поручено выяснить, кто в Киеве начальник Главного Центра, связаться с ним и добыть дальнейшую информацию. Умный и тактичный человек, А.А. Лампе оба раза прекрасно выполнил поручения и снабдил меня многими интересными сведениями.

В то время В.В. Шульгин⁷⁷ вел в Киеве большую работу и А.А. не преминул войти с ним в связь. Между «Азбукой» — конспиративной организацией Шульгина⁷⁸ и нами установилась регулярная связь, чего, к сожалению, не было в общении с Киевским Центром.

Из Киева же был привезен А.А. проект образования в Харькове телеграфного агентства, что при осуществлении давало бы нам возможность вести широкую пропаганду добровольческих идей. Я горячо поддержал этот проект, но он встретил противодействие украинского министра внутренних дел и заглох.

⁷⁷ **ШУЛЬГИН Василий Витальевич** (1878–1976) — общественный и политический деятель, писатель, журналист, поэт. Окончил юридический факультет Киевского университета. Один из ведущих журналистов газеты «Киевлянин». Депутат II, III и IV Государственной Думы. С началом I мировой войны добровольцем ушел на фронт. После Февральской революции отказался войти во Временное правительство в качестве министра юстиции. Принимал отречение императора Николая II в марте 1917. Активный участник антибольшевистского движения в годы Гражданской войны. С 1920 в эмиграции в Болгарии, Германии, Франции. С 1924 живет в Югославии. В 1925 в поисках сына нелегально посещает СССР. В 1944 арестован СМЕРШем в Югославии, осужден на 25 лет. Освобожден в 1956, после освобождения жил во Владимире. В начале 60-х обратился с двумя открытыми письмами к русской эмиграции с призывом отказаться от враждебного отношения к советской власти.

⁷⁸ «Азбука» — подпольная белая организация на Юге России, существовавшая с конца 1917 по декабрь 1919. Возглавлялась В.В. Шульгиным. Занималась вербовкой и переброской офицеров в Добровольческую Армию, политической разведкой, боролась с большевизмом и украинским сепаратизмом.

Фрагмент статьи А.А. фон Лампе «Погоны» о несвоевременности ношения офицерами погон. Газета «Возрождение», 12 апреля 1918 г.

Полтавский район входил в мое подчинение, как часть Харьковского Главного Центра. Полтавским Центром ведал Генеральный Штаб полковник Фролов⁷⁹ и прекрасно вел свое дело. Я избегал вмешиваться в его работу и ограничивался лишь директивными указаниями. Работали мы мирно и друг к другу благожелательно, периодически встречались.

Летом я узнал, что в Киеве предполагается секретный съезд офицеров Генерального Штаба, и решил лично съездить в Киев. Было и полезно, и интересно встретиться с людьми с разных мест.

Перед моим отъездом Киев пережил большое потрясение от взрыва пороховых погребов. Подъезжая к Киеву, можно было видеть последствия этого ужасного взрыва: снесенные заборы, упавшие как карточные

⁷⁹ **ФРОЛОВ Александр Григорьевич** (1886—?) — полковник Генерального Штаба. В 1917 состоял при Виленском военном училище для преподавания военных наук. В 1918 во время немецкой оккупации Украины — начальник подпольного полтавского Центра Добровольческой Армии. В конце 1918 прибыл в Крым и вскоре был назначен и. д. начальника военных сообщений в штабе Крымско-Азовской армии генерала Боровского. В 1919 — полковник и начальник штаба 34-й дивизии. После отступления 3-го армейского корпуса в Крым — преподаватель тактики в Константиновском военном училище, затем начальник оперативного отдела в штабе 3-го армейского (Крымского) корпуса генерала Слешова, начальник штаба 2-го армейского корпуса Русской Армии. В эмиграции проживал в Зеленики, Королевство СХС.

домики, покосившиеся или разрушенные дома, вывернутые телеграфные столбы, разбитые окна. Город еще был полон отголосками грандиозной катастрофы.

По сравнению с Харьковом, Киев внешне производил впечатление более украинского города. Большинство вывесок было на мове — наследствие Рады. Иногда на улицах слышалась украинская речь, но нарочито громкая, демонстративная. Встречались украинские костюмы. Впрочем, и речь, и костюмы двигались в русской массе. Пришлось даже наблюдать из окна гостиницы украинскую манифестацию: человек двести украинцев с жовто-блакитным флагом. Шли по Крещатику «жинки» в малороссийских костюмах, «чоловики» в серых смушковых шапках. Манифестанты пытались что-то петь, но у них ничего не выходило. В общем, это было довольно убогое зрелище. Явно чувствовалось, что Киев твердо русский город. Русскость его еще более усиливалась той волной беженства, которая непрерывно неслась с севера на Юг России.

Петербург и Москва были представлены богато. Постоянно встречались на улицах знакомые, бежавшие из Совдепии. И вся эта приезжая масса неутомимо жевала: на улицах, в ресторанах, в магазинах. Гуляли по Крещатику, в Купеческом саду с полными ртами и блаженными лицами, наслаждались безопасностью и сытостью.

По приезде я побывал у Генерального Штаба полковника П.А. Кусонского⁸⁰, который и ориентировал меня как о киевских настроениях, так и

⁸⁰ **КУСОНСКИЙ Павел Алексеевич** (1880–1941) — Генерального Штаба генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В 1917 — помощник начальника оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. Был послан генералом Духониним в Быхов с тем, чтобы предупредить генерала Корнилова и его сторонников о приближении большевиков. Вслед за Корниловым уехал в Добровольческую Армию. В июне 1918 назначен генералом для поручений при командующем Добровольческой Армией. В январе 1919 назначен генерал-квартирмейстером штаба Добровольческой Армии, в мае 1919 переименованной в Кавказскую Добровольческую Армию. В июне 1919 — генерал-майор и начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса генерала Юзефовича. В Русской Армии генерала Врангеля — и. д. начальника гарнизона г. Симферополя. С августа 1920 — начальник штаба 3-го армейского корпуса, затем начальник штаба 2-й армии. После эвакуации из Крыма назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской Армией. Приказом от 16.02.1922 произведен в генерал-лейтенанты за отличия по службе. После 1922 переехал в Париж, где находился в распоряжении председателя РОВСа генерала Кутелова, а затем генерала Миллера. После ухода генерала Стогова в 1934 с поста начальника военной канцелярии РОВСа в Париже замещал его до 1937. В 1938 переехал в Бельгию, где работал переводчиком, одновременно помогая начальнику РОВСа генералу Архангельскому. 22.06.1941 был арестован гестапо и интернирован в концлагерь Брейндонк, в Бельгии. Скончался от жестоких побоев. Похоронен семьей на кладбище Уксель в Брюсселе.

о работе Киевского Центра. Я пробыл в Киеве более недели и, несмотря на мое желание встретиться с начальником тамошнего Центра, мне это так и не удалось. Начальник Центра настолько «зашифровал» себя, что доступ к нему был, по-видимому, невозможным.

В Киев действительно съехались офицеры Генерального Штаба из разных мест. Был даже полковник Г. из Москвы. Этот съезд, организованный частной инициативой, не преследовал никаких политических целей. Его единственным заданием была взаимная информация.

Настроение киевского съезда Генерального Штаба было добрым, но нервным. Встречи обставлялись различными предосторожностями, разговоры велись вполголоса. В душе я относился несколько скептически к подобной конспирации, но скоро убедился, что она имела свое обоснование.

Через несколько дней по приезде, зайдя к П.А. Кусонскому, я узнал, что минувшей ночью он был немцами арестован и посажен в тюрьму. Причиной ареста была связь с Добровольческой Армией. Вместе с Кусонским были арестованы полковник Ряснянский⁸¹ с женой. Арест сопровождался обыском.

Арестованные принимали близкое участие в работе Киевского Центра и естественно, что это событие взволновало Центр. Несмотря на предпринимаемые меры, и Кусонский, и Ряснянский с женой продолжали содержаться в тюрьме, и я с ними в Киеве больше не встречался.

Подобная неприятность сорвала настроение съезда. Все мы были серьезно озабочены судьбой наших единомышленников. Время было военное, а немцы не стеснялись мерами устрашения, когда это им требовалось...

⁸¹ **РЯСНЯНСКИЙ Сергей Николаевич** (1885–1976) — Генерального Штаба полковник. Кадровый офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка. Старший адъютант штаба 10-й кавалерийской дивизии (с 04.09.1916; на 03.01.1917 в должности). В 1917 переведен в разведывательный отдел штаба генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего. Остался верным генералу Корнилову во время его выступления в 08.1917 и вместе с ним был заключен в тюрьму в Быхове, откуда бежал на Дон. Участвовал в формировании Добровольческой Армии и в ее 1-м и 2-м Кубанских походах. В конце 1918 — полковник в разведывательном отделе штаба Добровольческой Армии. 02.05.1919 назначен в распоряжение штаба армейской группы генерала Врангеля на Маньчжском фронте. В Крыму в армии генерала Врангеля перешел в строй и командовал 2-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии во время боев в Северной Таврии. После эвакуации Русской армии из Крыма был назначен в Галлиполи командиром 4-го кавалерийского полка. С переездом в Королевство СХС служил в Пограничной страже, затем был преподавателем военных наук в Николаевском кавалерийском училище (1922–1923) в Белой Церкви. После Второй мировой войны переехал в Бельгию. Был помощником возглавителя РОВСа генерала Архангельского. Затем переехал в Америку и в 1954 стал начальником отдела РОВСа в США. Издавал «Вестник российского зарубежного воинства» и состоял в Союзе Георгиевских кавалеров. Последний председатель полкового объединения 10-го гусарского Ингерманландского полка. Скончался в Нью-Йорке.

До ареста предполагалось, что приезжие офицеры Генерального Штаба устроят несколько интимных собраний совместно с киевскими. Однако после ареста киевляне признали подобные собрания несвоевременными. Пришлось встречаться порознь, что, конечно, снижало интерес.

В общем же, за время своего пребывания в Киеве я запасся солидной и разнообразной информацией.

Перед отъездом из Харькова генерал Залесский просил меня побывать у проживавшего в Киеве герцога Лейхтенбергского⁸². Герцог почитался лицом «немецкой ориентации», но фактически, пользуясь своим именем и связями, стремился быть посредником между русскими военными кругами, гетманом и германским командованием. В известном смысле он оказал полезное воздействие на гетмана в целях снижения украинских тенденций.

Несколько раз мне пришлось побывать у герцога и встречи с ним оставили во мне впечатление явной скромности, как самого герцога, так и его домашней жизни.

Военно-общественная жизнь в Киеве была более шумной, чем в Харькове. По содержанию она была бестолкова и сумбурна. Приезжие с севера или с украинских провинций стремились что-то организовывать, что-то делать. Причем, как правило, каждый такой инициатор глубоко верил, что, во-первых, до него никто ничего не делал, а во-вторых, он один владеет секретом спасения Родины. Постоянно назначались «общие собрания» офицеров.

Заинтересованный, я побывал на двух таких собраниях, но ничего, кроме скуки и разочарования, не вынес. «Общее собрание офицеров города Киева» выражалось несколькими десятками человек. Никакой предварительной подготовки не наблюдалось, по крайней мере, на тех двух собрани-

⁸² **ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ Георгий Николаевич** (1872–1929) — герцог Лейхтенбергский, принц де Богарне. Родился в Риме семье герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского и графини Богарне — Надежды Сергеевны Анненковой. Образование получил во Франции. Детство и юность провел в семейном деревенском доме в Баварии и во Франции. Титул герцога с титулованием «светлость» получил 11 ноября 1890. В возрасте 18 лет вернулся в Россию, поступил на военную службу в Конный лейб-гвардии полк, командиром эскадрона. Вышел в отставку в чине полковника 17 декабря 1905. В отставке большую часть года проводил в Баварии, занимаясь науками историческими и военными, был председателем императорского Общества ревнителей истории (1911–1917) и почетным председателем Санкт-Петербургского общества охотников. Во время Первой мировой войны состоял при Российском обществе Красного Креста и в штабе Юго-Западного фронта. Повторно уволен со службы в мае 1917. В июле 1918 участник формирования Южной армии в Киеве. В эмиграции проживал в Берлине, был одним из основателей антибольшевистской организации «Братство Русской Правды», издателем сборников «Белое дело», занимался историей. Похоронен в своем имении в Сеон, Бавария (Германия).

ях, какие я посетил. Произносились звонкие фразы, за какими не чувствовалось никаких действий. Хотя подобные собрания назначались всякий день, но я уже потерял к ним вкус. Вскоре, впрочем, я вернулся в Харьков, так как мои друзья торопили меня с возвращением.

В конце августа мне пришлось расстаться с полковником фон Лампе. Он переехал в Екатеринодар, чтобы совместно с Шульгиным принять участие в издании газеты «Россия». Его отъезд был очень чувствителен для Харьковского Центра, ибо мы лишились и верного друга, и талантливого сотрудника.

А.А. ехал с женою и дочерью, пятилетней Женей. С ним я отправил важные и крайне секретные бумаги для генерала Алексева. Конечно, приехал на вокзал проводить милую семью Лампе. Уже сидя в вагоне, спросил Лампе:

— Хорошо спрятали мои бумаги?

— Э, дорогой мой, будьте спокойны! Никакой Шерлок не найдет...

Женя сидела очень серьезная и важная. Болтая с нею и угощая ее конфетами, я обратил внимание на ее шляпу. Что-то подозрительное было в этой шляпе, когда она топорщилась. Я как бы невзначай положил руку на Женину голову и ясно ощутил под материей бумаги. Сразу догадался, что Женя — «контрабандистка».

А.А. был сильно сконфужен моим открытием, и мы от души посмеялись.

Искренне опечаленный разлукой с Лампе, я отчасти был и доволен, что он увозил семью в Екатеринодар. Доволен потому, что к осени на Украине вообще, а в Харькове в частности «запахло горелым». На внешнем фронте замечалось шевеление большевиков. В связи с неудачами на западном фронте среди немцев наблюдалась нервозность. Их поборы ожесточали население и в деревнях все учащались нападения на одиночных германских солдат.

Гетман реальной силы в лице своей армии не имел. Формирование украинских вооруженных сил ограничивалось лишь штабными проектами. Украина держалась лишь немецкими штыками. Немцы, правда, продолжали быть внешне подтянутыми, дисциплинированными, но однако скрытое разложение уже замечалось.

Появились слухи, что осенью оккупационная армия будет переброшена на западный фронт. С уходом же немцев неминуемо должна была наступить анархия, а затем — вторичное появление большевиков.

Возможность будущих осложнений не могла не тревожить меня. Мое самочувствие ухудшалось еще и потому, что в это время мне пришлось расстаться с графом Келлером. Закончив предварительные переговоры, граф

согласился стать во главе Северо-Западной армии и выехал в Киев, дабы добраться дальше в Псков.

До последнего дня он держал меня в курсе своих планов, твердо веря в то, что я поеду вместе с ним.

Искренне любя Ф.А., мне было очень тяжело отпускать его одного. Я понимал, сколь ему был необходим близкий, доверенный человек. Думая, что мой отказ отправиться с ним вызван тем, что меня не удовлетворяет должность генерал-квартирмейстера, генерал несколько раз пытался «объяснить» мне, почему он не может взять меня своим начальником Штаба: что я молод и в чине только полковник.

С полной откровенностью я заверял графа, что единственной причиной моего отказа ехать с ним были мотивы этического характера. Граф понимал рассудком мои доводы, но его буйное сердце не мирилось и, уезжая, он простился со мной холодно.

Из моей жизни ушел большой человек, к которому я навсегда сохранил чувство глубочайшего уважения. Я вновь был предоставлен собственным душевным силам, а впереди ожидали Харьковский Центр серьезные испытания!

Забота о будущем, а в связи с этим и желание иметь определенные инструкции побудили меня съездить в Екатеринодар. Украинская железнодорожная сеть была связана с Донской, и я с удобствами доехал до Ростова. На границе с Доном была проверка документов. В вагон вошли офицер с двумя жандармами. Прекрасно и по форме одетые, корректные, они, первые представители Донской власти, производили отличное впечатление. Документы проверяли быстро, толково, без подчеркивания своих прав. От границы до Ростова повсюду полный порядок, чистота в вагонах и на станциях, соблюдение расписания, ощущение общей строгости и дисциплинированности, встречаемые в пути Донского войска, все живо напомнило былые картины российской жизни. Я не мог не оценить, какую громадную работу проделал генерал Краснов в должности Донского Атамана. Повсюду даже в мелочах чувствовался его большой организаторский талант.

Ростовский вокзал, такой знакомый, напомнил своим видом прежнее время — чистота, порядок. Временами казалось, что этот край и не изведал всех ужасов большевизма.

В Ростове обилие военных форм. Я тоже в форме, с погонами. Кому положено, отдают мне честь. Давно не переживаемое ощущение привычного военного уклада!

Если для Керенского и иже с ним отдавание чести и представлялось ненужной формальностью, то военное сословие видело в этой формальности отражение дисциплины, то есть души армии. По тому, как отдавалась честь,

я совершенно уверенно мог судить о духовном облике Донской армии. Так специалисту-археологу достаточно ничтожной детали, чтобы вполне точно определить эпоху...

Но не те же, как и на Дону, черты военного уклада с добавлением добровольческих прослоений. От Ростова до Екатеринодара почти не встречается войск, ни кубанских, ни добровольческих. Изредка промелькнет разноцветная ленточка на левой руке — символ принадлежности к Добровольческой Армии.

Небольшой екатеринодарский вокзал забит офицерами, солдатами, казаками. Белые косынки и красные кресты сестер. Порядка, чистоты и нарядности ростовского вокзала здесь уже нет. Спят на полу, на диванах, на узлах много раненых с перевязками. Все здоровые и раненые, добровольцы и казаки, офицеры и солдаты одеты скверно. Лица исхудавшие, но глаза мужественные, задорные.

Главная — Красная улица полна оживленной военной толпой. Штатских костюмов почти не видно. Постоянно встречаются знакомые, друзья, которых много лет не видел. Настроение такое, как будто вернулся в родной город после длительного отсутствия. С отвращением вспоминаешь последний год на фронте, революцию, ненавистных «товарищей», комитеты...

Я никогда не бывал в Екатеринодаре, первый раз. Он весь в зелени, уютный, домовитый. Мне нравится рано утром или под вечер бродить по удаленным улочкам. Милые, патриархальные, они очень живо напоминают мне недавний крепкий быт, недавнюю, но уже ушедшую жизнь.

Обширное, прекрасно устроенное гарнизонное собрание, место встреч и центр всевозможных новостей, слухов, сплетен. Настроение у всех бодрое, приподнятое. Вера в конечный успех кажется несокрушимой.

Генерал Алексеев болел и Центрами ведал генерал Лукомский⁸³, с которым я и имел дело. Генерал Деникин на фронте, где подготавливается очередная операция. Генерал Романовский — начальник Штаба Главнокомандующего завален работой. Надо ожидать в приемной много часов, чтобы

⁸³ ЛУКОМСКИЙ Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант Генштаба. В 1910 — начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального Штаба. В 1914 подготовил и провел общую мобилизацию, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени на Георгиевской ленте. С 1915 — помощник военного министра. В апреле 1916 произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 32-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. В конце того же года назначен генерал-квартирмейстером Ставки и заместителем председателя Особого совещания по обороне государства. В 1917 — начальник штаба Верховного Главнокомандующего при генерале Корнилове. В начале сентября 1917 вместе с генералом Корниловым был арестован Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. Бежал из

попасть к нему на прием. Последний раз я видел его год назад в Ставке. Он сильно изменился: обрюзг, лицо желтое, усталое. По распространенному мнению — «злой гений армии»! В действительности — человек редкого благородства: промахи и ошибки Главного командования брал на себя, все лучшее и удачи отдавал генералу Деникину.

Генерал Лукомский и генерал Романовский объяснили мне, какую дальнейшую работу ожидают от Харьковского Центра. Держаться в Харькове возможно дольше. Ни тот, ни другой не говорили мне о причинах, но я понял, что главное командование предполагает выдвинуть части Добровольческой Армии к северу от Ростова. Будет ли Харьков занят добровольцами, сказать, конечно, никто не мог.

В общем, данные мне инструкции подчеркивали, что я должен рассчитывать только на свои силы, обязан чаще и подробнее доносить и в то же время не ожидать ответных инструкций. Генерал Лукомский, обращая мое внимание на киевские аресты, рекомендовал осторожность.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар управление Центрами было изъято из ведения генерала Алексева. Полковник Лисовой был отчислен от

Быхова на Дон и участвовал в организации Добровольческой Армии. В декабре 1917 был назначен генералом Корниловым начальником штаба армии. С начала февраля 1918 недолгое время был представителем Добровольческой Армии при Донском атамане. 9 февраля 1918, накануне выхода Добровольческой Армии в 1-й Кубанский поход, был тайно послан генералом Корниловым в Екатеринодар в качестве его представителя при Кубанском правительстве. Через несколько дней был задержан большевиками. Чудом спасся и вынужден был выехать в Царицын, а затем в Киев и Одессу, где устанавливал связь с офицерскими организациями. Вернулся в штаб Добровольческой Армии лишь в июле 1918. Назначен заместителем председателя Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой Армии генерале Алексееве. В октябре 1918 становится начальником Военного управления и помощником Главнокомандующего. С 12 октября 1919 по декабрь того же года — председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. 17 декабря 1919, в связи с ликвидацией Особого совещания, был назначен генералом Деникиным председателем правительства при Главнокомандующем ВСЮР. 8 февраля 1920 приказом генерала Деникина по Генеральному Штабу вместе с генералами Врангелем, Шатиловым и адмиралами Ненюковым и Бубновым был «уволен от службы» за поддержку кандидатуры генерала Врангеля на место командовавшего в Крыму генерала Шиллинга. В конце марта 1920 генерал Врангель назначил генерала Лукомского представителем Главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе. После эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 состоял в распоряжении Главнокомандующего. В начале 1920-х, во время пребывания Великого Князя Николая Николаевича в Антибе, на юге Франции, проживал в Ницце, пользовался расположением Великого Князя и считался его советником. В 1924—1925 выполнял секретные поручения Великого Князя. По желанию Великого Князя 31 июля 1926 генерал Врангель назначил генерала Лукомского начальником всех воинских организаций, связанных с РОВСОМ в Америке и на Дальнем Востоке. После 1928 — в распоряжении председателя РОВСа. Скончался в Париже 25 февраля 1939. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

должности начальника политической канцелярии. Ближайшее руководство делами Центров сосредотачивалось в Особом отделе, начальником коего был назначен подполковник В.В. Крейтер⁸⁴, способный, энергичный офицер Генерального Штаба. С ним мне было удобнее вести переговоры, чем с его высоким начальством. В.В. понимал, что излишняя секретность не всегда полезна для дела. И зная, что я приехал за ориентировкой, охотно и толково разъяснил все, что могло меня интересовать. Имея хороший служебный опыт и хорошо зная штабную психологию, я понимал, что любезное и внимательное отношение ко мне генерала Лукомского и генерала Романовского для них знаменует удовлетворение деятельностью Харьковского Центра. Это было приятно и неприятно. Последнее потому, что исключало для меня возможность остаться в армии, где впервые после революции я как раньше дышал свободно, где все было мне близко и понятно, где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором.

Генерал Лукомский оставался глух к моим намекам, а однажды даже резко заявил, что «надо служить не там, где хочется, а где прикажут»... Почувствовав, однако, что я обижен подобным окриком, он подсластил пилюлю, объяснив, что я прекрасно веду дело, что меня некем заменить в Харькове и т.п. ... Потом решил приободрить меня перспективой, что Центры в дальнейшем должны обратиться в генерал-губернаторства и губернаторства, что меня совсем обескуражило. Я мечтал командовать строевыми частями, и губернаторская должность несколько меня не прельщала.

Во всяком случае, я в самых добрых тонах рассказал харьковским друзьям о екатеринодарских впечатлениях в период моего пребывания в армии.

Политическая обстановка в Харькове усложнилась. Мой заместитель полковник Смелъницкий и мой начальник штаба полковник Ткачев были людьми мужественными и не склонными к беспочвенному пессимизму. Зная это, я был озабочен теми тревожными докладами, какие приходили

---

⁸⁴ **КРЕЙТЕР Владимир Владимирович** (1888–1950) — Генерального Штаба генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием ВП от 21.03.1915). В 1917 — начальник штаба дивизии. В Добровольческой Армии с конца 1918. Начальник штаба бригады, а затем 2-й дивизии в составе 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии генерала Врангеля был начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии, а затем конного корпуса генерала Барбовича. В октябре 1920 — генерал-майор и командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца — за бои бригады во время Заднепровской операции. В эмиграции проживал в Панчево, Сербия, где служил в пограничной страже в начале 1920-х. Во время Второй мировой войны поступил в Русский охранный корпус в Сербии. В самом конце войны принял штаб корпуса. Скончался 23 июня 1950 в городе Дахау близ Мюнхена. Похоронен на местном кладбище.

из Харькова, не было сомнений, что в Харькове назревают какие-то серьезные события. Скоро мною была получена от полковника Ткачева краткая, но выразительная телеграмма: «Ваш спешный приезд крайне необходим».

На Харьков надвигалась новая беда и мой долг требовал быть с моими друзьями. Личные желания немедленно отпали. Быстро собравшись, я в тот же вечер выехал в Харьков.

Отпуская меня, генерал Лукомский честно предупредил, что в случае каких-то осложнений на Украине он едва ли будет иметь возможность чем-либо мне помочь. Поэтому я должен рассчитывать только на свои силы. Его последними словами было приказание:

— Задержитесь в Харькове возможно дольше.

С беспокойною душою возвращался я домой. Инстинкт подсказывал мне, что впереди меня ожидает тяжелое испытание. В то же время я ощущал, что мною овладевает азарт борьбы, желание вновь пережить устрашающее и одновременно манящее чувство опасности. Настроение многим столь знакомое в те смутные годы. Периоды затишья оказывались слишком пресными! К тому же сознание твердо усвоило истину, что борьба неизбежна, а раз она неизбежна, то лучше начинать ее скорее.

ГЛАВА IX

Возвращение в Харьков. Петлюровские войска. В ожидании переворота. Арест меня и полковника Ткачева. Ранение Ткачева. Переворот. Наше бегство. Новая опасность. Конспиративная квартира.

На харьковском вокзале, куда я прибыл около 4 часов дня, все было спокойно. На улицах тоже все было мирно. Подъезжая к Соборной площади, я совершенно неожиданно заметил на этой площади какие-то украинские войска. Они стояли развернутым фронтом, в походном снаряжении и имели вид только что совершивших продолжительный поход.

Мгновенно почувствовав, что это враги, я прикрикнул извозчику: «Езжай тише» и воззрелся на это воинство. Их было по нормальному счету четыре роты, четыре «куреня». Довольно немного. Все были вооружены трехлинейными винтовками, у многих виднелись ручные гранаты. Тут же стояло четыре пулемета. Судя по обмундированию, это были не гетманские войска, а какая-то только что пришедшая в город неизвестная мне банда, явно украинско-большевистского типа. Глаз был достаточно наметанным и «стиль» любой части определялся безошибочно.

П.Ф. Болбочан

Моя случайная разведка продолжалась не более двух-трех минут, но и этого времени было достаточно, чтобы получить представление о новом противнике. Сколько-нибудь серьезной силы он не представлял. И я спокойно продолжил свой путь домой, интересуясь лишь вопросом: что это — авангард или вся неприятельская армия?

Размышляя о виденном, я удивлялся одному ничтожному, но характерному явлению: пришедшие войска стояли одиноко на пустынной Соборной площади. Не было ни любопытных, ни неизбежных в таких случаях мальчишек. Полное и откровенное равнодушие «народа».

Настороженный приходом в Харьков этих революционных войск, я все же оставался спокойным, ибо настоящими хозяевами положения были немцы. Впрочем, офицер русской службы должен быть готовым ко всяким неожиданностям.

Через час по приезде домой я уже имел достаточно полные сведения о положении. Виденные мною войска были отрядом новоявленного атамана Болбочана⁸⁵. Ночью будет свергнута гетманская власть.

⁸⁵ **БОЛБОЧАН Петр Федорович** (1883–1919) — офицер Русской Императорской армии, затем украинский военный деятель, полковник армии УНР. Родился в с. Гижцах в Бессарабии (ныне Хотинский район Черновицкой области) в семье священника. Окончил Кишиневскую духовную семинарию и Чугуевское юнкерское училище (1906). Участник Первой мировой войны. Осенью 1917 — командир 1-го Украинского республиканского полка в составе 2-й Сердюкской дивизии. После провозглашения 22 января 1918 независимости Украинской Народной Республики сформировал Украинский республиканский полк, который участвовал в обороне Киева от большевистских частей М.А. Муравьева. После создания Отдельного Запорожского отряда возглавил 1-й Запо-

Как ни дико звучит теперь эта последняя фраза, но точно в таких выражениях, то есть что «ночью будет свергнута гетманская власть», мне было доложено моими разведчиками в шестом часу вечера.

Разведчики сообщили и иные подробности: со стороны гетманской власти не наблюдается никаких приготовлений к противодействию ожидаемому перевороту. Германское командование заявило о своем нейтралитете.

Нейтралитет немцев меня очень заинтриговал. Раз они отказывались поддерживать гетмана, то надо ожидать каких-то больших событий на Украине. В качестве слуха, лишь непроверенного, мне сообщили, что поведение немцев объясняется их намерениями эвакуировать Украину. Так или иначе, но приближалось, по-видимому, время, когда нам надо будет рассчитывать только на себя.

К 7 часам вечера ко мне пришел полковник Ткачев и доложил вкратце о положении, создавшемся за время моего отсутствия.

Н.А. Ткачев подтвердил, что ночью действительно ожидается переворот и к нему — Ткачеву уже обращались отдельные гетманские офицеры с тревожными вопросами — что делать? Что касается личности Болбочана и его политических взглядов, то Н.А. ничего мне разъяснить не мог.

Обсудив создавшееся положение, мы решили принять соответствующие меры, дабы обеспечить от возможного разгрома работу Центра.

Около 8 часов вечера от офицерской группы, состоявшей при губернаторском старосте, примчался офицер с докладом: губернаторский дом в ожидании переворота оставлен всеми чинами старосты. Никаких инструкций никто не дает. Собственной инициативой корнетов выставили пулеметы и намереваются «защищать губернаторский дом».

рожский курень, который 24 февраля занял Житомир, а 2 марта — Киев. Впоследствии командовал 2-м Запорожским пехотным полком Запорожской дивизии. 10 апреля 1918 возглавил Крымскую группу войск, чьи части 25 апреля вошли в Симферополь, а на следующий день — в Бахчисарай. После выведения по требованию германского командования группы из Крыма она некоторое время пребывала в Мелитополе и Александровске (Запорожье), а затем была объединена с другими частями в составе Запорожской дивизии и передислоцирована для охраны украинско-российской границы. В это время Болбочан командовал 2-м Запорожским полком. За боевые заслуги гетман Украинской Державы П.П. Скоропадский присвоил ему звание полковника. Осенью 1918 поддержал антигетманские силы. С приходом власти Директории назначен главнокомандующим войсковой группой Левобережья армии УНР. После отступления на Правобережную Украину был обвинен в государственной измене, в конце января 1919 арестован и выслан за пределы УНР в Галицию. 9 июня 1919 в Поскурове (Хмельницкий) при поддержке членов Украинской партии социалистов-самостийников самовольно провозгласил себя командиром Запорожского корпуса, созданного на базе Запорожской дивизии. Директория УНР расценила этот шаг как попытку государственного переворота. Болбочан был арестован и по решению военно-полевого суда расстрелян близ станции Бабин в Подолии.

Было бы нелепостью защищать пустой губернаторский дом, поэтому поблагодарив корнетов за доблесть, я приказал им унести и спрятать в надежном месте оружие, а самим держать со мною связь и ни в какие битвы не вступать! Прибежавший корнет умчался...

Не зная точно, в чьих руках в данное время находится телефонная станция и не занята ли она агентами Болбочана, я счел неблагоприятным инструктировать своих помощников по телефону.

Ввиду этого мы (Ткачев и я) решили, прежде всего, отправиться к полковнику Смельницкому, жившему недалеко от меня, и сообщить ему о намеченных нами мерах. Предполагалось, что после свидания со Смельницким мы разойдемся, и каждый из нас оповестит о заданиях чинов Центра.

Одетые в военную форму без погон, мы вышли на улицу, огляделись по сторонам. Было пустынно и тихо. Даже пошутили: «Видно, переворот еще не начинался!»

Пройдя шагов двести и вступив в темноту Вознесенской площади, мы были неожиданно для себя остановлены громкими криками «стой!». Откуда-то из мрака высыпали вооруженные люди и окружили нас. Зашелкали затворы и несколько штыков уткнулись в наши шинели... Все развивалось мгновенно. Так быстро, что мы не успели взяться за револьверы. Правда, это было и к лучшему. Если бы в наших руках оказалось оружие, нас, без сомнения, тут же прикончили.

Какой-то здоровенный детина ударил Ткачева прикладом в голову. Н.А. рухнул на землю. Еще несколько прикладов поднялись против лежащего Ткачева. Я бросился к нему с криком: «Стыдно бить лежащего! Разбойники вы, что ли!»

Не знаю, мой ли крик или слово «разбойники» произвели на украинцев впечатление, только они опустили винтовки и кто-то проворчал: «Мы не разбойники!»

Я помог Ткачеву подняться. Правая сторона его лица была запачкана чем-то темным. Кровь!

Пользуясь наступившим психологическим переломом в настроении украинцев, я спросил: «Кто вы и за что нас арестовали?» «Там разберутся за что, — по-видимому старший. — Веди их».

Нас подвели к ярко освещенным окнам главного телеграфа. Носовой платок Ткачева, которым он прикрывал рану, быстро пропитывался кровью. Я дал ему свой.

Детина, который ранил Ткачева, куда-то ушел. Скоро он вернулся и, отобрав из своей команды двух человек, приказал им вести нас. Куда — мы не слышали. При этом он убедительно крикнул вдогонку: «Чуть что — стреляй!»

Мы тронулись. Наши конвоиры шли, держа винтовки наизготовку, направленными в нашу сторону. Картина была тяжелая. Чувствовалось, что солдаты были в таком настроении, когда ружья стреляют сами.

Пройдя шагов триста, я заметил с раздражением: «Ну чего уперли на нас винтовки? Только народ смешите».

Народа, правда, не было, но мой довод подействовал. Тем более что и самим конвойным неудобно было идти по мостовой с винтовками наизготовку, и они взяли на плечо.

Ободряя Ткачева, я умышленно громко возмущался нашим арестом. Пригрозил, что буду жаловаться. Между фразами возмущения я тихо спросил Ткачева: «Где Ваш револьвер?» Он молча показал на карман шинели. «Засуньте его за пояс под шинель». Свой револьвер я тоже спрятал за пояс. Затем надо было уничтожить некоторые записки, бывшие у меня в боковых и нагрудных карманах.

Пустился на хитрость. Сперва обратился к конвою: «А что, ребята, курить можно? Добро бы закурить». Кто-то ответил нерешительно: «Что ж, это можно».

Я вынул портсигар, дал по папиросе конвойным, а затем стал шарить по карманам, будто ищу спички. Покуда конвой, останавливаясь, закуривал, я достал свои записки и зажал их в руке. Потом незаметно порвал и выбросил.

Нас вели по Старомосковской улице в направлении харьковского моста. Перейдя мост, нас передали другому дозору, стоявшему у начала Московской улицы. Передали с наказом смотреть за нами «в оба».

В момент, когда происходила эта передача, с нашей группой поравнялись какой-то молодой офицер с дамой. Офицер был в русской форме с погонами. Наш новый конвой бросился к офицеру и схватил его. Дама энергично защищала своего кавалера. Подошли прохожие и тоже вмешались в перебранку.

В этой сумятице новый конвой, по-видимому, не расслышал указания старшего, что Ткачев и я — важные арестованные. Вместе с третьим офицером мы двинулись по Московской улице. По пути задерживали встречных офицеров, и русских, и гетманских. К группе арестованных присоединились дамы, спутницы задержанных и любопытные. Видя ослабевшего Ткачева, возмущались, кричали конвойным: «Совсем ошалели!»

Пройдя Московскую улицу, свернули на Павловскую площадь. Там стояли украинские войска, окруженные толпой.

Конвойные подвели нашу группу к какому-то своему начальнику. Это был молодой человек, щеголевато одетый. Он явно кокетничал перед толпой, а в особенности перед дамами. Все мы сразу накинулись на него, шумно выражая свой протест. Особенно неистовствовали дамы. Начальство распарки-

валось, прикладывало руку к козырьку и успокаивало: «Это только необходимая предосторожность, требование момента. Пожалуйста, успокойтесь!»

Я обратил его внимание на раненого Ткачева. Вид раненого еще больше раззадорил толпу, и она окружила щеголеватое «начальство».

В общем, весь этот переворот был чистойшей авантюрой: ничтожный по численности отряд Болбочана овладел городом без всякого сопротивления. Конечно, без предварительного одобрения германского командования Болбочан не смел бы и помыслить занять Харьков. Немецкое благословение было, однако, тем фактором, с которым необходимо было считаться полностью!

Многие в городе знали и меня, и Ткачева. Было бы глупо ожидать, пока кто-либо случайно или умышленно обратил бы внимание Болбочана на нас. К тому же Н.А. явно изнемогал от сильной потери крови и сотрясения. Надо было действовать. Было около полуночи. «Можете идти?» — спросил я Ткачева. Он посмотрел на меня мутными глазами и ничего не ответил.

Кое-как подняв лежавшего на куче камней Н.А. и воспользовавшись очередной суматохой, я вывел его из толпы. Скоро мы оказались среди пустынной улицы, однако положение было незавидным.

Близкий к беспамятству, полковник Ткачев клонился на меня всей своей тяжестью. А он был и выше меня и плотнее меня.

К счастью, откуда-то из переулка выскочил свободный извозчик, оказавшийся к тому же доброжелательным стариком.

— Что, барин, ведете больного?

— Да нет, вот — украинцы побили человека!

— Ах они с...! И что это, прости Господи, делается! Совсем ошалел народ!

Вместе с извозчиком мы взвалили Ткачева в экипаж, и я велел ехать окольными путями на Пушкинскую улицу.

Везти раненого к себе или к нему домой было немыслимо. Мы могли снова попасться. Я решил спрятать Н.А. более надежно: отвезти в Донец-Захаржевскую больницу. Старшим врачом этой больницы был В.П. Бобин⁸⁶,

⁸⁶ **БОБИН Владимир Павлович** (1858–1925) — русский врач, общественный деятель. Родился 28 марта в Переяславле в семье судьи. Закончил 3-ю Харьковскую гимназию, медицинский факультет Харьковского университета (1881). Работал ассистентом на кафедре общей патологии у профессора И.Н. Оболенского, в январе 1885 избран врачом-распорядителем лечебницы, а в дальнейшем и больницы Харьковского медицинского общества по ул. Пушкинской, 14, деятельностью которой он руководил на протяжении 40 лет. Выступил инициатором создания при лечебнице круглосуточного пункта оказания экстренной помощи, исполнял в нем функции дежурного врача, проживая при больнице. В 1892 по предложению Бобина в Харькове было открыто отделение Санкт-Петербургского общества взаимопомощи. Являлся председателем Попечительского совета городской Александровской больницы, организатором открытия приюта для неизлечимых больных им. доктора Франковского (пробраза современного Хоспи-

В.П. Бобин

добрейшей и возвышенной души человек. Много лет он был домашним врачом нашей семьи. Я мог ему спокойно доверить все подробности этой ночи и просить принять моего друга под другой фамилией. Передавая Н.А. Ткачева доктору Бобину, я передавал его в надежные, верные руки.

Фельдшера больницы я тоже знал давно. Он тоже обслуживал нашу семью.

До больницы добрались благополучно. Оставив Н.А. у ворот, отправился на разведку. К моей радости дежурным был знакомый фельдшер. Кратко рассказав о больном, я просил его принять полковника под чужой фамилией и оберегать в течение нескольких дней.

Устроив друга, я задумался, куда же девать себя? Посмотрел на часы: второй час. Инстинкт подсказывал, что не следует возвращаться домой и не следует стучаться к своим единомышленникам. Мысль работала нервно, но четко, ясно. Я решил пойти к своим кузинам. Условия их жизни казались мне наиболее благоприятными в данном положении. У них я мог не только переночевать, но и пожить сколько мне потребуется. К тому же они могли быть мне полезными в качестве разведки и связи. Меня озабочивал лишь вопрос, застану ли я у них кого-либо не спящими? Будить было сложнее.

са). В 1910–1912 как руководитель строительной комиссии Харьковского медицинского общества вместе с архитектором А.Н. Бекетовым осуществляет строительство «Дворца медицины», ныне — Харьковского НИИ микробиологии и иммунологии им. И.И. Мечникова. Много лет был врачом 3-й Харьковской гимназии и по цензу этой гимназии выбран гласным Харьковской городской думы с 1910 по 1914. После революции 1917 продолжал руководить лечебницей медицинского общества, преобразованной в 1923 в больницу Протозойного института. По поручению Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции обследовал лечебные учреждения города. Умер 11 ноября 1925 после тяжелой болезни.

Конечно, не в смысле беспокойства, а потому, что своим поздним приходом я мог привлечь внимание соседей. Впрочем, размышлять и колебаться не приходилось: иного выбора не было!

По пути мне пришлось проходить мимо полицейского участка. И тут незначительная случайность чуть было не оказалась для меня роковой. Дело в том, что по старой привычке я носил шпоры. Были они на мне и в ту ночь. Их звон, гулко разносившийся в ночной тишине, привлек внимание часового, стоявшего у полиции.

Он заорал «стой!» и щелкнул затвором. Крикнув ему: «Что ты, ошалел, что ли? Не видишь — свой!», я побежал. Вслед мне раздались выстрелы, зашвистели пули, послышались взволнованные голоса... Но я был уже далеко.

В ту ночь меня не покидала удача. Квартира кузин была во дворе, и войдя во двор, я увидел свет в комнате старшей сестры. Таня была большой любительницей музыки и часто засиживалась за пианино. Я тихо пробрался на второй этаж, остановился у двери и прислушался. Позади было все тихо. За дверью Таня играла своего любимого Шопена. Тихонько постучал. Музыка прервалась и раздался встревоженный голос:

— Кто там?

— Отвори, Таня, это я!

— Боря? Какими судьбами? — изумилась кузина.

Войдя в переднюю, я объяснил, в чем дело и спросил, могу ли я найти у них приют, предупредив, что я гость небезопасный.

Меня, конечно, приютили, и много дней провел я на этой конспиративной квартире, окруженный лаской и помощью моих милых кузин. Устроившись на диване, я спокойно и крепко уснул.

ГЛАВА X

После петлюровского переворота. Поведение гетманского командования.

Атаман Болбочан. Собрание на конспиративной квартире.

Офицерские настроения. Моя жизнь в «подполье». Тайник. Ревнивый «следопыт». Общественные настроения. Хлестаковищина. Командир

украинского корпуса генерал Лигнау. Моя с ним встреча. Работа с Лигнау. Приобретение имущества у немцев. Командир авиадивизиона полковник Шоманский. Перелет на Юг. Гибель летчиков.

Утром я разослал своих кузин с целью связаться со всеми нужными мне людьми, навестить Н.А. Ткачева, успокоить его семью и т.п. Вечером в штат-

ском костюме встретился на кладбище с полковником Смельницким и полковником Тарасевичем. К этому времени оба они обладали уже солидной информацией: немцы, по-видимому, действительно уходят. Используя Скоропадского как заказного вассала, они теперь ставят карту на ультра-самостийные течения, то есть на течения, явно и безусловно враждебные Добровольческой Армии. В связи с переворотом в городской думе назначено собрание общественных представителей, конечно, левого толка. Уже известно, что самостийники найдут поддержку эсеров, а подобный союз несомненно проложит дорогу большевикам.

В городе происходят аресты гетманских офицеров. Днем Тарасевич видел, как группа болбочановцев избил на улице гетманского офицера и куда-то его увела.

Болбочан, бывший русский офицер, поселился с женою в Торговой гостинице. Выпустил приказ, обещающий «свободы» и приглашавший поддерживать новую «народную» власть.

Силы Болбочана ничтожны и при желании его можно «выставить из города в два счета».

У германского командира корпуса была сегодня депутация гетманцев с протестом против переворота и свершаемых насилий. Командир корпуса утверждал, что не будет вмешиваться во внутренние дела украинского народа... Что касается насилий, то о таковых ему ничего неизвестно...

По распоряжению полковника Тарасевича два наших офицера под предлогами «найма» ходили сегодня к Болбочану. Тот встретил их любезно, угощал и предложил им любые должности. Жаловался, что у него нет хорошего офицерского состава, и рисовал службу у себя как прибыльную и хорошо обеспеченную. В разговоре не скрывал своего отрицательного отношения к Добровольческой Армии. О нашем Центре и о начальнике Центра осведомлен, но мало. Знает, что начальник Центра — «якийсь генерал».

Полковник Тарасевич обещал собрать более подробные сведения о намерениях Болбочана, а также настойчиво просил меня оставаться на конспиративной квартире и не показываться на улице.

Отпустив Тарасевича, я просил С.М. Смельницкого передать Соколову и Игнатищеву мою просьбу быть завтра в 9 часов вечера у меня на конспиративной квартире.

Весь следующий день я был занят составлением подробного донесения в Екатеринодар и обдумыванием не столько создавшегося положения, сколько обдумыванием неизвестного будущего. Я не желал, чтобы события застали меня неподготовленным.

Не требовалось особой проницательности, чтобы представить ближайшее будущее. Не подлежало сомнению, что уход немцев повлечет за собой возвращение большевиков.

Предупрежденный о намерении Главного командования начать операцию к северу от Ростова в направлении Харькова, я понимал, как важно и необходимо удерживаться в Харькове.

Переход власти от гетмана к Директории не представлялся мне опасным для Белой борьбы. Директория являлась не более как одним из многих социалистических опытов и не могла иметь глубоких корней в гуще и городского, и сельского населения.

Затем собственно украинские вооруженные силы были ничтожными и составляли небольшие отряды или, в сущности, банды отдельных атаманов. Вся эта пестрая вольница фактически считала себя независимой и больше всего прельщалась возможностью жить привольно и беспечно. Грабительские инстинкты доминировали над всеми иными.

В случае подхода к Харькову добровольческих частей наша офицерская организация могла ударом изнутри совершенно свободно очистить город от любого Болбочана.

Подобная обстановка логически определяла и направление действий Харьковского Центра. Таковая деятельность представлялась мне в следующем виде: всячески удерживаться в Харькове до подхода Добровольческой Армии, для этого усилить конспирацию и, продолжая работу Центра, не мешать новой власти до тех пор, покуда она будет оставаться враждебной большевизму.

Вечером у меня собрались Соколов, Игнатищев и Смельницкий. Я предложил им выслушать и обсудить намеченную мною программу.

Хорошо осведомленные — Соколов и Игнатищев в настроениях общественных группировок, а Смельницкий — среди офицеров, они признали мою программу как единственную целесообразную.

Тут же был выслушан и доклад полковника Смельницкого. Он сообщил, что среди кадров гетманских войск замечается большая растерянность. Гетманские офицеры, как указывалось ранее, в подавляющем числе были русскими людьми с вполне русской ориентацией, за исключением отдельных лиц. Все они не скрывали своего враждебного отношения к Директории в связи с переворотом. Среди них наблюдается решительное стремление к Добровольческой Армии. Предполагая, что Смельницкий знает если не начальника Центра, то хотя штаба, у него сегодня были представители полков, заявившие о желании «работать в контакте» с Центром. Они просили Смельницкого помочь им встретиться с «генералом», чтобы обсудить с ним условия соглашения.

Все трое — Соколов, Игнатищев и Смелъницкий высказались за желательность совместной работы с гетманскими офицерами. Они лишь рекомендовали, чтобы в целях конспирации я лично не вступал бы в переговоры и не открывал бы своей действительной должности. Переговоры же поручить или полковнику Смелъницкому или иному доверенному лицу. Игнатищев, как делец, подчеркнул, что контакт с гетманцами даст нам несколько сотен хороших офицеров и гетманские склады имущества.

Выслушав своих сотрудников, я заявил, что польза присоединения к Центру гетманцев настолько очевидна, что я вполне присоединяюсь к их мнению, однако как представитель Добровольческой Армии я не считаю возможным «обсуждать условия совместной работы». Если гетманцы желают войти в подчинение генералу Деникину, то подчинение должно быть безоговорочно. Всякие «контакты» только осложнят положение и создадут вредные тенденции. Раз мы военная организация, то для нас обязательны единовластие и дисциплина. Или гетманцы полностью без условий подчиняются начальнику Центра, или я отказываюсь с ними работать. «Пусть идут к Болбочану и разводят с ним контакты!»

Подобную мою независимость вызывали серьезные соображения и конечно не личного характера. Я прекрасно понимал, что двойственность подчинения приведет к тайному или явному расколу среди офицеров, повлечет неопределенность решений, создаст местничество и предоставит простор всяким интригам.

Мне тоже было хорошо известно о настроениях и желаниях офицеров-гетманцев. Мысль о контактах появилась у отдельных лиц, желавших играть роль. Помогать их эгоистическим побуждениям я не хотел, ибо был уверен, что гетманцы в массе подчинятся Добровольческой Армии без всяких условий. Добавлять к кубанскому и донскому сепаратизму еще и украинский было бы нелепостью.

Мои собеседники не возражали, признав, что проявленная в данном вопросе твердость будет только полезной. Ознакомив моих друзей с моими принципиальными взглядами, я изложил им свои намерения практического характера: гетманские кадры являются уже готовыми кадрами полков, организованными, составляющими иерархию и имеющими на учете разнообразное имущество. В случае их подчинения Центру нет смысла разрушать налаженный аппарат. Поэтому я полагаю не вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Пусть каждый продолжает ведавать тем, чем он ведает. Поступая так, я не задену ничьих самолюбий и не нарушу основного военного правила — «организация не терпит импровизации»...

В конце нашего заседания я прочитал составленное мною донесение в Екатеринодар и передал его Смельницкому для отправления специальным курьером.

Мои встречи с друзьями и в дальнейшем происходили на этой же конспиративной квартире. Тут бывали только Смельницкий, Ткачев, Соколов и Игнатищев. Кроме этих лиц никто не знал, где я проживаю. Кузины до конца сохраняли тайну моего у них пребывания и были безотказными «гонцами».

В общем, мне жилось в моем «подполье» хорошо. В первые дни меня лишь беспокоила мысль, как сохранить от прислуги тайну моего проживания. В первое утро, когда горничная явилась убирать комнаты, меня спрятали в большой платяной шкаф, а подступы к нему охранялись кузинами. Это было неудобно.

Случайно я раскрыл тайник. В Таниной комнате в углу стояло пианино, образуя между собою и стенами небольшое пространство. Я и забирался в этот уголок, когда требовали обстоятельства. Туда подавалась скамеечка, подавалась книга, и я располагался с комфортом.

В первые дни меня старательно охраняли во время уборки квартиры. А затем кузины уходили по своим или по моим делам и я оставался один. Возвращавшаяся горничная, конечно, была уверена, что в квартире нет никого. Часто я потешался, представляя, какой крик она бы подняла, если увидела бы меня за пианино. К моему удовольствию, Лиза была маленького роста и заглянуть за пианино никак не могла. Постепенно я так обнагел, что сидя в тайнике, даже курил, когда Лиза находилась в этой же комнате.

Случайности нередко играют большую роль в нашей жизни. Глупейшее стечение обстоятельств чуть не выдало тайну наших собраний. В доме, где я укрывался, проживал молодой человек из числа недоучившихся гимназистов. Его, по-видимому, увлекала игра в политику, и он имел знакомства в левых кругах. Этот юноша был сильно влюблен в мою младшую кузину, но не пользовался взаимностью. Однажды вечером он случайно столкнулся с Игнатищевым, когда тот шел ко мне. Неудачливый поклонник принял в темноте инженерскую фуражку Игнатищева за студенческую, и его ревнивое воображение решило, что Наташу посещает какой-то студент, а значит — его счастливый соперник. Как-то встретив Наташу, он высказал ей свои подозрения, а Наташа высказала мне всю ситуацию. Я посмеялся и не придавал никакого значения этому эпизоду. Наташа была хорошенькая барышня и естественно, что у нее были поклонники.

Как-то вечером, прохаживаясь по комнатам, я подошел без всякой цели к окну и случайно заметил какую-то фигуру, сидевшую на крыше сарая и

смотревшую в наши окна. Позвал Таню, показал на фигуру. Всмотревшись, Таня рассмеялась:

— А, это Всеволод, Наташин поклонник. Он, вероятно, увидал в окне твою тень и решил, что студент снова у нас в гостях.

— Слугни-ка его, Таня!

Таня открыла окно и крикнула:

— Что Вы, Сева, делаете на крыше?

Я стал внимательнее и через несколько дней обнаружил, как тоже вечером Всеволод из окна своей квартиры высматривал в бинокль наши окна. Это было как раз в тот час, когда у меня происходило очередное секретное собрание.

Этот не вовремя подвернувшийся влюбленный начинал меня беспокоить уже серьезно. Особенно после того, как спросил Наташу:

— А у вас теперь по вечерам устраивают настоящие митинги?

Тем более, что кузины отзывались о нем неважно:

— Это такой скверный мальчишка, что может и нагать, и донести.

В общем, этот мальчишка немало досадил мне своей ревностью!..

Выдержав недолгий карантин — 2–3 дня, я стал снова выходить в город, но только в штатском платье. В таком виде меня не узнавали даже хорошо знавшие знакомые. По-прежнему ежедневно заходил к горнопромышленникам и назначал у них встречи с нужными мне лицами.

Иногда обстоятельства требовали собраний многочисленных. Тогда, по совету Игнатищева, мы собирались в отдаленной и уединенной комнате Коммерческого клуба. В клубе велась карточная игра, там всегда было много народа и наши собрания проходили незаметно.

В этот период работа Центра приобрела более интенсивный характер. Я решительно не успевал справляться со всеми своими обязанностями.

Ставка на гетмана была бита и естественно, что национально настроенная общественность все более и более склонялась к сотрудничеству с Добровольческой Армией. И если личность начальника Харьковского Центра продолжала оставаться неизвестной для широких кругов населения, если работа Центра продолжала быть конспиративной, то Центр, как общественно-политический фактор, привлекал к себе все большее и большее внимание и симпатии. Большинство сочувствовало Добровольческой Армии искренно, меньшинство стремилось себя перестраховать. Так или иначе, но интерес к Центру явно проявлялся. И не в похвалу руководителю Центра, а в интересах исторического беспристрастия надо признать, что подобному сочувствию поспособствовал тот характер серьезной деловитости, какой был устоем Центра. Мы не афишировали своей работы и своих

Харьков, крытый рынок. 1918 г.

полномочий, не хвалились своими связями, не выступали на митингах. Среди неудержимого словоблудия, царившего в ту эпоху, молчаливая серьезная работа производила, несомненно, отрадное впечатление. Горнопромышленники, торговопромышленники и иные деловые круги, вступив с нами в связь, убеждались, что мы люди дела.

Конечно, и у нас бывали ошибки и промахи, но мы охотно их исправляли, когда нам указывали на них.

Думаю теперь, что известную и немалую роль в деле углубления внимания к Центру сыграл и тот романтизм конспирации, каким был окружен Центр. Все, например, знали, что имеется начальник Центра и мало кто мог похвалиться, что знает его.

Впрочем, не раз я искренне забавлялся, когда в разговоре со мною мои собеседники намекали, что они «недавно говорили с начальником Центра» или «имели случай обменяться с ним взглядами». В таких случаях я добродушно отвечал:

— Тем лучше, что Вы лично переговорили с генералом и теперь знаете его взгляд на данный вопрос.

Грустно вспомнить, но среди таких Хлестаковых встречались люди, считавшиеся серьезными общественными деятелями.

Как-то мне предложили встречу с прибывшим в Харьков видным лицом. В год революции он играл видную роль. Сыпал именами, приговорами, предсказаниями, задавал мне вопросы, но... отвечал на них сам.

Во время разговора, или вернее монолога, который я только слушал, он спросил меня:

— Вы, полковник, имеете отношение к Харьковскому Центру?

— Как и чем могу, стараюсь помогать Добровольческой Армии.

— Нет, я имею в виду иную связь. Имеете ли Вы отношение к возглавлению Центра?

— Насколько мне известно, ответственные руководители Центра хорошо законспирированы и доступ к ним труден.

— Да, по-видимому, работа у них ведется разумно. Не так давно Антон Иванович (Деникин!) познакомил меня с начальником Харьковского Центра генералом... забыл его фамилию. Он довольно подробно ориентировал меня о принципах своей работы.

Этот разговор приобретает особую выразительность, если объяснить, что с генералом Деникиным я впервые встретился только в 1919 г. в Донецком бассейне, а своего собеседника никогда ранее не встречал. Заезжий гость приплек наше знакомство, чтобы показать свои связи и свою осведомленность. Подобные приемы были, конечно, и пошлы, и недобросовестны!

Некоторым оправданием такой хлестаковщины могла служить ненормальность того времени, когда воздух был обильно насыщен микробами авантюризма и словоблудия. Гипноз слов, обещающих программ и увлечение ложью являлись подлинной болезнью...

Усилившаяся работа Центра побудила меня усилить и штаты Центра. Мне было необходимо солидное лицо, пользующееся моим доверием, которое могло бы освободить меня от многочисленных разговоров. Мое внимание в данном случае привлек Ген. Штаба генерал В.П. Агапеев. После моей с ним встречи весной он уехал из Харькова и к осени снова вернулся. Перед возвращением В.П. побывал в Екатеринодаре и был там зачислен в резерв чинов армии.

В Харькове ген. Агапеев работал в погожинской газете «Русская жизнь». Направление и содержание его статей, посвященных Добровольческой Армии, вполне соответствовало заданиям Центра, и я решил предложить генералу совместную работу. Так как генерал должен был заменять во многих случаях меня, как начальника Центра, то я открыл ему свою действительную должность, что крайне удивило В.П.

— А как же все в городе убеждены, что начальник Центра — генерал? Даже указывали имена!

Внешне мягкий и даже как бы нерешительный, в действительности В.П. обладал твердым и настойчивым характером. Чувство долга было раз-

виту у него в сильной степени. В его лице у меня появился помощник, которого мне недоставало.

К этому же времени относится и начало моей связи с генералом Лигнау, переведенным из Киева в Харьков на должность командира корпуса. Хотя предыдущая деятельность Лигнау и была мне крайне несимпатична, я все же решил возобновить мое с ним древнее, еще по Туркестану, знакомство.

При всех своих отрицательных чертах афериста, Лигнау был способным человеком и обладал умом и волею. Мне представлялось более полезным для наших интересов привлечь его на нашу сторону, а не толкать в лагерь врагов. Тем более, что гетман сходил с исторической сцены и Лигнау должен был менять ориентиры.

Встретив его случайно в банке, я подошел к нему с целью прозондировать почву.

— Здравствуйте, Александр Георгиевич. Узнаете меня?

— Узнал сразу! Здравствуйте. Давненько мы не встречались.

И мы заговорили о Туркестане, о прежнем времени, общих знакомых. Как умный человек Лигнау, несомненно, догадался, что я подошел к нему неспроста. Покончив с воспоминаниями, я как бы вскользь спросил:

— Как поживаете?

Лигнау понял мой вопрос как надо и, указывая на свою украинскую форму, ответил якобы шутливо:

— Да вот, кажется, надо снимать это и одевать штатский костюм. Время невеселое. А я знал, что Вы в Харькове, и искал случая встретиться с Вами.

Поняв друг друга, мы расстались, условившись, что зайду к нему на квартиру вечером следующего дня. Лигнау жил на Садово-Куликовской улице, в доме, где ранее проживали все командиры X армейского корпуса.

В назначенное время я был у А.Г. Большой пустынный холодный дом с остатками прежней мебели, только что покрашенные полы. Заслышав мои шаги, вошел Лигнау, пригласил в кабинет, где кроме письменного стола и двух кресел нет ничего. На столе револьвер. Тут же в углу винтовка. На штык насажен подсумок с патронами. Гускло горит свеча.

Приглашая сесть и отодвигая в сторону револьвер, Лигнау грустно улыбнулся:

— Не удивляйтесь моему оружию. Я ведь один в доме, а дом такой громадный, что здесь могут убивать и никто не услышит..

Тон, улыбка и вся встреченная мною обстановка доказывали, что самочувствие командира гетманского корпуса неважное.

— Александр Георгиевич, нас никто здесь не подслушает?

— Нет, нет, будьте спокойны. Я ведь предупредил Вас, что в доме нет никого.

Лигнау имел вид человека сильно уставшего, с желтым осунувшимся лицом. Не было даже вчерашней наигранной бодрости. И просто и искренне он предупредил меня:

— Ко мне могут ворваться в любую минуту. Если войдут с улицы, как шли Вы, то уходите через эти комнаты и спасайтесь через сад.

— Охота Вам нервировать себя!

— Нет, это не нервы, а естественная предосторожность.

В доме царила полнейшая тишина. Эта кладбищенская жуть и полутемные холодные комнаты действовали и на меня. Надо было перебить нарастающее нервное напряжение и я закурил.

— Ну, Александр Георгиевич, пока все мирно, давайте поговорим о деле. Но толк будет лишь тогда, если мы будем откровенны. Простите меня, но могу ли я доверить Вам то, что хочу сказать?

Зная самолюбие Лигнау, я сознательно задал такой вопрос. Лигнау передернуло, и он ответил глухо:

— Я еще не перестал считать себя честным человеком.

— Слушайте! Хотя Вы теперь и носите украинскую форму и верно служите украинской идее, однако я обращаюсь к Вам, как к русскому офицеру, и прошу Вас дать честное слово русского офицера, что все здесь мною сказанное останется между нами.

— Извольте. Даю Вам честное слово. Что же касается моей службы в украинской армии, то служба в ней, я служил России. Может быть, ошибался. Во всяком случае, приняв на себя обязательства при гетмане, я выполнял их честно. Сейчас моя служба фактически окончилась, и я могу поступать так, как подсказывает моя совесть.

— Что Вы намерены предпринять?

— Я хотел бы пробраться на Юг, в Добровольческую Армию.

— Вам известно, что в Харькове имеется представитель Главного командования?

— Знаю и несколько раз пытался встретиться с начальником Центра.

— И что же?

— Мне это не удалось. Хотя о своем желании я передавал через лицо, по-видимому, близкое к Центру. Вероятно, начальник Центра мне не доверяет и не желает встречи со мною.

— Можно узнать, кого Вы просили устроить эту встречу?

Лигнау замялся.

— Впрочем, если мы условились быть откровенными, то нет смысла скрывать. Да в этом и нет ничего секретного. Я просил такого-то.

И Лигнау назвал имя ничего мне не говорящее и если имевшее отношение к Центру, то в каких-либо отдаленных разветвлениях, вероятно по департаменту Тарасевича.

Мне представлялось излишним мистифицировать человека, явно стремящегося к сотрудничеству с Добровольческой Армией. К тому же с Лигнау лучше всего было действовать начистоту. Я так и поступил.

— Начальник Центра не встречается с Вами потому, что ему никто не докладывал о Вашем желании. Ввиду данного Вами слова сохранить в тайне наш разговор я открываю Вам, что я и есть начальник Харьковского Центра. Истинную мою роль знают только доверенные лица, ибо работа Центра — секретная. Теперь, когда карты раскрыты, я предлагаю Вам работать с нами.

— Работать я хочу. Но желал бы знать, что Вы от меня потребуете? Пожалуйста, не подумайте, что намерен торговаться. Нет, это естественное желание узнать круг своих обязанностей, чтобы чистосердечно Вам ответить — могу ли я их выполнить?

— По моим сведениям, офицерский состав Ваших частей, за исключением, быть может, отдельных лиц, высказывает желание подчиниться Добровольческой Армии. Желательно, чтобы Ваши кадры оставались в порядке и не рассыпались. Дайте знать секретным порядком в части, что Вы признали власть генерала Деникина, и, сделав это, продолжайте управлять своими кадрами. Затем дайте мне сведения о своих складах и укажите, какое оружие и какое имущество Вы могли бы передать Центру. Во внутренние дела Вашего управления Центр вмешиваться не будет, но общая линия Вашего поведения должна соотносываться с указаниями начальника Центра.

Дабы не было недоразумений в дальнейшем, считаю нужным Вас предупредить, что Ваше подчинение Добровольческой Армии должно быть безусловным. Подчиняясь Добровольческой Армии, Вы тем самым должны будете подчиниться начальнику Центра, то есть мне. Как старшему в чине и по прежней службе, Вам может показаться обидным подчиняться мне, но Вы сами понимаете, что двойственности управления быть не может. Подумайте о моем предложении и дайте мне завтра или послезавтра свой ответ. В случае Вашего согласия подробности совместной работы установит сама жизнь.

— Благодарю Вас, Борис Александрович, за доверие. Раздумывать долго нечего. Все ясно и определенно. Я согласен.

— Да, Александр Георгиевич, я хочу предупредить Вас о нижеследующем: насколько мне известно, Ваша киевская деятельность осуждается в

Екатеринодаре. Как обойдется с Вами генерал Деникин, я не знаю. Думаю, что он примет во внимание те услуги, какие Вы окажете Центру.

— Я не рассчитываю на ласковый прием генерала Деникина и не претендую ни на какие должности. Хотя должен сказать, что мои украинские симпатии сильно преувеличены. Впрочем, не будем говорить ни о прошлом, ни о будущем. Займемся настоящим.

Лигнау повеселел и чувствовалось, что он вполне обретает свойственные ему энергию и бодрость.

Тут же я выслушал информацию о создавшихся отношениях между германским командованием и гетманом. Сведения А.Г. подтвердили и имевшиеся у меня данные:

— Уход германских войск решен. Срок, по-видимому, еще не назначен, но, во всяком случае, к концу года немцы очистят Украину. После их ухода анархия неминуема, а за нею и возвращение большевиков. Внутри Германии серьезное революционное брожение. Вести какие-либо операции на советском фронте германское командование не хочет, вернее не может, так как это поведет к скорейшему разложению их войск. Поэтому теперь делается ставка на Петлюру, в надежде, что его социалистические лозунги увлекут крестьян и они помогут удержать большевистский фронт, покуда немцы выберутся из Украины.

По мнению Лигнау, имеется и иная, но более действительная причина: деревенское население, озлобленное поборами немцев, давно уже, в сущности, ведет партизанскую войну. Ежедневно происходят нападения на отдельных чинов, в особенности на австрийцев. Такое состояние скрытой войны нервирует и войска, и командование.

Предполагая, что Петлюра и его атаманы пользуются симпатиями деревенского населения, немцы рассчитывают, что под воздействием петлюровских агентов деревня прекратит войну.

Моя встреча с Лигнау длилась около трех часов. Уходя от него, я испытывал сознание, что поступил благоразумно, приобретя в его лице доброжелательного помощника. В дальнейшем, до конца моего пребывания в Харькове, Лигнау всеми силами, всеми своими возможностями помогал Центру. И должен засвидетельствовать, что его служба Добровольческой Армии была безукоризненна.

По прибытии в Екатеринодар вместе с Центром Лигнау был встречен сурово. Генерал Деникин приказал выслать его за пределы области, занятой Добровольческой Армией. Вернувшись в Одессу, Лигнау был мобилизован в Красную армию.

Владея через Лигнау аппаратом гетманских кадров, Центр получил возможность добывать в усиленном размере разнообразное имущество.

Правда, некоторые склады перешли в ведение Болбочана и к ним были приставлены смешанные караулы, выставившие двух часовых — немца и украинца.

Собираясь покидать Украину, немцы уже не интересовались этими складами. К тому же длительная война с ее тяжелыми требованиями явно снизила моральные устои немцев. Прежние честность и добросовестность сильно затемнились. Благодаря этому мы получили возможность приобретать богатое имущество за сравнительно небольшую плату. Лейтенант, ведавший складом, по совершении сделки давал своему караулу указание «не замечать», когда ночью подъезжали наши подводы и увозили имущество. Часовые-петлюровцы получали, вероятно, свою долю и тоже «не замечали».

Впрочем, было несколько случаев, когда немцы не могли воздействовать на украинских часовых. Тогда прибегали к крайним мерам и подстреливали часовых.

Немцы не ограничивались продажей чужого имущества. Жажда наживы и падение морали проявлялись так явно, что они продавали и свои запасы. Так, однажды они предложили передать нам за 100 тысяч украинских карбованцев автомобильную колонну в составе 10 трехтонных грузовиков со всеми принадлежностями, запасными частями и небольшим запасом бензина. Наши специалисты, осмотрев камионы, признали их вполне исправными. При самой низкой расценке их стоимость была миллионной.

Перепрavitить такое имущество в армию не представлялось возможным, поэтому, несмотря на дешевизну, я отказался от покупки. Узнав о предложении немцев, Соколов и Игнатищев стали настаивать на приобретении грузовиков: если мы удержимся в Харькове до прихода добровольцев, то автомобильная колонна явится и ценным и полезным подарком.

Если обстоятельства сложатся менее благоприятно, то Центр сможет использовать грузовики для своих внутренних надобностей: и как перевозочное средство, и как «тактическую единицу». Вторая возможность прельщала меня. Революционное время показало, какую полезную роль могут иметь грузовики, если на них установить пулеметы.

Я не стал возражать против покупки, тем более что горнопромышленники предлагали деньги на это дело. Сделка состоялась!

Приближающийся уход немцев побудил и командира авиадивизиона полковника Шоманского ускорить осуществление давно им надуманного и уже хорошо подготовленного плана — массовой переброски авиасил на Юг.

После петлюровского переворота полковник Шоманский был арестован Болбочаном и отвезен на харьковский вокзал. Оказалось, что за Шо-

манским давно следили левоукраинцы, но до поры до времени не имели возможности посчитаться с ним.

Тревожную ночь провел на вокзале этот доблестный офицер. Несомненно, что в его памяти шевелились воспоминания о зловещей «седьмой линии», столь памятной харьковцам еще со времен большевиков. К счастью для себя, полковник Шоманский уцелел в ту ночь, а на другой день был доставлен к Болбочану.

Хотя Болбочан и был упоен легко доставшейся ему победой, все же его беспокоило дальнейшее положение. Он не скрывал неудовлетворения своим командным составом — буйным, невежественным и мечтавшим о привольной, то есть сытой и пьяной жизни. Чуть ли не единственным кадровым офицером был начальник штаба Болбочана капитан Моисеенко-Великий⁸⁷. Последний называл себя офицером Генерального Штаба, но был ли таковым, я не знаю. Возможно, что во время войны он окончил ускоренные курсы Академии. Во всяком случае, одного Моисеенко было недостаточно, и Болбочан всячески стремился привлечь в свои ряды кадровых офицеров.

Подобная забота и спасла жизнь полковнику Шоманскому. Вызвав его к себе, Болбочан показал ему «досье», содержащее перечень всех вин Шоманского перед украинцами, и тут же предложил на выбор: или службу у себя, или ответственность «по законам революционного времени».

Полковник Шоманский попросил дать ему несколько дней для обдумывания. Болбочан, вероятно, не хотел возбуждать против себя харьковских офицеров и отпустил арестованного.

Вернувшись домой, полковник Шоманский немедленно приступил к выполнению перелета на Юг. Славянскому отряду штабс-капитана Бафта-

⁸⁷ По данным историка армии УНР и ее офицерского корпуса Я. Ю. Тинченко, офицера с фамилией Моисеенко-Великий в армии УНР не было. Вероятно, имеется в виду **ВЕЛИЧКОВСКИЙ Яков Васильевич** (1874–?) — офицер армии УНР. Родился в Новгороде-Северском. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1899), вышел в 120-й пехотный Серпуховской полк, вскоре переведен в 121-й пехотный Пензенский полк, в составе которого принимал участие в Русско-японской войне, был контужен. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба (1912). Участник Первой мировой войны, занимал должности старшего адъютанта и начальника штаба 9-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием (ВП от 09.03.1915). Последний чин в русской армии — подполковник. С 23.05.1918 на украинской службе, помощник начальника отдела образования офицеров Генерального Штаба в Генштабе Украинской Державы. С 10.01.1919 находился в распоряжении штаба Левобережного фронта Действующей армии УНР (командующий — П. Болбочан). После ареста Болбочана оставил службу в Действующей армии УНР. В марте 1919 был мобилизован в РККА. Летом 1919 перешел на сторону Вооруженных Сил Юга России. С 19.08.1919 в резерве чинов ВСЮР. В 1920-х в эмиграции в Париже.

Атаманы Зураб Натиев (в центре) и Петр Болбочан (справа)

ловского⁸⁸ приказано было вылететь в Славянск и взять 7 аппаратов и около 20 пудов горючего. Как назло, погода была скверная — сильный туман, холодный дождь и снег. Суровое осеннее небо не позволяло взять высоты.

По плану Шоманского к Славянскому отряду должен был присоединиться Харьковский отряд — 5 аппаратов. Однако одновременно с арестом полковника Шоманского и разгромом его управления были захвачены все аппараты.

⁸⁸ **БАФТАЛОВСКИЙ Николай Адамович** (1893–1920) — русский военный летчик. Участник Первой мировой войны, трижды ранен. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу. С 05.11.1916 — военный летчик 2-го авиационного отряда истребителей, с 11.11.1916 — временно командующий этим отрядом. Георгиевский кавалер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ПАФ от 30.06.1917) «за то, что 12-го ноября 1916 возле стан. Рудня Почаевская вступил в воздушный бой с немецким аппаратом. Несмотря на пулеметный огонь противника, являя и доблесть, и самоотвержение, с исключительной опасностью для жизни, искусным своим маневрированием подводил свой аппарат вплотную к противнику, чем дал возможность своему наблюдателю огнем из пулемета повредить жизненные части аппарата противника, следствием чего был спуск неприятельского аппарата на нашей территории и два неприятельских летчика были взяты в плен вместе с аппаратом». Состоял в армии Украинской Державы. В октябре 1918 совершил перелет из Харькова в Добровольческую Армию. С 01.11.1918 военный летчик 5-го авиационного отряда. С 20.04.1919 исполнял должность командира формирующегося в Новочеркасске 6-го авиационного отряда ВСЮР. С 01.05.1919 командир отряда. Вместе с отрядом, приданным 1-му армейскому корпусу, с боями прошел до Белгорода, затем участвовал в наступлении на Курск и Орловской операции. 18.09.1919 вследствие остановки мотора был вынужден совершить посадку на территории противника, в 30 верстах от линии фронта и был взят в плен. По некоторым сведениям, был расстрелян красными в начале 1920 г.

Вырвать харьковские аппараты, увы, не представлялось возможным. Болбочан надежно их охраняет. Дабы аэропланы не достались украинцам, по распоряжению полковника Шоманского на харьковском аэродроме ночью устраивается пожар. Сгорает запас горючего, ангары, уносятся некоторые жизненные части и в итоге украинцы лишаются возможности усилить себя харьковскими аппаратами.

Сам полковник Шоманский выезжает поездом на Юг. В этом ему помогает немецкий железнодорожный комендант.

Несмотря на ужасную погоду, Славянский отряд выполняет приказание. В целях предосторожности штабс-капитан Бафталовский выпускает свои аппараты в различных направлениях. Шесть аппаратов благополучно перелетели опасную зону и снизились, два в районе Новочеркаска, четыре — в районе Добровольческой Армии.

Седьмой — «Моран-Парасоль» с летчиком капитаном Воронцовым⁸⁹ и наблюдателем поручиком Дема⁹⁰, не долетя 3-5 верст до границы Донской области, был обстрелян украинскими пулеметами.

Благодаря туману «Моран» шел низко, а потому даже неумелая беспорядочная стрельба оказалась действенной. Оба офицера были тяжело ранены. Поручик Дема умолял пилота спуститься. Аппарат приземлился благополучно. Пока Воронцов перевязывал своего сильно страдавшего друга и себя, примчались украинцы, арестовали обоих, а затем и расстреляли⁹¹. Имея при себе деньги хорошо спрятанными, капитан Воронцов

⁸⁹ **ВОРОНЦОВ Константин Дмитриевич** (1894–1918) — русский военный летчик. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1915), Военную авиационную школу (1915), Временную офицерскую авиационную школу в Москве (1916). С 20.05.1915 — в переменном составе Военной авиационной школы. В январе 1916 командирован в 20-й корпусной авиационный отряд. С 04.10.1917 — начальник 20-го корпусного авиационного отряда. Георгиевский кавалер, награжден Георгиевским оружием (Приказ по 6-й армии от 21.08.1917 № 1040) «за то, что 8-го июля 1917 получив задачу произвести разведку укрепленных позиций противника, лично управляя самолетом, выполнил оную блестяще; под ураганным огнем зенитных батарей, полный решимости и отваги, совершил рекогносцировку трех линий позиции неприятеля, вступил в бой с германским истребителем и заставил его снизиться; сам же, невзирая на полученные в бою многочисленные пробоины и усилившийся огонь артиллерии противника, возвратился лишь по выполнению задачи, со сведениями о противнике особой важности». В 1918 — в украинской авиации. При попытке перелета в Добровольческую Армию был обстрелян петлюровцами, совершил вынужденную посадку, взят в плен и расстрелян.

⁹⁰ Личность поручика Дема идентифицировать не удалось.

⁹¹ Расстрел летчиков получил отображение в творчестве украинского поэта Владимира Сосюры, который служил в петлюровских войсках, принимал участие в антигетманском восстании и непосредственно присутствовал при расстреле русских летчиков. В автобиографическом романе «Третья Рота» Сосюра пишет:

предварительно подкупил кого-то из украинцев, чтобы тот уничтожил аппарат⁹².

Светлая память этим доблестным героям. И умирая, они помнили только то дело, которому добровольно и беззаветно служили!.

«Розстрілювали варту. Ніч. Караульне помешкання — II клас нашої станції. Привезли обеззброєних карників і їх начальника з синьою од побоїв, як чавун, мордою, який усе тикав нашого осавула у груди і, хитаючись, усе хотів йому щось довести і ніяк не міг...

Їх вистроїли. І між ними стояли два білих літуни, яких хлопці випадково збили з аероплана на станції Нирковій. (В настоящее время — поселок Попаснянского района Луганской области, станция Донецкой железной дороги. — А.Л.) Один капітан (ранений), а другий — стрункий і спокійний, з мармуровим шляхетним лицем, нащадок графа Потьомкіна.

Цей, з мармуровим лицем, зняв з пальця свого персня, подав його осавулові нашому і сказав:

— Передайте моей жене.

Їх повели».

Описанная сцена послужила мотивом для сюжета лирической поэмы Сосюры «Перстень» (1920). В поэме рассказывается история учительницы, которая узнает на руке своего любимого, недавно демобилизованного красноармейца, перстень своего мужа — офицера армии УНР, пропавшего без вести. Произведение построено на собственных болезненных воспоминаниях поэта, вложенных в уста исповедующегося своей любимой красноармейца:

«Офіцерів крики тонкі...

Кроки...зброя...сніг...

Ми стріляли й в ополонку

Опускали їх...»

«Офіцер своїй дружині

Перстень передав.

Він сказав: пождіть хвилинку,

Я шинель зніму.

І навів я карабінку

Прямо в лоб йому.

Тільки крик: — За Україну!

Тільки сніг і кров...

Але я його дружини

Й досі не знайшов».

⁹² Харьковская газета «Южный край» 11 декабря 1918 написала о еще одной неудачной попытке вылета в Добровольческую Армию и аресте пилота — поручика Янковюуса. В той же заметке зафиксирован эпизод со сбитым в районе станции Нирково аэропланом пилота Воронцова:

«Попытка вылета в Добровольческую Армию.

Вчера летчик местного авиационного парка Янковюус пытался на своем аэроплане улететь в Добровольческую Армию. Попытка эта была предупреждена. Поручик Янковюус арестован. От него взята подписка о том, что на него падает ответственность в том случае, если на его аэроплане попытается кто-то улететь. У ангара поставлена охрана. Перед этим один из летчиков на аэроплане также пытался улететь на Дон, но на ст. «Нирковое» аэроплан был сбит».

ГЛАВА XI

Общее собрание офицеров в Коммерческом клубе. Офицерская психология того времени. Решение формировать офицерские дружины. Моя встреча с командиром Баварского корпуса и его начальником штаба. Их предложение. Сведения о наступлении Добровольческой Армии в сторону Харькова.

3 ноября в Коммерческом клубе состоялось общее собрание офицеров Харьковского гарнизона⁹³. Собрание было вызвано объявлением немецкого

⁹³ Статью генерала В.П. Агапеева с отчетом об этом собрании опубликовала харьковская газета «Русская жизнь» от 5 ноября (23 октября) 1918:

«На собрании офицеров.

В воскресенье, 3 ноября, созванное по инициативе главноначальствующего собрание офицеров было открыто его речью, в которой он, указав на различные военные формирования на Украине, более подробно остановился на задачах добровольческих дружин, упомянул, что в Харькове средства на формирование постоянной дружины готовы предоставить некоторые торгово-промышленные круги.

После речи главноначальствующего говорил генерал Залесский об условиях службы в добровольческой дружине, подчеркнул ее роль участкового резерва на случай необходимости поддержания порядка в городе, если силы варты оказались недостаточными. Кстати скажу, что постоянная армия в прежнее время выполняла в соответствующих случаях ту же роль, которая в данное время, при переживаемом периоде брожения умов и общей разрухи, является особенно ответственной и полезной.

Кроме представителей от торгово-промышленников высказались некоторые из собравшихся, причем один из них поставил вопрос, примут ли торгово-промышленные круги участие в создании дружин не только своими пожертвованиями, но и лично, и при этом высказал подозрение в желании капиталистов г. Харькова откупиться деньгами. На это генерал Залесский в категорической форме разъяснил, что все призываемые теперь согласно объявленному закону должны поступить в то или иное военное формирование, а поэтому ответ на поставленный вопрос совершенно ясен.

В результате записались в Харьковскую добровольческую дружину очень многие из присутствовавших. По вопросу о военных формированиях невольно возникают следующие мысли:

Тем лицам, которые не находят возможным по частным соображениям поступить в одно из формирований на Украине, надо решиться теперь же поступить в одну из армий, борящихся против большевиков для восстановления России. С военной точки зрения для достижения указанной цели следует развивать то, что дало до сих пор наибольшие результаты, т.е. Добровольческую армию генерала Деникина, очистившую от большевиков за 4 месяца от начала июля с.г. Кубанскую область, Черноморскую губернию и часть Ставропольской.

Те же лица, чьи интересы тесно связаны с Украиной, которым трудно бросить здесь на произвол судьбы свои семьи или свое имущество, нравственно обязаны поступить в одно из военных формирований на Украине, не только потому, что это является распоряжением правительства, но потому, что этому обязывает долг стать на защиту родного края, которому снова угрожает большевик. При этом нужно помнить, что историче-

командования о скорой эвакуации Украины. Не принимая непосредственного участия в этом собрании, я порекомендовал офицерам присутствовать и в возможно большем числе. Для меня такое собрание являлось своего рода смотром сил, и количественным, и качественным. Пришло около 600 офицеров всех чинов и возрастов.

Все уже знали, что немцы уходят, а потому понимали, что наступает время, когда надо будет рассчитывать только на собственные силы, только на собственную организацию. Однако, как это бывает на неподготовленных заранее собраниях, да еще многолюдных, каждый оратор вносил предложения с кондачка. Толпа одобряла хлесткие фразы и поддерживала любой проект, чтобы выслушав следующего оратора, присоединиться к плану, явно противоречащему.

Впрочем, наибольшим успехом пользовались пожелания, столь характерные для офицерской психологии: «пусть нам прикажут». Кто и что будет приказывать — это, по-видимому, не слишком интересовало присутствующих. В подобных надеждах скрывалась тоска по власти, утомление анархией и инстинктивная тяга к повиновению. Каждый подсознательно верил, что «прикажет» тот, кто имеет право приказывать и прикажет именно то, что будет необходимо приказать. В создавшейся обстановке чувствовалось остро, что собственной инициативой, собственной волей офицеры не в силах принять более или менее единодушное решение.

Воспитанные в условиях воинских взаимоотношений, офицеры оказались столь же политически незрелыми, как и вся российская масса. Если наша интеллигенция, всегда интересовавшаяся разнообразными течениями умственной жизни, выявила в годы революции поразительное политическое легкомыслие, то можно ли обвинять офицеров за их неопытность в области политики?

Потрясенные грандиозной российской трагедией, выбитые из привычной колеи, предоставленные собственным силам, они все же продолжали хранить в своих душах чувство идеи государственности, и это чувство подсказывало им необходимость жертвенности, подвига, но подвига востребованного чьей-то волей — приказанием!

Высокий моральный закал, какой проявило русское офицерство в годы войны, был резко снижен событиями революции, жестоко, глубоко и несправедливо обидевшей офицеров в их человеческом и корпоративном до-

---

ский ход событий раньше или позже должен привести к объединению всех военных формирований в одну русскую армию для восстановления единой России.

В. Агапеев».

стоинствах. Разразившийся ураган подломил офицерскую волю и традиционную бодрость духа.

Призывы и слова иногда возбуждали энергию, но в то мрачное время было сказано и выслушано слишком много слов и они положительно не воспаляли сердца, отравленные разочарованием и недоверием. В подсознании сохранилась только вера в спасительность «приказаний». Но кто мог тогда приказывать? Конечно не гетман, не Петлюра, не те или иные партии. Доверие и уважение вызывала только далекая Добровольческая Армия.

Уже само слово «армия» гипнотизировало волю, привыкшую к подчинению. Во главе армии стояли всем известные генералы. Армия дралась за Россию, она звала на подвиг и борьбу, поэтому она и воспринималась ослабевшей офицерской волей как единственно авторитетная сила, какая может и должна «приказывать». К ней, как к преемнице Российской Армии, тянулись сердца измученного офицерства.

На собрании присутствовало несколько раненых добровольцев, прибывших в Харьков для лечения. Они были центром внимания, их расспрашивали, им явно завидовали, как людям, нашедшим себя. Было очевидно, что преобладающие симпатии собравшихся офицеров клонились в сторону Добровольческой Армии.

Собрание длилось около трех часов. Многочисленные предложения сперва выслушивались с любопытством, а затем равнодушно. К концу сказывалось уже утомление. Однако все присутствовавшие сознавали, что надвигаются грозные события и инстинкт самосохранения требовал принятия каких-либо практических решений.

Остановились на мысли организовать офицерские дружины. Тут же была произведена и запись. Записалось не более четверти, остальные уклонились под различными предлогами.

Выражаясь языком того времени, собрание прошло под флагом «русской ориентации». Факт очень утешительный для меня, как для начальника Центра.

На должности командиров дружин были проведены лица, явно или скрыто, но определенно сочувствовавшие Добровольческой Армии и готовые сообразовывать свою работу с указаниями Центра.

Предшествовавший опыт убедил меня быть крайне осторожным в вопросах подобных формирований. Подстрекаемые новизною положения, дружинники, конечно, соберутся в назначенные им места и в течение первых дней будут внимательными к своим обязанностям. Потом это им наскучит, возникнут споры о старшинстве, о правах, начнутся сплетни, разлад. Вражеская разведка, несомненно, будет внимательно наблюдать за дружи-

нами, а вражеский центр скоро убедится, что дружины находятся в состоянии моральной слабости...

Между тем, находясь в скрытом виде, мы могли гораздо больше импонировать враждебным лагерям, ибо невидимый враг всегда представляется и более сильным, и опасным.

К тому же невозможно было не считаться и с человеческими чувствами дружинников: они проживали не в казармах, а на частных квартирах, и в одиночку подвергались сами и подвергали свои семьи воздействию враждебных элементов. И эту враждебность офицеры начали испытывать очень скоро. У нескольких дружинников, когда они в одиночку возвращались домой, были отобраны «неизвестными людьми» винтовки и патроны.

Во двор полковника Т. ворвались два вооруженных украинца с намерениями его застрелить. Т. прогнал хулиганов выстрелами, но затем принужден был скрываться, переживая опасения за участь своей семьи.

Какие-то руки бросали по вечерам камни в окна квартир дружинников...

Теперь, на фоне всего пережитого, подобные факты представляются мелкими, но тогда они имели свое серьезное значение. Невозможно было с ними не считаться.

Поэтому я предпочитал иметь только скрытые кадры дружин, уверенный, что в день действительной необходимости в эти кадры вольется и вся масса харьковского офицерства. Короче говоря, я придерживался той же тактики, которая столь успешно применялась в период большевизма.

Между тем обстановка в Харькове злоежде ухудшалась и была необходима большая выдержка. Собственно говоря, в любой момент, и это зависело только от меня, я мог признать дальнейшую работу Центра уже невозможной и совместно со своими помощниками отправиться на Юг. Харьковский офицерство как таковое не являлось мне подчиненным и за его дальнейшую судьбу я не считал себя ответственным. Тем более, что все, кто желал выехать в Добровольческую Армию, имели возможность это сделать при содействии как Центра, так и иных вербовочных бюро. Кто выжидал или колебался, тот должен был пенять только на себя все последствия своей слабости.

Однако моя совесть не позволяла разрешать столь формально вопрос об офицерской безопасности. Мой долг подсказывал мне не покидать офицеров в беде вне зависимости от того, попали ли они в беду по собственной вине или по иным причинам. К тому же в моей душе таилась надежда, что с эвакуацией немцев Добровольческая Армия получит возможность легкого продвижения на север и поспешит занять Харьков.

Немцы были действительно на излете. Германская революция, отречение Вильгельма, крушение Западного фронта были для нас неожиданными новостями. Мы наблюдали, с какой поразительной быстротой разлагались оккупационные войска, еще так недавно сохранявшие и дисциплину, и весь облик, казалось, несокрушимого военного организма. Невольно возникали параллели и сопоставлялся ход развала нашей и их армий. И надо признать, что хотя в 1917 г. мы катились в бездну с головокружительной быстротой, все же наше падение не было столь стремительным, как немецкое. У немцев сразу отпало отдание чести, появились комитеты и в несколько дней увяла душа германской армии.

Со сложным чувством наблюдали мы этот развал. С одной стороны — торжествовало удовлетворенное чувство мести: вы привили нам ужасную смертельную болезнь и теперь сами, заразившись ею, погибаете. Око за око!

С другой — наблюдая разложение врага, сознание усваивало, что это разлагается единственная сила, которая охраняла край от большевизма. Это — последняя черта, за которой снова ужас, кровь и бесправие, снова звериное существование, снова власть дьявола... Вместе с этими спорными чувствами вспоминалось опять и опять недавнее прошлое — гибель своей армии, крушение своих надежд... Не раз вспоминал я в те дни свою летнюю встречу с германским комендантом и его глубокую горделивую веру в то, что в германской армии большевизма быть не может.

Немецкие офицеры забились в свои углы и их не было видно по улицам. А если они и появлялись, то стремились не замечать своих расхлябанных обнаглевших солдат.

Знакомые переживания, знакомые картины семнадцатого года! Как знакомы и эти сцены, когда встречались лейтенанты чуть ли не в обнимку с солдатами. Эти явно делали карьеру на революции!

Как немцы, заняв Харьков, отнеслись с несомненным сочувствием к нашей офицерской драме, так и в дни их патриотического горя мы ответили им полной корректностью. Не было ни одного случая, чтобы кто-либо из русских офицеров позволил бы явно выразить злорадство по адресу униженного врага.

Неожиданно для меня мне было передано частным путем желание командира 1-го Баварского корпуса генерала Менгельбира встретиться со старшим представителем Добровольческой Армии и переговорить по вопросам, каковые «вероятно интересуют русских офицеров».

Я принял такое предложение и утром 22 ноября совместно с генералом Агапеевым отправился в штаб немцев, помещавшийся на Николаевской площади, в гостинице «Метрополь». Генерал Менгельбир принял нас в при-

Парад немецких войск в Харькове

сутствии своего начальника штаба и переводчика. Естественно, что, отправляясь на свидание, я заранее подготовил ряд вопросов. Как начальника Центра меня очень интересовал вопрос, как теперь относится германское командование к Добровольческой Армии и пожелает ли оно не мешать нашей работе.

Говоря откровеннее, я стремился выяснить, выдадут ли нас (Центр!) немцы Петлюре или, сдерживая натиск украинцев, дадут нам возможность организовать. Как ни ослабели немцы, все же они были достаточно сильны, чтобы помешать нам. Мысль о необходимости удерживаться в Харькове до подхода добровольцев продолжала владеть мною.

Не будучи дипломатом, я решил действовать «переходом в наступление», а потому немедленно после обоюдных приветствий задал командиру корпуса вопрос:

— Какие причины побуждают господина генерала относиться недоброжелательно к Добровольческой Армии?

— Как офицер я отношусь с полным сочувствием к той борьбе, которую ведут русские офицеры — националисты.

— В таком случае, почему Вами, господин генерал, санкционирован приказ атамана Болбочана, воспрещающий русским офицерам носить их форму?

— О таком приказе мне ничего неизвестно и если он имеется, то считаю его незаконным.

— Почему атаман Болбочан отменил распоряжение немецкого командования иметь оружие русским офицерам? Если таковое распоряжение Вами одобрено, то я имею основания считать, что оно направлено главным образом против Добровольческой Армии.

— Насколько мне известно, воспреещение атаманом Болбочаном носить оружие вызывается его желанием обезоружить анархические элементы. Я не препятствовал атаману объявлять свои приказы, так как имею инструкции своего начальства не вмешиваться во внутренние дела населения. Что же касается русских офицеров, то германское командование всегда считало их элементами порядка. Дайте мне по этому вопросу справку, — приказал командир корпуса своему начальнику штаба.

Как свидетельствует этот разговор, ответы генерала Менгельбира были достаточно осторожными, однако тон беседы давал нам уверенность, что внутренние симпатии командира корпуса отнюдь не на стороне украинцев. Столь выгодную для меня позицию необходимо было использовать и я, обменявшись взглядом с генералом Агапеевым, задал центральный вопрос:

— Как отнесется господин генерал к формированию офицерских отрядов в районе, занятом корпусом, если эти отряды будут иметь задачу бороться с анархией?

— С моей стороны никаких препятствий не будет. Я уважаю патриотические чувства русских офицеров и как солдат понимаю ваши побуждения.

Помолчав немного, Менгельбир добавил:

— Можете даже объявить в газетах о данном мною Вам разрешении формировать офицерские отряды. Я только прошу, чтобы Ваши отряды не появлялись вооруженными на улицах. Сколько и какое оружие будут иметь Ваши отряды, я не буду знать. Это Ваше внутреннее дело.

— Благодарю Вас за данное разрешение и за сочувствие нашей патриотической работе. Затем, известно ли генералу о том, что в Харькове стала издаваться газета совершенно большевистского направления — «Известия рабочих и крестьянских депутатов»?

— Да, я это знаю и не закрывал ее до сих пор потому, что если не будет такой прессы, то начнут выходить подпольные листки, а нелегальные издания всегда оказывают более сильное воздействие на умы. К тому же, отсутствие репрессивных мер против большевизма дает возможность узнать имена активных деятелей. Список таких имен, вероятно, будет полезным и для русских националистов. Я прикажу своему штабу поделиться с Вами, господин полковник, имеющимися у нас сведениями по этому вопросу. Во всяком случае, я гарантирую, что до ухода германских войск в городе не будут допущены никакие выступления левых партий.

В ответ на последнее заявление командира корпуса генерал Агапеев возразил, что с нашей точки зрения, да и по существу невелика разница между большевиками и петлюровцами. Ходом дальнейших событий

петлюровские войска будут быстро эволюционировать в сторону большевизма.

Со своей стороны и я добавил, что банды Болбочана мало чем отличаются от большевиков.

Менгельбир улыбнулся, а затем, открывая скрываемую до сих пор мысль, возразил:

— Да! Может быть это и верно! Но пока украинские войска являются противниками большевиков, почему бы Вам, господин полковник, не войти в соглашение с Болбочаном для совместной борьбы с большевиками?

Столь прямо заданный мне вопрос застал меня врасплох:

— О подобных возможностях я не думал. Вопрос слишком сложный, и не обдумав, ответить не могу.

— Я и не настаиваю. Но мне кажется, что подобная возможность не исключается... Что же касается вопросов более подробного информирования и об офицерских отрядах, то я прошу Вас переговорить с моим начальником штаба. Он будет ждать Вас сегодня вечером.

Генерал Менгельбир встал и, прощаясь, спросил, когда мы предполагаем «ехать домой», подразумевая Екатеринодар, и не боимся ли мы, что в пути нас захватят украинские отряды.

Мы ответили шуткой и ушли, условившись с начальником штаба о часе встречи.

Вечером, опять совместно с генералом Агапеевым, я снова пришел в штаб корпуса. Начальник штаба развил более подробно затронутые утром вопросы, причем говорил более откровенно, чем его начальник. На этот раз разговоры велись без переводчика, что, по-видимому, дало возможность начальнику высказаться без туманностей.

Он категорически заверял нас, что командир корпуса не только даст нам свободу в наших военных мероприятиях, но будет сочувствовать нашим стремлениям в деле образования и гражданской власти. Я понял начальника штаба так, что германское командование не противилось бы, если Центр пожелает возглавить гражданскую власть в городе.

Однако при этом нам было сказано без дипломатических туманностей, чтобы в своей работе мы считались бы и с особым положением командира корпуса, все действия которого контролируются солдатскими комитетами. А комитеты, конечно, настроены демократически.

По поводу высказанного нами мнения о том, что движение Петлюры не является национальным, майор стал доказывать, что хотя Харьков и не Украина, но все же Петлюра и его эмиссар Болбочан пользуются большими симпатиями населения, чем гетман, потому что программа Петлюры более

демократична. Мы уклонились от бесцельного спора на эту тему, так как явились в штаб исключительно за разрешением интересующих нас военных дел.

Перейдя снова к военным вопросам, начальник штаба пригласил нас к карте и показал нам германский фронт в сторону большевиков. Фронт проходил по линии Купянск — Волчанск, Белгород, Белополье. Воспользовавшись удобным случаем, я шепнул Агапееву, указывая глазами на начальника штаба: «Займите его», а сам постарался возможно подробно рассмотреть дислокацию немецких войск. Для меня, как для офицера Генерального Штаба, не было трудным понять, что германский фронт занят слабо.

Ориентируя нас о положении, майор сообщил, что в районе Белгород — Суджа формируется 5-я украинская дивизия с составом полков от 500 до 1500 человек.

Я переспросил:

— Это цифры штыков или едоков?

Майор запнулся, потом рассмеялся и ответил:

— Людей!

Тут же мы узнали, что на фронте Баварского корпуса не наблюдается усиления большевистских сил. Видя, что начальник штаба ориентирует нас и добросовестно, и полно, я попросил его дать мне сведения о группировке советских войск. Смотри на карту, он продиктовал мне эти данные.

Вообще, надо признать, что майор вел с нами разговор, как со специалистами. Еще по приходе он предупредил нас, что не намерен «рассказывать сказки». И действительно, сказок не было!

Провожая нас, начальник штаба вновь высказал пожелание, чтобы мы объединились с украинцами против большевиков...

Я был вполне удовлетворен встречами с командиром корпуса и с начальником штаба. Обдумывая наши разговоры, я пришел к нижеследующим выводам:

1) Германское командование делает ставку на Петлюру главным образом в надежде, что он сдержит сельское население и тем позволит провести эвакуацию и спокойно, и в порядке.

2) Германское командование слишком опытно, чтобы понять, что в случае наступления большевиков оно, с одной стороны, едва ли сможет вести боевые действия своими уже деморализованными войсками, а с другой — оно не может рассчитывать и на петлюровские войска ввиду их низкой боеспособности.

Поэтому логично допустить, что немцы стремятся поддержать украинцев офицерскими формированиями. Подобным стремлением и объясняется разрешение Менгельбира на формирование офицерских отрядов.

3) Так или иначе, но немцы вынуждены помогать нам и помогать искренне. Центр обязан использовать благоприятно сложившуюся обстановку, тем более, что обещая нам свое содействие, германское командование не ставит никаких условий...

Еще после утренней встречи с командиром корпуса я назначил в тот же день в 9 ч. вечера тайное заседание Центра в Коммерческом клубе. Ввиду важности разговоров, веденных в штабе Баварского корпуса, на это заседание были приглашены не только чины штаба Центра, но и ряд общественных представителей — друзей Центра.

Я счел полезным пригласить и Лигнау. Кроме того, в силу соображений, о каких будет сказано в дальнейшем, я просил полковника Смелницкого пригласить проживавшего в городе Генерального Штаба генерала П.В. Панченко-Криворотенко.

Перед заседанием у меня была встреча с полковником Тарасевичем. Еще днем Тарасевич дал мне знать, что желает видеть меня по важному делу. Я назначил ему свидание в глухом переулке около Коммерческого клуба.

Тарасевич доложил, что сегодня днем по железнодорожному телеграфу было получено сообщение о начавшемся наступлении Добровольческой Армии в сторону Харькова. Продвижение совершается быстро...

Известие было первостепенной важности.

ГЛАВА XII

Сложная обстановка. Секретное заседание Центра и принятое решение. Решение о мобилизации офицеров. Назначение начальника офицерских отрядов. Связь с Екатеринодаром. Телеграмма генерала Лукомского. Подвиги телеграфистов. Новые сведения о наступлении добровольцев. Киевские события. Граф Келлер — диктатор Украины. Мученическая смерть графа Келлера.

В условиях того времени все работали на основе только добровольного подчинения. Всякий мог в любое время выйти из нашего дела из-за его принципиальных или личных побуждений. Я «приказывал» своим подчиненным и отлично понимал, что каждое мое приказание воспринимается исполнителями не столько в силу моего официального положения, сколько признанием личного авторитета. Подобное деликатное положение еще больше проявлялось в отношениях с общественными группировками, сочувство-

вавшими и помогавшими нашей работе. Было бы, например, дико что-либо «требовать» от людей такого общественного веса, как председатель Союза горнопромышленников инженер Дитмар, профессор Погодин, инженер Игнатищев, известный земец Г.М. Линтварев⁹⁴ и ряд подобных им. Только общественным сочувствием и могла укрепляться идея Добровольческой Армии. Предоставленный лишь усилиям военных специалистов, Харьковский Центр быстро бы увял. Подобное понимание своей роли как начальника Центра и побуждало меня стремиться вести свою работу так, чтобы принимаемые мной решения встречали бы возможно полное сочувствие моих ближайших помощников и сотрудников. В данном случае речь идет, конечно, об ответственных решениях.

Политическая обстановка на Украине, а в частности и в Харькове, осложнялась с каждым днем и политический барометр падал стремительно. Немцы явно разлагались, да и их внимание всецело поглощала собственная беда.

В Киеве продолжал оставаться гетман и по скудным газетным сведениям имел видимость какой-то власти. По крайней мере, гетманское правительство еще существовало, еще заседало и что-то решало. На территории всей Украины за исключением Киевского района воцарилась атаманщина. Эта последняя официально возглавлялась Петлюрой, а фактически действовала по личному усмотрению. Безвластие и бандитизм все больше и больше захватывали Юг России. Только присутствие немецких войск кое-как сдерживало большевистские страсти.

Жизнь замирала, и Харьков стал угрюмым. Электричество снова не подавалось, и по вечерам и ночами город погружался в зловещую темно-

⁹⁴ **ЛИНТВАРЕВ Георгий Михайлович** (1864–1943) — пианист, земский деятель, депутат Государственной думы I созыва от Харьковской губернии, друг А.П. Чехова. В начале 1890-х жил в Париже и Женеве, занимался музыкой, слушал лекции в Сорбонне. С 1895 делопроизводитель одного из ее отделов в Харьковской губернской земской управе. В 1898 гласный Харьковского губернского и Сумского уездного земских собраний. С 1899 член Харьковской губернской земской управы. Занимался статистикой. Член правления Крестьянского поземельного банка от земства. Член ревизионной комиссии губернского земства. Вошел в «Союз освобождения». Участник земских съездов 1904—1905. Член Конституционно-демократической партии. Землевладелец Сумского уезда Харьковской губернии. 26 марта 1906 избран в Государственную думу I созыва Харьковским губернским избирательным собранием от общего состава выборщиков. Вошел в Конституционно-демократическую фракцию. Член Продовольственной комиссии. Подписал законопроект «О гражданском равенстве». 10 июля 1906 года в г. Выборге подписал так называемое «Выборгское воззвание», призывавшее к гражданскому неповиновению, за что был осужден, приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен права баллотироваться на любые выборные должности. После октября 1917 остался в советской России, арестовывался, но был освобожден.

ту. К 7-8 часам вечера улицы пустыли. Снова стали раздаваться неведомые выстрелы и участились случаи грабежа. Чувствовался недостаток продуктов. На железных дорогах был полный хаос.

Мерами строгости немцы кое-как сохраняли еще график обслуживания их поездов⁹⁵. Пассажирское движение почти прекратилось. Из Харькова поезда отправлялись случайно и не в определенных направлениях. Повстанческие банды портили телеграф и связь Харькова с внешним миром периодически нарушалась, особенно с Киевом. Это обстоятельство имело и свое обоснование: Петлюра стремился изолировать Киев и тем парализовать усилия гетмана сохранить порядок. В сравнительно лучших условиях находились железные дороги и телеграфная связь в сторону Ростова, что имело тоже свои причины: Харьков всегда был органически связан с Донецким бассейном. Прервать сообщение каменноугольного

⁹⁵ Газета «Южный край» 8 декабря 1918 описывала стычку между немцами и украинцами по поводу предоставления подвижного состава:

«Германцы и штаб атамана Болбочана.

Третьего дня около 11 часов вечера около Благовещенского собора начали собираться германские отряды, вооруженные пулеметами.

Не успел украинский патруль, находящийся у Большой Московской гостиницы, где помещается штаб атамана Болбочана, предупредить об этом офицеров, находившихся в штабе, как германские войска начали вход в Большую Московскую гостиницу.

Германские офицеры, войдя в гостиницу, направились к № 16, где помещался штаб. Ни начальника штаба, ни его помощников в штабе в это время не оказалось. В гостинице были только младшие офицеры штаба, которым было предъявлено адресованное на имя атамана Болбочана требование, в котором предлагается немедленно предоставить в распоряжение германцев подвижной состав, занятый Болбочаном и его войсками, уехавшими по предписанию немцев 4 декабря из Харькова.

Требование было написано на русском языке и подписано представителями германского командования.

На запросы украинских офицеров: «Почему германские войска заняли вход в помещение штаба, почему обезоружены и арестованы украинские патрули, почему им нельзя выходить из помещения гостиницы», германские офицеры заявили, что делается это с целью побудить атамана Болбочана поспешить с выполнением предъявленного ему требования.

Украинские офицеры отправили телеграмму о происшедшем на имя атамана Болбочана.

В Большой Московской гостинице находится германский патруль с пулеметом.

Местное германское командование сообщает по поводу ареста штаба Болбочана следующее: «Согласно условиям, предложенным германским главным командованием атаману Болбочану и им принятым, при оставлении Харькова его войска должны были отойти к Люботину. Поезда, предназначенные для этой цели, должны были быть возвращены обратно. Несмотря на неоднократные требования, это последнее условие не было выполнено и 4 поезда с локомотивами были удержаны войсками атамана Болбочана. Так как для эвакуации германских войск необходим подвижной состав, иначе эвакуации грозят затруднения, то вечером в пятницу штаб атамана Болбочана был задержан в качестве заложников впредь до выполнения вышеуказанных условий».

района с его базой это означало лишить рабочих продовольствия, денег и проч. Зная это, петлюровцы не имели намерения возбудить рабочих против себя. Тем более что донецкие рабочие были вообще равнодушны к украинским тенденциям.

Сохранение связи Харькова с Югом имело выгодное значение для работы Центра, ибо позволяло сноситься с Екатеринодаром. Мы продолжали отправлять имущество и своих курьеров. Правда, все это было случайно, но связь была. К тому же на харьковских вокзалах (их было три) мы имели своих сторонников, которые помогали нам поддерживать связь с Югом.

В столь нервной и сложной обстановке мною и было собрано тайное совещание, о котором упоминалось в прошлой главе. К 9 ½ ч. собралось 13 человек. Как всегда, наше собрание началось обсуждением текущих дел. Я умышленно ставил в начале программы заседания такой вопрос, так как опыт показал, что увлеченные общей политикой и принципиальными обсуждениями участники к концу собрания и утомлялись, и спешили домой. В итоге повседневной, но важной работе не уделялось должного внимания.

Покончив с такими делами, я предложил генералу Агапееву передать собранию содержание беседы с генералом Менгельбиром и с его начальником штаба, а полковнику Ткачеву — сведения о начавшемся наступлении добровольцев в сторону Харькова. Оба доклада создали сильно повышенное настроение, однако не приходилось давать свободы своим нервам и переживаниям. Времени было мало, а предстояло решить важнейшие вопросы. Заседание продолжалось моим обращением:

— Только что полученные сведения о начавшемся наступлении Добровольческой Армии заставляют нас принять меры, дабы удержать Харьков до подхода добровольцев. Весьма возможно, что узнав о наступлении, большевики, в свою очередь, не замедлят двинуться на Харьков. То, что я узнал сегодня в штабе Баварского корпуса, убеждает меня, что едва ли германские войска окажут сопротивление как большевикам, так и добровольцам. Вероятнее всего, что немцы пойдут на соглашение с той стороной, которая будет продвигаться успешнее.

Болбочан серьезной силы не представляет, и нет оснований считать, что украинцы могут сдерживать большевиков. Конечно, не случайно, что и командир Баварского корпуса, и его начальник штаба настойчиво рекомендовали мне войти в соглашение с петлюровцами. Если мы вступим в открытую вражду с украинцами, то выиграют только большевики. Несомненно, полезнее сохранять с Болбочаном худой мир и тем выиграть время для добровольцев. Понятно, что добросовестно договориться с украинцами мы не сможем, слишком различны наши и их идеалы и цели...

Харьков, 1918. Павловская площадь и колокольня Успенского собора

Во всяком случае и при всяких решениях нам надо иметь вооруженную силу, чтобы с нами считались. Наступает время, когда я, как начальник Центра, обязан проявить всю полноту своих полномочий.

Лично я решаю воспользоваться возможностью согласия германского командования на формирование офицерских отрядов, а потому — объявить мобилизацию и сделать это в ближайшие дни! В случае необходимости вступаю в переговоры с украинцами, но буду тянуть.

О создавшейся обстановке и о принятом мною решении я завтра же донесу в Екатеринодар. Однако предварительно хотел бы знать ваше мнение.

Наступило молчание. Каждый понимал серьезность положения, понимал, что необдуманный шаг может привести к тяжелым, кровавым последствиям. Первым заговорил В.С. Соколов:

— Выслушанные нами сведения очень серьезны. Я сказал бы, что это потрясающие сведения. Трудно высказать сейчас спокойно свое мнение. Необходимо некоторое время, чтобы осмыслить создавшееся положение. Во всяком случае, я думаю, что формулирую верно мнение горнопромышленников, если скажу, что начальнику Главного Центра принадлежит неоспоримое право принимать те решения, какие представляются ему наилучшими. А наша обязанность поддержать его морально и материально. Немцы уходят и их войска в настоящее время мало боеспособны. Нам следует рассчитывать только на свои силы, только на свои умения. Полагаю, что план, намеченный начальником Центра, единственно верный. Будем дерзать!

М.И. Игнатищев присоединился к мнению Соколова:

— Борис Александрович лучше всех нас осведомлен о харьковских возможностях. Ему, как военному специалисту, и карты в руки. Со своей стороны думаю, что мы не настолько сильны, чтобы позволить себе роскошь задираться со всеми инакомыслящими. Если нам необходимо выиграть время, то почему бы и не водить за нос украинцев?

Уверен, что они то же самое собираются сделать с нами. Значит, игра равная! В общем, я вполне поддерживаю план начальника Центра. Затем я хочу задать только один вопрос: осуществление плана потребует и соответствующих затрат, надо теперь же мобилизовать и финансовые возможности. Какие расходы предвидит Центр?

Я предложил не обсуждать сметные исчисления теперь же, а поручить это дело В.С. Соколову, М.И. Игнатищеву и С.М. Смелницкому. Они завтра соберутся и без помех обсудят расходы.

Полковник Ткачев высказал уже давно надуманный нами план: в состав гетманских «полков» вошли в массе офицеры старых частей Харьковского гарнизона, поэтому следует вернуть этим частям их прежние наименования, под которыми, впрочем, они и продолжали числиться в офицерской среде и формировать роты — Пензенскую, Тамбовскую, Козловскую и Воронежскую (31-я дивизия, всегда квартировавшая в Харькове).

Г.В. Лигнау, как командир украинского корпуса, сообщил данные о запасах в Харькове оружия, патронов, снаряжения и проч. Сведения были малоутешительными, ибо большинство складов находилось в руках Болбочана. Все же при кадрах полков имелись свои запасы. Точное количество имущества, оружия и патронов могут сообщить лишь командиры полков.

Еще раньше, когда совместно с Ткачевым и Смелницким я обсуждал вопрос о возможности формирования офицерских отрядов инициативой Центра, поднимался вопрос о лице, которое будет командовать этими отрядами. Сперва я предполагал лично руководить формированием, но против этого проекта решительно встали и Ткачев, и Смелницкий. Они убедили меня, что формирование и управление потребуют так много времени и внимания, что совершенно отвлекут меня от остальных моих обязанностей. И что будет более целесообразным, если в качестве своего помощника по строевой части я назначу кого-либо. Тогда же была выдвинута на эту должность кандидатура Генерального Штаба генерала Панченко-Криворотенко. Человек спокойный и мужественный, он во время войны был начальником штаба 31-й пехотной дивизии и имел прочные связи среди харьковских офицеров. У меня уже имелось предварительное согласие генерала.

Теперь, когда заканчивалось обсуждение по вопросу формирования отрядов, я заявил, что пригласил на наше собрание генерала Панченко с тем, чтобы предложить ему должность начальника отряда, «если конечно П.В. согласен подчиниться мне, как начальнику Центра».

Генерал согласился принять должность, и мы условились, что завтра поговорим о подробностях. На этом и закончилось наше заседание.

Вернувшись к себе, я под свежим впечатлением составил подробное донесение генералу Лукомскому, и на следующий день мне удалось его отправить с надежным курьером. Курьеру удалось добраться благополучно и без задержек, так как уже 8 декабря неожиданно для себя я получил телеграмму из Екатеринодара:

«Ваши предложения одобрены. Решения представляются Вашему усмотрению. 8 декабря. Лукомский».

Телеграмма была адресована на мою основную квартиру с указанием чина и фамилии! В условиях той конспиративной работы, какую мы вели, подобная откровенность едва ли могла быть полезной. В дальнейшем я получил еще несколько телеграмм из Екатеринодара, но адресованных на казармы Тамбовского полка, где были собраны мобилизованные офицеры.

К сожалению, Главный Центр не был заблаговременно снабжен шифром, и когда наступило тяжелое время, Екатеринодар мог сноситься со мной только обычными телеграммами или совсем не сноситься! Тогда трудно было решить что лучше? Центры были все равно предоставлены собственным силам и руководить нами издалека не представлялось возможным, ибо Украина кипела, как гигантский котел, вернее как ряд гигантских котлов, а потому каждый Главный Центр кипел на свой лад.

К счастью для Центра и для меня лично, на харьковском телеграфе оказались неведомые мне люди, сочувствовавшие нашей патриотической работе. Я их не знал и даже не подозревал тогда о их самоотверженности. Только летом 1919 г., когда я вернулся в Харьков, мне стало известно, что один из старших чиновников телеграфа и барышня-телеграфистка были те лица, которые перехватывали приходившие на мое имя телеграммы и тайно пересылали их мне. В конце концов, и чиновника, и барышню уличил комиссар телеграфа, украинский большевик.

Контролируя принятые Харьковом телеграммы, он обнаружил вырванный кусок ленты, приказал собрать повторение этого места. Ему не дали текста, но комиссар установил, что телеграмма была подана из Екатеринодара на имя «какого-то полковника». Началось дознание. Установили, что лента исчезла на дежурстве такой-то барышни и что к этому делу прича-

стен и чиновник. Обоих арестовали, но, несмотря на угрозы, и чиновник, и барышня отказались назвать мое имя и сообщить о содержании депеши. Их посадили в тюрьму, где они затем попали к большевикам и только чудом уцелели. С их стороны был проявлен высокий героизм. Узнав по занятии Харькова добровольцами эту историю, я немедленно разыскал и чиновника, и барышню, горячо поблагодарил обоих и моими стараниями они вновь были приняты на службу.

В моей душе навсегда сохранилась память об этих благородных людях, скромно и незаметно творивших свой патриотический подвиг!..

На следующий день после секретного заседания в Коммерческом клубе я получил новые сведения, подтверждающие факт продвижения добровольцев.

Телеграммы с линии сообщали о быстром продвижении белых войск вдоль Донецкой железной дороги. Сообщали даже подробности.

С понятным волнением следили мы за этим наступлением. Кто движется — конные части или пехота на подводах, не указывалось, как не указывалась и сила наступления.

Сведения о наступлении передавали станционные телеграфисты, нередко барышни, для которых полнота военных данных не является обязательной, да и интересной.

Судя по карте, белые части продвигались со скоростью 30-40 верст в сутки.

Среди украинцев чувствовалась растерянность. Германский штаб не опровергал факт наступления, но никаких разъяснений по этому поводу не давал. Было только объявлено, что на Белгородском фронте большевики перешли в наступление, но были отбиты огнем артиллерии.

Благодаря всем этим сведениям и событиям Харьков волновался. Только никто ничего не знал и обывательская молва смешивала были и небылицы. Я выдерживал сильнейший натиск своих друзей и помощников, настаивавших на переходе к решительным и открытым действиям. Мои друзья доказывали, что настало время взять в свои руки и гражданскую власть, ссылаясь на слова начальника штаба Баварского корпуса. Я колебался, чувствуя, что в моей душе еще не созрело решение осуществить столь крайние меры.

Рассудок доказывал, что не хитро овладеть властью над городом и объявить Харьков добровольческим. Будет куда труднее удержать власть и сохранить город от неизбежных потрясений и ненужных жертв. Я отчетливо сознавал, что при слабости наших сил их использование даст благоприятные результаты лишь в том случае, если я верно угадаю момент такого исполь-

Граф Ф.А. Келлер

зования. Иначе вместо успеха будет кровавая бойня! К этому же времени были получены сведения о событиях в Киеве. Киевский Центр прислал мне информацию: «чувствуя надвигающуюся анархию, гетман под давлением русских кругов назначил генерала графа Келлера сперва главнокомандующим украинской армией, а потом и главой украинского правительства. Графу были даны диктаторские полномочия».

Как указывалось ранее, граф Келлер выехал из Харькова с намерением пробраться в Псков. Однако железнодорожная разруха и визовая процедура задержали его в Киеве. Затем подошел петлюровский переворот. Выехать было невозможно и судьбе было угодно поставить графа Келлера в гущу киевских событий.

Героические усилия графа не дали, однако, положительных результатов. После недолгой агонии Киев был захвачен петлюровцами и начались кровавые расправы. Граф имел полную возможность спастись. Немцы предлагали вывезти его в своем поезде, но необходимо было надеть германскую форму. Он не пожелал спасти себя средствами, для себя неприемлемыми, был арестован и когда ночью его вели вместе с верным ему офицером по улицам Киева, украинцы зарубили и графа, и офицера. Зарубили в тот момент, когда поравнялись с Софийским собором. Граф снял папаху и перекрестился. Пальцы его правой руки так и застыли сложенными для крестного знамения. Всю свою жизнь граф Келлер был предан царю земному и отошел к Царю Небесному, прославляя святое имя Его...

ГЛАВА XIII

Занятие Изюма (Харьковская губерния). Мой приказ о мобилизации. Отход добровольцев. Командировка из армии в Харьков Ген. Штаба полковника Коренева. Его ложный доклад в армии. Приказ генерала Деникина о Центрах. Анархия на Украине. Французский консул Энно. Атаман Завадский. Переговоры с ним. Провокация Завадского. Арест генерала Агапеева и генерала Панченко в губернаторском доме. Мои условия их освобождения.

25 ноября (все числа по старому стилю) была получена в Харькове агентская телеграмма о гибели графа Келлера. Занятие Киева петлюровцами ознаменовалось арестами офицеров и волной террора. Харьковские украинцы подняли голову и в их штабе раздавались недвусмысленные угрозы по адресу всяких офицеров. Я почувствовал, что наступило время действовать.

В этот же день, 25 ноября, мною была получена телеграмма от генерала Лукомского, о которой упоминалось выше. Она пришла в ответ на мой доклад, в коем я писал о своем намерении удерживаться в Харькове до подхода добровольцев и решении сформировать отряды.

Разбирая теперь содержание телеграммы генерала Лукомского, я не вижу в ней должной ясности. Она содержала лишь директивные указания. Тогда же, под воздействием всей совокупности обстановки, она представлялась мне подтверждением наступления Добровольческой Армии, подтверждением намерений генерала Деникина овладеть Харьковом.

В тот же памятный мне день полковник Тарасевич разыскал меня и взволнованно доложил: «только что получено сообщение о занятии добровольцами Изюма».

Создавалась совершенно твердая и обоснованная уверенность, что через несколько дней белые войска будут в Харькове. Как бы в подтверждение этих надежд наша разведка донесла о движении к Харькову каких-то украинских сил, имеющих якобы задание отстоять Харьков от добровольцев.

Повидавшись с полковниками Смельницким и Ткачевым, я сообщил им полученные новости и свое решение объявить мобилизацию офицеров. Было условлено, что мы встретимся в 10 ч. вечера на конспиративной квартире и отпечатаем там мой приказ о мобилизации. Туда же к этому часу должен был прийти полковник Тарасевич и принести шапирограф и все необходимое для печатания.

Одновременно на полковника Смельницкого было возложено выполнение подготовительных мер. Вопрос о мобилизации обсуждался нами за-

благовременно и все подробности мобилизации — квартирование, довольствие, организация и проч. были уже выработаны. Полковнику Смельницкому следовало привести в исполнение то, что было уже намечено.

К 10 часам вечера все, кому надлежало, собрались в назначенном месте. Приказ предусматривал мобилизацию офицеров до 35 лет. Сборным пунктом назначались казармы Тамбовского полка. Имевшие оружие должны были явиться с таковым. Приказ был подписан начальником Харьковского Главного Центра Добровольческой Армии. На каждом приказе стояла печать Центра. Работа шла быстро и к 12 часам полковник Тарасевич забрал пачку листов, еще пахнущих свежей краской, чтобы расклеить по городу⁹⁶.

⁹⁶ Вот как описывала издание приказа харьковская газета «Южный край» от 8 декабря 1918:

«Приказ генерала Деникина о призыве офицеров в Харькове.

На улицах города развешен следующий приказ начальника Главного Центра Добровольческой Армии: “Главкомандующий русской Добровольческой Армией генерал Деникин приказал:

- 1) Объявить мобилизацию всех офицеров до 35 лет включительно и юнкеров.
- 2) Призываемым офицерам и юнкерам явиться до 5 часов вечера 9-го сего декабря в один из пехотных полков (по собственному усмотрению) Харьковского гарнизона, расквартированных: Харьковский (121 п. Пензенский п.), Москалевские казармы, Корочанский (122 п. Тамбовский п.), Старо-Московская, 34, Валковский (123 п. Козловский п.), Москалевские казармы, Изюмский (124 п. Воронежский п.), Змиевская ул.
- 3) Для приема призываемых офицеров и юнкеров распоряжением командиров полков составить комиссии из 2-х штаб-офицеров и врача.
- 4) От призыва освобождаются: а) железнодорожные служащие; б) чины варты, в) офицеры студенты всех курсов высших учебных заведений, за исключением желающих.
- 5) Все уклонившиеся будут преданы воинскому суду Добровольческой Армии.
- 6) Все призванные г.г. офицеры со дня зачисления на службу получают все виды довольствия на общем основании”.

Одновременно с приказом о призыве развешаны в городе следующие воззвания:

“Анархия с каждым днем все более и более пускает корни в Харьковской губернии.

Близок тот час, когда анархия, находящаяся в данное время в скрытом виде, разразится с полной силой, сопровождаемой насилиями, грабежами и убийствами.

Пока порядок охраняется германскими войсками — есть полная возможность организовать и собрать силы для борьбы с анархией. Это тем более необходимо, что вполне вероятен близкий уход германских войск.

Самый опасный момент для всех граждан наступит в промежутке между уходом германских войск и прибытием союзников.

Главкомандующий Добровольческой Армией генерал Деникин в полном согласии с союзниками и главкомандующим всеми вооруженными силами на Украине генералом князем Долгоруковым обращается ко всему благомыслящему населению проявить патриотические чувства и сплотиться для защиты своих семей, всех мирных граждан и для охраны честного труда.

С этой целью призывается весь офицерский состав до 35 лет, из которого и будет сформировано ядро вооруженной силы.

Сила эта выступит только в минуту крайней необходимости в полном контакте с честным немецким командованием.

Вставши рано, я вышел на улицу. Прошел по главным улицам. На видных местах находился мой приказ. Около него толпился народ. В течение дня приказ стал известен всем и произвел сильное впечатление. Одни одобряли, другие заробели, третьи осуждали.

Украинцы, не ожидая такой меры, были ошеломлены. Через день они выпустили ответное обращение к офицерам, в котором заявили, что «якийсь Начальник Харьковского Главного Центра» объявил мобилизацию и что этот мой приказ не подлежит исполнению.

В штабе Болбочана не скупилась на угрозы по адресу Центра и его руководителей. Однако под маскою бахвальства чувствовался страх перед офицерами. Украинский штаб понимал, что не только качественно, но и количественно мы можем быть сильнее их распущенных банд⁹⁷.

Естественно, что призванные офицеры будут оторваны от своих занятий и службы, и их семьи окажутся в тяжелом материальном положении. Поэтому обращаюсь ко всем общественным учреждениям и лицам с просьбой о сохранении должностей и содержания всем призванным офицерам.

Начальник Главного Центра Добровольческой Армии».

Через два дня та же газета писала:

«Призыв офицеров

Вчера, к 5 час. веч. по расклеенному на улицах г. Харькова приказу «Центра Добровольческой Армии», б. офицеры и юнкера до 35 л. возраста должны были явиться в казармы Харьковского, Корочанского, Валковского и Изюмского полков, входящих в состав VII украинского корпуса. Вчера местными украинскими властями был отдан приказ об отмене призыва офицеров, отданного без ведома этих властей. Кроме того, губернский украинский комендант обратился к немцам с просьбой отдать распоряжение о приостановлении формирования офицерского отряда, каковое формирование противоречит заключенному между немцами и украинцами договору.

В связи с приказом о призыве офицеров нам сообщают, что приказ этот издан не представителями Добровольческой Армии, а местной группой лиц.

⁹⁷ Обращение, о котором пишет Б.А. Штейфон, было опубликовано в газете «Южный край» 11 декабря 1918 в виде выдержки из приказа атамана Болбочана и его же воззвания:

«К призыву офицеров

Атаманом Болбочаном по поводу призыва офицеров издан следующий приказ: «В Харькове распространен приказ 'Центра Добровольческой Армии' № 8 и воззвание к офицерам. Меня очень удивляет, что российские офицеры меня не поняли. Я до сих пор их щадил, надеясь, что они оставят узкий взгляд на свое назначение и пойдут за вождями народа. Предупреждаю, что я свою тактику должен буду изменить. Анонимный приказ не может иметь никакой силы и виновные в издании этого приказа будут наказаны как преступники».

***

Воззвание атамана Болбочана

«Исполняя приказ Директории Укр. Народной Республики, республиканские войска мною были выведены из Харькова (на время перемирия).

Пользуясь этим, реакционные элементы снова начали проявлять свою отвратительную деятельность, сея в обществе недоверие к республиканской власти в ее стремлениях провести демократические реформы — завести демократический строй.

Считаю необходимым поставить в известность укр. общество и офицеров, что расклеенные по городу приказы о мобилизации офицеров анонимным начальником Главного Центра Добровольческой Армии и воззвание — есть провокационные, которые не подлежат исполнению.

Немецких войск, которые призваны Республиканским Укр. Правительством защищать границы Украины от большевистских банд — теперь миссия окончена, ибо Украина имеет довольно своего национального войска, и Директория Укр. Народной Республики предложила советам нем. солдатских депутатов употребить все силы для возможно скорейшей эвакуации своих войск на родину.

Вмешательство теперь во внутренние дела Украины означало бы нарушение договоров как своего правительства, так и своего собственного торжественного обещания — соблюдать нейтралитет. И как бы ни был я расположен к немецким войскам, уважая их прежние заслуги в борьбе с большевиками, я не буду в состоянии допустить нарушение прав суверенности Укр. Нар. Республики, порученных мне Директорией. И поэтому я буду принужден употребить все имеющиеся в моем распоряжении силы для уничтожения в самом начале этих антидемократических антигосударственных тенденций реакционных элементов в их стремлении к захвату власти.

Я верю, что демократически настроенные рабочие и интеллигенция Слобжанщины поймут всю важность момента — угрозы свободе народной от гетманских опричников и дадут решительный отпор этим бандитам черной реакции в их стремлении захватить власть.

Наша общая цель — удержать демократическую власть на Украине до прихода англо-французов — до международного конгресса.

И, когда рабочие действительно демократы, действительно любят и ценят свободу, то должны дать решительный отпор этим темным силам.

Только этим рабочие могут доказать, что действительно ценят те свободы, которые принесли с собой укр. республиканские войска Слобжанщины, и дать моральную поддержку моему славному войску, самоотверженным борцам за свободу, равенство и братство в Укр. Народной Республике.

Атаман БОЛБОЧАН».

Ответом офицерской организации Болбочану стали публикации в газете «Новая Россия» от 12 декабря 1918:

«ОПОВЕЩЕНИЕ

Среди обывателей распространяются совершенно ложные сведения о целях формирования офицерских отрядов при частях 7-го корпуса. В официальных приказах и объявлениях местной украинской власти также дано совершенно неправильное освещение этого вопроса.

Имея в виду, что указанное выше освещение вопроса создает крайне нежелательные последствия, так как с одной стороны нервнрует обывателей, а с другой — возбуждает одну часть населения против другой, а также создает благоприятную обстановку для преступной работы темных элементов, я считаю необходимым заявить следующее:

- 1) Формируемые части не преследуют никаких политических целей;
- 2) Призванные офицеры организуются для самозащиты на случай анархических и большевистских выступлений;
- 3) Формируемые части имеют задачей содействовать поддержанию порядка и защитить мирное население от анархии и большевизма;
- 4) Формируемые части сохраняют нейтралитет в отношении местной украинской власти, но требуют того же в отношении себя. При посягательстве на их неприкосновенность дадут самый решительный отпор.

Командир 7-го корпуса генерал ЛИГНАУ».

К чести харьковского офицерства надо отнести, что оно отнеслось с участием к моему приказу и в назначенный день собралось в казармах Тамбовского полка. Туда же были доставлены и грузовые автомобили, купленные у немцев. Вид машин произвел внушительное впечатление и на мобилизованных, и на украинцев. Эта транспортная колонна, конечно, не имела боевого значения, но в глазах и друзей, и врагов она являлась доказательством солидности Центра. Несколько пулеметов было установлено на грузовики, и молва быстро разнесла по городу слух, что у нас имеются якобы блиндированные автомобили.

Собралось около 800 человек. Офицеры жили в казармах и там же довольствовались. Казармы охранялись часовыми. В случае враждебных действий украинцев всем харьковским офицерам предлагалось собираться на старые места. Украинские агенты пытались пробраться в казармы с целью разведки, но были разоблачены. Некоторых при этом избили.

Слабым местом новых формирований был недостаток оружия и патронов. Таковой недостаток приходилось скрывать, поэтому винтовки выдавались только наряду, часовым, патрулям.

В общем, мобилизация прошла удачно, и офицеры показали понимание долга. Своей дисциплинированностью они оградили и город, и себя от тех печальных случаев, какие наблюдались в Киеве и других городах Украины.

К сожалению, жизнь готовила тяжелый и неотразимый удар нашим планам и надеждам. Внезапно прекратились сообщения о продвижении Добровольческой Армии. Изюм, который так недавно сообщал о подходе к нему добровольцев, телеграфировал уныло, что добровольцы отошли. Вслед за Изюмом повторяли то же самое и станции южнее Изюма. Пришлось поверить, что добровольческое командование в силу нам неизвестных причин отказалось от мысли занять Харьков.

Как потом выяснилось, оно и не имело такового намерения, во всяком случае, в то время, когда мы с таким нетерпением ожидали добровольцев и принимали все меры, дабы помогать им. Легенда о наступлении выяс-

***

«ВОЗЗВАНИЕ

С грустью прочитал приказ местного коменданта, направленный против мобилизации офицеров, собираемых для защиты порядка. Добровольческая Армия не вмешивалась во внутренние дела Украины и напрасно представитель Директории выступил с актом явно враждебным к Добровольческой Армии. Долг и прямой интерес каждого честного гражданина стать на защиту края, которому угрожает растущая анархия.

Повторяю еще раз, что цель мобилизации офицеров — борьба с анархией.

Начальник Харьковского Главного Центра Добровольческой Армии
г. Харьков, 10 декабря 1918 г».

нилась лишь по нашем прибытии в Добровольческую Армию: заняв Донецкий бассейн, генерал Май-Маевский в целях разведки и демонстрации выслал бронепоезда в сторону Харькова. Бронепоезда продвигались в зоне, считающейся неприятельской, и, по-видимому, распространили слух, что за ними движется и армия. Прием распространенный при действиях разведывательных частей.

Своими разговорами они вводили в заблуждение местных железнодорожников, а последние — нас. К тому же украинские банды убегали от бронепоездов и, убегая, подтверждали факты «наступления».

В дальнейшем, когда я был начальником штаба 3-й добровольческой дивизии, мне стало известно, что у генерала Май-Маевского действительно была мысль взять Харьков с налета. Чтобы понять, почему у Мая зародилась такая мысль, необходимо объяснить, что отправляя курьера в Екатеринодар с донесением о мобилизации и проч., я приказал курьеру по прибытии в армию вручить мое донесение тому старшему начальнику, какого он встретит севернее Ростова. Я полагал, что моя ориентировка будет полезна этому начальнику. С отправленным курьером я послал сообщение об обстановке на Украине и генералу Краснову, Донскому Атаману.

Оптимизм моего доклада произвел на Май-Маевского благоприятное впечатление и, по-видимому, подтолкнул его попытаться захватить Харьков, рассчитывая при этом на содействие харьковских офицеров. Насколько было серьезно намерение генерала Май-Маевского, свидетельствует тот факт, что он командировал в Харьков своего начальника штаба Генерального Штаба полковника Коренева⁹⁸. Последнему было поручено убедиться на месте в положении дел.

Как начальник штаба, Коренев был хорошо осведомлен о намерениях своего начальника и не мог не понимать, какое решающее значение будет иметь его доклад о харьковских впечатлениях. Вернувшись, он доложил генералу Май-Маевскому, во-первых, что я с чинами Центра уже покинул Харьков, а во-вторых, что обстановка в Харькове не благоприятствует легкому захвату города. Главным образом потому, что в Харькове нет якобы никаких офицерских отрядов.

⁹⁸ **КОРЕНЕВ Николай Александрович** (1882–1920) — полковник Генерального Штаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В Добровольческой Армии — начальник штаба 3-й пех. дивизии Добровольческой Армии, позже в Донской армии — начальник штаба войск Чертковского района, начальник штаба 5-го Донского корпуса, начальник штаба 8-й Донской пластунской бригады, начальник штаба 5-й Донской пластунской дивизии, командир 8-й Донской пластунской бригады, начальник 1-й Донской пластунской дивизии. Состоял в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса. Умер 25 марта 1920.

Доклад Коренева совершенно не соответствовал действительности. Ни я, ни чины Ценгра, ни те представители общественности, которые работали с нами, никуда из Харькова не выезжали и продолжали свою работу, как и продолжали существовать еще около месяца офицерские отряды.

И тогда, и теперь я отказываюсь понять поведение этого офицера Генерального Штаба...

Всю эту историю я узнал только по приезду в армию. Находясь же в Харькове, я знал только то, что в силу неведомых мне причин наступление добровольческих частей на Харьков остановилось и, таким образом, отменило главную причину, побудившую меня объявить мобилизацию.

Распустить собранных офицеров не представлялось целесообразным, ибо это произвело бы скверное впечатление и на офицеров, и в городе. Почувствовав свою силу, украинцы не замедлили бы свести с нами свои счеты, и свести жестоко. Киев был тому примером! Поэтому приходилось сохранять сложившееся положение, стремясь использовать его возможно лучше⁹⁹.

⁹⁹ Некоторые мобилизованные офицеры покидали казармы и самостоятельно пробивались в Добровольческую Армию. Вот как вспоминал о мобилизации Одесский улан **Владимир Соболев**:

«В это время Харьк. Главный Центр объявил мобилизацию всех офицеров; это было большой ошибкой, так как оружия у нас совершенно не было, и мобилизованные офицеры сидели в казармах пех. Тамбовского п. ничего не делая и только возбуждая ненависть украинцев. Так как Болбочан уже находился совсем близко возле Харькова, а никаких инструкций Харьк. Гл. Центр не давал, то офицеры двинули на Дон, кто как мог. Логинов, Ващенко, Кох, я и Гринев запаслись студенческими документами и по жел. дороге достигли Славянска, откуда санями (была зима) достигли Бахмута. По дороге на Бахмут нас задержала украинская застава, причем Ващенко с женой удалось проскочить через заставу. Начальник заставы все допытывался, кто мы такие, и не поверил в наши студенческие документы. Этот тип оказался бывш. вахмистром Ингерм. полка и он, конечно, узнал Ротм. Коха. Он вызвал своего офицера, который тоже старался узнать, не офицеры ли мы. Логинов не выдержал и, рассмеявшись, откинул полы своей шинели и показал свои "галифе", заявил: "Конечно же мы офицеры". Украинец тоже рассмеялся и взяв с нас подписки, что мы не едем в Южную Армию, отпустил нас. Мы двинулись дальше, пока не попали в расположение Дроздовцев (забыл название станции), которые нас форменным образом зажали. Выдали нам винтовки и зачислили в одну из рот. Так бы мы и сидели у Дроздовцев, если бы не помог случай. Дело в том, что Ващенко, который благополучно миновал укр. заставу, все же был задержан с женой Дроздовцами и тоже был зачислен в одну из рот. Однажды Ващенко была на станции и в это время проезжал Полк. Тихонравов. Она ему все рассказала, и Тихонравов послал телеграмму ком. Дрозд. полка и нас отпустили. После этого мы и попали в Мариуполь. Маслову удалось из Харькова попасть прямо в Ростов, где уже раньше находился кн. Павленов, который позже умер от тифа на Кавказе. Айвазов попал в Добр. Армию еще задолго до наступления Болбочана и тоже умер от тифа летом 1918. Маслов долгое время находился в Ростове и держал связь с Мариуполем, так как была большая надежда, что полк. Попов сформирует наш полк на Дону. Атаман Краснов, который знал полк.

К этому времени относится и получение мною приказа по Центрам Главного командующего от 18 ноября 1918 г.:

§ 1

Ввиду образования на местах офицерских и добровольческих отрядов, изъявивших свое желание о зачислении их в ряды Добровольческой Армии, приказываю все означенные отряды и формирования, равно и части Добровольческой Армии, присланные в районы Центров, подчинить во всех отношениях соответствующим начальникам Главных Центров. В Киеве и Одессе — на правах командира корпуса, в прочих Главных Центрах — на правах начальников дивизии. Все вышеуказанные части, расположенные в Малороссии, подчиняются генерал-лейтенанту Ломновскому на правах командира отдельного корпуса.

§ 2

Начальникам Главных Центров предоставляю право зачислять все эти отряды за соответствующими приказами по Центрам в ряды Добровольческой Армии. Копии этих приказов надлежит предоставить в Особое отделение В.М. отдела. Содержание отрядов, если понадобится, производить на местные средства и по окладам Добровольческой Армии (Приказ армии № 240).

§ 3

В исключительных случаях, когда того требует польза общего дела и единовластие, необходимое в борьбе, разрешаю временно подчинить в оперативном отношении эти отряды соответствующим украинским властям, каждый раз с особого разрешения генерала Ломновского. Во всех таких случаях необходимо твердо помнить, что Добровольческая Армия имеет целью восстановление единой России и порядка в ней, чему соответственно и должно быть применяемо оружие.

Подлинный подписал генерал-лейтенант Деникин.

Этот приказ был для меня очень важным. Он узаконил произведенную мной мобилизацию и давал мне сильный козырь, то есть право зачислять сформированные отряды в ряды Добровольческой Армии.

Указание в § 1 о подчинении во всех отношениях начальникам Центров частей Добровольческой Армии, присланных в район Центров, доказывало, что главное командование предполагает предпринять операции на Украи-

---

Попова по войне 1914 и очень благоволил к нему, обещал дать все для полка: людей (предполагалось калмыков), коней и оружие. Не знаю, почему это все провалилось.

Вот почти все, что моя память сохранила о Харьк. Главном Центре Добрармии. Полк. ф. Лампе кажется написал статью в "В. Были" об этом Центре, но ничего не упомянул о злосчастной мобилизации офицеров в Харькове».

не. Такое указание вновь вызвало надежды о возобновлении наступления на Харьков.

Встречались в этом приказе и неувязки идеологического и практического характера. Так, например, называя Юг России Малороссией, Главнокомандующий разрешил в то же время подчинение добровольческих частей — украинскому командованию.

Указание о порядке содержания мобилизованных отрядов «по окладам Добровольческой Армии» было и ненужным, и вредным, потому что это указание давало офицерам основание рассчитывать на получение содержания. Правда, приказ оговаривал подобный отпуск словами «если понадобится». Однако каждый мобилизованный был уверен, что «уже понадобилось». Между тем, Центр не обладал никакими ассигнованиями из армейского казначейства, а на свои средства мог только кормить.

Вообще говоря, вопросы снабжения были решаемы в белой армии крайне неудовлетворительно. Располагая тогда нынешним опытом, я, конечно, не задумался бы секвестрировать суммы казначейства в пользу Добровольческой Армии, задышавшейся от недостатка средств, но в 1918 г. подобная мысль мне и в голову не приходила. Зато она была без промедления осуществлена украинскими атаманами. Бандиты, долго не раздумывая, собрали кассовую наличность казначейства и Государственного банка. Что не добрали украинцы, забрали большевики, скоро пришедшие им на смену. В итоге национальное дело не получило из государственных денежных запасов ничего, а антигосударственные элементы, напротив — миллионы на самообеспечение или, попросту говоря, на пьянство, разврат и карты...

Покуда в Харькове мы варились в собственном соку, события на Украине развивались ускоренным темпом. Усилия Директории создать хотя бы видимость порядка успеха не имели, и анархия все глубже и шире охватывала Юг России.

Побуждаемое желанием сдержать развал своей армии, германское командование стянуло в города свои войска, предоставив уезды их собственной судьбе. Снова запылали усадьбы, снова начались погромы, с тем только дополнением, что злоба анархических элементов обратилась не только против помещиков, но и против национально настроенных крестьян.

На германско-советском фронте наблюдалось повторение картины 1917 г.: происходило братание, шла активная агитация большевизма. В многочисленных листовках, обращенных к немецким солдатам, рекомендовалось выбирать новых начальников — «друзей народа» и уходить домой, где «ваши семьи терпят холод и голод в то время, как вы воюете за интересы

капиталистов». Грубая и глупая демагогия, производившая, однако, соответствующее впечатление.

Терроризированное германское офицерство было бессильно поддерживать порядок и боеспособность в своих частях. В общем, судьба полностью возвращала немцев в то зло, какое они год назад посеяли в русской армии и в России!

Со дня на день можно было ожидать, что большевики сомнут слабый германский фронт и устремятся к Югу. В это время из пространства появилось сообщение неизвестного К. Энно... Впрочем, трудно угадать, к кому обращался Энно. Он сообщал «всем, всем» о прибытии в черноморские порты иностранных десантов и грозил воздействием всем антигосударственным группировкам. Никто не знал, откуда он посылал свои обращения, какими обладал полномочиями, наконец, кто он такой? И только в дальнейшем выяснилось, что Энно — французский консул в Одессе. Что же касается его полномочий и компетенции, то таковые продолжали оставаться невыясненными.

Впрочем, все эти подробности, относящиеся к личности Энно, не имели тогда значения. Окрики Энно производили сильное впечатление, ибо imponировали своим решительным тоном и крепким содержанием. Из его телеграмм уставшее население Юга России узнало, что в Одессу и другие порты прибыли и еще придут иностранные войска для борьбы с анархией и большевизмом. Энно объявлял свои новости систематически и вразумительно: союзники выгружаются... союзники заняли Одесский район... союзные войска начинают движение на Киев...

Нетрудно представить, какое сильное впечатление производили его сообщения, как на сторонников порядка, так и на делателей анархии.

Как в марте, когда в ожидании прихода немцев и избавления от большевиков измученное население высчитывало дни, когда придет избавление, так и теперь спорили и высчитывали срок, когда могут быть заняты союзниками Киев, Харьков...

Теперь мы знаем, что французские войска не двигались из Одесского района. Знаем, что несмотря на наличие у них и пулеметов, и тяжелой артиллерии, и танков, они бежали перед трехтысячным сбродом Григорьева, бросив и танки, и иное имущество. Знаем, как поспешно и скандално была эвакуирована Одесса. Короче говоря, знаем всю позорную историю французского десанта.

Однако все подробности одесских событий мы узнали только в дальнейшем. В декабре 1918 г. мы довольствовались лишь извещениями Энно и слухами. И те, и другие воодушевляли наши надежды.

Германский штаб не скрывал, что союзники действительно высадились в Одессе и подготавливают десант в Севастополе. И нам, и украинцам, и немцам представлялось неизбежным скорое занятие Юга России союзными войсками. А раз подобная оккупация — вопрос ближайшего будущего, то естественно, что нами овладело желание не допустить большевиков в Харьков. Нас нисколько не ободряла мысль, что если даже большевики и займут город, то все равно скоро будут выбиты союзниками. Знали твердо, что и за короткий срок большевики натворят много бед. И общедобровольческие, и местные интересы подсказывали мне необходимость сделать все зависящее, чтобы не отдать город. Тем более, что, как нам тогда казалось, нужны были лишь кратковременные усилия.

Агентурным путем мне стало известно, что и в украинских кругах укрепляются такие же решения. Петлюра, воодушевленный демократической программой Вильсона, считал, что, отстояв Украину от большевиков, он тем самым укрепит свой авторитет в союзных кругах.

С задачей во что бы то ни стало сдержать большевиков до подхода союзников и был прислан в Харьков атаман Завадский¹⁰⁰ с громким титулом Главнокомандующего Левобережной Украины! По прибытии в Харьков Завадский объявил, что обладает достаточными силами и средствами, чтобы не допустить большевиков на Украину.

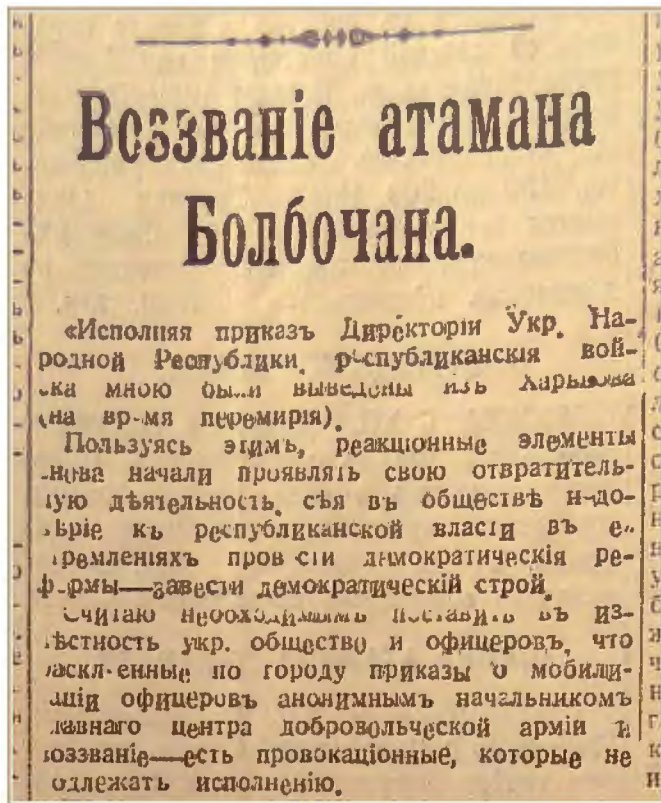
Завадский поселился в губернаторском доме, держался скромно и, по-видимому, всячески стремился произвести впечатление серьезного военного работника. Болбочан убрался в Полтаву.

Скоро, однако, выяснилось, что «резервы» Завадского ограничены несколькими «куренями» слабого состава и притом мало боеспособными. В то же время большевики зашевелились в районе Купянска (уездный город Харьковской губернии) и потеснили слабые немецкие части. Вернее, немцы немного постреляли и отошли, не желая нести потери накануне отъезда на родину.

Для ликвидации большевистского успеха были спешно двинуты украинские «резервы». Положение не было восстановлено, а только стабилизировано. Так, советские войска, продвинувшись немного за немцами, остановились сами.

Купянский эпизод, несмотря на свою незначительность, явился грозным предостережением. Стало совершенно очевидным, что немцы и в

¹⁰⁰ ЗАВАДСКИЙ Игнатий Александрович (1875–?) — полковник, бывший офицер-воспитатель Николаевского кадетского корпуса, начальник Херсонской военно-фельдшерской школы. В армии Украинской Державы — помощник начальника отдела Главного штаба. В армии УНР состоял в распоряжении штаба армии (с 01.10.1919).

Фрагмент воззвания атамана Болбочана. Газета «Южный край», 11 декабря 1918 г.

дальнейшем не будут удерживать фронт. Сперва будут отходить, а затем стовариваться с большевиками.

Завадский, по-видимому, сознавал свое бессилие. Сложившаяся обстановка в силу различных побуждений внушала и мне, и Завадскому необходимость удерживать Харьков, делала нас попутчиками поневоле!

8 декабря в помещении Городской Думы состоялось собрание городских представителей и украинцев. На это собрание в целях осведомления я командировал полковника Тарасевича.

Рано утром следующего дня Тарасевич доложил мне подробности ночного заседания, сводившиеся в главном к нижеследующему:

1) Немцы воевать не хотят и не в состоянии. Украинцы не смогут удержать фронт собственными силами.

2) В случае возобновления большевистского наступления советские войска будут в Харькове через 5-7 дней.

3) Необходимо, чтобы офицерские отряды помогли украинцам удержать фронт. Близость общего врага диктует необходимость забыть на время разность политических программ и объединенными усилиями отстоять Харьковский район до подхода союзников.

4) Присутствовавший на собрании Завадский подтвердил мысль о совместном движении и заявил, что он будет ожидать представителей офицерских отрядов.

Выслушав Тарасевича, я немедленно пригласил в помещение горнопромышленников полковника Ткачева, полковника Смельницкого, генерала Агапеева и генерала Панченко. В.С. Соколов просил спешно собрать своих друзей.

В кабинете председателя Союза горнопромышленников состоялось наше собрание. Было единогласно решено, что при создавшемся положении единственной возможностью удерживать город до подхода союзников являются совместные боевые действия с украинцами.

Мысль о возможности таких действий обсуждалась мною, Ткачевым и Смельницким еще накануне. Нам казалось, что в связи с движением союзников возобновится и наступление добровольцев на Харьков.

Затем, кроме этих общих соображений, нам представлялось использовать украинцев, дабы за их счет снабдить себя недостающим нам оружием и патронами. Иных возможностей для быстрого вооружения и снабжения не было.

Совещание в кабинете Н. Дитмара не было продолжительным. Я объявил, что настало время войти в связь с украинцами, дабы отстоять Харьков и что для этой цели я сейчас же командую генерала Агапеева и генерала Панченко к Завадскому, дабы обсудить вопрос о совместных операционных действиях на следующих основаниях:

1) Офицерские отряды сохраняют полную независимость и будут подчиняться только начальнику Центра.

2) В случае выступления на большевистский фронт офицерский отряд занимает самостоятельный участок.

3) Украинское командование снабжает офицерский отряд оружием и патронами, а на фронте — и всеми видами довольствия.

Предупредив Завадского по телефону, Агапеев и Панченко отправились в губернаторский дом, условившись со мною, что они будут осведомлять меня по телефону о ходе переговоров. Сообщая Завадскому о своем приходе, генерал Агапеев осведомился, гарантирует ли Завадский полную неприкосновенность ему и генералу Панченко. Завадский заверил своим словом их неприкосновенность.

До 2 часов дня генерал Агапеев два раза вызывал меня по телефону. Около 3 часов офицер, командированный в помощь генералам, доложил мне по телефону:

— Генерал Агапеев просит Вас, господин полковник, прибыть в губернаторский дом.

— В чем дело?

— Не могу доложить.

— Попросите генерала Агапеева или генерала Панченко подойти к телефону.

— Они не могут.

— Почему не могут?

Молчание.

— Что-нибудь случилось?

— Так точно.

— Вы не можете мне доложить, в чем дело?

— Никак нет.

— Тогда доложите генералу Агапееву, что я прошу его прервать переговоры и вместе с генералом Панченко пожаловать ко мне.

— Они не могут этого сделать.

— Должен ли я Вас понять в том смысле, что оба генерала арестованы?

— Так точно.

— Передайте сейчас же Завадскому, что начальник Центра требует немедленно допустить кого-либо из генералов к телефону. В противном случае я буду считать переговоры прерванными.

Через три минуты у телефона был генерал Панченко.

— В чем дело, Павел Васильевич?

— Мы выработали текст соглашения, но атаман настаивает, чтобы договор был подписан начальником Центра. Просим Вас прибыть. Владимир Петрович и я задержаны здесь. Подробности не могу сообщить.

— Задержание имеет вид ареста?

— По-видимому, что так.

— Хорошо! Я приму необходимые меры. Не беспокойтесь!

Тон генерала Панченко был невеселый и подсказывал мне, что положение серьезное. Обнадеживая генералов, я фактически чувствовал полную растерянность. Что делать? Как выручить? Можно было бы пойти на крайнюю меру и вызвать офицерские отряды, однако такая мера не представлялась мне полезной. Во-первых, куда собрались и подошли бы наши силы, украинцы могли увести генералов. Во-вторых, имея их заложниками, Завадский мог меня всячески шантажировать.

Необходимо было измыслить что-то иное и измыслить как можно скорее. Я сообщил своим друзьям об аресте генералов.

— Нет смысла Вам идти к Завадскому, — негодовал Ткачев. — Он уже заманил в ловушку Агапеева и Панченко, теперь задержит и Вас, и будет чрезвычайно доволен, что арестовал начальника Центра. Раз он так преда-

тельски нарушил данное слово, я ему больше не верю. Невозможно обезглавить Центр, надо придумать что-нибудь иное...

Остальные поддержали моего начальника штаба. На мой вопрос, какую иную меру они предлагают, никто толком ответить не мог. Чувствовалась общая растерянность. Лично я прекрасно понимал, что отправившись к Завадскому, я сильно рискую. А зная нравы атаманов и своеволие их банд, знал, что моя участь в случае ареста будет безнадежной и меня тогда никто не выручит.

Вместе с тем я чувствовал, что настал такой момент, когда старший начальник должен жертвовать собой. Мне так явно представлялось самочувствие Агапеева и Панченко, сидящих в губернаторском доме и возлагающих все свои надежды на меня, представилось самочувствие их семей, если оба генерала погибнут...

Нельзя было терять времени. Прекратив ненужные разговоры, я заявил, что немедленно иду к Завадскому и постараюсь выручить генералов. Оставив своим заместителем полковника Смелъницкого, я отправился в губернаторский дом, взял с собой офицера и велел ему наблюдать подходы к губернаторскому дому. Если будут подходить к дому украинские войска или если генералов и меня будут уводить под конвоем, то немедленно телефонировать полковнику Смелъницкому из ближайшей аптеки.

У входа во двор и у подъезда губернаторского дома стояли часовые. Они пропустили меня беспрепятственно.

Губернаторскую усадьбу я знал хорошо. Входил медленно, стараясь выяснить, есть ли тут какие-либо войска. Вокруг были тишина и пустота. В приемной стоял пулемет и сидело несколько солдат. Вызванный украинский офицер сейчас пригласил меня в кабинет «пана атамана».

За большим столом в кресле лицом к дверям сидел «Главкомандующий Левобережной Украины». Грузный мужчина лет 35-37, в кителе, на груди белел знак Николаевского Инженерного Училища. Наличие знака сильно меня подбодрило и дало мне вдохновение: если носит знак, значит гордится им, а следовательно, у него что-то офицерское еще имеется.

Увидев меня, Завадский поднялся и, не ломая языка, обратился ко мне: — Здравия желаю. Завадский. Прошу садиться.

— Здравия желаю. Начальник Харьковского Главного Центра Добровольческой Армии Генерального Штаба полковник Штейфон.

Прежде чем сесть, я посмотрел по сторонам. В углу на кушетке генералы Агапеев и Панченко. Сейчас же подошел к ним и деланно бодрым тоном спросил:

— Ну как, господа, о чем договорились с атаманом?

Покуда Агапеев сообщал, что соглашение выработано, Панченко незаметно шепнул мне:

— Дело плохо!

Завадский продолжал стоять, ожидая окончания моего разговора с генералами.

Вернувшись к Завадскому, сел. Атаман с видимым любопытством рассматривал меня.

— Так это Вы, господин полковник, начальник Центра?

— Да. Вы желали иметь мою подпись под договором?

— Да. Мне кажется, что будет лучшим, если подпишем договор Вы и я.

— Прекрасно. Могу ли я ознакомиться с проектом договора?

Прежде чем приступить к чтению проекта, я мысленно закурил и как бы невзначай спросил Завадского:

— А Вы, оказывается, Инженерного Училища?

Опыт жизни и службы убедил меня, что разговоры о корпусе, об училище всегда смягчают офицерскую душу. Инстинктивно я почувствовал, что не следует немедленно задираться с Завадским, поэтому я умышленно не затронул вопрос о генералах.

Завадский с гордостью ответил, что он Николаевского Инженерного Училища, и с живостью спросил:

— Может быть и Вы, господин полковник, тоже Инженерного Училища?

И мы начали разговор столь обычный в офицерской среде: когда и кто окончил училище, в какой части служили и т.д. Нашлись и общие знакомые.

Поговорив, я принялся за чтение договора. Его содержание не вызвало особых разногласий, так как он был составлен в духе приказа генерала Деникина. Главным спорным пунктом являлось желание Завадского отправить все офицерские части на фронт. С таким предложением я никак не мог согласиться, так как угадывал в нем не оперативные побуждения, а соображения внутренней политики.

Читал я внешне как будто внимательно, но в действительности обдумывал, какими путями освободить генералов. И решил, что предварительно надо переговорить с ними и узнать все подробности. Без их разъяснений я был как бы в потемках.

Завел с Завадским спор по вопросу о выводе всех отрядов на фронт и заявил, что желаю обсудить этот пункт с генералами.

Завадский любезно предложил мне остаться в кабинете, а сам вышел. В.П. Агапеев рассказал, что переговоры протекали благополучно и что разногласия были лишь в вопросе о выводе всех офицерских рот на фронт. Генералы заявили, что не имеют полномочий решить этот вопрос, и внесли

предложение прервать переговоры, передать мне их содержание, а завтра вновь собраться. Завадский заартачился:

— Пусть начальник Центра придет сюда.

— Начальник Центра уполномочил нас вести переговоры.

— В таком случае я вас отпустить не могу...

Выяснив с генералами подробности, я пригласил Завадского.

— Мы обсудили вопросы, — начал я. — И Центр никак не может взять на себя обязательства, явно невыполнимые по двум причинам: во-первых, у нас нет необходимого оружия и патронов, нет необходимых кухонь и многого, без чего невозможно быть на фронте. Во-вторых, офицеры не согласятся воевать на фронте в то время, когда украинские войска будут спокойно жить в городе.

Выставленные мною причины были мною явно преувеличены. Завадский взволновался:

— Украинские войска не будут спокойно жить в городе. Все, что у меня есть, я держу на фронте. Тут у меня только минимальное число войск, необходимое для караулов. А касательно оружия, патронов и кухонь — это мелочь. Я прикажу выдать вам все, что вам необходимо.

— Все это хорошо. Но все же офицеры едва ли согласятся удерживать фронт преимущественно собственными силами. На немцев надежда слабая и они воевать не будут.

— Немцы сволочи и только митингуют. Мы должны рассчитывать только на собственные силы.

Обе стороны, и я, и Завадский, несомненно, хитрили. Ни я, ни он не желали оставить город без своих частей. Я опасался, что оставшись без офицерских отрядов, буду рисковать волною украинского террора против оставшихся офицеров старших возрастов, офицерских семей и вообще русского населения. Завадский опасался, по-видимому, того же, но с моей стороны. Я предложил компромисс:

— Давайте решим так, чтобы никто не считал себя обиженным. И мне, и вам необходимо стремиться удержать фронт, а потому будем отправлять на фронт равные части: Вы роту — я роту, Вы вторую — и я вторую.

Завадский задумался, что-то соображал. Позвонил и потребовал у адъютанта какую-то справку. И видя, что другого решения не найти, согласился. Мы отредактировали договор и его унесли переписывать.

В ожидании подписи я подошел к главному для меня вопросу:

— Прошу Вас, господин атаман, сообщить, на каких основаниях Вы задержали генералов Добровольческой Армии, командированных в качестве моих уполномоченных?

Завадский насупился:

— Я должен был так поступить.

— Отказываюсь понимать Ваши побуждения. Командируя их для переговоров, я имел Ваше слово, гарантирующее их полную неприкосновенность. Полагал, что могу доверять Вашему честному слову.

— Я получил указание отправить их в Полтаву к Болбочану.

Такая новость ошеломила меня.

— Как так в Полтаву? Где же Ваша гарантия неприкосновенности? Я доверял Вам и даже сам явился сюда.

Атаман загадочно улыбнулся. Его улыбка, слова, взгляд мне не понравились. В них явно сквозило грядущее предательство. Меня осенила мысль:

— Впрочем, явившись сюда, я, уже наученный Вами, принял свои меры!

— Какие? — заинтересовался «Главнокомандующий».

— А такие, господин атаман, что Вы напали не на наивного мальчика. Подступы к Вашему дому наблюдаются моими людьми. И если, — я вынул часы и, глядя на них, продолжил: — до 4 ½ часов я не выйду от Вас, то сюда ворвутся офицерские отряды и забросают это помещение ручными гранатами. Так точно они поступят, если Вы пожелаете вызвать свои войска. И конечно, после таких столкновений не может быть и речи о совместной работе.

Все эти мои угрозы не имели никакого реального обоснования. Все это я фантазировал тут же, дабы воздействовать на психику Завадского и выручить генералов и, конечно, себя!

Завадский побагровел, бросил на меня злобный взгляд:

— Ну, да и я не робкого десятка!

Затем, овладев собою, деланно рассмеялся и добавил прежним любезным тоном:

— А, Впрочем, о чем мы спорим? У меня ведь в мыслях не было задерживать Вас, господин полковник. Зачем нам ссориться? Я имею указание только о генералах. Но Вы, господин полковник, не беспокойтесь. Я отправлю с ними своего офицера и они будут в полной безопасности.

— Ну, эти сказочки Вы оставьте. Я знаю хорошо Ваших хлопцев и Ваших атаманов. Настаиваю, чтобы Вы отпустили генералов.

— Не могу их отпустить, обязан отправить...

Завадский недоговаривал, но чувствовалось, что он имел по этому вопросу указание свыше. Надо было действовать «по неприятельскому отращению», а потому постараться увезти генералов хотя бы на короткий срок. Надо было найти хотя бы небольшую лазейку, дабы затем спасти генералов, ибо в Полтаве их ожидал неминуемый конец. Важно было вывезти аресто-

ванных из губернаторского дома, а затем я не сомневался, что найду возможность не допустить их отправления к Болбочану.

В это время принесли исправленный договор для подписи. Не читая его, я заявил:

— Если Вы не можете отменить отправления в Полтаву, то Вы должны отпустить генералов домой проститься с семьями и взять необходимые вещи. Если Вы их не отпустите домой, я отказываюсь подписывать договор. Затем должен Вас предупредить, что приближается срок, указанный моим отрядам. Не видя меня выходящим на улицу от Вас, офицеры, конечно, выполнят данное им приказание. Надо спешить.

Завадский явно сдавал:

— Хорошо, я отпущу генералов домой, но под Вашу ответственность.

Тут я его прервал умышленной запальчивостью:

— Потрудитесь не говорить со мной подобным тоном!

— Успокойтесь, господин полковник, я не имел намерения задеть Вас. Пусть генералы уходят с Вами. Но они должны явиться сегодня к 12 ночи на вокзал, где их будет ожидать мой офицер.

— Согласен. Теперь, чтобы закончить дело миром, я хочу передать по телефону, что скоро выйду, и пусть мои офицеры ничего не предпринимают.

— Пожалуйста. Телефон к Вашим услугам.

Выдерживая роль, я отправился к телефонной будке, якобы передать, чтобы «офицеры не ворвались с ручными гранатами», фактически вызвал № горнопромышленников и передал Ткачеву, что скоро вернусь с генералами.

По моем возвращении в кабинет Завадский вызвал своего офицера и приказал ему:

— К 12 часам ночи на вокзал должны прибыть вот эти два генерала. Запомните их. С ними отправитесь в Полтаву и доставите генералов атаману Болбочану.

После этого был подписан договор, и я удалился вместе с генералом Агапеевым и генералом Панченко.

На улице я им заявил:

— Конечно, не может быть и речи о вашем отправлении в Полтаву.

Тут я встретил неожиданное препятствие: оба генерала заявили, что они дали обещание быть на вокзале, а потому считают себя обязанными сдерживать данное обещание.

— Простите, господа, но это донкихотство. Ведь вас прикончат по пути или в Полтаве.

Обзор событий в Харькове – требование германцами подвижного состава у штаба атамана Болбочана и приказ генерала Деникина о призыве офицеров.
 Газета «Южный край», 8 декабря 1918 г.

Генералы были бледны и сосредоточены.

— Мы это знаем, но мы дали слово.

— Но и Завадский тоже дал слово, а затем подло его нарушил.

— Нет, мы не можем. Мы должны явиться на вокзал.

Видя, что генералы находятся в состоянии нервного возбуждения и что нужно дать им время успокоиться, я не стал настаивать:

— Хорошо, делайте, как хотите. Сегодня в 9 часов вечера в Коммерческом клубе я собираю секретное заседание Центра. Прошу обоих вас быть там. Мы обсудим ваше положение и найдем возможность спасти вас от ненужной гибели. Мой же вам совет — не возвращаться домой. Пойдемте со мною и я вас укрою в надежном месте.

— Нет, мы пойдем проститься с семьями. Всяко может быть.

— Идите, но долго там не задерживайтесь. Не искушайте судьбу. Вызволить вас второй раз может быть и не удастся!

Мы расстались. За углом ко мне подбежал оставленный мною офицер:

— Слава Богу, что Вы вышли, господин полковник. А я думал, что и Вас арестуют.

Мой разговор с Ткачевым по телефону обнадежил моих друзей, но все они ожидали меня с волнением. Встретили меня с большой сердечностью. Каждый понимал, что я выиграл чрезвычайно рискованную игру.

Рассказав в общих чертах все, что было в губернаторском доме и поручив Н.А. Ткачеву предупредить кого надо о секретном собрании в 9 часов вечера, я отправился домой, чувствуя себя уставшим от большого нервного подъема.

По пути к себе старался разгадать поведение Завадского. И думаю, что угадал верно: осведомившись, что генерал Панченко является начальником офицерских отрядов, Завадский решил, что генерал Агапеев и есть начальник Центра. Он сообщил по прямому проводу или телефоном Болбочану, что у него в кабинете находится начальник Харьковского Главного Центра и начальник офицерских отрядов. В ответ получил указание арестовать обоих и доставить в Полтаву первым поездом. Арестовать и держать арестованных в Харькове украинцы едва ли бы решились, так как опасались офицеров. «Главковерхов» пленила, по-видимому, мысль обезглавить Центр. Старая пугачевская истина: «рубят столбы — заборы сами повалятся»...

Нежданно для Завадского в задуманную лукавую игру вмешался я. Когда генералы отказались принять его проект об отправлении всех офицерских отрядов на фронт, ссылаясь на отсутствие полномочий от начальника Центра, Завадский понял, что начальник Центра иное лицо, не генерал Агапеев.

Мое появление в губернаторском доме открыло Завадскому новые горизонты. Ни на мгновение не сомневаюсь, что у него зрело решение арестовать и меня. Такой удобный случай! В Полтаве нас троих быстро бы ликвидировали, ибо трудно решить, кто ненавидит офицеров больше — украинцы или большевики?

Спасла положение моя импровизация о ручных гранатах. Меня оставили в покое, а с приказанием об Агапееве и Панченко приходилось считаться...

Так или иначе, но вся эта история лишний раз подтвердила, что в лице петлюровцев мы имеем непримиримого и коварного врага. Однако обстановка так складывалась, что вынуждала меня подписать соглашение, дабы удержать Харьков до подхода добровольцев и охранить офицеров от украинского террора, подобного киевскому. Можно было, конечно, обратиться к помощи баварцев, но такое обращение представлялось мне недопустимым. К тому же, пример графа Келлера и других убеждал, что немцы или бессильны, или не мешают вмешиваться во внутренние дела. Оставалось поставить на карту себя, что я и сделал.

ГЛАВА XIV

Секретное заседание Центра. Мое приказание генералу Агапееву и генералу Панченко. Положение на фронте и в городе. Попытки украинцев арестовать меня. Припадки малодушия. Монастырь. Крушение надежд на союзников. Телеграмма генерала Лукомского. Наступление красных. Эвакуация офицеров. Мой отъезд. Задержка в пути. Первая встреча с добровольцами. Станция Никитовка.

Приезд в Екатеринодар и назначение в Юзово. Смерть генерала Дроздовского. Юзовские впечатления. Встреча с полковником Кореневым. Генерал-лейтенант Маевский. Новая идеология армии. Полевые суды.

Вечернее заседание Центра в Коммерческом клубе началось при общей нервности собравшихся. Подробности дня были уже известны. После прочтения договора заключенного с украинцами поднялся В.С. Соколов:

— Мы, общественные представители, люди штатские и в тактических вопросах некомпетентны. Начальнику Центра, как специалисту, карты в руки. Что же касается политической стороны договора, то я считаю заключенный договор мерою и полезной, и разумной. Подлинное лицо петлюровцев нам всем хорошо известно. Однако надвигаются грозные события и чтобы их сдержать, попутчиками терпим и украинцев.

Затем я позволю себе от имени всех собравшихся выразить начальнику Центра наше глубокое уважение. Чтобы выручить наших попавших в беду генералов, он не задумался рискнуть собою...

Прервав выражение чувств, я предложил обсудить более важный вопрос:

— Генералы Панченко и Агапеев считают, что они должны сдержать данное ими обещание и явиться сегодня на вокзал. Считаю подобное намерение безумным. Не может быть и речи о крепости слова, данного в столь

трагической обстановке, к тому же данное лицу, которое так цинично нарушило неприкосновенность наших уполномоченных.

Наши собрания всегда были дисциплинированными, но тут меня прервали и каждый стал горячо доказывать невозможность «быть честным с бесчестными», как выкрикнул взволнованный М.И. Игнатищев.

Наши уговоры, однако, не действовали. И Агапеев, и Панченко твердили, что они не считают себя вправе нарушать данное обещание. Чтобы прекратить эту тяжелую сцену, я решил проявить свою власть:

— Ваши Превосходительства, приглашая Вас принять участие в работе Центра, я предупреждал о необходимости подчинения мне. Признаете ли Вы меня своим начальником?

— Признаем!

— В таком случае я приказываю Вам обоим оставаться и продолжать порученную Вам работу. Считаю вопрос исчерпанным.

— Слушаем!

Все, а генералы в особенности, вздохнули облегченно. Так как им нельзя было возвращаться домой, то П.В. Панченко принял к себе П.В. Фенин, а В.П. Агапеев был направлен к Зарудному (бывший министр юстиции Временного правительства. Хотя Зарудный никакого отношения к Центру не имел, никого из чинов Центра не знал и к работе Центра во многом относился неодобрительно, все же он охотно согласился приютить у себя генерала). И до конца своего пребывания в Харькове оба генерала продолжали жить на нелегальном положении.

В Харькове, между тем, положение становилось все более и более напряженным. Немцы быстро разваливались, а украинцы левели.

С большевистского фронта приходили неутешительные известия. Между мною и Завадским никаких сношений не было. Мы оставались во враждебных лагерях. В украинских кругах негодовали на Завадского, что он «выпустил» нас. Позже «грозились», что «ці генерали та пулковник нэ минують нас»... Однако не решались прибегать к мерам открытого насилия. Мобилизованные офицеры представлялись силою, какую лучше было «не чіплять», то есть не задевать. Сила эта, укрытая в казармах, казалась гораздо внушительнее, чем она была в действительности.

Я все дни проводил в городе. Обычно ходил один. Как-то под вечер на темной улице около Земельного банка остановил меня неизвестный внушительного вида человек:

— Господин, дозвольте Ваш паспорт.

Документов у меня не было. Петлюровская власть требовала, чтобы офицеры были зарегистрированы, но в подавляющей массе офицеры не ходили к петлюровскому коменданту. Конечно, не ходил и я.

— Кто Вы такой? Зачем Вам нужны мои документы?

— Я агент. Да вот пожалуйте в участок, там все объяснят!

Участок находился тут же, в пятидесяти шагах.

«Из участка не выйду» — мелькнуло в голове, и я опустил в карман руку за револьвером.

По-видимому, неизвестный понял мое намерение:

— Выньте руку, господин, будет хуже!

В это время случайно проходил по другой стороне Сумской Пензенского полка полковник Григоров.

— Гавриил Павлович, — крикнул я ему, — пожалуйте сюда!

Григоров был высокого роста и человек напористый. Он быстро подбежал ко мне и врезался между мною и агентом. Остановились прохожие, и неизвестный быстро скрылся.

В то время не было в обычае досматривать документы проходящих и несомненно, что меня хотели заманить в участок.

В другой раз, когда я вечером подходил к воротам своей временной конспиративной квартиры, раздался выстрел и просвистела пуля.

Постепенно начались, преимущественно на окраинах, столкновения украинцев с офицерами. Были случаи нападения и на германских офицеров.

Столь нервная жизнь очень утомляла, и временами я переживал приступы душевной слабости. Однажды мне было совсем скверно. Надежные квартиры становились ненадежными, доклады были удручающими и я чувствовал большую усталость.

Зайдя к людям, где я рассчитывал найти приют, я никого не застал, квартира заперта. Мои нервы явно сдали.

Вдруг раздался звон монастырского колокола. «Звонят ко Всенощной» — мелькнуло в голове и неудержимо потянуло в церковь. Прошел пустынными улицами и вошел в монастырский храм. Служил архимандрит, пел монастырский хор, молящихся не было. Только какая-то старушка стояла на коленях и усердно клала поклоны. Я забился в угол, но не мог молиться, лишь смотрел, не отрываясь, на чудотворный образ Озерянской Божьей Матери, ярко озаренный свечами и неугасимыми лампадами. Кругом был мрак и икона словно парила в воздухе. Благостный лик Богоматери кротко глядел на меня и постепенно в душу нисходило умиротворение. Я опустил на колени и стал горячо молиться. Не заметил, как окончилась служба.

Произошло то чудо, о котором я просил: вновь почувствовал себя сильным духом, бодрым, верящим в свои силы. А затем, до конца моего пребывания в Харькове, меня не покидала удача. Царица Небесная не

А. С. Вязигин

только хранила меня, но помогла мне спасти и сотни офицеров. Много лет прошло с тех пор, но память о той монастырской службе осталась неизгладимой...

Если монастырский храм был пустынен, то это объясняется тем, что я попал тогда на службу среди недели. Обычно же в субботу и в воскресенье приходские церкви бывали переполненными. Я всегда ходил в Николаевскую церковь. Там пел прекрасный хор, а старенькие священники — о. Панкратий и о. Николай создавали своим служением очень сильное молитвенное настроение. Старостой был профессор Вязигин¹⁰¹. Как-то уже на

¹⁰¹ **ВЯЗИГИН Андрей Сергеевич** (1867–1919) — ученый-историк, профессор Императорского Харьковского университета, известный общественный и политический деятель. В 1902–1914 — редактор-издатель журнала «Мирный труд», наиболее значимого провинциального «толстого» журнала правового толка, в котором публиковались статьи монархической и православной направленности, часть материалов носили антисемитский характер. В 1911–1915 издавал газету «Харьковские губернские ведомости». В ноябре 1903 стал организатором и первым председателем Харьковского отдела «Русского Собрания». В декабре 1905 был инициатором создания Харьковского отдела Союза русского народа. В 1909–1912 — член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела. В 1907–1912 — член III Государственной думы от Харьковской губернии, успешно организовал избирательную кампанию правых в губернии. Входил в состав двух комиссий: редакционной и по Наказу. В 1908–1912 был председателем фракции правых в Думе. В качестве депутата выступал за сохранение самодержавия в России и защиту интересов Православной церкви. Не участвовал в выборах в IV Государственную думу, после 1912 отошел от активной политической деятельности, сосредоточился на преподавании и занятиях исторической наукой. В январе 1917 получил предложение от председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова войти в состав Совета с целью укрепления группы правых, но отказался, сославшись на то, что же-

излете моего пребывания в Харькове Вязигин увидел меня, когда я подошел к свечной стойке. Мы знали друг друга. Передавая мне свечи, он шепнул: «Хотел бы с Вами переговорить».

Постояв полчаса, я вышел и завернул в темный переулочек, обрамляющий церковь. Скоро показался и Вязигин.

— Простите, полковник, что я помешал Вам молиться, то у меня имеется дело. А теперь так трудно переговорить укромно. Всюду нескромные глаза и уши.

— Пожалуйста, профессор, я к Вашим услугам.

— Не подумайте пожалуйста, что я хочу навязывать Вам свои советы, но у меня хорошая осведомленность, я значительно старше Вас и это дает мне право посоветовать Вам: не выходите по вечерам из дома, а еще лучше уезжайте из Харькова. За Вами охотятся.

— Спасибо, профессор, за Вашу заботу. Я тронут Вашим вниманием. В Харькове мне действительно несладко. Но я обязан выполнять свой долг.

— Ну, Ваше дело! Я только предупредил Вас. А как смотрите Вы на будущее?

— Утешительного мало. Думаю, что скоро появятся большевики. И со своей стороны позволю дать Вам совет: уезжайте, пока есть возможность. Попадете к большевикам — они Вас не пощадят.

Профессор Вязигин, бывший член Государственной Думы, был известным монархистом и еще в 1905 г. вызывал ненависть левых партий.

— Знаю, что не пощадят, — вздохнул он. — Но на все воля Божья...

В дальнейшем он действительно погиб от большевиков.

Как указывалось ранее, сообщения французского консула К. Энно, посылаемые из Одессы, возбуждали наши надежды на скорый подход союзников, а следовательно и Добровольческой Армии. Но как внезапно появились эти сообщения, так внезапно и прекратились.

Пантофельная почта скоро сообщила, что никакого движения союзных войск в сторону Киева нет. Гонец из Киева подтвердил эти сведения. Киевский Главный Центр сворачивался.

Дни Харькова были явно сочтены. Вопрос о занятии города большевиками был вопросом лишь ближайшего времени.

дает продолжить преподавательскую деятельность. В начале апреля 1919 был отстранен от преподавания в университете, а в мае заключен в тюрьму. За недоказанностью вины в «контрреволюционной деятельности» был оставлен в тюрьме в качестве заложника. В августе 1919 заложники были увезены в Орел, где находились и в центральной тюрьме, а потом в концентрационном лагере. В ночь на 24 сентября 1919 А.С. Вязигин был зарублен вместе с рядом других заложников.

15 декабря каким-то чудом и, конечно, при содействии неизвестных мне единомышленников была получена на мое имя телеграмма. Генерал Лукомский телеграфировал:

«Прекратите отправку. Выезжайте Екатеринодар».

Первое приказание — прекратить отправку уже давно выполнилось благодаря перерыву ж.д. связи. Что касается второго — переезда, то его выполнение являлось очень сложным. Во всяком случае, эта телеграмма свидетельствовала, что генерал Лукомский не оставляет на произвол судьбы Харьковский Центр, а беспокоится о нашей участи.

Положение наше было очень тяжелое. Свой немногочисленный штаб я, конечно, мог перебросить на Юг без особых затруднений, но на моей совести лежала судьба мобилизованных офицеров. Оставить их в Харькове — это оставить их на гибель, тем более, что германо-украинский фронт явно трещал. Мечты об удержании города до подхода Добровольческой Армии потерпели крушение. Обольщаться ими я уже не мог. Но в связи с такими надеждами завязался очень сложный узел, и я мучился желанием развязать этот узел возможно добросовестнее.

В день получения телеграммы генерала Лукомского о прекращении работы Центра Завадский обратился ко мне с просьбой спешно отправить офицерскую роту на Белгородский участок, где большевики прорвали фронт. Командированный с этой просьбой украинский офицер был очень взволнован. Близкая опасность сделала его откровенным и он заявил:

— Наши очень скоро уходят. Разве это солдаты? Это босота, раклы (по-харьковски — жулики). Если офицеры не поддержат фронт, большевики будут здесь завтра. Я сам кончил Киевскую школу прапорщиков, — неизвестно зачем добавил посыльный.

Обстановка создавалась катастрофическая. «Завтра» большевики быть в городе не могли, но через 3–4 дня они могли появиться. Требовалось во что бы то ни стало задержать их, чтобы эвакуировать офицеров. Я переговорил по телефону с Завадским. Он настойчиво просил помощи, сообщая, что им получены новые тревожные сведения.

— Все это печально, но офицеры не могут выступить, так как Вы мне не дали обещанное Вами снабжение.

По существу дела, мой упрек Завадскому был не совсем справедлив. Мы немедленно могли отправить на фронт одну-две роты, но в это время у меня зародился план, требовавший для своего исполнения оружия, патронов и иного снабжения.

Завадский ответил, что у него тоже недостаток во всем, но все же он даст мне, что нам необходимо.

— Присылайте сейчас своего офицера, господин полковник, и пусть он принесет мне сведения, что вам нужно.

Время было грозное, однако я не отказал себе в удовлетворении уколоть Завадского:

— А Вы не арестуете моего офицера, как арестовали генералов?

— Не будем вспоминать прошлое. Вы тоже в долгу не остались. Пожалуйста, присылайте своего офицера, так как я собираюсь ехать на фронт.

Ввиду невозможности отправить поездами около тысячи офицеров у меня появилась мысль выступить на Юг походным порядком. Для этого мне и были необходимы оружие, патроны и иное снабжение.

Был декабрь, холодный и снежный. Предстоял тяжелый зимний поход. Необходимо было взвешивать шансы за и против похода. Я командировал полковников Смельницкого и Ткачева, дабы с командирами офицерских рот они обсудили бы возможность похода. Ответ был неутешительным: легко одетые офицеры не вынесут похода в такую стужу! Смельницкий доложил мне, что офицеры, обеспокоенные неустройкой на большевистском фронте, расходятся по домам, озабоченные участием своих семей.

Вместо похода надо было измыслить что-либо иное. Было решено вывезти офицеров санитарными поездами под видом больных и вернувшихся из плена подданных новых образований — Польши, Литвы и т.п. За осуществление этого дела взялась энергичная и мужественная дама, госпожа Н. Бывшая сестра милосердия Великой войны, она импонировала своей формой, медалями, а главное — она обладала талантом просить, убеждать и организовывать. Она стучалась во все двери и благодаря ее огромной помощи вопрос эвакуации был налажен.

Рота на фронт была отправлена. С ее прибытием украинцы ободрились, а большевики приостановились, узнав, что подошли «резервы». Подобное положение помогло мне выиграть нужное мне время¹⁰².

Отправляя роту, генерал Панченко приказал ей ни в коем случае не отпускать подводы, на коих они ехали, держать связь с ним и быть готовыми по получении приказа спешно присоединиться к остальному отряду для эвакуации.

Строевыми делами ведал генерал Панченко. Я был всецело поглощен организацией вывоза офицеров. Получили три санитарных поезда. Каждый

¹⁰² Газета «Южный край» 21 декабря 1918 писала:

«Выступление добровольцев на фронт

Украинским командованием отдано распоряжение о выступлении добровольческого отряда для борьбы с большевиками. Оружие, автомобили и имущество добровольцев переходят в пользу республики».

был снабжен достаточным продовольствием. Все «больные» и «чужеземцы» получили соответствующие документы. Маршрут: Кременчуг — Николаев — Одесса. Все, что возможно было сделать для безопасности офицеров, было сделано. Пришлось проделать огромную работу. Центр отправлял не только офицеров, записавшихся в отряды, но всех харьковских офицеров, пожелавших выехать¹⁰³.

Ликвидируя свою работу, мы посылали армии свой последний подарок: около тысячи офицеров в составе трех поездов.

18 декабря поздно вечером с запасных путей был отправлен первый санитарный поезд. Офицерам было приказано собраться окольными путями и грузиться только с наступлением сумерек. С этим поездом я решил отправить и чинов Центра. Приехал лично убедиться, как идет отправление. Подходя к эшелону, заметил стоящего на путях В.П. Агапеева в штатском платье. Подошел к генералу:

— Здравствуйте, В.П. Уже попрощались?

— Вы, вероятно, ошиблись. Я не В.П. и никуда не еду, — ответил неузнаваемым голосом В.П.¹⁰⁴

Я засмеялся. Он явно меня не узнал, и только услышав мой смех, понял, что это я. Обрадовался, что я приехал его проводить.

В следующие дни были отправлены все желающие офицеры и, конечно, все имевшие отношение к Центру. Уехал генерал Панченко, генерал Агапеев, Лигнау, полковники Смельницкий, Ткачев, Тарасевич, Бухаров. Из чинов Центра в Харькове остался только я. В.С. Соколов сообщил мне, что горнопромышленники и другие лица хлопчут получить специальный поезд в качестве якобы комиссии, едущей заключать от имени Украины какой-то торговый договор с Войском Донским. Предполагалось, что этот поезд будет следовать прямым сообщением на Ростов. В.С. предложил мне ехать этим поездом.

В день отъезда «торговой делегации» я обратился к лицу, ведавшему организацией отправки, за справкой — когда и с какого пути отходит поезд. «Командант поезда» ответил мне нервно:

¹⁰³ 24 декабря 1918 газета «Южный край» писала:

«Расформирование добровольческого отряда

С уходом республиканских войск в Харькове был организован офицерский добровольческий отряд, существование которого на Украине украинскими властями признано нежелательным ввиду особой ориентации Добровольческой Армии, не разделяемой украинским правительством. Местным украинским командованием был отдан приказ о сдаче добровольческим отрядом в Харькове оружия, что добровольцы и исполнили. Отряд расформирован».

¹⁰⁴ Генерал ехал под видом военнопленного поляка Радзевича.

С.И. Бухаров

— Все места заняты. Мы берем только членов делегации. Как Ваша фамилия?

— Б.А. Штейфон.

— Вы не включены в список.

— Простите, но мне было обещано место.

— Простите, но я очень занят.

Эвакуация имеет свою звериную психологию, и я не стал задерживать действительно занятого человека. Поезд отходил вечером и надо было спешить узнать, возьмут меня или нет. После продолжительных поисков нашел Соколова.

— Ну что, Б.А., собрались? — встретил он меня вопросом.

— Да меня не берут. NN сказал, что моей фамилии в списке едущих нет и что все места заняты.

Всегда выдержанный, В.С. вскочил:

— Если Вас не возьмут, то и я не поеду! Приезжайте на вокзал, на четвертую платформу и мы устроим Вас. Думаю, что благоразумнее всего сделать Вас проводником вагона. У Вас подходящий документ имеется?

— Есть. Благодарю. Не буду Вас задерживать.

Мои сборы не были долгими. С собою я брал небольшой ручной чемодан с бельем и пакет, в который свернул свою форму. На пакете написал адрес лечащего врача в Ростове.

Решил, что если в пути найдут мою форму, то заявлю, что «просили отвезти вещи доктору». Наивная уловка, рассчитанная на невежество украин-

цев, едва ли умевших отличить погоны доктора от погон полковника Генерального Штаба...

Перед отъездом сбрил бороду, которую носил в течение всей войны, и запасся синими очками. Теперь я понимаю, что синие очки лишь усиливали внимание ко мне, но тогда моя нелепая выдумка казалась мне очень удачной. К моему благополучию очки разбились еще на платформе харьковского вокзала и тем придали мне незаметный вид. Одет я был под проводника.

Тяжело было на душе, когда я ехал на вокзал. Это была та тяжесть, какую испытывают на войне, когда приходится покидать позицию, упорно и долго обороняемую. Пустынный вокзал. На четвертой платформе наш поезд: паровоз, классный и товарные вагоны. Приходит Соколов и вводит меня в вагон. Там действительно полно. Тусклое освещение, тихие голоса. Большинство почему-то делает вид, что не узнает друг друга. Перед отходом поезда стал у окна с Соколовым. Подходит Дитмар и тихо спрашивает Соколова:

— А как полковник?

Соколов косит на меня глазами и Дитмар успокаивается.

Все едущие в нервном настроении. Не чувствую спокойствия и я. За Харьковом мы попадем в район, где бесконтрольно господствуют различные атаманы. Едва ли они будут считаться с теми охранными свидетельствами, какими заручилась наша делегация. «Делегация» тихо обсуждает возможные случайности. Лейтмотив всех этих обсуждений: «надо давать и давать хорошо».

Свисток, и поезд трогается. Смотрю в темноту удаляющегося Харькова. Вернусь ли снова сюда? Да будет воля Божья!

Едем хорошо. Машинисту «дано» еще раньше и «дано хорошо». К тому же его семья где-то поблизости Ростова и он лично заинтересован в успехе нашей поездки. Неутомимый Соколов обошел всех и удостоверился, что посторонних нет. Разговоры оживились. В Харькове никто не знал, что делается впереди, а в вагоне уже объявляются новости: «мост через Днепр взорван... в Никитовке большевики...». Каждый понимает, что это выдумки, так как поезд еще нигде не останавливался, а потому никаких новостей и узнать нельзя, но все «реагируют»...

Около трех часов ночи подходим к какой-то тускло освещенной станции. Останавливаемся у семафора. Из мрака появляются вооруженные люди, человек 40–50, тащат два пулемета, окружают поезд. Наши сердца екают! Раздается чей-то начальнический окрик:

— Не смить вылазить з вагона!

Проходит полчаса. Затем входит в вагон какая-то украинская фигура и заявляет:

— Уси до коменданта!

— А как же вещи?

— Нехай лежать туточки.

Я помнил о вещах доктора и погонах и наклонился, запихивая сверток под лавку. Все тянутся гуськом «до коменданта».

— Господа, я потерял свое пенсне, — объявляет чей-то жалобный голос. Зажигаем спички, находим пенсне.

В небольшой грязной и прокуренной комнате начальник станции сидит за столом коменданта. Тут же его шапка со шлыкком. Я благополучно затериваюсь в толпе, наполнившей небольшую комнату.

Комендант объявляет, что не может пустить поезд дальше, так как «проклятые добровольцы взорвали мост» и вообще он не знает, что мы за люди, «одним словом не могу!».

Представитель делегации пытается отвечать ему по-украински. Комендант явно «ломается», наслаждается своей абсолютной властью над нами:

— А може вы ти... як их... конревуценыры?

Объясняющийся с ним инженер, придавая своему голосу всю силу убедительности, стремится доказать, что мы не контрреволюционеры, а длинные демократы, убежденные сторонники самостийной Украины.

Входит в комнату зловещая фигура в фантастической форме. Косой, с лицом, покрытым глубокими следами оспы и угрями. За поясом колыт и кинжал. Жестокое тупое лицо. Садится рядом с комендантом и начинает показательно оглядывать всех нас. Поддакивает коменданту и сквернословит. Хлопуша — рваные ноздри! Такой зарежет просто от ночной скуки...

К нашему удовольствию комендант стал упираться на то, что впереди и мост попорчен, и путь взорван. Инженер робко осведомляется, нельзя ли исправить и то, и другое. Комендант заявляет, что у него нет людей, а затем отводит глаза в сторону и деловито добавляет:

— Да и грошей нема!

Инженер, давно уже державший руку в кармане, немедленно и радостно вынимает бумажник:

— Так за чем же стало дело? Мы охотно возместим все растраты и хорошо поблагодарим рабочих.

Инженер и комендант переходят уже на русский язык. Комендант неуверенно заявляет:

— Ну, насчет благодарности это может и лишнее!

«Хлопуша» поддерживает инженера:

— А шо-ж, нехай соби люди зароблять!

Инженер отсчитывает деньги. «Хлопуша» косит глазами в бумажник и мы возвращаемся в вагон. Скоро снимается и охрана с пулеметами. Остается только часовой. Он просит у нас папирос и добродушно осведомляется:

— А сколь дали хабаря коменданту?

Скоро исчезает и часовой. Наше настроение все же не слишком бодрое. Аппетит приходит с едой, и кто знает, не разгорелся ли аппетит украинцев на бумажники делегации? Любопытные сбегали на станцию и узнали, что мы стоим на «пограничной станции», дальше — добровольцы!

Утром комендант сообщает, что можно трогаться и что он сообщил по телефону «кадюкам» о следовании поезда с делегацией. Едем медленно, как-то неуверенно. Нигде нет следов ни порчи, ни взрывов, да и какая работа могла быть ночью в такое время?

После получаса пути поезд останавливается посреди поля. Подходим к окнам. На паровоз и на подножку нашего вагона вскакивают два офицера с винтовками.

Слава Богу, мы у добровольцев! На нашей площадке молоденький подпоручик. Его безусое, совсем девичье лицо разругалось от мороза, и он напоминает мне Петю Ростова. К моей радости подпоручик хорошо и по форме одет, подтянут, очень вежлив, но играет в официальность.

Чувствую, что первые офицеры-добровольцы произвели на всех прекрасное впечатление.

Быстро двигаемся дальше. Офицер сообщает, что мы находимся на участке Дроздовского полка и что штаб полка на станции Никитовка. Скоро замечаю справа и слева от ж.д. сторожевое охранение Дроздовцев, редкую цепь малочисленных постов. Вокруг безлюдье — ни войск, ни жителей.

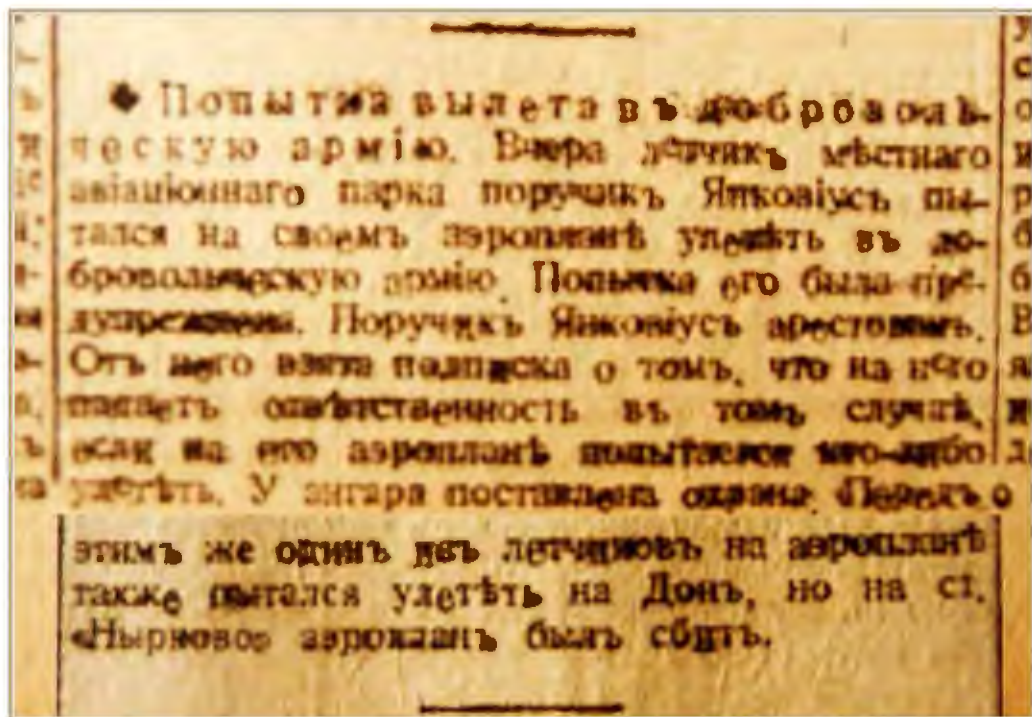
Лишь только мы вступили в добровольческий район, как мое инкогни-то тотчас открылось. Теперь все обращались ко мне с просьбами содействовать дальнейшему продвижению.

Подходил «комендант поезда», который накануне не захотел меня взять в делегатский поезд:

— Уж Вы не будьте на меня в претензии, господин полковник, за вчерашний разговор. Я не знал, что Вы начальник Цен-тра. Конечно, если бы знал Ваше положение, то...

Перебиваю его и заявляю, что никаких претензий не имел и не имею. Мы курим и любезно болтаем. Вообще, вагон неузнаваем. Оживление, разговоры, смех.

На ст. Никитовка поезд задерживается «впредь до распоряжения». Иду к старшему начальнику, генералу Витковскому. Он живет в вагоне, где сияет чистота и всюду порядок. Входит В.К. Витковский, молодой, щеголева-

Заметка о попытке вылета летчиков в Добровольческую Армию.

Газета «Южный край», 11 декабря 1918 г.

тый, корректный, на груди — Георгиевский крест. Докладываю ему кто я, какой это поезд и почему так неожиданно мы прорвались с севера.

Генерал обещает донести о нашем прибытии и испросить указаний. Чувствую, что он насторожен, но понемногу успокаивается. Когда в дальнейшем разговоре у нас находится много общих знакомых, он убеждается, что я действительно полковник Генерального Штаба.¹⁰⁵

¹⁰⁵ Свое знакомство с Б.А. Штейфоном в вагоне генерала Витковского зафиксировал в своих мемуарах генерал К.А. Кельнер: «Припоминаю один случай в январе месяце, когда движение поездов с севера еще окончательно не прекратилось, к нам подошел поезд с украинской делегацией... этот проезд помню, как мое первое знакомство с полковником Штейфоном. Произошло оно следующим образом: в момент стоянки поезда на станции я вошел в вагон к генералу Витковскому, прибывшему в район расположения полка, и с удивлением увидел какого-то замазанного субъекта, сидящего с ним вместе; Витковский обратился ко мне и представил: “Генерального Штаба полковник Штейфон, Начальник Харьковского офицерского центра”; я с недоумением поздоровался и мне Витковский разъяснил, что работу центра полковнику пришлось прекратить, а самому бежать, ввиду разгрома произведенного большевистской контрразведкой в этой организации; для бегства полковник воспользовался местом истопника в поезде с делегацией и таким образом пробрался из Харькова.

Полковник Штейфон ехал в ставку Гл-щего доложить о Харькове. Мы имели у себя потом несколько офицеров из Харькова и они дополнили эти сведения сожалением, что им не удалось к нашему подходу к Харькову подготовить восстание в городе, т.к. их

Тогда ни я, ни генерал Витковский не подозревали, конечно, что эта первая встреча в Никитовке свяжет нас на многие годы совместных переживаний, что в этом нарядном вагоне я в роли начальника штаба дивизии переживу крестный путь обороны Донецкого бассейна, победное движение на Харьков, взятие Харькова...

В Ростов прибываю вечером. Кто-то из харьковских офицеров узнает меня на вокзале и докладывает, что здесь полковник Ткачев и полковник Смельницкий. Радостная встреча с ними. Оказывается, что их поезд задержали петлюровцы, были осложнения, но все окончилось благополучно. Слава Богу!

Развязываю свой «докторский» пакет и на улице выхожу уже в форме. Ростов оживлен, повсюду много народа и заметны перемены. Четыре месяца назад он был более скромным и подтянутым. Теперь Ростов имеет вид тылового города, живущего нездоровой жизнью. Между тем, я еще полон жути Харькова и меня обижает ростовская суета, ростовское легкомыслие.

Заходим в кондитерскую — Ткачев, Смельницкий и я, чтобы выпить кофе и закусить. Шум, накурено, размалеванные девицы. Некоторые посетители навеселе. Неприятно! Вдруг раздается команда и человек 8—10 офицеров поднимаются. Это отчетливый подполковник Бухаров встречает меня вместе с харьковскими офицерами. Подобная подтянутость производит странное впечатление среди преобладающей распушенности.

Через полчаса входит группа горнопромышленников во главе с Н.Ф. Дитмаром. Они садятся рядом и мы перебрасываемся шутивными фразами, делимся впечатлениями. Замечаю, что Дитмар недоуменно смотрит на меня, словно силится что-то вспомнить. Затем обращается ко мне:

— Позвольте, но ведь Вы ехали в штатском. Где же Вы успели достать форму?

— Я ее вез с собою.

— Как с собою? Но ведь Вы страшно рисковали и могли подвести всех нас!

Он явно расстроен. Укоризненно качает головою и никак не может успокоиться. Посмотрит на меня и вздохнет. Мне было совестно, что я так огорчил этого почтенного человека!

организацию н-к центра распустил, а сам уехал; пытались мы сорганизоваться вновь, но связь была потеряна и это не удалось. «Почему организация была распущена?» — задали им вопрос. «Началась усиленная слежка со стороны большевиков, некоторые офицеры попались, ну думаем у возглавителя не выдержали нервы». После пребывания в ставке Гл-пшего полковник Штейфон вскоре был назначен к нам начальником штаба 3 пех. дивизии». (Кельнер К.А. От Ставрополя на Харьков с дроздовцами. 1929 г. Рукопись. ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 392. Лл. 23а—23а об.)

Задерживаться в Ростове не было оснований, и через день я выехал в Екатеринодар. Генерал Лукомский встречает меня радостно. Он, по-видимому, сомневался, что я выскочу благополучно, и встречает меня фразой:

— Ну что, сумели выскочить из грязной истории?

Еще более он удивлен, узнав, что мной вывезено столько офицеров. Расспросив подробно, генерал отпускает меня «отдохнуть несколько дней», а затем явиться к нему.

Через несколько дней получаю от генерала Лукомского приказание: главнокомандующий приказал не расформировывать Харьковский Центр, а продолжать работу. Прибывших офицеров отправить в части армии, занимающие Донецкий бассейн. Лично мне отправиться в Юзово, в управление Екатеринославского губернатора Щетинина¹⁰⁶, ознакомиться с техникой губернаторских обязанностей. О данных мне инструкциях будет осведомлен генерал Май-Маевский — командир корпуса и главнокомандующий Юзовского района. Мне оставаться в непосредственном подчинении генерала Лукомского.

Полученное мной приказание было неясным. Я не понимал, какую работу мог вести Харьковский Центр в новых условиях и что мне надлежит делать в канцелярии Екатеринославского губернатора? Свое недоумение я высказываю генералу Лукомскому. Человек умный и большого служебного опыта он, конечно, дал бы мне полезные советы. Но в это время вошел в его кабинет генерал Кельчевский, который получал тогда назначение начальником штаба Донской армии. Увидев Кельчевского, генерал Лукомский, увы, не имел времени возиться со мной и, прощаясь, кратко посоветовал:

— Отправляйтесь в Юзово, а там будет видно!

Рассуждать не приходилось. Вспомнил, что и до назначения меня начальником Харьковского Центра указания генерала Алексеева сводились, в сущности, к такой же формуле: начинайте, а там будет видно. Поэтому, не задерживаясь, я выехал в Ростов. В Ростове прочитал траурное объявление:

+

Старейшие Дроздовцы с глубоким горем извещают о преждевременной кончине от ран, последовавшей в 22 ч. 35 мин. 1 января великого поклонника Русского дела, обожаемого и горячо любимого вождя своего

Генерала Михаила Гордеевича Дроздовского

Панихида состоится в старом соборе сегодня, 3 января, в 11 и 16 ч.

О времени и месте похорон будет объявлено особо.

¹⁰⁶ ЩЕТИНИН Сергей Сергеевич — екатеринославский губернатор (1919). Член Особого совещания при Главкоме ВСЮР, учредитель хозяйственно-технического союза освобожденных областей России, помощник управляющего Отделом торговли и промышленности.

М.Г. Дроздовского я знал давно. С его семьей меня связывали давние дружеские отношения. Помнил Мишу Дроздовского кадетом, юнкером, молодым, только что произведенным подпоручиком. В последних боях он был ранен в ногу и сравнительно легко, но рана загрязнилась, произошло заражение крови. При проезде через Ростов неделю тому назад я навещал Михаила Гордеевича. Ему тогда уже ампутировали ногу, и он был плох. Теперь вся армия оплакивала его неожиданную смерть. Я задержался в Ростове, чтобы присутствовать на панихиде, а затем выехал в Юзово.

По приезде на место побывал у С.С. Щетинина, который принял меня весьма холодно. В дальнейшем я узнал, что Щетинин считал меня тайным «реvizором» его деятельности. А так как я приехал из Екатеринодара, то фантазия рисовала ему, что Екатеринодар им недоволен, что меня, вероятно, прочтат на его место, и т.д., и т.п.

После Щетинина прошел к полковнику Кореневу, предварительно справившись, может ли он меня принять. Коренев ответил, что очень занят, и, видимо, избегал встречаться со мною.

Все же я побывал у него. Штаб располагался в поезде и Коренев принял меня как-то странно. Я искренне не понимал тогда причин его странного ко мне отношения и только из его слов, сказанных вскользь, что «пробирался в Харьков», я узнал о его поездке. Я не придавал особого значения его словам, а он не распространялся о подробностях поездки. Коренев нервничал, жаловался, что завален работой, и заявил, что будет рад, если его «уберут» с должности начальника штаба. Все это говорилось как-то сумбурно и для меня непонятно...

Вечером я был у генерала Май-Маевского. Тогда я не имел понятия о его слабости к вину. Свежий человек, я не знал многих закулисных подробностей добровольческого быта, с которыми познакомился только в дальнейшем.

Генерал Май-Маевский принял меня не менее холодно, чем С.С. Щетинин, и с места заявил:

— Губернатор доложил мне о Вашем прибытии. Вы мне здесь не нужны и можете отправляться в Екатеринодар или куда хотите.

После подобного приема мне оставалось только уйти, что я и сделал. Создалось нелепое и обидное для меня положение. Тем более, что я совершенно не понимал, в чем дело.

Снова отправился в Екатеринодар. В Ростове меня ожидало новое разочарование. Все харьковские офицеры в один голос докладывали о том скверном приеме, какой они встретили в добровольческих полках. Почтенных штаб-офицеров и капитанов назначали рядовыми под команду подпоручиков и поручиков. За редким исключением все наши офицеры

быстро почувствовали, что они попали не в родную им военную семью, объединенную прежними традициями, а в круг необъяснимого высокомерия и презрения.

Еще более удручающее впечатление произвел на меня случай с моим бывшим командиром полка генералом Энвальдом¹⁰⁷.

Георгиевский кавалер, начальник дивизии, человек пожилой и во всех отношениях почтенный, он не захотел оставаться в Харькове, где жила его семья. Его два сына были в Добровольческой Армии, причем у одного была ампутирована нога, как следствие ранения в бою с большевиками.

Пробираясь в Екатеринодар, генерал Энвальд был задержан в Донецком бассейне и, несмотря на свое заявление о том, кто он такой, был арестован. Арестован грубо и с унижительными подробностями. Только мое вмешательство освободило генерала Энвальда от дальнейших издевательств. Можно представить, с каким чувством он вспоминал свое знакомство с Добровольческой Армией!

Подобные примеры являлись проявлениями тех болезней, какими уже был заражен армейский организм и какие в дальнейшем принесли так много зла делу борьбы с большевиками.

Зародившаяся в дни величайшей смуты, среди хаоса анархии, Добровольческая Армия немедленно после своего возникновения должна была уйти вглубь кубанских степей. Во время своего первого похода она дала пример величайшей жертвенности и доблести.

В то время, когда горсточка русского народа начинала борьбу за освобождение Родины, тысячи других офицеров были рассеяны по русским пространствам и не могли в силу разнообразных причин принять участие в начавшейся борьбе.

Прежде всего, потому, что не знали о существовании Добровольческой Армии. Среди такого офицерства находилось множество уже доказавших во время Великой войны и жертвенность, и доблесть, во всяком случае, не меньше, чем добровольцы.

---

¹⁰⁷ ЭНВАЛЬД Евгений Васильевич (1862–1925) — генерал-майор. Командир 124-го пех. Воронежского полка (1904–1915), в котором служил Б.А. Штейфон. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командир бригады 42-й пехотной дивизии (1915–18.04.1917). Георгиевский кавалер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 21.05.1915; за отличие в 124-м пех. Воронежском полку). Командующий 28-й пех. дивизией (18.04.–25.08.1917). Участник Белого движения в составе Добровольческой Армии и ВСЮР. Состоял в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 13.03.1919). Командир Харьковской бригады Государственной стражи (с 27.06.1919). В эмиграции в Югославии. Умер в Суботице (Сербия) от паралича сердца на колокольне (звонил во время литургии).

Получив возможность попасть в Добровольческую Армию, они теперь шли бороться за Родину. Обладавшие зачастую большим боевым, служебным и жизненным опытом, они не претендовали на должности, более или менее соответствующих их прежнему служебному положению в Российской Армии. Они охотно шли в строй рядовыми, но они не мирились с тем пренебрежением, с каким их встретили в армии.

В силу причин, которые более подробно разобраны в моей книге «Кризис добровольчества», офицерский состав Добровольческой Армии разделся на две неравные части. Одна состояла из участников первых походов и почиталась обладательницей всех офицерских прав. Другая, представленная офицерами, поступившими уже после первых походов, не пользовалась, в сущности, никакими правами, кроме обязанности умирать за национальное дело.

Столь пагубная доктрина, поддерживаемая и проводимая, к сожалению, сверху, медленно, но неуклонно подрывала дисциплину, принижала офицерскую этику и способствовала уклонению от службы в строю.

В предыдущем изложении, вспоминая безвременную кончину генерала Дроздовского, я умышленно привел полностью текст траурного объявления. Это объявление, составленное людьми, глубоко скорбевшими о гибели своего вождя, очень характерно. О смерти своего начальника объявляли не просто Дроздовцы или не старшие начальники, представители частей, а только «старейшие» Дроздовцы. Таким образом, даже в печальных словах печального объявления ярко проявилась тенденция разделить офицеров — Дроздовцев. Я помню, сколько горечи вызвало это объявление...

Вернувшись в Екатеринодар, я доложил генералу Лукомскому о приеме, встреченном у генерала Май-Маевского. Я считал себя обиженным и просил уволить меня от должности начальника Центра.

В свою очередь, генерал Лукомский счел себя задетым своеволием генерала Май-Маевского. Мне был дан пакет «в собственные руки» Мая и приказание вернуться в Юзово. Возвращался я без всякого воодушевления, ибо понимал всю ненормальность своего положения.

Что писал генерал Лукомский генералу Май-Маевскому, я не знаю, но по-видимому в письме, которое я повез, было немало кислых слов.

По прочтении письма Май отнесся ко мне иначе: был более любезным и заявил, что я могу знакомиться со всеми делами губернаторской канцелярии и что соответствующие указания будут переданы Щетинину. Последний отнесся ко мне тоже иначе и изъявил готовность быть мне полезным.

Таким образом, казалось, что мое служебное самолюбие было полностью удовлетворено. Однако мои юзовские занятия представлялись мне не более как синекурой. Я не понимал их цели. После большой, разнообразной и кипучей деятельности в Харькове, по существу, бездельная жизнь в Юзово казалась мне пресною.

Работа в губернаторской канцелярии быть может и заинтересовала бы меня, если мною руководил бы опытный человек. Предоставленный собственным силам, я не знал, за что взяться, брал наугад «дела» и перелистывал их. Было скучно и пыльно, а главное тревожила мысль, что неужели генерал Лукомский действительно готовит в моем лице будущего губернатора? Подобная перспектива никак не прельщала меня, поэтому я скоро перестал посещать губернаторскую канцелярию и предпочел отдыхать и знакомиться с той новой для меня жизнью, которая создалась в обстановке добровольческих идей и настроений.

Эта новая жизнь, новый быт были, несомненно, любопытны. В причудливых сочетаниях перемешались в ней отголоски прошлого и новые — порожденные революцией.

В Юзове стоял штаб Самурского полка. Командир полка — полковник Ильин, молодой человек 25-27 лет был типичным представителем добровольческих взглядов того времени. Его ничто не смущало. Подобное качество было, конечно, очень ценным в условиях войны, но лишь в том случае, если оно формировалось здравым смыслом, распорядительностью, самообладанием и т.д. К сожалению, у Ильина, как и у многих ему подобных, основной чертой характера являлось легкомыслие. Впрочем, и невозможно было требовать уравновешенности и жизненного опыта от столь молодого человека.

Совершенно не подготовленный к ответственной и сложной должности командира полка, он был искренне уверен, что лучший способ командования это только «приказывать». Он и приказывал, нисколько не считаясь с тем, насколько выполнимы его приказания.

Между тем, тогда, в начале 1919 г. уже показывался большевистский фронт и обстановка в Донецком бассейне усложнялась с каждым днем. Ильин быстро измотал свой полк и был затем отчислен генералом Витковским, искренне недоумевая, за что он был отчислен?

В условиях войны на Кубани Ильин был, несомненно, лихим офицером. Однако в должности командира полка, да еще в период, когда менялись задачи и масштаб Гражданской войны, одной лихости было, увы, недостаточно. Нельзя было командовать полком как взводом или ротой.

Тут же, в Юзове я случайно встретился с бывшим начальником штаба Кавказского фронта Л.М. Болховитиным¹⁰⁸. Во время Великой войны я служил в штабе генерала Юденича и генерал Болховитинов являлся моим высшим начальником.

Однажды полковник Ильин прислал ко мне по делу унтер-офицера из команды связи. В этом унтер-офицере я немедленно узнал своего бывшего начальника штаба фронта. Оказалось, что в 1918 г. Болховитинов служил у большевиков, а затем, пробираясь на Кавказ к своей семье, перешел к добровольцам. Его судили, разжаловали в рядовые и зачислили в Самурский полк.

Гордый, самолюбивый, сильный волей, Болховитинов имел все возможности в любой день перебежать к большевикам, где после разжалования в Добровольческой Армии, вероятно, получил бы большой пост. Однако он предпочел служить рядовым в белой армии.

¹⁰⁸ **БОЛХОВИТИНОВ Леонид Митрофанович** (1871–1925) — генерал-лейтенант Генерального Штаба. Участник китайской кампании 1900–1901, Русско-японской войны 1904–1905. С 1911 сотрудник редакции «Военной энциклопедии». В Первую мировую войну занимал должности генерал-квартирмейстера штаба Кавказского военного округа (21.06.–02.10.1914), затем — штаба Кавказской армии (с 02.10.1914). С 31.01.1915 после сражения при Сарыкамыше — и.д. начальника штаба Кавказской армии. Генерал Юденич не включил Болховитинова в состав полевого штаба Кавказской армии, и тот оставался при штабе наместника на Кавказе князя Воронцова-Дашкова. В июне 1917 переведен на Западный фронт. Командующий 1-м армейским корпусом (с 15.06.1917). В 1918 принят в РККА, где, числясь при Высшем военном совете, находился при штабе Главкома Красной армии Северного Кавказа. В 08.1918 при занятии Екатеринодара частями Добровольческой Армии пробрался в город, где проживала его семья, и был арестован. Предан военно-полевому суду Добровольческой Армии, который приговорил его к смертной казни. Генерал Деникин заменил приговор суда разжалованием в рядовые, в качестве которого служил в частях Дроздовской дивизии около года. За отличия в боях был восстановлен в чине. В начале 1920 принял от Кубанского атамана ген. Букретова должность военного министра Кубанского правительства. Во время отступления Кубанской армии от Новороссийска к югу и сдачи части войск наступающей Красной армии у Сочи сумел переправиться на судах в Крым. В Русской Армии генерала Врангеля занимал должность инспектора классов Кубанского Алексеевского военного училища, с которым в 11.1920 покинул Крым и, после пребывания на о. Лемнос, прибыл в Тырново-Сеймен в Болгарии, где оставался инспектором классов Кубанского училища до 1924. Позже переехал в поселок Харманли, где покончил с собой. Похоронен на местном кладбище. Генерал Деникин считал, что причиной самоубийства Болховитинова стали статьи бывшего начальника Северо-Кавказского военно-революционного штаба Владимира Черного (орган Кубано-Черноморского обкома РКП «Путь Коммунизма» кн. 3, 1922), возглавлявшего подпольный Центр ЧК на Кубани, в которых он утверждал, что Болховитинов, находясь в рядах Добровольческой Армии, оставался агентом ЧК и исполнял «все наши поручения... точно и безоговорочно». Некоторые круги эмиграции восприняли эту версию как достоверно установленный факт.

Генерал
А.М. Болховитинов

Его служба у большевиков была, конечно, той трагической случайностью, какая в те годы определяла принадлежность многих тысяч прекрасных офицеров к Красной армии, хотя в душе они и ненавидели большевиков. У одних были семьи на севере, и они не могли бросить их на произвол судьбы. У других оказывалось только два выбора: или служба в красных рядах, или гибель в подвалах ЧК. Третьи искренне верили, что «большевики скоро падут», вера, которой жила тогда вся Россия.

Добровольческое командование сурово расправлялось с теми, кто служил у красных. Несомненно, что имелось известное эмоциональное оправдание для подобной жестокости. И Корнилов, и Деникин, и Марков, и множество других офицеров ехали в армию не в спальнях вагонах, а пробирались, рискуя жизнью на каждом шагу. Их семьи тоже рисковали и переживали всевозможные лишения. Однако соображения государственного порядка требовали иного подхода при анализе таких случаев, как случай с Болховитиновым. Приемы, какие встречали переходившие к белым офицеры, становились, конечно, известны красным и удерживали многих от перехода к нам.

В итоге умный, выдающийся во всех отношениях офицер Генерального Штаба А.М. Болховитинов служил в команде телефонистов...

В первые дни по приезде в Юзово меня пригласил к себе на рудник один из знакомых инженеров. У него в доме я встретил офицера-добровольца. Молодой, красивый кавказец в белой черкеске, богатое оружие, с

черной повязкой на глазу, поручик М. в недалеком будущем мой подчиненный, тогда в гостях он встретил меня явно пренебрежительно. И не потому что был недисциплинированным, нет, в его отношении ко мне проявилась добровольческая психология: основа российской воинской дисциплины — чин уже не имел значения. Признавалась только прямая подчиненность, поэтому для поручика М. я был ничто.

В тот же вечер за ужином я с любопытством прислушивался к разговору М. Чувствовалось, что борьбу с большевиками он искренне считает как «завоевание России». В дальнейшем я убедился, что столь упрощенное мировоззрение М. очень правдиво отражало настроения Добровольческой Армии. Все, что было за красной чертой — и население, и территория, воспринималось как «чужое». В подобном взгляде таилась, конечно, одна из роковых ошибок Белого Движения.

Спустя два месяца поручика М. судили военно-полевым судом за «незаконную реквизицию» или, проще говоря — за грабеж мирного населения. Суд был собран при штабе дивизии, в которой я был начальником штаба.

М. забирал у крестьян продовольствие и фураж для своей команды. Крестьяне пожаловались, и высшее начальство приказало предать М. суду. В суде заседали строевые офицеры.

Ныне, с полным беспристрастием можно сказать, что в армии создалось обо мне мнение, как о начальнике требовательном и суровом. Я никогда не колебался принять крайние меры воздействия к нарушителям дисциплины и к виновным в грабежах.

К поручику М. никаких нежных чувств не питал, но суд над ним воспринимал, как апофеоз существующих порядков. Выступив на суде, как начальник подсудимого, я просил суд выслушать меня при закрытых дверях:

— Поручик М. несомненно совершил грабеж и его по закону надлежит расстрелять. Однако моя служебная и человеческая совесть заставляет признать, что в данном деле виновен не подсудимый, а система снабжения, укрепившаяся в армии. Как начальник штаба, я знаю, какие интендантские отпуска получали вы, господа судьи, в качестве строевых начальников. В течение хотя бы последних двух месяцев нам почти ничего не отпускали. Все мы — начальники всех степеней принуждены были довольствоваться людей и лошадей за счет местного населения. Как правило, у нас не было и денежных отпусков, следовательно, при всем желании мы не могли платить.

Приложенные к делу приказы позволяли засвидетельствовать, что М. не получал от казны ни денег, ни продовольствия и фуража, но зато всякий

день он получал боевые задания и был обязан их выполнять. В точно таких условиях, как М., находитесь и вы, господа судьбы.

Гражданская война имеет свои суровые законы. Если поручик М. злоупотреблял реквизициями в свою пользу, его надо расстрелять. Если же он «грабил», чтобы содержать свою команду, тогда, осуждая его сегодня, завтра надо предать военно-полевому суду и вас, и меня, ибо мы тоже «грабители»...

Суд оправдал поручика М., но условия снабжения остались прежними!

Вообще говоря, добровольческое командование, выходя на «Московскую дорогу», то есть готовясь вести борьбу в общероссийском масштабе, имело похвальные намерения восстановить принципы права, грубо и в корне подорванного революцией. Возрождения России невозможно было достигнуть без возрождения законности. К сожалению, это прекрасное намерение проявилось лишь вначале. По мере уширения масштабов борьбы хаос и беззаконие усиливались все больше и больше.

К числу таких попыток относится дело инженеров и подрядчиков Донецкого бассейна, обвиненных — одних в том, что давали взятки, других в том, что их принимали.

Дело разбиралось в Юзово в январе 1919 г. в военно-полевом суде. Главный обвиняемый — молодой инженер Х., подражая, по-видимому, опытным в сих делах дельцам, вымогал деньги с удивительной примитивностью и цинизмом. Выдавая подрядчикам аванс и подписывая счета, он шевелил пальцами и кратко заявлял: «Гоните». Подрядчики, главным образом евреи, конечно, «гнали».

Столь сложное дело было трудно для военно-полевого суда, не обладавшего ни следственным аппаратом, ни судебским опытом. Однако суд, составленный из строевых офицеров, прекрасно разобрался в сути. Инженер Х. был приговорен к смертной казни (генерал Деникин помиловал его!), а подрядчики — взяткодатели к различным срокам арестантских отделений. Евреи-подрядчики утирали слезы и громко благодарили суд. Они, как и вообще обывательское мнение, были убеждены, что военно-полевые суды выносят только два решения — смертную казнь или оправдание.

Этот суд произвел большое впечатление на Юге России. Добровольческая Армия проявилась в этом процессе как власть твердая, ведущая борьбу не только с большевиками, но и с беззакониями.

Прекрасное начало, к сожалению, скоро увядшее! В дальнейшем мне уже не приходилось слышать о подобных процессах. Между тем, в Харьковский период Белой борьбы взяточничество и злоупотребления приняли характер подлинного бедствия...

ГЛАВА XV

Роль Донецкого периода в истории южно-белой борьбы. Военная и политическая идеология Добровольческой Армии. Причины, обусловившие такую идеологию. Революционное творчество.

В первой стадии южно-белой борьбы Донецкий период является чрезвычайно поучительным. Он дает богатейший материал для уразумения причин последующих неудач. В этот период уже выявляются черты той пагубной импровизации, которая в дальнейшем сводила на нет все достижения русского национального движения.

В условиях борьбы на Кубанском театре Добровольческая Армия являлась аппаратом исключительно военного значения, решавшим только местные задачи боевого характера. Крайне тяжелые условия, сопровождавшие утверждение и развитие добровольчества в связи с сознанием, что Добровольческая Армия на Кубани действует якобы на территории «чужой», где она «в гостях», предопределили своеобразную организацию военного аппарата.

Основным недочетом этого аппарата являлось отсутствие тыла. Малочисленная армия, скоротечность боевых действий и богатство края давали возможность армии иметь базу при себе и тем самым с главного командования снимались заботы по устройению военного тыла.

Вместе с сим, краевая конституция, как наследие Временного правительства, предоставляла решение всех вопросов гражданского управления компетенции Кубанской Рады и Кубанского правительства. Генерал Корнилов и генерал Деникин считали себя только главнокомандующими, правомочными лишь в стратегических областях начавшейся борьбы. И те конфликты, какие возникали с краевой властью, были, по существу, конфликтами, вызываемыми стремлениями охранить полноту военной власти Главнокомандующего. Уже сам титул «Главнокомандующий» содержал в себе вполне определенные понятия о компетенции власти руководителей Белого движения, с тою, однако, существенною оговоркою, что эта компетенция была значительно сужена по сравнению с Российским законоположением, определяющим права Главнокомандующего. И сужена в областях гражданского управления и военного хозяйства.

В условиях борьбы на Кубанском фронте подобное положение не вызывало видимых осложнений, ибо соответствовало совокупности обстановки того периода.

Осложнения, однако, немедленно появились, лишь только армия выдвинулась из пределов Кубанского края. Донецкий бассейн расцени-

Добровольческой арміи.

Вы идёте на дѣло спасенія Россіи — не смущайтесь, что многіе, потерявъ рассудокъ въ угарѣ нашихъ дней, не видѣаютъ величія вашего рѣшанія!

Когда надъ спасенной Россіей засіяетъ зари, когда благовѣсть торжества и ликования пройдетъ отъ далекаго сѣвера до юга, по разареннымъ городамъ и селамъ, какъ стыдно будетъ тому кто стоялъ на эти дни въ сторонѣ и не пожелалъ вамъ помочь!

Кто оправдаетъ его? И кто на будетъ презирать.

И. С.

Р. С. Приглашаю пять тысячъ рублей.
3 ноября, 1918 г.

Фондъ помощи чинамъ Добровольческой арміи.

За 5 ноября въ фондъ поступили слѣд. пожертвованія: отъ русской ма-
тери — 3 р. сребромъ. Ю. В. — 20 руб.,
В. М. М. — 50 р., Т. М. В. — 10 р., В. Г.
П. — 50 р. и М. Р. — 100 р.

Всего съ 31 октября поступило 2983 руб.

Кромѣ того поступило черезъ редакцію «Русской Жизни» отъ Русскаго — 5000 р. въ распоряженіе Добровольческой арміи генералу П. П. Забѣскому и отъ И. С. 5000 р. на нужды Добровольческой арміи.

Всего 10.000 руб., передаваемые по назначенію.

Отчет о пожертвованіяхъ в фонд помощи чинамъ Добровольческой Арміи.

Газета «Русская жизнь», 7 ноября 1918 г.

вался Главным командованием уже как неоспоримая часть российской территории, безоговорочно подчиненная командованию. Подобное положение налагало на генерала Деникина заботы по управлению занятой территорией.

Таким образом, к функции Главного командующего в специальном значении этого слова добавились обязанности по устройству и управлению оккупированным краем.

Вместе с тем, масштаб борьбы требовал, чтобы в лице руководителя борьбы, то есть Главного командующего, сосредотачивалась полнота не только власти военной и гражданской, но и государственной.

К тому же, новые требования войны вызывали и организационную перестройку собственно военного аппарата: армия уже испытывала нужду в организованном тыле и организованном снабжении.

При осуществлении всех этих реформ главное командование располагало достаточными возможностями, гарантирующими успех: территория была незначительной, население Юга России уже устало от анархии, а в районах, занятых белыми армиями (Добровольческой и Донской), имелся обширный контингент лиц, обладавших солидным и разнообразным административным опытом.

История, однако, свидетельствует, что главное командование не справилось с предъявленными ему задачами. Гражданское управление занятой областью не было осуществлено с должной продуманностью и системой. Не входя в подробности в разборе деятельности гражданских властей, надо признать, что ни в Донецком бассейне, ни в прилегающих ему уездах административной власти не чувствовалось. Не было даже достаточного числа лиц низшей администрации.

В итоге отсутствие административного надзора и полицейского воздействия и явилось одной из причин возникновения повстанческого движения, превратившегося в дальнейшем в махновщину. Предоставленная собственным силам деревня быстро подпала под власть анархических элементов.

Всякая революция характеризуется отрицанием принципов права. И если на смену нормального кодекса революция выдвигает «революционное право», то это не более, как демагогический прием, стремящийся оправдать бесправие.

Задачи Белого движения, конечно, не сводились только к вооруженной борьбе. Вооруженная борьба являлась лишь наиболее действенным и скорым средством уничтожения большевиков. И ей должны были сопутствовать меры, клонящиеся к изжитию революции вообще. И в перечне этих мер первенствующее место должно было принадлежать стремлению

восстановить право в его государственном понимании. Армия освобождала территорию от врага. Приводить в порядок освобожденные области должна была другая власть. И если эти функции не были разграничены, если главное командование не справилось со своими обязанностями, то объяснение этому надо искать, прежде всего, в причинах психологического характера.

При этом, как мне представляется, имелось, так сказать, два круга таковых причин — малый и большой. Малый круг зародился и выявился в первый период борьбы. Особые условия борьбы на Кубани сформировали совершенно четко и определенно мировоззрение Главного командования: армия это только аппарат боевого воздействия; поэтому функции Главкомандующего ограничены только вопросами боевого вождения. Подобную психологию и усвоили командование и армия. И усвоили настолько крепко, что на всем крестном пути Вооруженных Сил Юга России неукоснительно применялся неписанный закон кубанского периода: каждая войсковая часть автономна в областях своей внутренней жизни. Каждая часть комплектуется и снабжает себя собственным попечением.

Обязательным является только выполнение оперативных заданий, причем и в этом последнем случае действовал другой, не менее пагубный закон кубанского периода: импровизация. Добровольное начало, положенное лишь в основу зачисления в армию, под давлением многих уродливых факторов того времени постепенно выродилось в формулу столь же примитивную, как и вредную: я поступил в армию добровольно, а потому и воюю как хочу!

История всей революции неопровержимо доказывает, что принцип добровольчества жизнен и полезен только как «бродильное начало», как средство массового гипноза.

Среди всеобщего хаоса, при параличе национальной воли, при катастрофическом снижении всех моральных ценностей, нашлась группа жертвенных людей, мужественно заявивших, что борьба с красным злом и необходима и возможна. А когда их призыв всколыхнул массу, добровольчество должно было уступить место принципу принуждения.

Возродить государство, да еще столь потрясенное, как Россия, можно только методами государственного масштаба, то есть в порядке принуждения. Борьба белых армий за Родину таила в себе столько возвышенных эмоций, что не нуждалась в том, чтобы одевать ее в тогу романтизма в виде добровольчества.

Оставаясь верным усвоенному мировоззрению, главное командование, по занятии Донецкого бассейна, направило свою реформаторскую деятель-

ность главным образом в сторону оперативной организации, то есть в те области, где оно уже чувствовало себя наиболее сильным. Поэтому оборона Донецкого бассейна как боевое предприятие является образцом чрезвычайно поучительным, примером сочетания высокого искусства вождя и героической жертвенности войск.

Что касается деятельности командования по устройству тыла и по части снабжения, то эти вопросы были разрешены неудовлетворительно. Явно чувствовалось, что в Донецком бассейне управляет армией Главнокомандующий кубанского периода, и не только управляет, но и воспитывает войска в духе уже исторически отживших «кубанских идей». Такое управление и воспитание и привели по занятии Харькова к результатам хотя и трагическим для Белого дела, но логически вытекающим из предшествовавших заблуждений.

«Большой круг» включал итоги, положенные революцией. Осуждая деятельность Временного правительства и Керенского, главное командование, конечно, менее всего желая, шло по путям керенщины. Восстановление национальной России представлялось руководителям Добровольческой Армии только лишь в проспекте революционного творчества.

Все прошлое критиковалось вне зависимости от своей идейной и практической ценности. Разбирая такую деятельность южно-белого командования в областях гражданского управления, военно-административного, административного, кодификационного, оперативного, мы всюду встречаем следы новаторских тенденций. И вовсе не потому, что это вызывалось необходимостью. Главное командование чрезвычайно опасалось упреков в реставрационных симпатиях. Однако, несмотря на все желание избавиться от таких симпатий, они продолжали сохраняться в подсознании вождей. В итоге создавалась двойственность: старые идеи воплощались в новых, не соответствующих им формах, или новым идеям присваивалась уже неподходящая старая форма.

Еще до Великой войны А.И. Деникин принадлежал по своим взглядам к партии так называемых «младотурок», то есть либерально настроенным офицерам Генерального Штаба. И на должности главнокомандующего Добровольческой Армией генерал Деникин остался тем же либеральным интеллигентом, верящим в якобы творческую силу революции. Как и Керенский, А.И. Деникин доказал всей своей деятельностью, что он заблуждался в оценке истинной природы революции.

Во все времена и у всех народов революция знаменовала эпоху разрушения, эпоху переоценки идейных ценностей. И реформаторская деятельность Наполеона началась только после того, как он вывел из

революции сперва армию, а затем Францию. Настроенный, несомненно, патриотически, генерал Деникин не сумел выйти сам из революции и вывести из нее белую армию и Белое движение. Он предпочел применяться к революции, что и повело его по пути неудержимой импровизации.

ГЛАВА XVI

Мое назначение начальником штаба. Отношение генерала Май-Маевского. Его телеграмма генералу Лукомскому. Работа Центра. Возвращение в Харьков. Гибель офицеров. Приезд генерала Деникина в Харьков. Обед в Коммерческом саду. Речь, посвященная Харьковскому Центру.

Мои занятия в канцелярии С.С. Щетинина прекратились ввиду полного отсутствия к ним интереса. В это время я ближе познакомился с генералом Витковским.

Заняв Донецкий бассейн небольшими частями, главное командование по мере возможности перебрасывало туда же новые и новые части. В связи с новой перегруппировкой возникла необходимость и в новой организации. В начале 1919 г. донецкие войска образовали 2-й корпус, командиром коего был назначен генерал Май-Маевский. На формирование своего штаба Май взял свой бывший штаб 3-й дивизии, за исключением полковника Коренева, отчисленного от должности. Начальником 3-й пехотной дивизии был назначен генерал Витковский.

Еще ожидая это назначение, он дал мне понять, что хотел бы меня видеть начальником штаба дивизии. Я охотно дал свое согласие и просил генерала Лукомского не возражать против моего назначения. Генерал Лукомский согласился, но с условием, чтобы я совмещал деятельность начальника штаба и начальника Центра.

Когда я по случаю назначения начальником штаба представлялся генералу Май-Маевскому, я нашел у него совсем иной прием...

— Почему Вы раньше не доложили мне, что желаете быть начальником штаба? Я думал, что у Вас иные планы. Теперь я убедился, что был к Вам несправедлив. Но меня ввели в заблуждение неверные доклады. Очень рад видеть Вас у себя в корпусе.

И действительно, за все время моей службы под начальством генерала Май-Маевского он относился ко мне с большой доброжелательностью. Не

раз давал мне серьезные боевые поручения. Когда Май был назначен командующим армией, мне неожиданно для меня подали телеграмму.

Екатеринодар. Генералу Лукомскому.

Копия полковнику Штейфону.

Покидая корпус, считаю долгом совести сообщить Вам, что полковник Штейфон за службу его в штабе 3-й дивизии исполнял свою должность с высокой добросовестностью и отличным знанием дела, являя собой во всех отношениях вполне безупречного и образцового офицера Генштаба. 9-VI Иловайская № 02149 Май-Маевский.

К этому времени я уже давно и искренне позабыл мои первые встречи с генералом Май-Маевским. Но его совесть, по-видимому, тревожила былая несправедливость. И среди напряженной работы, после несчастливых мученических переживаний обороны Донецкого бассейна он все же вспомнил эти встречи и красиво их перечеркнул.

Мое военное мировоззрение сформировалось в условиях жизнедеятельности Императорской Армии. Я имел исключительное военное счастье служить долгое время в непосредственной близости к такому яркому таланту, как генерал Юденич. В 1917 г. я наблюдал роковые последствия «реформ» Керенского и Гучкова, стремившихся с упорством невежд опорочить тысячелетние военные истины. В прошлом у меня был опыт Японской войны. Таким образом, я знакомился с еще неведомым мне новым военным организмом — Добровольческой Армией, имея вполне зрелое военное мировоззрение, пронизанное высшим военным образованием. То есть, при наличии данных, позволявших мне воспринимать новые впечатления не только по видимости, но и разбираться в их внутренней сущности. И я жадно набирался новыми впечатлениями.

Многомесячная, чрезвычайно тяжелая оборона Донецкого бассейна была одним из мученических периодов южно-белой борьбы. В такой обстановке естественно, что все мое внимание и время поглощали обязанности начальника штаба. Руководство Центром сводилось к периодическим директивам, даваемым мной моим помощникам — Ткачеву, Смелницкому и Тарасевичу. На их обязанностях лежало поддержание связи с Харьковом, куда посылались надежные люди. В общем, центровая работа как таковая уже не могла вестись в прежнем масштабе и сводилась к выполнению отдельных заданий штаба Главкомандующего.

Судьбе было угодно, чтобы спустя 7 месяцев после оставления Харькова мне пришлось быть ближайшим руководителем операции по овладению этим городом.

Белозерский пехотный полк с командиром Б.А. Штейфоном на параде в освобожденном Харькове, июнь 1919. ГАРФ

К ночи 11 июня Харьков был занят добровольческими частями. Штаб дивизии находился в харьковском пригороде — на Основе. Всю ночь невидимые стрелки обстреливали наш поезд. Рано утром красные партизаны произвели покушение на штабной поезд: выпустили против нас бешено мчавшийся паровоз...

Чины Центра были при мне. Один из них, энергичный, неутомимый работник Центра, поручик Б.¹⁰⁹, член Земской управы, испросил у меня разрешения взять паровоз и проехать с другим офицером в Харьков. Б. не терпелось увидеть свою семью. Было около 4 часов утра. Повсюду начиналась жизнь, сновали люди. Я дал разрешение, велел взять с собою винтовки и вернуться в штаб к 9 часам утра.

Прошло 9 часов, 10 часов, а Б. не было. Встревоженный его отсутствием, я выслал разведку по пути их следования. Не более, как в версте от штаба нашли стоявший на пути паровоз. Из раскаленной паровозной топки торчали ноги несчастного Б. Его спутника нашли застреленным в 20 шагах от паровоза...

¹⁰⁹ Имеется в виду поручик **БАБИН Михаил Семенович**, состоявший в Центре полковника Штейфона с 1 июля 1918 (утвержден 2 февраля 1919). Начальник и штаб Харьковского Главного Центра Добровольческой Армии поместили объявление о мученической смерти поручика Бабина в харьковской газете «Новая Россия» от 15/28 июня 1919.

Скоро по занятии Харькова туда прибыл генерал Деникин. После парада и приема делегаций город предложил Главнокомандующему обед в саду Коммерческого клуба, столь памятного мне по тайным заседаниям Центра.

После ряда ликующих речей, обращенных к генералу Деникину, встал бывший член Государственной Думы Линтварев:

— Много ужасов, много кровавых эксцессов пережил Юг России. И если все его население изнывало под тяжестью большевистского ига, то на долю наших многострадальных офицеров выпало особенно много страданий. Сегодня, когда мы переживаем светлую радость, принимая у себя белого паладина генерала Деникина, я хочу напомнить, что среди других южных городов Харьков является счастливым исключением. Он не переживал того террора, направленного против офицеров, какой переживали Киев, Одесса, Севастополь... Сотни жизней харьковского офицерства были спасены благородными усилиями того, кто, имея все к этому возможности, не соблазнился играть шумную роль, а скрывая в тени свое имя, мужественно и скромно выполнял свой долг, добровольно на себя им возложенный. Оберегая офицеров, он тем самым оберегал и жителей Харькова от многих кровавых насилий.

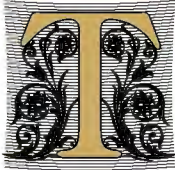
Только сейчас я узнал, что среди нас присутствует бывший начальник Харьковского Главного Центра. Он молчит и не вспоминает о своей героической работе. Теперь я не нарушу служебной тайны, если высказывая ему и его сотрудникам наше глубокое уважение, подниму бокал в честь начальника Харьковского Центра полковника Штейфона.

Б. Штейфон

Boris A. Shteifon.

HEADQUARTERS OF THE VOLUNTEER ARMY IN KHARKOV. 1918

he memoirs, published in this issue, along with the preceding article, cover an important chapter in the life of Boris Shteifon, an officer of the Russian Imperial and White Volunteer Armies, later promoted to the rank of Major-General. These memoirs give a detailed account of Boris Shteifon's participation in the Russian Civil War on its "Ukrainian front". Most notably, these leave a first-hand account of the creation and coordination of the Kharkov Center of the Volunteer Army, which was responsible for intelligence and the recruitment of officers for the White Movement. The memoirs highlight all of the main activities of the Kharkov Center, as well as the life of the city in 1918-1919: the German occupation, the city's life during under the Ukrainian Directory forces, as well as the triumphant entry of the Volunteer Army into the city, in the summer of 1919. The preceding article by Grigori N. Lansky analyzes Shteifon's biography, various life stages, as well as his ideological views. It also evaluates the significance of these memoirs in comparison with other sources on the history of the White Movement in the Ukraine.

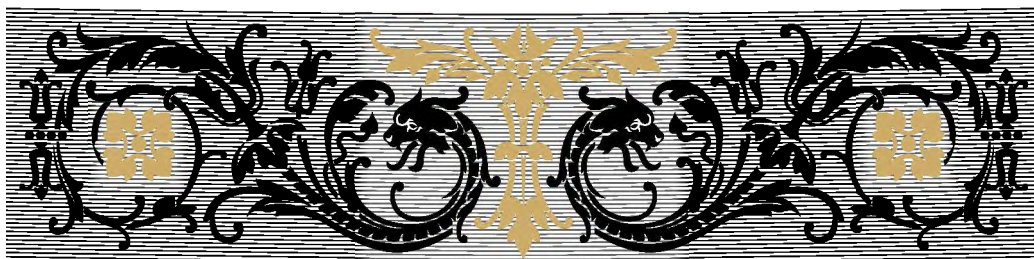
Preparation of the text and comments by

Artyom V. Levchenko — Editor-in-Chief of the Internet Portal «Orthodoxy and the World» (PRVAMIR)

Подготовка текста и комментарии:

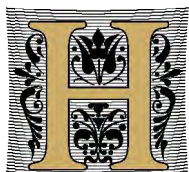
 Левченко Артем Владимирович

шеф-редактор интернетиздания «Православие и мир»

В.В. Хугарев-Гарнишевский
И.Е. Путятин

ОТРЕЧЕНИЕ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ПУТЯТИНОЙ

Наверное, ни одно событие истории России первой половины XX в. не окутано таким количеством тайн и мифов, как Февральская революция. Она не только поставила точку в истории Российской империи, но и открыла дверь невиданной социальной революции, приведшей в итоге к власти

партию радикальных социал-демократов большевиков; изменила ход отечественной и без преувеличения мировой истории. Казалось бы, события 23 февраля — 3 марта 1917 г. изучены по часам, если не по минутам. Но, несмотря на значительность опубликованной и архивной базы источников, до сих пор трактовки причин и хода революции разделяют историческое сообщество на сторонников теории модернизации, ортодоксальных марксистов и конспирологов различного толка. В этом ключе значение имеет проблема подлинности ряда документов и достоверности сохранившихся воспоминаний участников.

В проблемном фокусе большинства исследований лежат непосредственно революционные события в Петрограде и отречение императора Николая II. Отказу же от принятия престола великим князем Михаилом Александровичем уделяется незаслуженно мало внимания, хотя манифест Михаила имеет не меньшее значение для русской истории. Именно он ле-

гитимировал Временное правительство и будущее Учредительное собрание, именно он фактически стал последним юридическим актом российской монархии. Первым подробно изучил обстоятельства отречения эмигрантский историк Сергей Мельгунов, который в своей книге «Мартовские дни» посвятил несостоявшемуся императору целую главу — «Михаил II»¹. Автор скрупулезно сравнивает все сохранившиеся воспоминания, выстраивая из них некую единую картину произошедшего. Эта работа оказала влияние на всю последующую историографию. Мельгуновскую трактовку событий принял другой эмигрантский историк Георгий Катков. Признавая разночтения между различными воспоминаниями, он все же считает главным инициатором отречения Михаила именно председателя Государственной думы М.В. Родзянко². Эта точка зрения прочно укрепилась и в советской историографии. Согласно же публикуемым нами воспоминаниям роль Родзянко получается двойственной. Все революционные дни, включая и 3 марта 1917 г., он уговаривал великого князя принять престол. Таким образом, хитрый председатель Думы пытался гарантировать себе политическое будущее при любом развитии событий. В случае отказа Михаила от престола он становился тем политиком, который задержал присягу войск несостоявшемуся императору. Однако если бы великий князь согласился, то Родзянко в его глазах был бы тем самым представителем революционного парламента, который сохранил верность династии Романовых.

Единственными иностранными историками, которые всерьез отнеслись к воспоминаниям О. Путятиной, были Розмари и Дональд Кроуфорд. Они используют их в своей книге для воссоздания обстоятельств и психологического состояния великого князя³. Однако полного текста мемуаров авторы не приводят, ограничиваясь ссылками на отдельные пассажи.

Среди современных российских историков в первую очередь следует отметить Владимира Хрусталёва, опубликовавшего в 2008 г. объемную биографию Михаила Александровича⁴. Он полагает, что сами переговоры с ним руководителей Временного комитета Думы изначально были «фарсом». Историк приходит к этому выводу, базируясь на опубликованном им отрывке из журнала № 1 заседания еще самопровозглашенного Временного правительства от 2 марта, в котором думцы согласились с мнением Пе-

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2016. С. 280—310.

² Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006. С. 427—433.

³ Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд; [пер. с англ. А. Микоян]. М.: Захаров, 2008. С. 439—441.

⁴ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 378—403.

троградского совета о необходимости выдворения Николая II и Михаила из столицы и фактического заключения под домашний арест вместе с семьей⁵. Однако до конца не ясно, являлся ли этот отрывок частью подлинного журнала заседания или лишь его проектом. Приводя различные свидетельства отречения, как со стороны прямых участников совещания, так и от людей, знавших подробности со слов непосредственных свидетелей, Хрусталёв не сравнивает эти сильно разнящиеся между собой данные.

Разрешить противоречия могли бы хранящиеся в Государственном архиве РФ дневники Михаила, однако они лишь запутывают ситуацию. В 2012 г. Хрусталёвым были опубликованы дневники великого князя за 1915–1918 гг., в которых в том числе подробно описаны передвижения и встречи Михаила за 23 февраля — 2 марта 1917 г. Запись же за 3 марта очень немногословна: «В 6 ч. утра мы были разбужены телефон звонком. Новый мин юст Керенский мне передал, что Совет Мин в полном его составе придет ко мне через час. На самом деле они приехали только в 9½»⁶. Далее запись заканчивается. Учитывая пунктуальность в дневниковых записях, свойственную Михаилу, сложно поверить, что о ключевом моменте своей жизни он почти ничего не написал. Важная археографическая деталь состоит в том, что если сохранившиеся дневники великого князя за более ранний период (1882, 1892–1903 и 1915 гг.) написаны им от руки, то дневники с 1 января 1916 г. по 6 марта 1918 г. напечатаны на печатной машинке, не дающей возможности подтвердить авторство Михаила.

Публикатор объясняет это тем, что автор пользовался портативной печатной машинкой⁷, однако такая оценка просто не выдерживает критики. Учитывая активность великого князя в годы войны и частые разъезды по стране, постоянная транспортировка тяжелой и громоздкой печатной машинки для того, чтобы в конце дня написать от 5 до 10 предложений, представляется маловероятной. К тому же, как известно, первые портативные печатные машинки в мире появились лишь в 1920-е гг. Сравнение архивного экземпляра рукописного дневника за 1915 г., написанного в памятной книжке (ежедневнике), с машинописными дневниками за 1916–1917 гг. дает следующие результаты: несмотря на стилистическое сходство, говорящее в пользу авторства Михаила, имеются серьезные различия. В печатном дневнике можно встретить неоднократные граммати-

⁵ Там же. С. 384.

⁶ Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915–1918 / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталёв. М.: ПРОЗАиК, 2012. С. 398.

⁷ Там же. С. 10.

Княгиня Ольга Павловна Путятина в бальном наряде во время празднования 300-летия Дома Романовых. 1913 г.

ческие ошибки, например, в записи за 27 февраля 1917 г., описывая свой приезд в квартиру княгини Ольги Путятиной на Миллионной улице, автор дневника не может решить, как же правильно написать название улицы, сначала он печатает «Мильонную», а потом переправляет на «Миліонную», также и со словом «батальон», когда «батальонъ» переправлен на «баталіонъ», «морсаго» переправлено на «морского»⁸. Встречаются и откровенные ошибки, например, в имени командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С.С. Хабалова, которого автор дневника неоднократно упорно называет Хобаловым. Начиная запись о событиях 1 марта, сначала автор пишет 29 ф[евраля], зачеркивает и пишет 1 марта. Вряд ли можно заподозрить великого князя в безграмотности или незнании числа и месяца...

Хочется отметить и наличие сделанных от руки приписок к печатным записям, почерк которых значительно расходится с почерком в дневнике за 1915 г. Одна из таких важных приписок касается событий 1 марта: «Веч. пришел Н.М.»⁹. Как известно из подлинного письма Михаила жене графине Н.С. Брасовой от 1 марта, он лишь подписал общий манифест с великими князьями Павлом Александровичем и Кириллом Владимировичем, направленный на сохранение монархии брата, про Николая Михайловича

⁸ ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 58 об., 59.

⁹ Там же. Л. 59 об.

в письме нет ни слова¹⁰. Из воспоминаний княгини Путятиной следует, что великий князь Николай Михайлович навестил Михаила с целью переговоров лишь 2 марта, согласно дневнику он приходил вечером 1-го и днем 2 марта. Это важная деталь, так как находившийся в контакте с лидерами Государственной думы Николай Михайлович еще 2 марта узнал об отречении Николая II и приходил к Михаилу Александровичу с недвусмысленным вопросом, куда он первым отправится в статусе императора, т.е. на какие политические силы сделает ставку. Согласно публикуемым воспоминаниям Ольги Путятиной, именно тогда Михаил заявил Николаю Михайловичу о своем намерении собрать Временное правительство в доме на Миллионной улице. Разговор на подобную тему со стороны «русского Филиппа Эгалитэ», как иронично называли Николая Михайловича, накануне отречения мог быть расценен как переход Михаила на сторону революции.

Таким образом, по совокупности признаков мы можем предположить, что дневник великого князя Михаила Александровича за 1916–1918 гг. не является оригинальным документом, а лишь позднейшей перепечаткой, преследовавшей некоторые политические цели. Очевидно, что, обрезав запись за 3 марта 1917 г., копировщик дневников явно не хотел представлять публике истинное восприятие Михаилом отречения и правдивое описание обстоятельств, при которых оно произошло. Сделанные дописки могли иметь провокационный характер. Дневниковые записи великого князя за конец февраля — начало марта 1917 г. не могут, увы, рассматриваться как заслуживающий доверия исторический источник. Приходится констатировать, что все основные мемуарные свидетельства о переговорах Михаила Александровича с лидерами Временного комитета Государственной думы исходят исключительно со стороны самих революционеров-«февралистов» и представителей думской оппозиции (А.И. Гучкова, А.Ф. Керенского, П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, Б.Э. Нольде, М.В. Родзянко). Воспоминания же и дневники нейтральных (Мориса Палеолога) или монархически настроенных мемуаристов (великого князя Андрея Владимировича, Л.Н. Воронцовой-Дашковой, Б.В. Никитина и других) сделаны со слов третьих лиц, лично присутствовавших при переговорах и в момент отречения или также пользовавшихся уже вторичными рассказами.

Мы впервые на русском языке публикуем воспоминания человека, неотступно находившегося с великим князем Михаилом Александровичем с 5 часов утра 28 февраля до дня 5 марта 1917 г. — княгини Ольги Павловны Путятиной, близкой подруги великого князя и хозяйки квартиры на третьем этаже в доме на Миллионной улице, 12, где он провел революционные

¹⁰ Дневник и переписка... С. 499.

дни и подписал отречение. Ольга Павловна в тот момент находилась дома и, как хозяйка, принимала у себя великого князя и его секретаря, отчего ее свидетельство приобретает особый интерес и важное значение. Очевидно, понимая, что происходят эпохальные для российской и мировой истории события, Ольга Павловна вскоре очень подробно записала все, что видела и слышала в те роковые дни. Она даже сохранила ручку, которой великий князь написал и подписал исторический документ (фото приводится в публикации). Сохранились слова княгини Ольги Павловны о событиях 3(16) марта 1917 г.: «Тот день навсегда отпечатался в моей памяти глубокой скорбью. Это день самых грустных воспоминаний, когда все, что было дорого, разбилось, не оставив даже веры в лучшее».

Фактически эти мемуары являются единственным свидетельством участника событий, дружественного Михаилу Александровичу. Автор мемуаров пишет, что она лично не присутствовала в зале, где 3 марта велись переговоры, и ей все пересказал великий князь после отъезда членов Временного правительства. Что при этом не мешало ей, к примеру, слышать происходящий разговор через дверь. Ряд оговорок в тексте позволяет предполагать, что княгиня Путятинна имела возможность не только слышать, но и тайно наблюдать этот исторический момент. Так, например, Михаил просто не мог сказать про себя таких слов: «великий князь встал и с большим спокойствием и достоинством сказал» или «великий князь остановился и посмотрел на него с удивлением... затем, немного склонив голову, он покинул гостиную». Очевидно, хозяйка квартиры имела возможность тайно наблюдать за происходящим, но не считала себя вправе публиковать воспоминания «сквозь замочную скважину». Ольга Путятинна сохранила и увезла в эмиграцию ручку великого князя, которой был подписан акт отказа от принятия престола. Сохранившуюся фотографию этой ручки мы приводим в качестве иллюстрации к публикации.

Впервые краткое воспоминание об отречении великого князя Михаила Александровича было опубликовано княгиней Ольгой Павловной Путятинной в газете *Le Gaulois* в октябре 1923 г.¹¹ Однако наиболее полная их версия была опубликована в следующем месяце в уважаемом парижском журнале *Revue des deux mondes*¹². Публикация была разделена на две части:

¹¹ *Poutiatine Olga*. L'abdication du Grand-Duc Michel // *Le Gaulois*, num. 31 octobre 1923, mercredi. Paris. P. 1.

¹² *Poutiatine Olga*. Les derniers jours du Grand-Duc Michel Alexandrovich 1917–1918. I. L'Abdication // *Revue des deux mondes*. Vol. XVIII, num. 1er novembre 1923. Paris. P. 56–78; *Poutiatine Olga*. Les derniers jours du Grand-Duc Michel Alexandrovich 1917–1918. II. La mystérieuse disparition // *Revue des deux mondes*. Vol. XVIII, num. 15 novembre 1923. Paris. P. 290–310.

Отречение и Таинственное исчезновение, опубликованные в номерах журнала за 1 и 15 ноября 1923 г., соответственно. Мемуары княгини Путятиной были физически недоступны советским историкам, так как 18-й том журнала не поступил в отечественные библиотеки. Единственным историком, вскользь упомянувшим первую часть воспоминаний Путятиной, был С.П. Мельгунов. Однако учитывая их существенные противоречия с большей частью воспоминаний «февралистов» об отречении Михаила, он посчитал их сомнительными¹³, отказавшись от подробного анализа. Вторую часть, посвященную судьбе великого князя после отречения и до его похищения из гостиницы «Королевские номера» в Перми 13 июня 1918 г., историк не рассматривал вообще. Между тем воспоминания эти являются наиболее подробными из всех исторических источников, описывающих действия Михаила в революционные дни, а также содержат крайне любопытные сведения о предполагаемом последнем дне жизни, по сути единственное описание похищения, написанное не большевиками.

Во французской же прессе публикация Путятиной получила широкое распространение и живой отклик. Через два дня после выхода второй части воспоминаний 17 ноября 1923 г. вышла заметка в известной газете *Le Temps* с тезисным изложением их содержания¹⁴. В январском номере парижского журнала *La revue hebdomadaire* также была опубликована статья, где давалась высокая оценка исторической ценности воспоминаний¹⁵. В январе 1926 г. выходит также первое издание воспоминаний Ольги Путятиной на английском языке под названием «Последние дни великого князя Михаила», которое даже было включено авторитетным французским «Обществом истории Войны» в обзор библиографии по истории Первой мировой войны и русской революции¹⁶.

Хочется подчеркнуть немаловажную деталь, что французскую прессу и научное сообщество интересовала отнюдь не та часть мемуаров Путятиной, которая самым подробным образом описывает отказ Михаила принять престол, а описание его таинственного исчезновения, которое французскими журналистами трактовалось исключительно в пользу версии о гибели великого князя. Безусловно, этот вопрос мог быть связан с проблемой наследования русского престола. Ведь до признания Михаила Александрови-

¹³ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 288.

¹⁴ *Le Temps* № 22746, samedi 17 novembre 1923. P. 2.

¹⁵ *La revue hebdomadaire et son supplément illustré*. Num. 1, 5 janvier 1924. Paris. P. 115–116.

¹⁶ *Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale*. Publications de la «Société de l'Histoire de la Guerre». Num. 1, janvier 1926. Paris. P. 180.

ча умершим он *de jure* считался императором. Именно в 1923 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна отказывается во встрече колчаковскому следователю Н.А. Соколову, придерживавшемуся точки зрения о том, что Михаил Александрович был не спасен, а именно похищен и убит вместе со своим секретарем Н.Н. Жонсоном. Ведший расследование «по горячим следам» по распоряжению Комуча следователь И.А. Сергеев, наоборот, склонялся к версии о бегстве великого князя¹⁷. Именно после признания через суд Михаила умершим его кузен и следующий в порядке престолонаследия великий князь Кирилл Владимирович в 1924 г. объявил себя императором в изгнании. Однако династический вопрос оставался до конца не разрешенным, пока был жив единственный внебрачный сын Михаила Александровича и его морганатической супруги — Георгий Михайлович Брасов. Получалось, что условно во Франции жил один гипотетический наследник русского престола — Георгий, а в Германии другой — Кирилл. Гибель Брасова в автомобильной аварии 21 июля 1931 г., произошедшей за два дня до 21-го дня рождения, т.е. накануне династического совершеннолетия, разрешила эту проблему. С тех пор интерес прессы и историков к мемуарам Путятиной сошел на нет.

До сих пор в российской историографии нет единого мнения о судьбе великого князя и его останков. Официальная точка зрения, которую разделяют большинство историков (В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова и др.), заключается в том, что великий князь был похищен и убит, однако некоторые исследователи (А.Н. Каменский) полагают, что похищение, замаскированное под бегство, на самом деле было бегством. Публикатор дневников великого князя Хрусталёв также находит необъяснимым, что 12 июня 1918 г. накануне своего похищения великий князь не сделал ни одной записи в дневнике, в то время как ранее не был очень аккуратен в его ведении. Можно предположить, что при перепечатке дневника неизвестным лицом эта запись не была перепечатана из-за ее содержания, равно исчезло описание дня отречения 3 марта 1917 г. Последние исследования пермских архивистов выявили значительный массив воспоминаний чекистов и местных коммунистов об убийстве Михаила Александровича¹⁸, однако большинство из них являются косвенными источниками, свидетельства же прямых участников расстрела и захоронения тел немногословны и значительно противоречат друг другу.

¹⁷ Каменский А.Н. Император Михаил II. От Петербурга до Харбина. Пермь; М., 2005. С. 23.

¹⁸ Неганов С.В., Папулов И.В. Документы Пермского госархива социально-политической истории о пребывании в Перми и гибели великого князя Михаила Александровича // Отечественные архивы. 2018. № 3. С. 64–72.

В 1982 г. за несколько лет до смерти дочь Ольги Путятиной — Наталья Павловна Путятина, проживавшая на Мальте в Ла Валетте, выпустила в издательстве Gulf Publishing Ltd. свои собственные воспоминания «Княгиня Ольга. Моя мать» на английском языке¹⁹. Значительная часть тома представляет собой «книгу в книге», где в виде отдельной главы приведен текст записок Ольги Павловны о событиях в квартире князей Путятиных на Миллионной, происходивших в начале марта 1917 г.²⁰ При сравнении франкоязычной публикации 1923 г. и англоязычной версии 1982 г. становится очевидно, что они практически идентичны, за исключением описания похищения великого князя, отсутствующего в издании 1982 г. Вероятно, оригинальный текст мемуаров был написан на русском языке. Воспоминания, касающиеся отречения от престола, более полно изложены в английской версии, которую мы публикуем в переводе И.Е. Путятина. Из воспоминаний о жизни великого князя, графини Брасовой и самой мемуаристки в 1917–1918 гг. мы приводим лишь отрывок, описывающий похищение Михаила Александровича, воспроизводя его по французскому изданию в переводе В.В. Хутарева-Гарнишевского.

В предисловии хотелось бы отметить некоторые принципиально важные расхождения свидетельств Путятиной и принятой в историографии версии событий отречения Михаила Александровича. Выше было уже сказано о двойственной роли Родзянко, который, по словам мемуаристки, активным образом стоял на монархической позиции, убеждая Михаила принять престол. Также распространенным утверждением является то, что великий князь, якобы будучи человеком нерешительным, перед принятием решения уединился с М.В. Родзянко и князем Г.Е. Львовым. Считается, что в ходе этого разговора тет-а-тет председатель Думы заявил великому князю, что не может гарантировать ему жизнь и безопасность в случае принятия престола. Однако Путятина однозначно утверждает: решение великий князь принимал сам, удалившись в другую комнату в одиночестве. В свете конспирологических теорий представляет интерес упоминание того, что предъявленный Михаилу манифест об отречении Николая II был подписан рукой императора.

¹⁹ *Nathalie Poutiatine. Princess Olga. My Mother. Valetta, 1982.*

²⁰ *Ibid.* P. 119–152.

Мать и дочь Путятины — среди хранителей памяти Российской империи

Небольшая книга воспоминаний княжны Натальи Павловны Путятиной (в замужестве Табоне, 29 декабря 1903/12 января 1904, Санкт-Петербург — 21 января 1984, Мальта) оказалась у нас в руках благодаря любознательности, настойчивости и отзывчивости Марии Львовны Афицинской-Львовой — моего лондонского друга и соавтора²¹, потомка архитектора Екатерининской эпохи Николая Александровича Львова и обер-прокурора Св. Синода времен крушения Российской империи — Владимира Николаевича Львова, который участвовал в событиях, здесь описанных.

Ольга Павловна Путятина (урожденная Зеленая, 26 ноября 1877, Одесса — 15 апреля 1967, Мальта) родилась в Одессе. Ее отец Павел Алексеевич Зеленой состоял в чине генерал-адмирала русского флота, а мать Наталья Михайловна (урожденная Голь Верховская) была известной красавицей своего времени и славилась добротой и прекрасным характером. Павел Зеленой был также губернатором Таганрога и Одессы, а кроме того, членом Опекунского совета институтов Ее Высочайшего Величества императрицы Марии Федоровны. Отдыхая в поместье князей Путятиных Высокое в Новгородской губернии близ Бологого, Ольга Павловна и ее сестра Екатерина познакомились с сыновьями хозяина — известного археолога Павла Арсеньевича Путятина — Павлом и Михаилом. Старший Михаил сделал предложение старшей сестре Екатерине Зеленой, а Павел отдал свое сердце Ольге.

У Ольги был выдающийся музыкальный талант. В Петербурге перед замужеством она брала уроки пения у лучшего учителя-итальянца. Ей часто говорили, что если бы она не имела аристократического происхождения, то могла бы стать великолепной оперной певицей, равной знаменитостям своего времени. Она любила арии Чайковского и романтические песни Шуберта²². Едва ли не каждый день Ольга Павловна упражнялась в пении, сама себе аккомпанируя на рояле.

После женитьбы Михаила Павловича Путятина на Екатерине Павловне Зеленой требовалось особое разрешение императора на брак между

²¹ Путятин И.Е., Афицинская-Львова М.А. Жизнь и творчество Николая Александровича Львова (1753–1803) в европейском художественном контексте: русско-английские параллели // Сборник статей по материалам Первой Международной научной конференции «Русское наследие в современном мире»... Лондон; СПб., 2016. 247 с. С. 93–104; Путятин И.Е., Афицинская-Львова М.А. Архиепископ Нафанаил (Львов) // Вторая Международная научная конференция «Русское наследие в современном мире»... Лондон, 2017. С. 107–137.

²² *Nathalie Poutiatine...* P. 71.

младшим братом и сестрой Екатерины. Оно было получено, но с условием устроить свадьбу младшей пары без широкой огласки. Поэтому все отправились «подалее от дома» в Москву, и здесь в одной из кремлевских церквей состоялось венчание, которое совершил протоиерей Иоанн Кронштадтский, специально приехавший, чтобы выдать замуж Ольгу Павловну, которую исцелил в детстве. В церемонии участвовали и представители императорской семьи. Наталья Павловна упоминает великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей. Шаферами во время венчания были Михаил Павлович Путятин и барон Карл Маннергейм, с которым близко дружил Павел Павлович.

Князь Павел Павлович Путятин (17/29 июня 1872, усадьба Высокое Тверской губернии — 18 сентября 1943, Париж) был сыном известного археолога, художника, основателя археологического музея и покровителя Н.К. Рериха Павла Арсеньевича Путьятина. Высокая культура и духовные основы семьи были привиты всем детям князя Павла Арсеньевича. Вот фрагмент из письма Павла Павловича отцу: «Я спросил, успею ли я съездить и отслужить панихиду по бабушке в [Казанский] Монастырь²³, и мне сказали, что успею. [...] Удалось отслужить панихиду по деду, так я был очень рад, так помолился сердечно»²⁴.

После окончания Пажеского корпуса Павел Павлович был выпущен в Кавалергардский полк. Затем он стал штабмейстером императорского двора, полковником Кавалергардского полка, начальником хозяйственной части стрелкового батальона 1-й гвардейской кавалергардской дивизии. Он был прекрасным наездником и обладал художественным даром: славились портреты, им написанные²⁵.

Вскоре после свадьбы молодожены переселились в свою собственную квартиру на Миллионную улицу в Петербурге, которая находилась поблизости от Зимнего дворца. Ольга Павловна активно включилась в придвор-

²³ Казанский женский монастырь в Вышнем Волочке, одним из основателей и вкладчиков которого был князь Арсений Степанович Путятин, здесь же погребенный. См. подробнее: Сказания о Казанской женской общежительной обители, близ г. Вышняго-Волочка Тверской епархии. Тверь, 1890 г.; репринтное переиздание: Сказание о Казанской женской общежительной обители, близ г. Вышняго-Волочка Тверской епархии // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА) №16 (приложение) / Под ред. Д.М. Ивлева. Вышний Волочек, 2017.

²⁴ Письмо от 25 сентября 1907 г. Хранится в рукописном архиве ИИМК в Санкт-Петербурге. Цит. по: Мельников В.А. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба / Петербургский Рериховский сборник. СПб.; Вышний Волочек: Ирида-прос, 2000. С. 11.

²⁵ *Nathalie Poutiatine. Princess Olga. My Mother. Valetta, 1982. P. 54.*

Князь Павел
 Павлович Путятин

ную жизнь, участвовала в благотворительных мероприятиях императрицы Марии Федоровны. 29 декабря 1903/12 января 1904 г. у «младшей» семьи Путятиных родилась дочь, которую в честь бабушки назвали Натальей. Ее восприемниками стали генерал-адъютант Александр Петрович Струков (1840—1911) и тетюшка — княгиня Екатерина Путятиня. У «старшей» семьи Путятиных не было детей, поэтому девочка стала центром всеобщего внимания и заботы и, как она сама вспоминает, получила «две пары заботливых родителей»²⁶.

Каждый год начало лета, май и июнь, родители Натальи проводили в заграничных путешествиях, в основном по Германии и Франции, а дочь отправляли на все лето в загородное поместье Высокое под присмотр дяди и тети Путятиных. Павел Павлович и Ольга Павловна всегда возвращались ко дню святой равноапостольной княгини Ольги — небесной покровительницы Ольги Павловны, и этот день торжественно праздновали в семье.

В доме Путятиных в Высоком тоже постоянно звучала музыка. Князь Михаил Павлович обладал прекрасным баритоном и на все лето выписывал в усадьбу итальянского учителя музыки маэстро Репетта со всей его семьей. По всему дому и парку разносились в исполнении князя арии из знаменитых опер «Фауст» Ш. Гуно, «Эрнани» Дж. Верди, «Богема» Дж. Пуччини и других. Юная Наталья тоже продолжала свои фортепианные занятия за большим прекрасным роялем Бехштайн в гостиной. Почти всегда дом был

²⁶ Ibid. P. 83.

полон родственников и гостей. Иногда в Высоком сразу обитало до тридцати человек из семьи Путятиных, их родственников и друзей.

Ольга Павловна всегда оказывалась душой общества. В дом к Путятиным собирались друзья и соседи: баронесса Розен с юным племянником бароном Владимиром, родственные семьи Михайловых и Лыгиных с детьми, полукровная сестра Путятиных Софья Павловна вместе со своим супругом генералом Дмитрием Николаевичем Потоцким и двумя дочерьми, которые жили на другой стороне озера в усадьбе Бологое у князя Павла Арсеньевича Путятинина; приезжал герцог Павел Мекленбургский, который в России навещал свою сестру Марию Павловну — супругу великого князя Владимира Александровича.

В Петербурге для музыкального образования дочери Ольга Павловна пригласила профессора консерватории Николая Ивановича Рихтера, ученика Глазунова. Кроме музыки и естественных наук Наталью обучали рисованию и живописи. Путятинины дружили с семьей Толстых, глава которой Петр Сергеевич (1875—1918) был сослуживцем Павла Павловича по Кавалергардскому полку. В бальном зале дома Толстых, вместе с их детьми Натальей и Сергеем, Наталья Путятинина начала заниматься танцами²⁷. Это были воскресные уроки бальных танцев, которые вел бывший солист императорского балета Николай Сергеевич Аистов, партнер Матильды Кшесинской, Анны Павловой и других прославленных балерин. Видя талант маленькой княжны, он обратился с письмом к ее матери с просьбой позволить ей заниматься в Императорской балетной школе. Родители выступили против артистической карьеры дочери, но пригласили для домашних занятий знаменитую балерину — солистку Мариинского театра Тамару Карсавину, которая вскоре передала преподавание Фелии Дубровской, прославившейся впоследствии в постановках С.П. Дягилева. Сохранился отзыв о Наталье Путятининой знаменитой Анны Павловой: «Молодая княжна обладала необыкновенной чувствительностью к музыкальной выразительности в движениях — природный дар, которому нельзя научить»²⁸.

Впоследствии одна из учениц Натальи Путятининой записала впечатления княжны от семейной обстановки: «Княжну окружала красота, ее дом,

²⁷ Как удалось выяснить, Петр Сергеевич Толстой в то время занимал одну из четырех огромных квартир в великолепном доходном доме Н.В. Спиридонова на Фурштатской улице, 60. И там, действительно, были подходящие парадные комнаты для занятий танцами. Благодарим за помощь в поиске информации петербургского историка Николая Яковлева.

²⁸ Цит. по: Мельников В.А. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба / Петербургский Рериховский сборник. СПб.; Вышний Волочек: Ирида-прос, 2000. С. 23.

Ольга Павловна
 Путятин.
 Фоторепродукция
 с портрета.
 Около 1900 г.

одежда, игрушки, музыка, живопись, литература и танцы делали ее счастливым ребенком, благодаря чему она имела прекрасный взгляд на жизнь и развивала наилучшим образом выражение этого счастья — танец»²⁹.

Дом Павла Павловича и Ольги Павловны Путятиных посещали родственники — князь Михаил Сергеевич Путятин с сыновьями Сергеем и Александром. И эти две ветви семьи, разошедшиеся в древности, даже думали породниться. Однако революция нарушила планы. Александр Михайлович впоследствии женился на княжне Кудашевой, а Сергей Михайлович — на великой княжне Марии Павловне. Часто квартиру Путятиных на Миллионной улице посещал великий князь Михаил Александрович со своей морганатической супругой графиней Брасовой. Последнее Рождество перед революцией семья Путятиных по приглашению великого князя провела в его великолепном имении Брасово³⁰. Впоследствии она поддерживала дружеские отношения с великим князем и его супругой графиней Брасовой: несколько раз посещала их в Гатчине перед арестом Михаила Александровича. А затем вместе с мужем приложила максимум усилий, чтобы добиться освобождения великого князя и его секретаря Жонсона.

Весной 1918 г. князю П.П. Путятину удалось навестить великого князя Михаила Александровича в ссылке в Перми. В результате Путятин оказался в списке лиц, подлежащих немедленному аресту. После возвращения в Пе-

²⁹ Там же.

³⁰ *Nathalie Poutiatine. Princess Olga. My Mother. Valetta, 1982. P. 115.*

троград он был вынужден скрываться и постоянно менять место ночлега. И вскоре супруги Путьянины решили бежать. Павел Павлович выехал один инкогнито, а его семья осталась на лето 1918 г. в Петрограде, поскольку Высокое было реквизировано большевиками и дом разграблен. Вскоре Ольга Павловна с дочерью, ее гувернанткой и домработницей попытались сами выехать на поезде в занятый Вооруженными силами Юга России Киев, где находился Павел Павлович Путьятин, но на станции Дно при проверке документов красноармейцы высадили их из поезда и заставили вернуться в Петроград в товарном вагоне вместе с другими пассажирами, которым был запрещен выезд из «красной зоны». По возвращении в Петроград Ольгу Павловну сразу арестовали, и три дня она пробыла в заключении, но, к счастью, ей удалось убедить большевиков, что она направлялась на юг для лечения по настоянию врача, и ее отпустили. «Было очевидно, что новый режим стремился уничтожить целые сословия населения. И методы уничтожения применялись не только к аристократии, но ко всем интеллектуалам, включая юристов и бизнесменов. Это была одна из величайших трагедий, которые знала наша страна. Это касалось и религиозных деятелей: монастыри и храмы закрывались, а священники и монахи подвергались гонениям»³¹.

Спасению Ольги Павловны с дочерью помог удивительный случай. В одном с ними доме жил известный в то время актер императорских театров Михаил Егорович Дарский. Он знал, что княгиня находится в отчаянном положении, и решил ей помочь в память покровительства, которое ему в начале карьеры оказал отец Ольги Павловны адмирал Зеленой. Дарский устроил мундиры князя и придворные платья Ольги Павловны в костюмерную своего театра, чтобы их не обнаружили во время обыска. Он же добился разрешения на выезд с условием, что семья Путьяниных не будет за границей заниматься антисоветской деятельностью, о чем Дарскому пришлось подписать обязательство, по которому он становился заложником³².

В путь отправились Ольга Павловна с дочерью и гувернанткой. В Киеве семья воссоединилась. Далее их путь лежал в Одессу. «Младшие» Путьянины поселились в доме сводной сестры Ольги Павловны — Инны Пеликан. Там возобновились занятия музыкой юной Натальи, к ней были приглашены учителя и по другим предметам. Необычно холодная для Одессы зима 1918/19 г. оживлялась теплыми встречами с друзьями и родственниками, на которых Наталья по просьбе матери играла на рояле. В ее репертуаре уже были ноктюрны и вальсы Шопена. Вскоре пришлось спешно покидать Одессу на корабле под

³¹ Ibid. P. 161.

³² Ibid. P. 162.

Дом 12 на ул. Миллионной в Петербурге, где на третьем этаже жили Путятинны.
Современное фото

огнем красных войск. Князь Павел Павлович вызвался работать в машинном отделении вместе с другими волонтерами, чтобы ускорить отплытие.

После прибытия Путятиных в румынский порт Констанца королева Мария предложила им убежище в своем дворце, однако они решили отказаться, поскольку надеялись на более основательное решение о своем статусе за пределами России. Вскоре они на бразильском корабле отправились в Константинополь, куда прибыли в начале апреля 1919 г.

По прибытии из Ялты английского военного корабля «Мальборо» с вдовствующей императрицей Марией Федоровной Путятины встретились с ней и получили приглашение следовать на Мальту, принадлежавшую англичанам, куда направлялась и сама императрица. На острове пришлось обустраиваться буквально на пустом месте. Колония русских беженцев состояла почти из восьмисот человек, среди которых было много образованных людей — врачей, юристов, скульпторов и художников. В военной столовой на Мальте встречались бывшие соседи из петроградского общества: Бярятинские, Шуваловы, Клейнмихели, Боткины, Воейковы, Воеводские, Толстые, Кантакузины, Мясоедовы, Строгоновы, Симоновы, Вяземские и Новосильцевы, князь Феликс Юсупов. Ольга Павловна продолжала заботиться об образовании дочери: преподавать акварель и рисование к ней был приглашен знаменитый архитектор Николай Петрович Краснов (1864—1939), построивший императорский дворец в Ялте. Историю преподавал генерал Константин Адамович Военский де Брезе, один из ведущих

специалистов по Отечественной войне 1812 г. Для музыкальных занятий Ольга Павловна даже раздобыла фортепиано.

Мальтийские семьи оказывали помощь русским беженцам. Наталья Павловна называет среди них графа Каруана Гатто и профессора Вассалло, который, воодушевившись стойкостью Ольги Павловны в улучшении условий жизни беженцев, способствовал их переселению в пустовавшее здание иезуитского колледжа Св. Игнатия, поскольку английские власти ограничили срок проживания в военных бараках. Ольга Павловна с энтузиазмом взялась за переселение беженцев, себе же выбрала самую маленькую комнату — бывшую кладовую с крошечным окном.

В это время губернатор Мальты фельдмаршал лорд Пламер получил от английской вдовствующей королевы Александры, сестры императрицы Марии Федоровны, письмо с просьбой позаботиться о семье Путятинных. Он вместе с супругой нанес визит Ольге Павловне в здание колледжа. На встречу были приглашены и другие русские беженцы. Ольга Павловна занялась изготовлением вышитых скатертей, что приносило ей небольшой доход. Жены морских офицеров стали обращаться к ней с заказами.

Для поддержки эмигрантов был создан Русско-английский комитет, который занялся организацией благотворительных вечеров и концертов. На них исполнялись совершенно новые для Мальты русские народные песни и танцы. Здесь юная княжна Наталья впервые выступила со сцены в русском танце, что предвосхитило ее будущую карьеру.

На Мальте Путятинны провели два года. Павел Павлович наконец нашел возможность работы в Париже, и Ольга Павловна с дочерью стали собираться на континент, поскольку там было легче устроить образование Натальи. По пути в Париж Ольга Павловна с дочерью посетили Неаполь, осмотрели Помпеи и на какое-то время остановились в Риме, где Наталья прикоснулась к материальной истории Вечного города, которую так внимательно изучала в России.

Для образования дочери Ольга Павловна приобрела рояль и устроила Наталью заниматься к профессору парижской консерватории Сантьяго Рiera (Santiago Riera, 1867–1959), который принадлежал к школе Шопена. Занятия за роялем продолжались каждый день по пять часов. Однако Наталья очень хотела танцевать, и Ольга Павловна нашла для нее лучших балетных преподавателей. Сначала она занималась у партнера Анны Павловой Лаврентия Новикова, а после его отъезда в Америку у Матильды Кшесинской, Ольги Преображенской и, в течение семи лет, у Любви Егоровой. В балетном классе Егоровой Наталья Павловна Путятинна познакомилась с ведущими балетными артистами Парижа. Сюда для творческого общения

Великий князь Михаил Александрович

приходили Серж Лифарь, Соланж Шварц, Алиса Никитина, Иветт Шовир, Люсьенн Ламбаль.

Ольга Павловна часто устраивала домашние ужины, куда приглашала знакомых изгнанников, живших в Париже. Среди гостей дома Путятиных Наталья Павловна называет генерала Алексея Михайловича Кауфмана, господина Куликовского, графиню Брасову и многих других. В Париже кипела русская жизнь. Открывались русские дома моделей, русские рестораны, русские театры. Тщательно занимавшаяся учебой, юная княжна Путятина не участвовала в развлечениях и публичных мероприятиях, только вместе с матерью помогала великой княжне Елене³³ устраивать благотворительные вечера в помощь русским беженцам.

В это время в Париже обосновался мальтийский знакомый Путятиных Эдгар Табоне. Он стал посещать их дом и подружился с Натальей. Вскоре он сделал ей предложение. Павел Павлович и Ольга Павловна видели супругом Натальи русского патриота из их круга, однако предоставили дочери самой решить свою судьбу. И она последовала велению своего сердца, хотя и очень огорчилась необходимости разлуки с родителями, поскольку Табоне должен был вернуться на Мальту. Они условились, что каждый год значительное время Наталья будет проводить со своими родителями. Венчание по православному обряду произошло в Риме в ноябре 1927 г. в русской православной церкви. А 7 января 1928 г. супруги вернулись на Мальту и здесь обвенчались по католическому обычаю.

³³ Вероятно, великая княжна Елена Владимировна.

Ольга Павловна не прервала отношений с дочерью, хотя теперь они были далеко друг от друга. Еженедельно она писала Наталье письма на Мальту, и дочь отвечала ей, сообщая все подробности своей жизни на острове. Весной Наталья на три месяца приехала к родителям в Париж. На второй год жизни на Мальте княжна Путятина возобновила свои балетные занятия, и друзья уговорили ее выступить в одном из благотворительных вечеров в Королевском театре Валетты. Выступление имело большой успех у публики. На Мальте не было своего балета, и к княжне стали обращаться желающие учиться балетному танцу. При помощи дяди и тети Путятиных она обрела свою первую «студию». Вскоре у княжны Натальи уже было около ста учеников, и каждую весну они устраивали балетные представления в театре, билеты на которые разлетались моментально. Княжна сама подбирала репертуар, выбирала музыку, занималась разработкой и изготовлением костюмов, поскольку на Мальте никто не знал, как шить балетные платья. Как она сама пишет, пока она была занята этой «художественно-общественной» деятельностью, она всегда помнила о матери и о тех жертвах, которые она принесла ради счастья и образования дочери³⁴. Княжна восстановила и собственный хореографический уровень, поскольку во всех представлениях она сама тоже танцевала. Число учеников возрастало, и ее дело превратилось в целую балетную школу. Наталья Павловна стала искать подходящее для занятий помещение, поскольку Королевский театр почти всегда был занят гастролировавшими труппами, но такого не было, и один состоятельный строитель предложил ей возвести специальное здание для школы. По эскизу Натальи Павловны итальянским архитектором в курортном местечке Слиме был построен особняк для балетной школы, в котором имелся зал, воспроизводивший сцену Королевского театра в Валетте. Там же на верхнем этаже находилась квартира княжны Натальи и Эдгара Табоне. Особняк она назвала «Отрада», и в 1939 г. здесь открылась академия русского балета.

Каждый год до начала Второй мировой войны Наталья Павловна проводила три-четыре месяца с родителями на континенте в Монтрё. С объявлением войны она возвратилась на Мальту, а ее родители остались в Париже. В условиях немецких бомбардировок балетные занятия прекратились, а Наталья Павловна стала заниматься переводами и преподавать языки британским военным, расквартированным на Мальте. В это время очень пригодился рояль фабрики Гаво, который они перевезли на «военную»

³⁴ *Nathalie Poutiatine. Princess Olga. My Mother. Valetta, 1982. P. 220.*

Ручка, которой великий князь Михаил Александрович в квартире Путятиных подписал документ о принятии престола

квартиру, поскольку художественная деятельность княжны Путятиной сосредоточилась на музыке. Павел Павлович и Ольга Павловна Путятины благополучно пережили немецкую оккупацию. Мэр Парижа помог им выбраться из города и предоставил для жизни свой сельский дом в центральной Франции, но отец не дождал до окончания войны, и мать осталась одна. При помощи британских военно-морских властей удалось переправить княгиню Ольгу Павловну на Мальту. И маленькая семья Путятиных-Табоне вновь воссоединилась.

Вскоре начались занятия в балетной школе, здание которой чудом избежало разрушений во время бомбардировок. Ольга Павловна теперь включилась в жизнь и занятия дочери, у которой теперь была своя студия с несколькими группами юных балерин разного возраста. В свои шестьдесят четыре года княгиня Ольга ежедневно совершала долгие пешие прогулки по острову. Ее дни были заполнены чтением и рукоделием. Занятия и жизнь дочери снова стали ее главной целью и интересом. На Мальте Ольга Павловна вела обширную переписку с друзьями и знакомыми по всему миру. Через десять лет после ее кончины, в 1977 году за большой вклад в культуру Мальты ее любимая дочь Наталья Павловна Путятина-Табоне была удостоена звания кавалерственной дамы Мальтийского ордена в Русском приорстве. Наталья Павловна за свою долгую творческую жизнь воспитала несколько поколений талантливых артистов балета. До сих пор существует построенная ею балетная школа. Всю жизнь она трепетно хранила веру предков как духовную основу единения с высокой русской культурой.

Наталья Павловна Путятинна

Отречение великого князя Михаила Александровича

Моя безбедная и спокойная жизнь была резко перевернута неожиданными событиями, случившимися вокруг меня. Их важное значение находилось за пределами моего понимания, поскольку я тогда была еще ребенком. Случилось это в феврале 1917 года. Мои ежедневные прогулки прекратились, и я была ограничена пространством моих комнат. Никто мне не объяснял, что происходит политический переворот. Из окна я видела пронесившиеся мимо грузовики и автомобили, наполненные солдатами с красными флагами, которые кричали и беспорядочно стреляли.

В некоторых местах на улицах снег был коричневым от крови прохожих, убитых мятежными демонстрантами. Впоследствии я узнала, что эти люди состояли в запасных войсках, поскольку основная армия была на фронте, как и мой отец со своим полком.

В нашем доме были необычные и частые посетители, а моя мать, нередко со слезами на глазах, наносила краткие визиты в мои комнаты, побуждая меня сосредоточиться на уроках.

С внезапным началом войны все мужчины из слуг были призваны в армию, поэтому в доме оставались только горничные. Походы по магазинам сделали трудными из-за недостатка продуктов, которые в одночасье пропали; кухарка отказывалась покидать дом, из страха быть застреленной на улице. Казалось, хлеб исчез из всех булочных, и надо было по нескольку часов стоять в длинных очередях за самыми простыми продуктами.

Я была озадачена напряжением обстановки и понимала, что происходит что-то необычное, но, хотя и не была готова к постижению значительности этих событий, я не смела осаждать вопросами мою мать и мою гувернантку, поскольку видела, как они озабочены, и боялась расстроить их.

Кульминация этих тревожных дней началась ночным стуком в дверь спальни моей матери. В отсутствие моего отца я спала рядом с ней, чтобы быть вместе в эти опасные дни. За дверью стоял знакомый человек: это был Николай Николаевич Джонсон, секретарь великого князя Михаила, который торопливо объяснил, что его господин находится снаружи и желает поговорить с моей матерью. И дальше последовали дни острого напряжения, когда брат царя Михаил Александрович оставался в нашем доме, когда непрерывно звонили министры императорского кабинета и представители вновь сформированного Временного правительства³⁵, возглавляемого

³⁵ В оригинальном тексте — «Provisional Government» — «Предварительного правительства».

Керенским, чтобы поговорить с его императорским высочеством и срочно разрешить ситуацию, созданную отречением царя.

Император отрекся за себя и за своего сына, передав всю верховную власть в империи своему брату Михаилу. Великий князь отказался принять ее, пока не будет одобрения народа. Эти исторические события, изменившие судьбу России, подробно описаны моей матерью в ее воспоминаниях, и сейчас я дам читателю ее отзыв от тех революционных дней и последовавших за ними важных событиях, непосредственным свидетелем которых она стала.

Выдержки из воспоминаний княгини Ольги Путятиной

В декабре 1916 года в Петрограде (бывший Санкт-Петербург) прошел слух, что по приказанию великого князя Николая Михайловича все члены императорской семьи были собраны во дворце великой княгини Марии Павловны (старшей) — известной как великая княгиня Владимирская, — и с должным уважением решили написать письмо императору (который в то время был на фронте в передовых войсках), чтобы объяснить ему, что во всех слоях общества распространилось смятение; что мнение общественности враждебно к тем, кто отвечает за внутренние дела в правительстве; и что это смятение настолько велико, что все, кто поставил свою подпись под этим письмом, почувствовали свою обязанность указать его величеству на великую опасность, угрожающую России и всей династии.

Во всех классах общества в столице, особенно в администрации, царило смятение и уныние. А революционная партия тем временем не медлила; они работали секретно и заботились о непрерывной революционной пропаганде в войсках Петроградского гарнизона, которые уже были испорчены и готовы слушать их подрывные речи.

Кто были эти рядовые члены знаменитых советов солдат и рабочих, которые сыграли такую несчастную роль в первые дни революции, превратив ее в необратимую анархию? Можно было бы подумать, что они пришли из гвардейских полков, например из Волынского, Литовского, Кексгольмского и других, которые имели славную историю.

Однако на самом деле они не были настоящими гвардейцами, которые все это время на фронте покрывали себя славой борьбы с врагом; это были запасные батальоны из новобранцев и вновь произведенных офицеров, а не регулярные войска. Последние почти все оказались на фронте, где большинство из них полегли на поле битвы, тогда как остальные были убиты

своими же людьми после знаменитого «Приказа № 1», который возбудил неподчинение в армии и разрушил ее.

В конце февраля 1917 года в Петрограде начались налеты революционеров, что ясно доказало отсутствие понимания со стороны и гражданской, и военной власти важного значения того, что происходит. Они не предвидели опасностей, грозящих Империи.

Министр внутренних дел Протопопов, полностью неспособный и убежденный, что методы полиции по поддержанию порядка в столице совершенно адекватны, отвечал с полной уверенностью тем, кто не придерживался его мнения, что он легко справится с этими беспорядками и что при необходимости он скорее обогреть Петроград своей кровью, чем будет терпеть революцию.

25 февраля я была приглашена на обед к близким друзьям графу и графине Капнист (он был членом Думы)³⁶; там присутствовали великий князь Михаил с графиней Брасовой³⁷, князь и княгиня Вяземские и другие. После обеда мы поехали в Михайловский театр, где у меня была своя ложа. Великий князь, который в этот день посетил свою мать и имел с ней большой разговор о последних событиях, был очень возмущен и поэтому молчалив во время обеда. Он отказался сопровождать нас в театр, сказав, что предпочитает подождать возвращения дам в доме графа. Поэтому мы отправились в компании господина Н.Н. Джонсона³⁸, секретаря великого князя. Я даже не помню названия пьесы, поскольку мы все были расстроены и взволнованы так, что после второго акта вернулись домой.

27 февраля почти все министры были арестованы и заключены в Таврическом дворце, где под председательством М.Р. Родзянко был создан Временный исполнительный комитет Думы. Он состоял из следующих членов: Милюков, Шульгин, Коновалов, Чхеидзе и Керенский. Этот комитет взял власть для учреждения Временного правительства и одновременно прила-

³⁶ Капнист Ипполит Ипполитович (1872–1936), граф, депутат III и IV Государственной думы от партии Союз 17 октября, председатель Сельскохозяйственной комиссии (1916–1917) и его супруга Мария (урожденная Тработти).

³⁷ Шереметьевская Наталья Сергеевна (1880–1952), графиня Брасова, морганатическая супруга великого князя Михаила Александровича, мать его единственного сына Георгия.

³⁸ Жонсон Николай Николаевич (1878–1918), потомственный дворянин, сын капитана русской армии Н.А. Жонсона, друг и личный секретарь (с 1912 г.) великого князя Михаила Александровича. Добровольно последовал за ним в тюрьму, а затем в ссылку в Пермь, где был вместе с ним убит большевиками. Прославлен как мученик вместе с Михаилом Александровичем и Царственными мучениками Русской православной церкви за границей в 1981 году.

Ольга Павловна
Путятина. Последнее
фото, сделанное
в России. 1917 г.

гал все усилия для восстановления порядка и проведения самых неотложных реформ.

Анархия и непреодолимый характер толпы уже давали себя чувствовать, и члены Исполнительного комитета боялись потерять влияние. Весь Таврический дворец был наполнен вооруженными людьми, и заседания Комитета часто прерывались криками дикой черни. По улицам колесили реквизированные из правительственных и частных гаражей автомобили и автобусы, наполненные пьяными солдатами и матросами, которые все время беспорядочно и бессмысленно стреляли, отчего передвижение по городу становилось очень опасным.

В тот же вечер, 27 февраля, Н.Н. Джонсон пришел сообщить мне, что великий князь Михаил находится в Петрограде в Мариинском дворце, где некогда заседал Государственный совет империи. Туда он был вызван председателем Думы Родзянко, чтобы вести непосредственные телефонные переговоры с императором. Великий князь говорил с его величеством, а Н.Н. Джонсон спешно присоединился к нему в Мариинском дворце.

Позже из общения с самим великим князем я узнала некоторые подробности событий того вечера. Разговор с императором продолжился до глубокой ночи. Его императорское высочество, рассказав императору об опасной ситуации в столице, посоветовал своему брату оставаться в штаб-квартире в Могилёве в окружении верных ему войск; но он ответил, что принял решение вернуться в Петроград, желая этим успокоить положение.

Во время этих переговоров военный министр генерал Беляев объяснил великому князю, что ввиду событий, происходящих в городе, его присутствие в Мариинском дворце, который имел лишь собственную охрану и не защищался войсками, становилось очень и очень опасным. Затем он посоветовал ему отправиться в (Петроградский) Генеральный штаб, где он сможет продолжить общение с императором в безопасности. Было уже очень поздно, когда великий князь решил в сопровождении Н.Н. Джонсона вернуться домой в Гатчину. Когда они ехали по Морской улице, их автомобиль был окружен толпой матросов, которые попытались остановить его. Это напугало шофера Козловского, но великий князь не потерял присутствия духа и приказал шоферу жать со всей скоростью, он повернул на боковую улицу, и автомобиль скрылся в темноте. Матросы принялись стрелять, но, к счастью, никто не был ранен. Когда они добрались до берега Невы, они решили заночевать в Зимнем дворце, а утром ехать в Гатчину. Всего лишь два часа они провели в Зимнем дворце, после чего караульный офицер сказал им, что дворец не охраняется и в любой момент может быть атакован толпой. Но было 4 часа утра, и великий князь задавался вопросом, куда можно отправиться в такой ранний час. К счастью, он вспомнил, что мой дом находится рядом с Зимним дворцом на Миллионной улице №12, и решил просить у нас пристанища. В то время я жила одна с моей дочерью Натальей, а мой муж находился на фронте³⁹.

28 февраля в 5 часов утра меня разбудил громкий стук в дверь моей спальни. Я сплю очень чутко, и малейший шум сразу будит меня, поэтому такой стук меня сильно напугал. Однако вскоре я овладела собой, но,

---

³⁹ Эти события также описаны в книге С.П. Мельгунова: «Около 8 час. вечера позвонил ко мне Н.Н. Джонсон и сообщил, что М.А. находится в Мариинском дворце на совещании с видными членами Государственной Думы и другими, по вызову М.В. Родзянко. Н.Н. Джонсон говорил из вестибюля Мариинского дворца. В двенадцатом часу ночи позвонил ко мне, по приказанию Н.Н. Джонсона, шофер Козловский и сообщил мне, что вел. князь М.А. находится у военного министра, в его доме на Мойке, при чем сообщил мне об этом иносказательно, видимо, опасаясь при разговоре по телефону открытъ местопребывание вел. князя; вместе с тем Козловский добавил, что автомобиль вел. князя спрятан во дворе дома. В четвертом часу ночи на 28-ое февраля ко мне позвонил Н.Н. Джонсон и сообщил, что вел. князь находится с ним в Зимнем дворце, и что пришлось остаться в Петрограде, вследствие невозможности проехать из дома военного министра на Варшавский вокзал, из-за большого количества народа на улице. В восьмом часу утра того же дня (вторник, 28-го февраля) Н.Н. Джонсон сообщил мне по телефону, что М.А. находится в квартире кн. О.П. Путятиной, на Миллионной улице, 12, так как оставаться в Зимнем дворце оказалось невозможным: караул снялся, и двери дворца открыты; сообщая об этом, Н.Н. Джонсон пояснил, что квартира кн. О.П. Путятиной выбрана, как ближайшая к Зимнему дворцу, и что и сюда пришлось проходить не через улицу, а по двору Эрмитажа и дворца вел. кн. Николая Михайловича» (Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2017. С. 280–305).

Михаил Дарский —
спаситель княгини
Ольги Павловны
и княжны Наталии
Путятиных.
*Фото начала
XX в. из фондов
Государственного
архива Ярославской
области*

волнуясь, я думала, что вооруженные солдаты проникли в мой дом или что случилось что-то ужасное. Сидя на кровати, я спросила со страхом: «Кто там?», — но тотчас же услышала знакомый голос господина Джонсона, который назвал себя, успокаивая меня. Из-за двери он просил меня не бояться и сказал, что его господин находится в моем доме и просит убежища.

Я быстро оделась, в большом волнении вышла из спальни и направилась в приемную моего мужа, куда уже вошел великий князь. Он выглядел усталым и расстроенным, тем не менее он встретил меня своей обычной обаятельной улыбкой и сказал мне такие слова: «Княгиня, не боитесь ли Вы подвергать себя и свою дочь опасностям, развлекая такого гостя?» Я была настолько в нервном состоянии, что точно не помню, как ответила ему, но мне кажется, я сказала, что всегда счастлива его принимать и что чувствую честь, мне оказанную тем, что в такое время он был настолько любезен, что вспомнил наш дом, и что вся моя семья польщена этим.

После того, как я предоставила мою квартиру в его распоряжение, я распорядилась подать кофе. Когда мы все были в столовой, внезапно послышался сильный шум на лестнице и пронзительные голоса кричащих мужчин. Выяснилось, что шум раздавался из квартиры этажом выше, где жил камергер его величества Николай Николаевич Столыпин⁴⁰, родственник премьер-министра П.А. Столыпина, который был убит в Киеве. Банда сильно пьяных солдат вломилась к нему в квартиру, и начался грабеж.

⁴⁰ Столыпин Николай Николаевич (1860–1918), действительный статский советник, камергер, сотрудник МИДа.

Некоторые из них настолько грубо вели себя с его супругой госпожой Столыппиной (урожденной Агаповой), что с ней случился нервный припадок. Впоследствии, когда я жила на Мальте, то узнала, что бедный Столыппин, оставшийся в Петрограде, скончался в нищете от голода, несмотря на значительные суммы денег в банках Вены и Швейцарии, куда ему было запрещено выезжать.

С 28 февраля по 1 марта, во время первых двух дней пребывания в моем доме, великий князь не выходил за дверь; никто не знал, где он находился, за исключением его жены, которую я уведомила в Гатчине о его местопребывании. На третий день, 2 марта, великий князь дал распоряжение своему личному секретарю известить председателя Думы, что он находится в доме князя Путятин, после чего председатель быстро предоставил охрану из сорока кадетов военного училища и восьми офицеров, которые были размещены в одной из больших квартир на нижнем этаже нашего дома.

У нашей парадной двери, а также у входа для слуг были поставлены часовые; это был необходимый шаг, поскольку интенсивность беспорядков возрастала. На улицах шла оглушительная стрельба из ружей, слышались автоматные очереди; под предлогом обысков банды солдат и матросов, совершенно пьяные, врываются в дома жителей. В нашем доме подверглась тотальному мародерству квартира министра изящных искусств Раева.

В связи с этим мне вспомнился печальный случай, который произошел в соседнем с нами доме: это происшествие, вызвавшее тогда сенсацию, доказало, что даже во времена насилия, паники и страха оставались люди, способные на героические поступки, не отступающие перед грубой силой и бесстрашно предпочитающие смерть, как герои античных времен. Такой была смерть старого генерала барона Штакельберга⁴¹ и его верного адъютанта⁴².

Несколько часов эти два отважных человека защищались от разъяренной толпы солдат и матросов, которая хотела пробить себе дорогу в дом, чтобы арестовать генерала. Оба пали жертвами своего героизма. Денщика линчевали, а генерал был убит и его тело толпа тащила до берега Невы и бросила в реку.

Теперь я возвращаюсь к основной теме, от которой несколько удалилась. Мы жили в постоянном опасении, вызванном тревогой за жизнь Его

⁴¹ Штакельберг Густав Эрнестович (1853–1917), граф, генерал-лейтенант, 64 лет, жил на Миллионной ул. в доме 16. Был расстрелян толпой, после чего у него отрезали голову. См. подробнее: Николаев А. Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 35–40.

⁴² Полуэктов Иван Андрианович, 50 лет, мещанин г. Покрова Владимирской губ., швейцар дома, отказавшийся впустить погромщиков.

Наталя Путятина —
ученица Любви
Егоровой.
Париж, 1920-е гг.

Императорского Высочества, поскольку в соседних домах, как и в нашем, ...шли обыски, и мы все еще находились в опасности. Мы обязаны нашим спасением привратнику, который сидел в парадной. На вопросы, кто живет в нашей квартире, он всегда отвечал, что там живет княгиня Путятина с дочерью и что ее муж князь Путятин на фронте, что было правдой, поскольку мой муж, будучи долгое время в отставке с титулом конюшего его величества, с началом войны вернулся в действующую армию и уже два года находился на фронте.

Когда, наконец, великий князь оказался под охраной кадетов из Военного училища, мы немного повеселели.

Каждый день великого князя навещали его адъютант граф Воронцов⁴³, генерал барон Н. Врангель⁴⁴, полковник Арапов и граф Капнист. Господин Матвеев, администратор княжеского дома и господин Джонсон жили у нас. Я также помню, как жена барона Врангеля (урожденная баронесса Гун⁴⁵) пришла к нам, переодетая крестьянской женщиной, закутанная в платок,

⁴³ Воронцов-Дашков Илларион Илларионович (1877–1932), граф, сын наместника на Кавказе Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, полковник, командир Кабардинского конного полка, адъютант великого князя Михаила Александровича, участник Белого движения на Юге России, эмигрант.

⁴⁴ Врангель Николай Александрович (1869–1927), барон, генерал-майор, в разные годы занимал должность секретаря, управляющего делами и адъютанта великого князя Михаила Александровича. Двоюродный брат Петра Николаевича Врангеля.

⁴⁵ Врангель Елизавета Бартольдевна, урожденная баронесса Гойнинген-Гюне (1891–1973), вторая жена Н.А. Врангеля.

поскольку было слишком опасно выходить на улицу в другом платье. Нам также нанес несколько визитов председатель Думы Родзянко, который пришел с докладом о том, что происходит, и имел длинную беседу с великим князем.

В день отречения императора, 2/15 марта 1917 года, великий князь Михаил Александрович получил телеграмму от Родзянко, с информацией обо всем, что произошло во Пскове, и с извещением, что члены Временного правительства и Исполнительного комитета Думы собираются прийти к нему, предполагая, что он примет трон в соответствии с желанием императора. Перед подписанием акта об отречении император пожелал проконсультироваться с бывшим при нем придворным медиком господином Федоровым о здоровье великого князя Алексея. Профессор считал своим долгом ничего не скрывать от Его Величества, полагая, что серьезная болезнь Царевича может быть фатальной в любой момент. На приказ говорить совершенно откровенно он ответил, что болезнь неизлечима. После этого Николай II подписал акт об отречении в пользу своего брата великого князя Михаила.

Зная мысли великого князя, председатель Думы предложил ему короноваться и тотчас же принять все бремя власти с целью сохранить страну от анархии.

Великий князь, который с большой растерянностью следил за событиями, развивавшимися с поразительной скоростью, был очень взволнован этим письмом. Было очевидно, что он не предполагал такой развязки, будучи уверен, что, по крайней мере, примет регентство, пока предполагаемый наследник не достигнет совершеннолетия.

Тем не менее внезапное решение императора возложить корону на своего брата, в обход прав законного наследника, совершенно расстроило великого князя, который в это время страдал от внутренней борьбы. Очевидно, он был подавлен важным значением тяжелой ответственности, возложенной на него. Он несколько раз внимательно читал и перечитывал письмо, которое получил, расхаживая по комнате туда-сюда в нервном возбуждении.

В этот момент неожиданно из своей загородной усадьбы прибыл великий князь Николай Михайлович. Его дворец находился напротив нашего дома и, узнав, что великий князь Михаил у нас, он спешно пришел увидеться с ним. Он был хорошо осведомлен и уже знал об отречении императора. Их встреча была трогательной и великий князь Михаил был очень рад его приходу. Великий князь Николай Михайлович тепло обнял племянника и сказал ему:

«Я счастлив приветствовать Вас как Государя, поскольку фактически Вы уже Царь. Будьте смелым и сильным. На этом пути Вы не только сохраните династию, но и будущее России. Куда Вы отправитесь, чтобы появиться в качестве Императора?»

«Я сделаю это в том же доме, где меня приняли как великого князя», — ответил он.

Услышав, что в моем доме должны были собраться все министры и члены Временного правительства, я поспешила дать все распоряжения, чтобы подготовиться принять этих господ.

На завтра, 3/16 марта в 6 часов утра меня разбудил настойчивый телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала незнакомый голос, говоривший отрывисто:

«Это говорит министр юстиции Керенский. Мне сейчас же надо говорить с великим князем Михаилом Александровичем».

Я сказала, что он еще спит, на что получила повелительный ответ: «Его нужно разбудить, поскольку мне совершенно необходимо говорить с ним по делу чрезвычайной важности».

В этот момент открылась дверь комнаты господина Джонсона и он, наскоро одетый, спросив меня, что случилось, тотчас отправился к великому князю сказать, что его требуют к телефону.

Через несколько минут великий князь взял трубку, и Керенский, исполняя обязанность министра юстиции, сообщил ему об отречении, подписанном Е.И.В. 2/15 марта, и что в этом документе последний [император] наделил его верховной властью. Керенский добавил, что все члены Временного правительства в течение получаса соберутся в доме на Миллионной улице, где находился великий князь, для обсуждения этого события.

Несмотря на обещание Керенского быстро прибыть со своими коллегами, мы были вынуждены ждать их значительное время. Родзянко прибыл первым. Он прибыл на час раньше других и использовал это время для разговора с великим князем. Видя неопределенное состояние последнего, он убеждал его принести великую жертву тем, чтобы сразу взять на себя бразды правления, и не обращать внимания на различные мнения, которые будут выдвигать министры. Он добавил, что в Таврическом дворце положение становится все более угрожающим и что Временное правительство висит на ниточке.

Всех нас, сказал он, могут арестовать в любой момент или предать самосуду разъяренной толпы, подстрекаемой ультралевыми лидерами. Поэтому необходимо сохранить Империю от натиска анархии.

Под влиянием этих замечаний, а также разговора с дядей — великим князем Николаем Михайловичем, великий князь, вопреки своим личным

убеждениям, решил все-таки принести эту жертву своей стране, если это был единственный путь сохранения ее от ужасов анархии.

Наконец в 10.30 утра на двух автомобилях прибыли министры: князь Львов, Керенский, Милюков, Набоков, Терещенко, Шингаров, Некрасов, барон Нольде и другие, имена которых ускользнули от меня. Их приняли Н.Н. Джонсон и юридический советник великого князя Матвеев, который препроводил их в большую гостиную, где к ним вскоре присоединился великий князь.

Несколько минут спустя Гучков и Шульгин прибыли прямо из Пскова вместе с оригинальным документом акта об отречении, подписанным императором.

Накануне вечером, 2/15 марта, они выехали из Петрограда и прибыли во Псков в 10 часов вечера на следующий день, затем их принял император, и они вернулись той же ночью в столицу. Они выглядели очень усталыми и их бледность выдавала то, что они провели бессонную ночь. Они попросили предоставить им комнату, где они могли бы привести себя в порядок и освежиться, и немного погодя они присоединились к остальным в гостиной.

На этой встрече присутствовали великий князь, министры и члены Исполнительного комитета Думы. Я узнала все детали происходившего здесь из исторического разговора с великим князем, состоявшегося тем же вечером вскоре после отбытия министров.

Их обсуждение продолжалось долгое время. Они были с великим князем с 10.30 утра до 3 часов дня. Встреча началась с речи Гучкова, который сообщил великому князю о миссии, возложенной на него и его коллегу Шульгина поехать к императору во Псков, чтобы познакомить его с важными событиями, происходящими в столице, и чтобы объяснить ему, что все ужасы, угрожающие династии, закончатся с добровольным отречением Его Величества в пользу предполагаемого наследника трона.

После сообщения собравшимся каждой детали происходившего той исторической ночью, приведшей к отречению императора в пользу своего брата, Гучков официально вручил великому князю оригинал акта отречения от престола, подписанный рукой императора, который был прочитан вслух и выслушан всем собранием стоя.

Чтение этого манифеста сопровождалось глубоким молчанием, ясно показывавшим, что все присутствующие сознают тяжесть и важное значение этого момента; они понимали, что в этой гостиной среди небольшого числа людей происходит что-то величественное и из ряда вон выходящее и в то же время роковое и неизбежное, от чего зависит будущее России.

Великий князь опустил в кресло, и все остальные последовали его примеру. Гучков снова попросил слова и продолжил свою речь, обращаясь к ве-

Наталья Путьятина
в композиции
«Лебедь» на
музыку Сен-Санса.
Хореография Михаила
Фокина для Анны
Павловой

ликому князю. Громким ясным голосом с жаром он убеждал великого князя принять эту тяжелую ношу. Он сказал, что как верный сын России, он обязан принять это бремя. Эту речь Гучкова поддержали Шульгин и Милюков, которые оба говорили о том же, выказывая высокий патриотический дух.

Затем высказывались остальные министры; их речи великий князь, честно говоря, не передал мне, но в общем они были направлены против доводов, высказанных перед тем. Большинство утверждали, что воцарение нового Монарха не только не охладит сознание народа, но еще больше разожжет революционные страсти и может всколыхнуть гражданскую войну и большое кровопролитие.

Большинство политиков высказалось в пользу Учредительного Собрания, которое одно могло иметь право, как собрание представителей народа, выбрать подходящую для него форму правления, и поэтому созвать этот орган по возможности быстрее было существенно.

Особенно Керенский со всей силой доводов поддерживал это предложение, и его речь произвела большое впечатление на слушателей. Он говорил предельно бесцеремонно: истерические ноты его голоса сбивались на крик, и он сказал великому князю, что не ручается за его безопасность, если он согласится принять трон; поскольку он находится на должности вице-президента Совета солдатских и рабочих депутатов, он хорошо знает, что триста тысяч рабочих в столице и двести тысяч солдат не могут слышать упоминания имени династии Романовых. Во всяком случае, он предпочтет

быть арестованным, поскольку отказывается брать на себя ответственность за кровопролитие, которое будет неизбежным результатом.

Выслушав все эти речи, великий князь встал и с большим спокойствием и достоинством сказал, что ввиду важного значения всего, что он сейчас услышал, он желает выйти ненадолго, чтобы обдумать и осознать все обсуждаемые вопросы, и только после этого он сможет принять решение.

Он уже почти вышел в соседнюю комнату, когда Керенский, подойдя с большим беспокойством, сказал ему: «Ваше Высочество, Вы должны пообещать нам, что решение, которое Вы собираетесь принять в этот великий момент, будет результатом Ваших личных убеждений, и что Вы не позволите посторонним оказывать на него влияние». Великий князь на миг остановился и посмотрел на него с удивлением, а затем, глядя на всех присутствующих своим открытым честным взглядом, ответил просто: «Господа, я буду совершенно один в этой комнате». Затем, немного склонив голову, он покинул гостиную.

После четверти часа пребывания в соседней приемной комнате, глубоко задумавшись, он вернулся в гостиную и, повернувшись к почтительно вставшим членам Временного правительства, сказал им спокойным громким голосом следующее: «Принимая во внимание различные мнения, высказанные членами Временного правительства, я пока отказываюсь принять корону, которую возложу на себя, по воле народа, представленного Учредительным Собранием. Если оно выскажется в мою пользу, я полностью посвящу себя моему народу и моей стране».

Едва великий князь закончил речь, Керенский, который слушал его с видимым волнением, подскочил к нему, сверкая глазами, и со взрывом энтузиазма закричал: «Ваше Высочество! Вы благороднейший из людей!» С другой стороны, этот ответ великого князя произвел тягостное впечатление на большинство его слушателей. На их лицах читались обескураженность и отчаяние, а у некоторых на глазах были слезы.

Между тем Керенский старался себя контролировать, но на его лице просматривалось выражение удовлетворения и триумфа. Было очевидно, что для него и его партии отречение великого князя имело величайшее значение. Затем он поспешил превратить слова отречения великого князя в текст и, при помощи Набокова, принялся писать этот исторический документ, который великий князь перечитал, сделав несколько поправок, затем переписал его своей собственной рукой и приложил свою подпись. [Примечание автора: перо и ручка, сделанная из черногого кавказского серебра, которой пользовался великий князь, находится в моей собственности.]

Документ был отдан Керенскому, который, как министр юстиции, должен был представить его Сенату.

Вскоре после этого все члены Временного правительства расстались с великим князем и были готовы уйти. Поскольку встреча была очень долгой и поскольку было уже поздно, я предложила этим господам, с согласия великого князя, остаться на обед, тем более что его уже готовы были подать.

Только князь Львов и Шульгин приняли приглашение. Остальные поторопились уйти.

Рядом со мной сидел господин Шульгин, который описывал свое путешествие во Псков с избытком подробностей об отречении императора.

«Как император себя чувствует?» — спросил его великий князь. «Его Величество, — ответил Шульгин, — был очень бледен и в то же время спокоен и покорен. Он с совершенным самообладанием выслушал речь Гучкова и сообщил, что как раз предыдущей ночью принял решение об отречении. Министр Императорского Двора сразу вручил нам документ. Пока его читали, император был погружен в свои мысли и ни на кого не смотрел».

После обеда мы вместе с министрами перешли в гостиную, куда подали чай. Так закончился этот памятный день 3/16 марта 1917 года, выдающийся по своему историческому действию, которое имело столь печальные последствия для России. Я думаю, это действие было смертельным ударом по русскому самодержавию, с которым рухнули все продолжавшиеся веками исторические традиции, на основах которых стояла древняя Русь.

Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, из-за горя, которое он принес мне. Это был день плохих воспоминаний, когда рухнуло все, что было нам так дорого, на чем мы строили все наши непоколебимые убеждения.

Теперь, сидя за столом в присутствии великого князя, все эти министры, большинство из которых еще вчера были никому неизвестны, свободно критиковали действия и жесты Его Величества, перед которым еще недавно ходили в страхе и трепете. Я задыхалась от рыданий, нервные спазмы пронизывали меня насквозь и я едва сдерживала слезы.

Во время чая, когда все гости ушли, мы чувствовали себя подавленными и павшими духом. Я не могла не удивляться хладнокровию и самообладанию великого князя, который после всех волнений, что сейчас испытал, все еще так хорошо держал себя в руках. Он еще пытался утешать нас — тех, кто смотрел на него глазами, полными слез, пытаясь убедить нас, что отречение успокоит горячие головы толпы и что оно поставит революционных рабочих и солдат в разумные рамки и восстановит рухнувшую дисциплину в армии.

К сожалению, великий князь сильно ошибался, в Петрограде больше не было дисциплины в армии. Понятия о долге, о присяге на верность и военной чести были настолько поколеблены, что даже гарнизон Царского Села (который был ближайшим к трону и чьим священным долгом было

охранять и защищать Государя, того Государя, который непрерывно оказывал ему гору милостей) присоединился к толпе революционеров с самого начала восстания, поправ тем самым присягу верности.

Однако надо добавить, что большинство истинных офицеров, не из тех, что недавно были призваны в армию, и не из тех, что были из военных школ, оставались верными присяге и делали все возможное, убеждая своих людей быть верными. Такие офицеры были арестованы в своих штабах солдатами, подстрекаемыми революционными агитаторами, и вскоре ими оказались наполнены все тюрьмы. Те, кто оказывал малейшее сопротивление, были безжалостно убиты.

Разъяренная и вооруженная до зубов орда матросов и солдат бродила по улицам, врывается в дома, взламывая двери в поисках «золотых эполетов» и «царских лакеев» (так они теперь называли офицеров, оставшихся верными своему долгу и присяге).

Среди тех, кто остался верен присяге, были офицеры и сорок кадетов Владимирского военного училища, которые с риском для жизни добровольно охраняли августейшую особу брата императора. Они действительно рисковали жизнью, и мысль об этом сильно беспокоила великого князя; он отдал приказ, чтобы эти кадеты Военной школы без служебной необходимости не покидали своих комнат и не показывались на улице.

Мы все еще оставались в гостинной, когда было объявлено о приходе великой княжны Ксении, сестры великого князя, которую сопровождал великий князь Николай Михайлович. Она узнала, где живет ее брат, и пришла увидеться с ним. Встреча была очень трогательной. Великая княжна обняла своего брата со слезами на глазах, будучи не в силах сдерживать свои чувства. Великий князь Михаил рассказал ей обо всем, что произошло, и о том, сколько он вынес за этот день. После разговора с братом великая княжна пожелала нам всего доброго и вернулась к себе во дворец в сопровождении великого князя Николая Михайловича.

На следующий день 4/17 марта, рано утром, Джонсон уведомил великого князя, что звонил Керенский, чтобы сказать Его Императорскому Высочеству, что тот может свободно вернуться в свой дом в Гатчине, и что Керенским для этой цели были отданы все необходимые приказы, включая предоставление эскорта. Эти новости подвигли великого князя принять решение провести этот день с нами, а на следующее утро отправиться в Гатчину. Он сразу же написал письмо своей супруге, чтобы предупредить о своем раннем приезде, и это письмо было отправлено с курьером.

5/18 марта было Воскресенье с прекрасной солнечной погодой. Великий князь сделался намного спокойнее; он сердечно поблагодарил меня и

Наталья Павловна
Табоне, урожденная
княжна Путятинна,
в Королевском театре
Валетты. 1928 г.
Частное собрание

сказал, что никогда не забудет того, что я сделала для него в страшные дни его жизни, когда я без колебаний предоставила ему такой сердечный прием, несмотря на опасность для меня и моей дочери. В завершение он заверил меня, что останется моим самым большим другом. Мы все проводили нашего дорогого великого князя до лестницы, где он остановился, пораженный и приятно удивленный неожиданной картиной: по обеим сторонам ступеней ему отдавали честь сорок молодых людей, охранявших его.

Когда появился великий князь, был отдан приказ поднять оружие, и офицеры и солдаты выстроились и отдали ему военный салют. Когда великий князь шел мимо них, они стояли как вкопанные, устремив взгляд на него. Он ответил на салют и посмотрел на них с большой любовью. На их молодых лицах было выражение непоколебимости и жертвенности, а в их глазах светилась такая искренняя преданность вместе с откровенной верностью, что великий князь остановился на какое-то время, глядя на них, под влиянием большого чувства. Однако он быстро овладел своими эмоциями и очень сердечно поблагодарил офицеров и кадетов за преданность.

«Да здравствует Ваше Высочество», «Да здравствует Россия», — крикнули они, глядя с восторгом, как великий князь идет к входной двери. Он продолжал с любовью смотреть на них, пока садился в свой автомобиль. Эти последние военные почести, которые воздали представителю династии Романовых, произвели на меня незабываемое впечатление.

Великий князь вернулся домой 5/18 марта и почти безвыездно оставался в Гатчине до ноября, появившись в Петрограде всего несколько раз.

Во время пребывания великого князя в моем доме на Миллионной улице между ним, его супругой и мною завязалась близкая дружба. В последующее время я по несколько дней не раз навещала их в Гатчине.

В целом, великий князь не имел пристрастия к шуму Петроградской жизни: он бесконечно предпочитал Гатчину, с которой его связывали нежные воспоминания детства, беззаботной юности и самых счастливых дней. В этом отношении он полностью разделял взгляды своего отца императора Александра III, который особенно любил свое милое гатчинское убежище, где он мог пребывать в лоне семьи, в скромности и простоте.

Величавая и необычная архитектура гатчинского дворца, который был также любимой резиденцией Павла I, была наполнена воспоминаниями о мальтийских рыцарях; императорские охотничьи походы, Приоратский дворец, прекрасный парк... — все это придавало Гатчине особый колорит и очарование с избытком исторических воспоминаний, которые переносили посетителей прямо в восемнадцатый век.

По утрам у нас были длинные прогулки в парке, во время которых мы вели подробные разговоры с великим князем; в ходе этих долгих личных бесед я была способна оценить его благородную натуру, лишенную какого-либо эгоизма, его честное сердце и основательные благородные убеждения.

В Гатчине я встретила Пасху, которую в 1917 году праздновали 2/15 апреля.

Что может быть более волнующим, чем наша Пасхальная литургия! В России ее праздновали так со времен московских царей. Она сопровождалась такой пышностью и величием, что производила глубокое впечатление даже на иностранцев.

Православная церковь называет священный праздник Пасхи «Праздником ПРАЗДНИКОВ и Торжеством из Торжеств», и поистине, у каждого русского святая Пасхальная литургия вызывает самые дорогие и неизгладимые воспоминания. Величие службы Пасхальной вечерни Великой Субботы; сияние белых священнических облачений; волнующее пение Пасхального Канона; все это возвышает души верующих от земли к небесам, наполняя сердца возвышенной радостью и божественным чувством. «Людие, веселитесь», — святая песнь Канона рвется вперед и бесконечное счастье светится на лицах верующих, все существование которых проникнуто убежденностью, что «Христос воистину воскрес», победив своей смертью силы ада и приведя нас от смерти к жизни.

«И друг друга обьемем; рцем: братие! и ненавидящим нас, простим вся воскресением», — затем все люди, исполнившись радости, целуются друг с другом и встречаются с божественными словами: «Христос воскрес!»

Невольно в памяти возникает другая картина: канун Пасхи в Москве. Мы стоим около полуночи, над всеми царствует величественная тишина, древняя столица царей погружена во тьму и как будто возникает строгое светлое ожидание большого счастья часа Воскресения, которое приносит людям всего мира истинную радость. Все взоры обращены к Кремлю, все ждут первого удара большого колокола, который висит на колокольне Ивана Великого; наконец он звонит, и его эхо победно отзывается по всей Москве. Этому колоколу следуют все колокола кремлевских соборов, а затем им отвечают колокола тысячи шестисот московских церквей.

Весь воздух наполняется звуком, источающим радость и восторг, которые захватывают весь город. Кремль, погруженный во тьму, в один миг начинает сиять, как будто по волшебству, тысяча огней освещает процессии, идущие вокруг церквей с пением священных гимнов. В эту безмятежную таинственную ночь звучат песни радости и надежды.

Когда я пишу эти строки, я вспоминаю невообразимую печаль Пасхальных служб 1917 года, на которых я присутствовала вместе с великим князем при совершенно других обстоятельствах. В скромной маленькой церкви Гатчинской высшей школы, полностью освещенной и переполненной людьми, я с великим благоговением и тревогой слушала радостные песнопения службы; их гармонии не удалось сгладить те глубокие чувства, которые я испытывала о том, кто еще недавно находился на ступенях трона, окруженный пышностью и великолепием, а сейчас опустился на колени в пылкой молитве в этой маленькой церкви, затерявшись среди ее прихожан.

Когда служба была окончена, мы направились вместе на очаровательную виллу великого князя, где у нас еще раз было видение прежних старых времен. Мы сразу пошли в столовую. Эта комната выглядела ослепительно белой: стол совершенно исчез под букетами белых полевых лилий. Серебро и хрусталь давали тысячи отблесков на все это белое великолепие. По обычаю, в России на Пасху подают самые утонченные и изысканные кушанья. Светлые изящные платья женщин вместе с нарядными костюмами мужчин создавали радующую глаз сцену и придавали этому маленькому собранию радостный и праздничный вид.

Прежде чем мы сели за стол, великий князь с обаятельной вежливостью поздравил нас с Пасхой, вручив каждому прекрасные китайские фарфоровые яйца, сделанные на знаменитом Императорском фарфоровом заводе, который существовал со времен императрицы Екатерины Великой и произвел столько шедевров керамического искусства.

Проведя всю пасхальную неделю в Гатчине, я вернулась в Петроград, который покинула 1 мая, и отправилась на юг по настоянию моего док-

тора, прописавшего лечение грязевыми ваннами на Лимане под Одессой, поскольку я страдала ревматизмом. Я отправилась одна, потому что мой муж был на фронте, а моя дочь — на каникулах вместе с моей сестрой княгиней Екатериной Путятиной в ее красивом поместье Высокое.

Когда я прибыла в Одессу, я отправилась к моей старшей сестре, госпоже Инне Пеликан, у которой я поселилась. Господин Пеликан долгое время был градоначальником в Одессе. Дом моей сестры был наполнен горем и унынием, поскольку господин Пеликан, как пламенный монархист, был только что арестован и заключен в тюрьму.

В Одессе я оставалась на протяжении шести месяцев и все это время переписывалась с моей сестрой Екатериной, с Натальей Сергеевной (супругой великого князя) и с другими друзьями, которые сообщали мне обо всех происшестввиях в Петрограде и в Гатчине.

События в Петрограде развивались еще быстрее: неожиданно пали два правительства князя Львова. Партия большевиков становилась все более многочисленной, и в июле они попытались захватить власть. Кровь текла по улицам Петрограда 16, 17 и 18 июля, сотни людей лишились жизни и среди них пятьсот казаков. Временное правительство опять победило и Троцкий, Каменев, Стеклов, Чернов и другие большевицкие вожаки были арестованы. Ленин избежал ареста, скрывшись.

В середине ноября, после большевицкого переворота, я получила из Петрограда письмо от моей сестры Екатерины, которая вместе с мужем и моей дочерью вернулась в квартиру на Миллионной улице. Большой неожиданностью для меня стало известие, что великий князь со своей семьей снова был нашим гостем. Вскоре после большевицкой революции один из партийных вожаков, некий Рошаль, появился в Гатчине и заявил великому князю, что по приказу Совета он должен переехать в Петроград, где его свобода будет ограничена и что он будет жить под постоянным надзором властей; он добавил, что великого князя поместят под домашний арест и он может выбрать подходящий для него дом. Его императорское высочество сразу же ответил, что он хотел бы жить в доме Путятиных на Миллионной улице, где он находился несколько месяцев назад. Так, великий князь со своей супругой поселились в нашем доме на Миллионной, а дети и их гувернантка жили вместе с господином Матвеевым, юридическим консультантом великого князя.

Когда я получила письмо сестры, я решила возвращаться в Петроград, тем более что мой курс лечения в одесском заливе был окончен; но к сожалению, в то время путешествие из Одессы в Петроград было слишком трудным, и дамы не рисковали предпринимать в одиночку путешествие на поезде, где могло произойти множество невероятных вещей. Все поезда были

Наталья Павловна
и Эдгар Табоне:
отпуск в Венеции.
Фото конца 1970-х.
Частное собрание

переполнены солдатами, бежавшими с фронта, поэтому я послала моему мужу телеграмму, чтобы он меня встретил.

Возвращение в Петроград было настоящим кошмаром. Поезд был набит пьяными солдатами и из-за царившего в то время хаоса нам потребовалось невероятное время в 6 дней, чтобы достичь места назначения. Когда наконец поезд прибыл в Петроград, нашим глазам открылась картина беспорядка и разрушения. Проезжая перед Зимним дворцом в сторону Миллионной улицы, я почувствовала сильный запах вина и спирта: ими были облиты Дворцовая площадь и все примыкающие улицы. После захвата Зимнего дворца солдаты устремились в погреба, где хранилось вино; эти погреба представляли собой целый подземный город, где хранились миллионы килограмм продуктов, в том числе вино всех сортов в бутылках и в бочках. Овладев Зимним дворцом, они направились сюда, и началась ужасная оргия. Мертвецки пьяные солдаты били бутылки, взламывали бочки и буквально плавали в озерах вина. Здесь разыгрались сцены невыразимой дикости, закончившиеся беспорядками, драками и ружейной перестрелкой между обезумевшими матросами и солдатами.

Когда я добралась домой 24 ноября, то узнала от своей сестры и ее мужа, что великий князь покинул наш дом два дня назад, прожив у нас три недели. Большевицкие власти дали ему разрешение вернуться в Гатчину, где он оставался со своей семьей до февраля 1918 года. Сугубо конфиденциально он приходил к нам на обед или на чай.

После возвращения я также ездила в Гатчину, где собирался наш маленький кружок близких и посвященных друзей, чтобы составить компа-

нию великому князю и его супруге в это тяжелое и опасное время; на этих встречах мы единодушно просили великого князя уехать за границу, чтобы избежать повторного ареста, который угрожал ему и его семье.

Несмотря на все печали и скорби нашего существования время неумолимо шло и никто не мог его остановить: так прошли Рождество и 1918-й Новый год. Мрачным туманным днем в конце февраля я была особенно взволнована и раздражена: я была исполнена тревоги и беспокойства и, чтобы изменить настроение, я решила прогуляться по набережной Невы. Когда я уже собиралась выйти из дома, то услышала телефонный звонок. Я подошла к телефону и девушка-оператор сказала мне, что соединяет меня с Гатчиной, откуда мне звонят: через несколько минут я услышала взволнованный и расстроенный голос Джонсона, который сказал мне, что великий князь был только что арестован по приказу Гатчинского совета. Он добавил, что собирается непременно сопровождать великого князя и что их забирают из Гатчины в Смольный.

На следующий день великого князя и Джонсона привезли в Петроград и заключили в Смольный институт, который теперь использовался как тюрьма. Сначала нам не позволяли видеть царственного заключенного, и мы многое вытерпели, прежде чем получили разрешение. Наконец, после моих усилий и большой борьбы, нам удалось добиться столь желанного свидания. Оно было предоставлено по приказу всесильного в то время комиссара Урицкого.

Когда мы вошли в комнату к великому князю и Джонсону, то обнаружили их стоящими у окна и беседующими. Когда великий князь увидел свою супругу Наталью, он подошел к ней и выглядел безусловно счастливым; в молчании он сжал ее руку и поднес к губам. Эта сцена очень взволновала меня, и когда они подошли ко мне, я не могла выговорить ни слова. Я смотрела на стоящих передо мной и говорила себе: «Милостивый Боже, не марионетка ли я в мире грёз? Неужели этот ужасный кошмар не исчезнет? Этот человек, который еще недавно мог стать правителем одной из крупнейших стран мира, был унижен настолько, что оказался в компании бедных солдат. Он был лишен свободы и предан на милость группы отвратительных людей, которые узурпировали власть посредством гнусных преступлений, и от них зависело все его будущее и даже сама его жизнь».

Поскольку великий князь страдал от язвы желудка, его супруга уговаривала Урицкого поместить его в госпиталь. Он ответил, что не может дать такого разрешения тотчас же, но подумает на эту тему.

На следующее утро, после посещения великого князя, я попыталась вновь встретиться с Урицким, чтобы снова умолять его перевести великого князя в госпиталь. Поэтому я попросила Наталью Сергеевну подождать меня у лестницы этого здания. Войдя в кабинет Урицкого, я обнаружила его

пишущим за столом; услышав звук открывающейся двери, он поднял взгляд и, узнав меня, сказал, что я пришла в очень удачное время. Он поднялся из-за стола и сказал, что сам хотел информировать меня о переводе моих друзей в Пермь, где у них будут лучшие условия, поскольку они не будут осуждены на содержание под замком, а будут на свободе, и что, во всяком случае, это политика, применяемая в отношении всей семьи Романовых. С этими словами он саркастически улыбнулся и показал мне рукой на дверь.

Это заявление было настолько неожиданным и произвело на меня такое впечатление, что я сама не помню, как спустилась по лестнице. Очнувшись рядом с Натальей Сергеевной, которой я силилась передать эти ужасные новости. Для нее это было неожиданным и жестоким ударом, однако она приняла его с большой стойкостью и покорностью. Мы с печалью расстались в этот вечер, пообещав друг другу вернуться в Смольный на следующее утро.

Когда мы туда пришли на другой день, нам заявили, что свидание с «гражданином Михаилом Романовым» невозможно, поскольку посещение заключенного запрещено. В отчаянии от столь ужасного отказа, нас посетила мысль сделать попытку обратиться непосредственно к Ленину. Он сообщил нам, что ходатайство о переводе великого князя будет обсуждаться на заседании этим вечером. Совершенно измученные мы вернулись домой. Наталья Сергеевна была настолько взволнована, что вне себя хотела в этот же день вернуться в Смольный, и нам стоило большого труда уговорить ее доверить моему мужу справиться о состоянии великого князя. Мой муж, князь Павел Павлович, с готовностью взялся за это дело и, облачившись в солдатскую шинель, отбыл в Смольный, с твердым намерением получить определенный ответ. В большом волнении мы ждали его всю ночь, но он не возвращался. Наконец около 6 часов утра мой муж вернулся усталый, замерзший, изможденный и в большом унынии.

Он рассказал нам, что лично встретился с Урицким, который известил его, что «Михаила Романова» нельзя увидеть, поскольку его должны отправить в Пермь (в Сибирь), и что он, «гражданин Путятин», будет под арестом и не сможет покинуть Смольный до отъезда «Михаила Романова». Я также узнала, что великого князя и Джонсона увезли в Пермь в час ночи. Князь Путятин видел, как их вели под конвоем: когда они проходили рядом, великий князь, увидев его, грустно улыбнулся на прощанье, а Джонсон сделал дружеский поклон.

После этого рассказа мы все погрузились в оцепенение, а Наталья Сергеевна, несмотря на большое самообладание, не могла сдерживать слез и предалась своему горю. Так все наши усилия оказались тщетными и привели к провалу. Наш дорогой великий князь был отправлен в дальний путь, из которого он не возвратился.

Ольга Павловна Путятин. Таинственное исчезновение великого князя Михаила Александровича. Отрывок

Уже на Мальте мы воссоединились с мадмуазель Беттиг. От нее я узнала о заключительном акте Пермской трагедии. В первый раз мы попытались бежать из Петрограда с мадмуазель Беттиг, но мы были арестованы на вокзале станции Дно и были возвращены в Петроград в товарном вагоне. Этот арест и ужасная ночь, которую мы провели в этом отвратительном вагоне, настолько пошатнули здоровье мадмуазель Беттиг, которая серьезно заболела и была не в состоянии составить нам компанию при нашем втором отъезде из Петрограда. Таким образом, около двух лет она оставалась в нашем отеле в Петрограде, страдая ото всех мук большевизма. Когда, наконец, принужденная прекратить свое путешествие, она была возвращена на родину своим правительством. Прожив пять месяцев у себя на родине в Швейцарии, она приехала на Мальту повидаться с нами и поведала мне следующую печальную историю.

Спустя примерно восемь месяцев после неожиданного и таинственного исчезновения великого князя и его преданного спутника Н.Н. Джонсона мадмуазель Беттиг находилась в своей комнате, когда ей сообщили, что некий мужчина просит ее увидеть. Привыкшая к тому, что у нее проводят обыски, она очень взволновалась. Каково же было ее удивление видеть появившегося в комнате неизвестного пожилого человека, который приветствовал ее знаками глубокого почтения. Когда она оказалась поблизости, спросила, что ему угодно.

«Возможно ли это, мадмуазель, что Вы меня не узнаете», — ответил он дрожащим от волнения голосом.

«Итак, кто Вы?» — спросила мадмуазель Беттиг.

«Я Василий Чельшев, камердинер великого князя⁴⁶. Я вернулся из Перми, где был подвергнут шестимесячному аресту. Кормление головами тухлых селедок, небольшим количеством черного хлеба и чаем стало столь сильным испытанием для моего здоровья, что я с трудом добрался до Петрограда. Шофер его высочества Барунов так же, как и я, был заключен в тюрьму после того, как исчез великий князь. Но он не нашел в себе сил на столь длительное и тягостное путешествие и остался в Перми».

Итак, передо мной стоял один из последних выживших в этой драме, преданный слуга, который сопровождал своего августейшего господина в Пермь и стал свидетелем ужасной трагедии. Вот каков был его рассказ.

⁴⁶ Чельшев Василий Федорович, камердинер великого князя Михаила Александровича, расстрелян в 1918 г.

Наталя Павловна
 Путятина-Табоне.
 Фото начала
 1980-х гг.
 Частное собрание

Наша повседневная жизнь была однообразной, когда однажды в два часа ночи перед нашим отелем остановилась тройка. В отель вошли пять вооруженных человек, один из которых был командир, а остальные четверо — обыкновенные солдаты. Они ворвались в комнату великого князя и заявили, что пришли арестовать Михаила Романова. Великий князь начал отвечать, что готов за ними последовать, попросив, чтобы ему позволили одеться без свидетелей. Похожий на командира человек ответил, что великий князь может одеться при нем. Услышав этот разговор, Джонсон, находившийся в соседней комнате, вмешался и спросил, по какому праву солдаты пришли арестовывать, тогда как они с великим князем находятся под защитой Пермского совета. Он добавил, что не разрешит вывезти великого князя из отеля, разбудит весь отель и будет жаловаться. Он поднял такой шум, что все пятеро мужчин начали беспокоиться. Тогда командир, обращаясь к Джонсону, сказал ему несколько слов на ухо. Эффект был волшебный. Джонсон неожиданно развеселился, начав поторапливать великого князя с одеванием, и обращаясь к Василию Чельшеву, который помогал своему августейшему господину, сказал ему: «Все будет хорошо, Василий, у нас все будет хорошо, я так рад!» Между тем Н.Н. Джонсон уже повторил его высочеству слова командира, которые не слышал Василий, но которые видимо должны были обозначать, что вновь пришедшие были переодетыми в большевицких солдат друзьями, пришедшими спасти великого князя. Но великий князь ничуть не поверил в это объяснение и только тоскливо улыбнулся. Он оделся, не сказав ни слова. Как только все были готовы, они заняли места в тройке: впереди великий князь, Н.Н. Джонсон и командир, позади четверо солдат. Отъезжая, Джонсон размахивал рукой в знак прощания, он был вне себя от радости. Отношение его высочества было

совершенно иным. Он послал нам из тройки последнее прощание и болезненно улыбнулся. Затем они исчезли. Мы так и не узнали, что с ними произошло.

Таков рассказ, который мне поведал Василий Чельшев. Увы, он не оставляет даже доли сомнения в судьбе великого князя мученика и его преданного спутника⁴⁷.

⁴⁷ Н.А. Соколов, непосредственного расследования в Перми не проводивший, приводит рассказ на допросе камердинера императрицы Александры Федоровны А.А. Волкова, который якобы встречался с Чельшевым в тюрьме. Этот рассказ сильно расходится с рассказом Путятиной, однако гораздо менее точен в деталях. «В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Чельшев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму. Михаил Александрович проживал в Перми в королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Чельшев. Там же жил и его секретарь Джонсон. Приблизительно недели за 1 1/2, как говорил Чельшев до нашего прибытия в Пермь, ночью часов в 12 пришли в королевские номера каких-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Чельшева и спросили, где находится Михаил Александрович. Чельшев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас я не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Чельшев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен) Чельшев сам отправился в совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это заявление не было обращено внимания, и спустя час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чем она выразилась, Чельшев не говорил. На него же они произвели то впечатление, что они нисколько не спешили догнать Михаила Александровича и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление. Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Чельшев ему сказал: «Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Чельшев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян» (Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1991. Гл. 26, §2). Согласно сообщению Путятиной, Чельшев бежал из тюрьмы и выжил, а согласно Волкову, он был расстрелян. Из рассказа Волкова не вполне ясно, был ли камердинер Михаила Александровича расстрелян вскоре после ареста и когда конкретно с ним успел поговорить автор воспоминаний. В Пермских архивах он числится в списке приговоренных к расстрелу.

Wladimir V. Hutarev-Garnishevsky
Илья Е. Путытин

**THE ABDICATION AND FINAL DAYS
OF GRAND PRINCE MICHAEL
ALEXANDROVICH. AN ACCOUNT FROM THE
THE MEMOIRS OF PRINCESS
OLGA PUTYATINA**

The abdication of Grand Prince Michael, Nicholas II's brother, is a blind spot in history that seems to be of a far less interest to historians, than the abdication of the Emperor himself. Yet it proves to be of utmost importance. It is this act that laid the subtle foundation for the Russian Provisional Government's legal framework. The lack of interest towards this crucial event in Russian history can be explained by the scarcity of sources, which are typically limited to the naturally biased memoirs of the participants and masterminds of the coup d'état. The current article includes the memoirs of Princess Olga Putyatina, never before published in Russian, which give a detailed account of how Grand Prince Michael Alexandrovich signed the abdication act of March 3rd, 1917, thereby putting an abrupt end to the 300-year-long reign of the Romanov Dynasty. The memoir represents a rare testimony of the Grand Prince's thoughts and actions during the February Revolution; after all the Princess, apart from being a monarchist, was also a close friend of his. From the early morning hours of February 28th till March 5th, the Grand Duke stayed at Putyatina's husband's mansion at 12 Millionnaya Street while Princess Olga was by his side. Putyatina's account makes us reconsider the role played by certain statesmen in the overthrow of the monarchy, particularly that of Mikhail Rodzianko, Chairman of the State Duma. Special emphasis is placed on the fact that the Grand Duke's decision to abdicate was his own, and was not forced, as official historiography claims. Another point of interest is the

description of the way the Grand Duke and his secretary Nicholas Johnson were abducted from a hotel in Perm. The facts presented in the memoir's timeline are largely at odds with the traditional account of the events prior to the execution of the last emperor. Though well-known among Western historians, these memoirs are yet to be studied by the Russian chroniclers of the Revolution.

Preparation of the text and comments by

Wladimir V. Hutarev-Garnishevsky — Ph.D. in History, Deputy Head of Science at the Moscow branch of the All-Russian Society for the Preservation of Historic and Cultural Landmarks

Илья Е. Putyatin — D.Sc. in Art Studies, Ph.D. in Architecture, professor at Moscow Architectural Institute

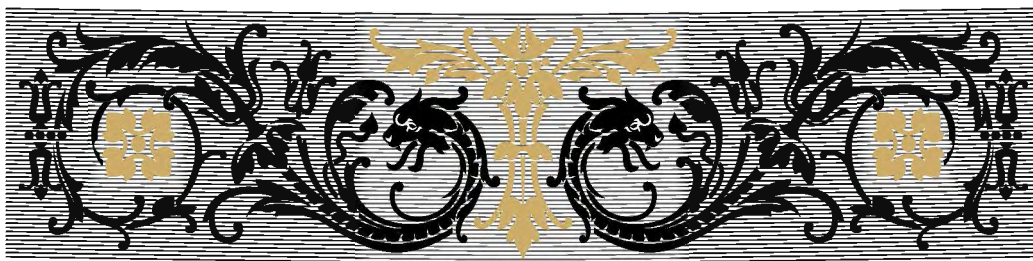
Подготовка текста и комментарии:

 Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, заместитель председателя по науке
Московского городского отделения ВООПИиК

 Путятин Илья Евгеньевич

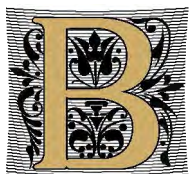
доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, профессор
Московского архитектурного института

Л.Ф. Кацис

НА КРАЮ ИДЕАЛЬНОГО РАСКОПА

М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма. 1900—1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. 352 с.

Выход в свет книги М.А. Колерова «Археология русского политического идеализма. 1900—1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. 352 с.» представляет собой и тематически, и хронологически сердцевину большого авторского публикационного проекта, который был начат сборниками «От марксизма к идеализму и церкви (1897—1927). Исследования. Материалы. Указатели». М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. 365 с.; «Изнутри. Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898—1905/ 1921—1925)». М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018. 254 с., где обещан еще один том «свода тематической переписки М.О. Гершензона» о «Вехах», а в первом из названных томов анонсируется еще один том, никак не меньшего размера, «Очерки по археологии русской мысли: 1900—1925», не говоря уже о давно обещанной «монографии о П.Б. Струве в русской истории и культуре 1870—1918 годов».

Таким образом, с учетом серии монографий «Сборник “Проблемы идеализма” [1902]. История и контекст». М.: ТРИ КВАДРАТА, 2002. 224 с. и «Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от “Проблем идеализма” до “Вех”. 1902—1909». СПб.: Алетейя, 1996. 375 с. вкуче с дав-

ним справочником «идейных сборников» «Индустрия идей», готовящимся к сегодняшнему переизданию, перед нами архивный, источниковедческий и биографический проект объемом не менее 2500–3000 печатных страниц самого разного рода публикаций и жанров.

Обзор его будет иметь смысл, разумеется, после выхода в свет всех названных здесь изданий. Однако многожанровость и тонкое построение именно сборника, имеющего в своем названии слово «археология», заставляют остановиться на нем специально, касаясь других известных нам сборников по ходу изложения.

Дело в том, что автор сборника достаточно прихотливо распорядился исследовательскими возможностями и даже типами публикаций, чтобы читатель, последовательно следующий за его мыслью, в каких-то случаях направляемый жесткой авторской рукой, в ряде случаев пользующийся подсказкой далеко не тривиальных комментариев к публикации, а порой — оставленный один на один с публикуемым, но сознательно не комментируемым документом, смог сложить в своем сознании ту картину русской духовно-политической жизни, которая видится автору названных книг и рецензируемого сборника.

Еще одной важной особенностью «Археологии» является абсолютно равноправное использование материалов политиков, философов (часто это просто одни и те же люди), писателей и поэтов, что, понятно, реже сочетается в одном или одних лицах.

Более того, автор не просто не стесняется сводить несводимых в одном ряду политиков и деятелей русской мысли и искусства, но настойчиво сводит их на тех исторических перекрестках, где они точно встречались, но не менее точно не хотели, чтобы на следующих этапах их, порой вполне враждебных отношений эти сведения выходили наружу и оставались в памяти читателей, что не так страшно, но историков.

Так, в самом начале сборника мы читаем: «Читая с карандашом в руках их сборник “Вехи”, В.И. Ленин (чья сестра хорошо знала Франка по революционной работе в Москве, а сам Франк хорошо знал Ленина и его почерк, в 1890-е годы работая редактором его текстов в издательстве М.И. Водозовой, а Ленин очень близко знал Струве) наткнулся на фразу Франка о том, что “основная морально-философская ошибка революционизма есть абсолютизация начала борьбы”. И отметил ее протестующей репликой: “О, господи”» (с.11).

Такие клубки теснейших личных связей будущих непримиримых противников, с одной стороны, и многие нежелательные эпизоды идейной, политической и личной жизни будущих большевиков и веховцев, патриотов и

либералов, идеалистов и когдатюшних материалистов — с другой, и составляют стержень и содержание сборника.

Именно их восстановление, включение этих пропущенных звеньев в общий контекст известных и давно исследуемых эпизодов, ситуаций, дискуссий, последовательностей «идейных сборников» и позволяет перейти не только к «археологии русского политического идеализма», но и к «археологии русской мысли вообще».

Однако слово «археология» применительно к мысли не должно смущать своим постмодернистским оттенком. Это в книгах М.А. Колерова исключено вообще. Сам автор последовательно ищет приемлемую терминологию для характеристики своей работы. Так, например, в предшествующем сборнике читаем: «Настоящий сборник кратких штудий, публикаций и указателей содержания органов повременной печати суммирует не всегда видную, ремесленную часть моей уже четвертьвековой работы над архивной историей русской мысли конца XIX — начала XX в., особенно — над историей ее “практической философии”, политической практики и политического пафоса философских идей»¹.

В сборнике «Археология русского политического идеализма...» «ремесленных», но абсолютно необходимых всем исследователям «росписей содержания» нет. В свою очередь, во втором сборнике «Изнутри. Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905/ 1921–1925)...» помимо соответствующей переписки основателя РСДРП П.Б. Струве, философа-марксиста С.Н. Булгакова, «редактора» В.И. Ленина — С.Л. Франка, чьи документы интересны сегодня независимо ни от чего, к ним добавлено «Приложение» с перепиской Струве и А.Н. Потресова 1898–1899 гг. и письма М.И. Туган-Барановского к П.Б. Струве, выводящие разговор за рамки партийного и узкокружкового. Во второй книге нет «ремесленных» росписей. Это книга публикаций переписки.

И эта борьба с дурно понятой «партийностью» в современной науке и в этих сборниках имплицитно, и во всей деятельности их автора в целом и является принципиальной позицией.

Однако рецензируемая книга (и, по-видимому, ее вторая часть, ждущая тиснения) отличается от первых двух. В поле зрения «археолога» в нее попадают не только знакомые нам герои, но и многие известные писательские имена: Андрея Белого, Ф. Достоевского, С. Надсона, А. Чехова, Н. Гаршина,

¹ Колеров М. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927). Исследования. Материалы. Указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 5.

М. Цветаевой и других, чьи имена, за исключением, может быть, Достоевского, в историю русской политической мысли рубежа XIX–XX вв. обычно не включаются.

Однако сюда писатели включаются чаще как символ каких-то политических направлений, чем, собственно, как художники. Ведь исследования перед нами исторические. И здесь самоограничение историка, не занимающегося, в отличие от самых проникательных критиков, ловлей момента возникновения и исследованием процесса начального формирования «революционных культов Надсона, Гаршина и Чехова» (с. 14–32), позволяет уже в самом начале книги отметить, что сборник памяти Гаршина, названный по его знаменитому и воспринимавшемуся как символ революции и сопротивления рассказу «Красный цветок», был составлен при участии «его близких друзей из семьи Герда», а в примечании мы как бы невзначай узнаем, что «дочь (А.Я. — Л.К.) Герда — Н.А. Герд — в начале 1890-х прошла полноценную школу социал-демократического подполья и агитации вместе с будущей женой Ленина Н.К. Крупской и в 1897 г. стала женой П.Б. Струве» (с. 20).

Так, фраза из предисловия о Ленине и Франке вместе с процитированным примечанием поместила имя Ленина, который вовсе не является героем книг М.А. Колерова, в плотные исторические клещи.

Еще одна особенность выпшедших томов серии книг М.А. Колерова в том, что он решается использовать для своих построений источники, которые не выглядят релевантными на поверхностный взгляд тех, кто не занят «археологическими» раскопками в истории русской мысли.

Так, сборник «Изнутри» назван по рецензии П.Б. Струве на эмигрантский сборник «Россия и евреи» 1923 г. с его пафосом покаяния и самобичевания представителей либеральной еврейской общественности. Характерно, что ярый противник подобного самобичевания В.Е. Жаботинский в речи на еврейском митинге в Петербурге сравнивал судьбу представителей своего народа, бросившихся в революцию, с судьбой пальмы *Attalea princeps* из одноименного рассказа Н. Гаршина. Это же название стало и псевдонимом Жаботинского, параллельным знаменитому *Altalena*. Не говорим уже о том, что дискуссии по национальному вопросу в журнале «Еврейская жизнь» велись на текстах Струве 1900-х гг. А уж знаменитая дискуссия между «Г-ном Ж.» и П.Б. Струве «о национальном лице» в 1908–1910 гг. и вовсе вызвала бурю в русской печати. Об этом не особенно идет речь в книгах М.А. Колерова, но этому посвящена специальная хрестоматия «Национализм. Polemica 1909–1917». 2-е изд. М., 2015, выпшедшая в серии «Исследования по истории русской мысли» и указанная в библиографии к «От марксизма...».

Таким образом, книга М.А. Колерова оказывается связующим звеном между целым рядом его и не только его изданий. Неудивительно поэтому, что в его работах встречаются и очень осмысленные ссылки на статьи В. Жаботинского, которого, как показывает опыт автора этих строк, не так уж легко ввести в актуальный контекст русской политической истории.

И именно в этот контекст вписывается републикация статьи Н. Бердяева «Памяти А.П. Чехова» (1904), приложенная к цитируемой работе.

Не меньший интерес представляет и большое исследование с характерным названием «Великая Россия» и «Ближний Восток» П.Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916) вкуче с публикацией статьи Струве «Международное положение и международная реакция» (1908).

Здесь автор указывает на то, что после 1916 г. Струве не возвращался к подобным проблемам и вовсе не хотел вспоминать об указанной серии своих статей, а главный американский биограф философа и политика Р. Пайпс очень ограниченно цитировал и почти не анализировал громадный цикл статей своего героя, который с трудом укладывался в позднейшие мемуарные и автобиографически окрашенные сочинения П.Б. Струве. Здесь важнейшее место занимает пропущенная Р. Пайпсом статья Струве «Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского (1914)». Подробный ее разбор находится на с. 94–97. Нам представляется, что это только начало. Достаточно обратить внимание хотя бы на литературный контекст этой статьи в прозаическом предисловии А.А. Блока к «Возмездию». Но в рецензии стоит указать на главный вывод исследователя: «Об особых чертах источника: газетная публицистика времени войны, откровенно говоря, и не могла быть собрана Струве ни в 1917 году, ни тем более позже. Очевидно, реальность и порождаемые ею надежды настолько изменились, что их переиздание имело бы разрушительные последствия для политической репутации Струве — настолько они были бы не адекватны свершившейся катастрофе. Однако их значение для реконструкции идей, руководивших русским либерально-государственным политическим идеализмом в годы Первой мировой войны вплоть до Февральского переворота 1917 года, весьма велико. Резюмируя, можно сказать, что его, политического идеализма, представления о мобилизованных ресурсах и оперативной мощи России, способности России к тотальной войне и идущей в военное время реформы управления страной, намерениях Британской империи в ее отношении оказались не соответствующими действительности».

Необходимо в связи с этим отметить удивительную трезвость М.А. Колерова по отношению к его герою. Такое встречается в наше идеологизированное время не часто.

И тут же уже довольно давняя работа М.А. Колерова «Почему П.Б. Струве отказался печатать “Петербург” Андрея Белого (1912)», где убедительно реконструируется злобный шарж Белого на раннего Струве. Забавно, что именно это, а не полное отсутствие интереса Струве к идеям «желтой опасности» или антисемитским пассажам Белого, а именно личный момент остановил Струве. Правда, это не помешало ему рекомендовать сыну, будущему классику эмигрантского литературоведения, прочесть этот роман среди главных сочинений эпохи.

Вообще М.А. Колеров не без юмора подобрал литературные сюжеты своей книги. Так, И. Бунин прекрасно пользовался изданиями Струве, а вот Цветаева лишь хотела повысить свой статус, пытаясь заинтересовать собой известного редактора. В свою очередь, не без рекомендаций сына Струве печатал А.М. Ремизова, больше из сочувствия к нему, чем из понимания его ценности как литератора.

И такой отстраненно-исторический подход к знакомым сюжетам способен существенно охладить пыл адептов каждого из названных авторов, когда каждый их герой неизбежно оказывается в центре мира, а его издатели и редакторы всегда не понимают гениев. Все это можно увидеть в очерке «Русские писатели и “Русская мысль” (1921–1923): Бунин, Ремизов, Цветаева» (с. 140–169).

Особое место в сборнике занимает проблема приспособления или сдачи и, естественно, гибели тех представителей русской мысли, кто, как Н. Устрялов с его сменовеховством, шел на откровенную жертву («Аще не умрет, не даст плода: власть и жертва Николая Устрялова». С. 170–230), или поразительное письмо А.П. Карсавина Г.А. Пятакову (с. 230–240), которое существенно корректирует классическую, как указывает М.А. Колеров, давнюю работу С.С. Хоружего о советском соблазне Карсавина.

Особое место в книге занимает очень своеобразный раздел II, где только некоторые из важнейших документов прокомментированы, как в разделе I. Понятно, что один из самых активных публикаторов архивных материалов своей профессиональной эпохи прекрасно знает, что и как комментировать. Но здесь, по-видимому, задача другая. Тот читатель, который внимательно прочел все предыдущие тексты книги «Археология русского политического идеализма», должен, по мысли автора, если мы ее правильно понимаем, понять все обертоны и самих документов, и логики их подбора безо всяких комментариев. Тем более что читатель у такой книги предполагается очень далеким от неофитства или восторженного постперестроечного «либерала», который ближе к политико-мистическому анархизму без берегов, чем к реальной истории либерализма или философского идеализма.

Попробуем на нескольких примерах показать или эксплицировать этот прием автора.

Обратим внимание на маленькую заметку П.Б. Струве из эмигрантского «Освобождения» о выходе в России сборника «Проблемы идеализма». (...) Понятно, что читателю сборника, где находятся названные выше работы Струве и о Струве, а также тому, кто уже видел в нескольких ссылках название специальной монографии М.А. Колерова об этом сборнике, никакой комментарий не нужен. Если бы мы имели дело с академическим собранием Струве (о котором и подумать-то страшно!), то и здесь можно было бы ограничиться указанием на соответствующие комментарии к тексту Струве в этом сборнике, к тому же еще и псевдонимом. Для читателя же, не знакомого с ситуацией, либо эта заметка не будет нужна вообще, либо он примет ее за чистую монету, как рецензию. В первом случае комментарий не нужен по очевидным причинам, а во втором — он не нужен потому, что ничего не дает ни читателю-неофиту, для которого сборник не предназначен, ни профессионалу, в таком комментарии не нуждающемся.

Названная статья Струве «обложена» двумя очень важными публикациями и о самом С. Булгакове. Статья «Булгаков в поисках русского национального Рафаэля (1900—1902)» рассказывает о неожиданно восхищенном, хотя и политически ангажированном восторге С. Булгакова перед довольно слабыми васнецовскими росписями киевского Владимирского собора, его постепенном дрейфе от этих национальных олеографий к росписям Нестерова и Врубеля, а в конце, как бы невзначай, указывает на средней руки брошюрку об этой росписи, где к именам Достоевского и Толстого, в ней упомянутым, Булгакову, как указывает М.А. Колеров, оставалось лишь добавить В. Соловьева, и национальный миф молодого марксиста начинал выстраиваться сам собой.

Важно и то, что автор сборника с чисто исторической объективностью и безо всякого чинопочитания спокойно указывает, что малоинтересная аполлетическая брошюрка о живописцах Владимирского собора «мог<ла> сослужить дурную художественную службу Булгакову, поскольку подвергал<а> испытанию его эстетический вкус, который ему, провинциальному мальчику из семьи священника и затем революционному студенту-юристу, было трудно удержать в стороне от банального среднего качества» (с. 247).

И тут же следует републикация статьи того автора «Два критерия» из «Сына отечества» № 113. 1905 г. с контраверсным по отношению к предыдущим материалам сборника названием «Молодой Булгаков о еврейском вопросе», где, разумеется, нет ссылки на статью о более позднем периоде творчества того же автора «Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским

погромам в 1920 году?» (с. 120–138). Равно как при цитировании взглядов В. Соловьева на указанный вопрос в их соотношении с взглядами раннего Булгакова не приводится крайне резкая оценка «Краткой повести об антихристе» в «промежуточной» статье Струве о «Проблемах идеализма», где мировоззрение Соловьева названо «богоматериализмом» или «материалистической теологией».

Так просто тонким соположением нескольких текстов задаются и серьезные историко-философские вопросы уже к нам, читателям классиков сегодняшнего дня, и даются четкие указания на те противоречия, которые определяют дальнейший путь или пути русских философов.

К тому же роду тонких сопоставлений относятся и публикации писем «недругам» В.В. Розанова, который «обеспокоил» своими посланиями Н. Михайловского в 1892 (!) г., как говорится, еще до всего, и того же П.Б. Струве, уже в 1917 г., т.е. после всего, чему посвящена основная часть книги. И здесь комментарий минимален. Нельзя пройти мимо наблюдения над происхождением знаменитых розановских примечаний к своим записям, типа «за нумизматикой», которые автор сборника возводит к поразительно близким приемам из «Умных речей, красных слов великих и невеликих людей», собранных П.К. Мартемьяновым и изданных уже вторым изданием в 1890 г. (с. 303–304).

Это же относится и к публикациям некрологов Г. Когена, отысканных М.А. Колеровым, где особенно важен некролог М.М. Рубинштейна, который теперь встанет в один ряд с аналогичным текстом Матвея Кагана и многочисленными работами и переводами о русско-еврейском неокантианстве, легко находимыми в «Исследованиях по истории русской мысли».

Традиционной для М.А. Колерова является и тема, которая как-то им была анонсирована как «предательство “Вех”», т.е. переход деятелей этого типа мысли к сотрудничеству с советской властью либо к предательству того самого «русского политического идеализма», которому посвящена вся книга.

В заключение заметим, что одним из определений соотношения между материализмом и идеализмом является мысль о том, что материя есть дух предыдущего уровня. Как, например, будущий дом уже был в идеальной мысли архитектора, а будущий фундамент уже содержится в яме для нулевого цикла.

Та археология, которую предлагает нам М.А. Колеров, предусматривает поиск материальных следов существования политического идеализма и идеалистов-политиков, которые либо лежат уже под могильными камнями, либо засыпаны слоями архивных документов, если не архивной пыли.

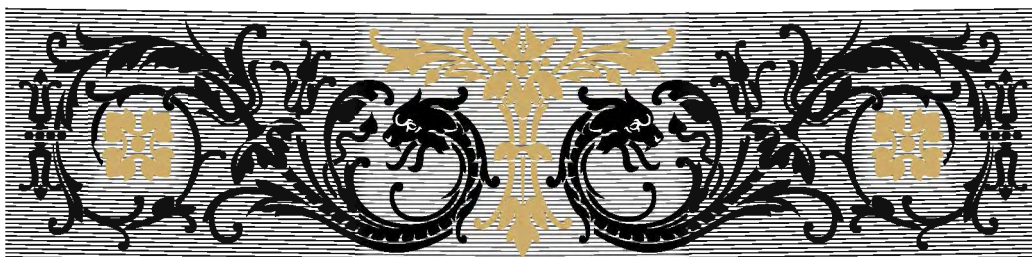
Но нужно это все извлекать для того, чтобы в любой момент истории можно было не ошибиться во всегда повторяющейся ситуации: «Эволюция русского политического идеализма — это одновременный поиск свободы и справедливости сквозь конфликты и превращения, отрицание партийности и мучительные попытки нового единства. Это непрерывный поиск правды и света. Но они конфликтны между собой. Их новое единство принципиально не партийно, но ставит участникам этого единства индивидуализмов внятные и прямо не произносимые условия единства, среди которых главное — самопреодоление политиканства. Но как же избавиться от политических искушений, как уединиться от борьбы и жертвы, когда гибнет твоя страна, наступает подготовленная тобой катастрофическая революция — и пожирает своих родителей и детей? И их "свет во тьме светит" — проходит сквозь классовую войну и политику. И та "тьма не объяла его", что на деле — тьма террора и ненависти. Археология русского политического идеализма, в его деталях, контекстах, истории понятий, личных притяжениях и отталкиваниях, обнажает прежде непредставимые толщи смирения и самопреодоления, возвращая героев в политический хор, делая их соучастниками до сих пор актуальной, творящей культуры и политической сцены».

Единственное пожелание автору при завершении этой серии трудов «ремесленного типа» дать их обобщенный именной указатель, который лишь подчеркнет единство и борьбу противоположностей материализма, идеализма и, разумеется, вполне практической политики, без археологии исторической и идейной базы которой наши историко-политические исследования будут обречены вечно решать «основной вопрос» философии...

 Кацис Леонид Фридович

доктор филологических наук, профессор учебно-научного центра
библейстики и иудаики Российского государственного гуманитарного
университета, заведующий учебно-научной лабораторией
мандельштамоведения ИФИ РГГУ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Подписка на журнал на второе полугодие 2019 г. возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 24652.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 27.03.2019 г. Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 23,5. Заказ №

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2019

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий номер
«Исторического вестника»
будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке